

Q

К Л У Б

КИМ КАРР

Автор: Ким Карп

Переводчик: Александра К.

Сверщик: Matreshka

С 27-летием меня.

Закари Флауэрс

Август

Давайте будем честными.

Ночные клубы не для танцев. И не для выпивки. Они для того, чтобы поохотиться и снять кого-нибудь.

Поэтому любой парень, который добровольно ожидает и парит в очереди свои яйца, платит смехотворную сумму, протискивается через битком заполненный бар, тратит двадцать пять долларов на «Ред Булл» и водку, кричит под рёв музыки, и всё это без каких-либо гарантий на потрахаться, выжил из своего чёртового ума.

В смысле, да ладно!

Дешёвый бар за углом имеет столько же потенциала, как и любой выпендрёжный клуб, если не больше, с его гораздо менее разборчивыми клиентами и дешёвыми напитками.

Рот Нейта растягивается в огромной ухмылке.

— Мы прибыли.

— Да неужели. — Если немного взволнованное сообщение Нейта не предупредил меня, то мигающие лампы неоновой вывески с названием «Танцевальный зал» разумеется, сделали это. Гребаная «А» практически ослепляет меня. Один взгляд из окна, и я готов развернуться и поехать домой. Как и предполагал, очередь километры и километры длиной. Я рассчитываю на быстрый уход с более чем дружелюбным «Пока», но что-то заставляет меня остаться. Нейт замедляет машину в пробке, хватая меня за плечо.

— Чуть не забыл. С днём рождения, друг.

Дергаю плечом, сбрасывая его руку с себя.

— На хрен дни рождения. До сих пор не могу поверить, что позволил тебе уговорить меня на это.

Генеральный директор «Скайлайн Холдингс», который также является моим лучшим другом, паркует свой модный «Рендж Ровер» на обочине.

— Давай, мужик, не каждый день парень становится на год старше.

Да, двадцать семь, какой охренительный год, чтобы ждать его с нетерпением.

Поколение за поколением многие члены моей семьи умирали — не все, но их достаточно, чтобы внушать беспокойство — в возрасте 27-ми лет. Мой прапрапрадядя прыгнул с крыши здания во время депрессии, дочь моей прапрадеды утонула в озере, мой дед погиб во Вьетнаме во время войны, а моя мать скончалась от передозировки.

Всем было по 27 лет.

Все умерли трагическим образом.

На основании этих данных, есть хороший шанс, что я могу быть следующим.

Так что, да, как я уже сказал — охренительный год.

— Ты знаешь, как говорят, не так ли Зи? — восторженный голос Нейта выводит меня из моего мрачного расположения.

— Думаю, да Нейт. Но, пожалуйста, скажи мне еще раз. — Я пытаюсь подавить саркастический тон, который сочтется из моих слов, но это не так просто.

Один придурок, одетый в красную куртку дергает дверцу Нейта, чтобы открыть, и Нейт практически орет:

— Живи полной и активной жизнью!

Моя дверь широко открывается, спустя несколько секунд. Я выхожу, засовывая руку в карман, чтобы достать пачку «Мальборо», нуждаясь в быстром перекуре, прежде чем мы войдем в зону для некурящих.

— Я надеюсь это то, чем ты занимаешься, потому что я мог бы просто убить тебя после того, как постою в этой очереди.

Нейт вручает парню из обслуживающего персонала деньги и ждет чек.

— Пожалуйста, ты знаешь, что это не про меня. — Я не могу сдержать свою улыбку.

— Мне следовало об этом догадаться, — бормочу я, засунув сигарету между губ. — Как ты смог повернуть это?

Он пожимает плечами.

— Моя подруга работает поблизости, и она хочет меня с кем-то познакомиться.

— Она? — Поигрываю бровями.

Нейт просто качает головой.

Какого черта.

Как правило, Нейт относится к типу деловых и азартных парней, поэтому приход в клуб не соответствует его предпочтениям. Прыжки с парашютом, гоночные машины, поездка в казино на Багамах — это больше его ритм жизни. Мне было интересно, что заставило его прийти сюда, теперь я знаю.

Девушка.

Нейт и девушка.

Моё любопытство задето. Я знаю его пять лет и никогда не видел с одной девушкой дважды. На самом деле он тип парней — полюбил и бросил. Над вспышкой от зажигалки, я рассматриваю своего друга, пока он крутится около автомобиля. Нейт Хэнсон — чудо природы. Умник и бог — всё в одном. Парень, который получает всё, что хочет, даже не пытаясь. И как ни странно, он даже не пользуется, как следует, всеми красивыми женщинами, которых у него полно. Я даже не могу вам сказать, когда он последний раз трахался.

Ошеломляет.

Я — полная противоположность. Когда мне предлагают, я беру то, что могу получить. Глубоко затягиваясь, позволяю дыму медленно скользить из моих легких. Нейт встречается со мной на тротуаре, я не могу не сказать ему:

— Знаешь, я на самом деле с нетерпением жду сегодняшнего вечера.

Он смотрит на меня.

— Рад слышать это. Теперь пошли внутрь и начнем праздновать. — Я закатываю на это свои глаза.

Наслаждаться началом года, в котором я могу умереть?

Это трудно сделать.

Мысль о новых начинаниях задевает что-то глубоко внутри меня. Я смотрю прямо на

него.

— Начиная с сегодняшнего вечера у меня новый девиз.

Он приподнимает бровь.

— О, да? Позволь услышать.

— К чёрту — «Живи полной и активной жизнью»! Как насчет: «Живи так, будто ты умираешь?»

Я не рассказал Нейту, что означает этот год, но вскоре сделаю это. По-видимому, не обеспокоенный моим изменением нашего давнего девиза, он ухмыляется мне.

— Звучит как отличный план. Давай начнем.

В этом-то и проблема, у меня нет плана, но впервые в моей жизни он мне нужен. Нейт направляется к входу, игнорируя тот факт, что конец очереди находится в километрах в другом направлении.

Со свистом выдыхаю, когда толпа цыпочек, раскачивая телами, проходит мимо, из-за чего поворачиваю голову к ним.

Я люблю женщин, каждую из них.

Господь знал, что делал, когда создавал их.

На самом деле, я думаю, если со мной что-то случится, трах был бы единственной вещью, по которой я бы скучал больше всего, то есть, если вы можете по чему-либо скучать после того, как умрете.

Нейт смотрит на меня.

— К чему ухмылка?

Дергаю головой в сторону, и я указываю позади нас.

— Ты видел их только что? — Он пожимает плечами, как будто не имеет гребаного представления, о чём я говорю. — Неважно. В последнее время я много размышлял и думаю, может быть, это будет год, когда я наконец-то остепенюсь.

— Ты чокнутый. Знаешь об этом?

Я не могу не смеяться.

— Никогда не отрицал этого.

— Кто знает, Прекрасный принц? Может быть, внутри ты встретишь любовь своей жизни?

У меня поднялось настроение в связи с переменами моих взглядов на жизнь, и я отвечаю:

— В том-то и проблема. Как выбрать единственную, когда я люблю их всех?

Он ускоряется.

— Пошли. Не отставай от меня, ладно?

Я выдыхаю последнюю затяжку, и перед тем, как догоняю его, ищу место, чтоб потушить сигарету. Идет «нобка» с ногами длиннее, чем у любой супермодели.

— Бл*дь, она горячая.

Нейт качает головой.

— Ты ещё тот озабоченный убудок. К чёрту поиски твоей Золушки. Согласись, ты никогда не мог довольствоваться только одной.

— Да. Ты, вероятно, прав. Я не виноват, что нет ничего похожего на прикосновение женщины. И, по крайней мере, я спешу полюбоваться тем, что может предоставить этот прекрасный город, в отличие от некоторых людей, которых я знаю.

Он стреляет в меня взглядом.

— Трата времени, мужик.

Я хватаюсь за свою грудь и отступаю назад.

— Да. Ты говорил это много раз. Твоя романтическая философия всегда разбивает моё сердце.

— Пора привыкнуть. Ты должен прекратить сейчас поиски, потому что если ты действительно найдешь кого-то, в итоге она только разобьет твое сердце.

Правда в том, что только я разобью её сердце, если моё чертово наследие сбудется. Но я уже решил, что не могу прожить этот год, думая таким образом. Вместо того, чтобы прибедняться, говорю ему, как я отношусь к его взгляду на любовь.

— Ты убиваешь меня, мужик, правда.

— Это даёт тебе тему для разговора.

Мой мобильник вибрирует, и я вытаскиваю его из кармана. Я смотрю на экран и не могу скрыть свою улыбку. Это текст с прикрепленной к нему фотографией моей сестры с шоколадным тортом на день рождения. Шоколадный, потому что это её любимый, и она будет единственной, кто его съест.

Нейт бросает взгляд.

— Твой перепихон на ночь?

Я пялюсь на него.

— Нет, это моя сестра, которая поздравляет меня с днем рождения.

Зои позвонила мне около пяти раз за сегодня. Обычно я возвращаюсь домой на свой день рождения, но постоянное управление галереей означает, что я не могу поехать в этом году.

Он хватается мой телефон, чтоб посмотреть на фото.

— Почему это она никогда не приезжала навеситить тебя за все годы нашего знакомства?

Я пожимаю плечами.

— Мими большинство времени болела, так что, мне было проще приехать домой.

Зои является единственным самым важным человеком в моей жизни. Она — солнечный лучик, который ты можешь видеть через облака. Она — свет в конце тоннеля. Она всегда верила в меня, как никто другой. Также, она всегда помогала мне двигаться вперед во времена, когда и я думал, что, возможно, мне не удастся сделать это.

Я обязан ей всем.

Всё, что я хочу для неё, — чтобы она была счастлива.

Она заслуживает это.

Я надеюсь, вскоре сестра обретет счастье, как только все дерьмо, о котором она должна волноваться, уляжется, и она закончит свою учёбу. Я должен найти способ помочь ей в скором времени. Несмотря ни на что, перед её именем будет стоять сокращение «Д-р» (прим. перев. доктор). Я позабочусь об этом в любом случае. Я подвел её уже много раз в своей жизни, но ни в этот раз.

— Торт ко дню рождения милый, но пришло время отложить сладкое в сторону и отпраздновать по-настоящему, — говорит Нейт.

Я стреляю в ответ немного с сарказмом.

— Предвкушение меня убивает.

— Знаешь что, Флауэрс? Ты — нечто. — Он смеется. Я смеюсь вместе с ним и позволяю блуждать своему взгляду. Нейт терпеливо ждет цыпочку перед ним, одетую в очень короткую юбку и на слишком высоких каблуках, которая оплачивает свою сумму в

пятьдесят долларов. Я бегло осматриваю её, но когда она поворачивается, и я вижу её блузку, застегнутую на все пуговицы, отвожу взгляд.

Она горячая, но не мой тип.

Мы находимся в самом центре Саут-Бич на красочной Вашингтон-авеню в Майами. «Танцевальный зал», должно быть, самый крутой клуб в округе. Эта толпа нереальна. Сотни людей находятся в тревожном ожидании на улице, чтобы попасть внутрь. И у нас получается зайти туда. Но здешние цыпочки — не для меня. Надменные, стервозные женщины — единственный тип, который я терпеть не могу. И я вижу их за километр.

Когда мы наконец-то достигаем своей очереди, бархатная веревка блокирует нас от того, чтобы пройти дальше.

— Скажи Джереми Маккуин, что я здесь, — говорит Нейт строгим ровным голосом.

Здоровенный, мускулистый мужчина осматривает его сверху вниз.

— Ваше имя будет...?

— Натаниэль Хэнсон.

Мужчина поднимает голову.

— Сэр, приятно встретить вас.

Сэр? Я впечатлен.

Нейт вытаскивает свой бумажник.

Вышибала отклоняет его движением руки.

— Ваши деньги не приветствуются здесь.

Нейт кивает.

— Признателен, но в этом нет необходимости.

Перед тем, как вышибала снимает с крючка бархатную веревку, он смотрит прямо на меня и ворчит:

— В следующий раз наденьте галстук.

Я игнорирую его. Похоже, что я когда-нибудь носил галстук? Когда он не позволяет нам пройти, я сдаюсь и киваю.

Чувак наконец-то отцепляет веревку, и я быстро двигаюсь внутрь. Я смотрю на Нейта, одетого в черную на пуговицах рубашку и дорогие черные слаксы.

— Ты не носишь, чертов галстук.

Он пожимает плечами.

— Просто забудь об этом и получай удовольствие.

Я забиваю на это и оглядываюсь вокруг, на самом деле, чувствуя, будто приезд сюда — это то, что мне нужно, чтобы начать мой новый год, который может быть моим последним.

Я никогда не видел подобного интерьера. Есть своего рода лобби со старомодной, огромной люстрой. Арки в баре покрыты зеркальными стеклянными панелями со светодиодами. Есть высокий потолок над танцполом, и область около него заполнена кожаными диванами и декоративными каминами.

— Мило. Я прав? — Нейт просматривает толпу.

— Да. Это место кишит цыпочками и не только пафосными. — Клуб — это сиськи и ноги от стены до стены. Меня окружают платья с глубоким вырезом, короткие юбки и высокие каблуки.

Гребаные небеса.

Он приподнимает бровь.

— Я знал, что тебе понравится. Я возьму нам выпивку. Что предпочитаешь?

— Пиво, на данный момент. Спасибо, мужик. Я просто буду здесь проверять сцену, ожидая своего шанса задуть одну или две свечи.

Он качает головой перед тем, как уйти. Его шаг полон уверенности и, как всегда, он не спешит. Мы оба ростом около двух метров, но я гораздо объемнее. Тем не менее, пусть это не вводит вас в заблуждение. Я мог бы тягать железо, но всю свою жизнь Нейт обучался боевым искусствам. Хотя я никогда не признаю это, он мог бы выбить из меня дерьмо.

Музыка гремит, пока я осматриваюсь. Повсюду парни в костюмах, большинство из них опрятные как Нейт. Я выгляжу как белая ворона в джинсах, рабочих ботинках и черной футболке.

Будто меня это заботит.

Группа из симпатичных девушек стоят вместе. Я концентрируюсь на них, до тех пор, пока не обращаю внимания на ту, которая носит корону или подобную херню.

Слишком много девчачьих замашек для меня.

Мой взгляд переходит к трио из цыпочек.

Одна из них одета в кожу.

Эта мне больше подходит.

Я как раз устанавливаю зрительный контакт, когда хриплый женский голос шепчет мне на ухо:

— Ты здесь новенький?

Моя голова поворачивается. Зрелище полного великолепия стоит рядом со мной — экзотическая женщина с темными волосами, темными глазами и смуглым цветом кожи, которая практически сияет. У нее рубиновые красные губы, высокие скулы, и она выглядит как Элизабет Тейлор из «Клеопатры». Мими заставила меня смотреть этот фильм, по крайней мере, раз пятьдесят — он был её любимым.

Я не могу пошевелиться.

Не могу разговаривать.

Я полностью захвачен, околдован.

— Эммм... Да, я здесь впервые, — удастся мне сказать.

— Я всегда могу отличить новичка.

Сногсшибательная девушка, которая, не могу поверить, всё ещё разговаривает со мной, одета в блузку с низким вырезом и облегающую бедра юбку.

Горячая. Совершенно, чертовски горячая.

Обжигающее тепло идет прямо к моему члену.

Охренеть.

Мой член пульсирует, и мое сердце бьется с удвоенной скоростью.

— Ты часто сюда приходишь?

Срань Господня! Я просто использовал самый старый подкат?

Она смеется.

— Я часто здесь бываю. Раньше здесь никогда не видела никого похожего на тебя.

Моё качание головой едва заметное. Если бы она являлась кем-то другим, я бы в ответ сказал какое-нибудь дерьмо, либо ушел прочь.

— Я не имела в виду то, как это прозвучало.

Я пожимаю плечами.

— Я понимаю.

Она перекидывает свои волосы на одну сторону.

Именно тогда я замечаю её бейджик.

На нем напечатано «СТИЛИСТ».

— Расскажи мне, ты здесь работаешь?

Её улыбка угасает, пока она возится с тем, чтобы снять бейджик.

— Нет, но я работаю рядом и забыла, что ношу это.

— Ох, да? Чем ты занимаешься?

Её глаза впериваются в мои.

— Это сложно.

Мои брови сведены вместе.

— Загадочная.

— Может быть.

— Да Ну?!

Раздумывая, она прикусывает губу, но прежде чем может ответить, мне пихают пиво, и человек, который держит это пиво, оборачивает свою руку вокруг плеча моей девочки и целует её. Каждый инстинкт в моем теле оживает током и желанием врезать, убить ублюдка, рёв гремит в моих ушах, пока я не слышу глубокий, знакомый голос.

— Я вижу, ты познакомился с Жизель? — Нейт ухмыляется мне.

Твою мать. Он знает её!

— Зи, это Жизель. Жизель, это мой друг Зи и сегодня у него день рождения.

— С днем рождения. — Она улыбается мне, и я тотчас же знаю, чего хочу себе пожелать. Жизель лучше не быть девушкой Нейта.

Я протягиваю руку, но когда она кладет свою в мою, у меня появляется острое желание поцеловать, вместо того, чтобы пожать её. Так я и делаю.

Мои губы на её коже разжигают огонь внутри меня.

Жизель дарит Нейту знающий взгляд.

— Джереми в баре. Вон там, — указывает она. — Высокий. В кожаной куртке.

Он смотрит поверх своего плеча.

— Спасибо. Извините, я на минуту.

Я делаю глоток своего пива.

— Давай зайдем столик.

Она кивает.

— Следуй за мной. В задней части клуба тише.

Её походка такая же очаровательная, как и всё остальное в ней. Она легко пробирается сквозь толпу людей к высокому столику в углу. Когда мы садимся, она скрещивает покрытые чулками ноги таким образом, что я вижу мельком её оголенную кожу и чуть выше подвязку. Мои глаза расширяются.

У меня появляется острое желание дотянуться и погладить её там. Я с трудом могу себя остановить. Я перевожу свой взгляд на её лицо.

— Что ты говорила?

Она смеется, очевидно, заметив мою рассеянность.

— Как насчет того, что мы начнем с тебя?

— Хорошо. Что ты хочешь знать?

— Какое твое настоящее имя?

— Закари Флауэрс, но мои друзья зовут меня Зи.

— Зи? Не Зак?

Я киваю.

Она хихикает.

— Мне больше нравится Зак. Ты не возражаешь, если я буду тебя так называть?

— Не-а. Называй меня как хочешь. Только моя сестра называет меня Заком.

Она улыбается.

— Итак, Зак. Чем ты зарабатываешь на жизнь?

Я улыбаюсь в ответ, мне нравится форма её губ, звук голоса.

— Сейчас я управляю галереей отца Нейта.

Она делает глоток своего напитка, затем облизывает губы, позволяя своему языку выскальзывать и слизывать алкоголь.

— Так ты художник?

Я киваю, слишком поглощен тем, что она делает, чтобы говорить.

Я пялюсь. Я знаю, что это так.

Однако я ничего не могу с этим поделать. Её губы похожи на прекрасный поцелуй, оставленный на салфетке — красные, великолепные и в форме сердечка. Ее тело двигается с уверенностью, которую я никогда не видел в женщине.

Официантка идет с подносом шотов и ставит их в центре столика.

— Мы не заказывали это, — даю знать официантке.

Она пожимает плечами.

— Тот парень заказал, — она указывает на Нейта. — Так что, берёте это или нет?

— Да, — отвечает Жизель прежде, чем я. Официантка уходит прочь, и Жизель поднимает один из шотов.

Я делаю то же самое.

— За новых друзей.

Она поднимает палец вверх.

— Нет, подожди.

Я задерживаю свою рюмку в воздухе.

Она чокается об мою.

— С днем рождения.

Я медленно ей киваю, впитывая каждый её сантиметр, и ставлю шот обратно, понимая, что, когда она сказала: «С днем рождения», я не думал о своей судьбе, своем наследии или о клубе.

Всё это время я думал о ней.

— Твоя очередь. Скажи мне, что означает надпись на твоём бейдже, — настаиваю.

— Хम्म... Это нелегко.

— Ну, попробуй.

— Скажем так, если бы ты работал со мной, подходящее для тебя прозвище было бы Художник.

Художник. Мне нравится, как это звучит.

Я приближаюсь.

— Расскажи мне ещё.

— Что ты хочешь знать?

Мой новый девиз звенит в моих ушах: «Живи так, будто ты умираешь».

И я решаю делать именно это.

— Всё, — шепчу я.

Сначала слова

Доктор Джулия Рэймонд

В конце мая следующего года.

Постарайтесь не быть наивными.

С точки зрения развития фобии, мы знаем, что её можно получить или привить. Если фобия получена, обычно это обусловлено тем, что происходит нечто, с чем человек не смог смириться. Что бы это ни было, оно внедряется в подсознание.

Если фобия привита, это, как правило, из-за условного рефлекса или получения дезинформации. Например, ребенку можно сказать: «Берегись собак. Они могут укусить и убить тебя». Если ребенок уже имел тенденцию бояться или беспокоиться, он, скорее всего, будет бояться собак.

Зои Флауэрс страдает танатофобией — патологическая боязнь смерти, или, по крайней мере, это был мой первоначальный диагноз, когда она обратилась ко мне пять недель назад.

Я в этом уже не уверена.

Я была заинтригована с первой минуты, когда она вошла в мой кабинет. С ней было что-то не так. Я видела её как пациентку несколько лет назад, когда она пыталась работать над своими эмоциями к своей матери. Теперь она женщина, всё такая же вежливая, умная и красиво одетая, но когда она пришла, ее выражение лица было печальным от отчаяния.

— Итак, Зои. Что привело вас сегодня ко мне? — как только я спросила, она устроилась на своем месте. Она не волновалась или извинялась, как большинство моих пациентов. Она посмотрела в мои глаза и сказала.

— Есть очень хороший шанс, что я могу умереть в течение следующего года, и мне страшно. В некоторые дни я так зла из-за этого, но в другие просто чувствую себя потерянной. Я здесь потому, что хочу, чтобы вы помогли мне смириться со своей судьбой, и так я смогу выбрать какое-нибудь направление для дальнейшей жизни.

Я устроилась на своём месте, взяла ручку из держателя на столе и установила её возле моего блокнота. В своих мыслях я уже диагностировала её — классический случай танатофобии.

— Что заставляет вас думать, что вы можете умереть?

— Мой брат умер несколько недель назад.

Я ничего не сказала и терпеливо ждала.

— Прежде, чем вы подумаете, что у меня танатофобия, я хочу сказать вам, мой страх не иррациональный.

«Типичный ответ», — подумала я.

— Продолжайте.

Из её глаза просочилась слеза, и я вручила ей пачку «Клинекс».

— Несколько лет назад моя двоюродная бабушка рассказала нам с братом, что наша семья была проклята, что из поколения в поколение члены нашей семьи трагически умирали молодыми в возрасте двадцати семи лет. Она дала название этому «Клуб 27», и сказала, что её дочь присоединилась к нему наряду со многими другими родственниками. Мой брат и я думали, что она была сумасшедшей. Хотя мы понимали, что наш дедушка умер в двадцать семь лет — он погиб, выполняя свой долг, и наша мать умерла в двадцать семь лет —

скончалась от передозировки. Мы не относились с большим доверием к её заявлению. Это звучало абсурдно.

«Фобия привита», — подумала я про себя.

Я написала в своём блокноте цифру 27.

— Вы сказали, ваш брат ушел из жизни недавно. Сколько лет ему было?

В это время она отвела свой взгляд.

— Ему было двадцать семь лет.

Фобия получена, я записала.

— На прошлой неделе был мой день рождения, мне исполнилось двадцать семь.

Это привлекло моё внимание.

— Ну, это, разумеется, выглядит совпадением. Давайте вернёмся немного назад. Вы сказали, что ваша двоюродная бабушка первая привлекла ваше внимание к этому... явлению. Давала ли она вам больше информации о семейной истории, проблемах психического здоровья, что-нибудь, на что вы могли бы пролить некоторый свет?

Небольшая хмурость появляется на лице Зои, когда она обдумывает.

— Нет. Я была тогда всего лишь подростком. И, как я говорила, думала, она была сумасшедшей. На самом деле, я никогда не обращала внимания на то, что она нам рассказала, пока не умер мой брат.

Как ни смотри, это не классический случай.

С тех пор, как Зои вернулась в мой кабинет, я провела встречу за встречей, обсуждая этот парализующий синдром, который помешал ей в выполнении таких простейших задач, как планирование приготовления ужина на следующий день, и более сложных, таких как, оформление её заявления на докторскую степень или отъезд в Майами, чтобы разобраться с вещами своего брата.

Она потеряна.

Я провела массу времени, самостоятельно исследуя её состояние и обсуждая это со своими коллегами за круглым столом. Мы согласны со всем, о чём она мне рассказала, её страх не иррационален.

Как безумно бы это ни звучало, основываясь на предсказаниях, её страх логичен.

Хотя установленный курс лечения не работал.

Она продолжала оставаться брошенной на произвол судьбы.

Её сны тоже становились всё хуже. Ей снилось, что она умирает самым простым способом. Это всегда результат того, чем она занималась накануне. Это было одним из препятствий на пути к её планированию. Я дала ей упражнения, чтобы расслабить её тело и освободить её разум от попадания в ловушку собственных мыслей. Тем не менее, спустя три недели, сны по-прежнему одолевали ее.

Мне пришлось сменить план лечения и использовать нетрадиционные методы. Вместо того чтобы сосредоточиться на том, что может произойти в будущем, я решила пойти путём «принятия своей судьбы». Не с точки зрения смерти, а скорее с точки зрения жизни.

Однако я боюсь, что всё это нашло своё отражение в решительности внутри этой молодой женщины. Её страх, кажется, утих и развился в смирение.

Не то, на что я надеялась.

Когда я поняла это, мой курс лечения менялся вновь, и мы принялись за работу, возвращаясь к нормальной жизни. Мы начали с установки небольших целей: что бы она хотела осуществить завтра, на следующей неделе и даже осенью. Ежедневные занятия

заставляли её перейти к пункту, где сейчас она планирует свою готовку, соглашается на встречи на следующий день, и в конце лета возвращается к своей работе.

Это был большой шаг, достойный того, чтобы отпраздновать.

Всё ещё существует темнота внутри неё, до которой, мне кажется, я не могу добраться. Она не позволит печали, которая так глубоко проявилась, всплыть на поверхность. Я боюсь, что это сочетание событий, которые произошли в её детстве и самых последних её трагедиях.

Она хрупкая.

Однако вчера у нас произошел наиболее значительный прорыв.

— Я заказала себе билет в Майами этим утром, — сказала она.

Я сцепила руки вместе.

— Что ты думаешь об этом?

Зои глубоко вздохнула.

— Я чувствую себя хорошо по этому поводу. Я хочу увидеть, где жил мой брат, и какая жизнь была у него.

— Давай обсудим поездку. Чего ты надеешься достигнуть, пока будешь находиться там?

— Это может звучать странно, но я хочу доказать себе то, что как он прожил свою жизнь — того стоило, и думаю, что это поможет мне двигаться вперед.

Моя улыбка засияла гордостью. Я ничего не могла поделать.

— Я тоже, — сказала я ей.

Однако, в то же время, я боялась, что взваливая на себя одновременно слишком многое, она может навредить своему эмоциональному состоянию. Она не помешанная, но она хрупкая. Она чувствует, что потеряла смыслы жизни, и это больше всего меня беспокоит. Если она не цепляется за смысл жизни, её страх, касающийся Клуба 27, может стать самореализовавшимся предсказанием.

— Спасибо вам за всё, доктор Рэймонд.

Она вывела меня из моих размышлений.

— Ты не обязана благодарить меня, но, пожалуйста, позвони мне, если я тебе понадоблюсь. Я назначила тебе встречу в моём офисе через десять дней.

Эта красивая молодая девушка каким-то образом стала особенной для меня, и я надеялась на то, что этот следующий шаг должен стать прорывом; она должна была закрыть глаза на то, что может быть, и сосредоточиться на настоящем. Ей нужно было жить своей жизнью и не заикливаться на неуверенности.

— Не забывай сосредотачиваться на своём внутреннем голосе. — Я напомнила ей, когда она открыла дверь. Зои улыбнулась.

— Я не забуду.

Внутренний голос может являться источником удивительной силы, мудрости и руководства, если вы в состоянии услышать его.

К счастью для Зои, она может.

1 глава

Ящик Пандоры

Зои Флауэрс

В темноте это больше похоже на ящик Пандоры, чем на то место, где когда-то жил художник. Расположенный между двумя зданиями, каждое из которых размером с арену и освещается как футбольные поля, этот, значительно меньший дом, находится в темноте и одиночестве. Никаких машин перед домом, никого, проживающего внутри.

Картина, которая появляется сквозь дождь, не отражает хоть какую-то часть Зака. Но что-то от моего брата должно быть здесь. Хочу мельком увидеть хотя бы маленькую часть, оставленную для меня.

Прилив тоски поражает быстро.

Моё горло сжимается.

Я не могу дышать.

На лбу выступает пот, несмотря на то, что в машине прохладно. Это не один из моих приступов астмы — это горе подняло голову. Горе, с которым я пыталась справиться дома на всех тех сеансах терапии. Горе, с которым я знаю, должна смириться. Но мне трудно это делать, также как принимать свою судьбу.

Судьба — это скрытая власть, которая управляет жизненным путем. Даже если это путь, на котором не хочу больше оставаться, я не уверена, что могу отклониться от него.

Он владеет мной — я не владею им.

Моя судьба вполне может быть такой же неизбежной, как была судьба моего брата.

Я почти с этим смирилась.

Почти.

Сделав глубокий, успокаивающий вдох, я закрываю глаза, требуя от своего страха держаться подальше.

Я сильнее, чем это.

И всё же, в темноте, я не чувствую себя сильной.

Мои мысли циркулирует с печалью, и я тут же быстро открываю глаза, надеясь искоренить это чувство страха. На мгновение мои глаза трепещут, прежде чем я наконец-то в состоянии наклониться вперёд и взглянуть поближе.

Благодаря освещению фар автомобиля, я смотрю через лобовое стекло на дом, которого слишком долго избегала.

И в этот момент всё, что касается имущества, оживает. Это произведение искусства — как будто мой брат нарисовал для меня картину, чтобы облегчить мои страхи, как он делал, когда мы были детьми.

Она там, небольшая его часть, оставлена для меня, чтобы увидеть. Не его тело, превращенное в прах, не памятник на кладбище, носящий его имя, только часть того, кем он был в течение жизни, которую здесь вел.

Зелёные кирпичи по бокам подъездной дорожки показывают его модные предпочтения, парусиновый гараж треугольной формы, демонстрирует любовь к абстрактному, и современный, тропический дизайн дома с его крышей в испанском стиле — само по себе произведение искусства, достойное того, чтобы висеть на стене галереи.

Да, теперь я это вижу.

Я могу видеть, как он живет здесь.

Довольный той жизнью, которую вёл перед смертью.

Это то, на что я надеялась.

Когда я опускаюсь вниз, потёртое кожаное сиденье, кажется, поглощает меня целиком,

как печаль смешивается с облегчением и сковывает каждую вену внутри моего тела. Не то, что я представляла, но чем дольше я смотрю, тем больше вижу, что он живёт здесь.

Это прекрасно.

Это он.

Внезапно, я застаеваю между воображаемым состоянием, в котором пребывала, отказываясь принимать правду и реальностью моего положения. Окончателность делает меня неподвижной — я здесь, но его нет, и всё, что я могу делать, сидеть и не двигаться.

— Вы сказали 302-ой Южный Кокосовый Переулок? — спрашивает водитель через плечо.

Мои глаза встречаются с его в зеркале заднего вида.

— Да, это то самое место. Просто, подождите немного, пожалуйста.

Дрожащими пальцами я дотягиваюсь до ручки и пытаюсь собрать мужество для того, чтобы, по крайней мере, открыть дверь. Я просто не знаю, смогу ли сделать это. Я думала, с течением времени станет легче, но, возможно, прошло его недостаточно.

Водитель прочищает горло, чувствуя моё опасение.

— Хотите, чтобы я отвёз вас куда-нибудь ещё?

Я протягиваю ему кредитную карту.

— Нет. Это то, ради чего я приехала в Майами.

Он возвращает мне карту, и я тяну на свое плечо ремень небольшой дорожной сумки и выхожу. Повсюду хлопает вода, но я останавливаюсь на минуту и смотрю на небо.

Проходят мгновения.

Секунды.

Минуты.

Я понятия не имею.

Как только собираю всё своё мужество, я переключаю свой взгляд обратно вниз и замечаю балкон. Признаться, для меня он слишком мрачный, но не могу представить, что он был построен для оформления чего-то красивого, на что стоит обратить внимание. Влага наполняет мои глаза, и мои слезы смешиваются с дождем, поскольку мысль о Заке, делающего зарисовки оттуда, приходит на ум.

Водитель вручает мне мой чемодан и закрывает багажник, прежде чем запрыгивает обратно в машину. В этот момент небо, кажется, готово разверзнуться, и перед тем, как застегнуть пальто, я промокаю насквозь. Торопясь вперед, останавливаюсь у белых металлических ворот. С легким толчком вхожу в тропический рай. Деревья растут вдоль прохода, и стена из природного камня ограждает участок. Дорожка ведет к нескольким ступенькам со стеклянной дверью наверху.

Иду медленно, очень медленно, теперь, когда я оградила себя от дождя, я слишком быстро оказываюсь у нижней части лестницы.

Я не готова к этому.

Чувствуя себя потерянной девочкой, той, которая ждет, что ее брат возьмет за руку, приведет на детскую площадку покататься на качелях. Не могу ничего поделать, но хочу, чтоб он был здесь, рядом со мной.

Вдыхаю и выдыхаю, соленый запах воздуха захватывает мои чувства. Должно быть, океан очень близко. Интересно, песок, который его окружает, такой же, как песок на пляже, на который Мими брала меня и Зака каждое лето.

Господи, как же мы любили ездить туда.

Мы гуляли по пирсу, плавали в озере, катались на каруселях, и ели знаменитое мороженное «Эбботт». Рядом с местом, где мы жили, Канандейгуа, Нью-Йорк находился пляж, но там не было «Эбботт». Зак настолько сильно любил мороженное с ежевикой, что получал две порции.

— Мне нужно запастись до следующего лета, — говорил он.

Его так редко что-либо делало счастливым, держу пари, что Мими купила бы ему сотню мороженого в вафельных стаканчиках, лишь бы только его счастье продлилось.

Визг шин по главной дороге вырывает меня из моих воспоминаний.

На трясущихся ногах я медленно поднимаюсь по лестнице. Дотягиваюсь до ключей Зака, которые он случайно оставил дома, когда навещал меня на Рождество. Я бы отправила их по почте, но к тому времени, как обнаружила брелок с ключами, ему сделали новые.

Помню день, когда Зак сказал мне, что он купил дом. Я была рада, что у него было всё нормально, и что он был счастлив.

«Наконец-то», — подумала я.

Мне требуются еще несколько секунд набраться смелости, чтобы открыть дверь. Первый ключ, который я вставляю, не срабатывает, также не срабатывает ни второй, ни третий.

Порыв теплого ветра треплет мой черный плащ и надувает нейлон как палатку-признак приближающегося тропического шторма, про который упоминал водитель, прежде чем я отключилась от всего.

В то время как нетерпение смешивается с волнением, я задаюсь вопросом, кому позвоню, если не смогу попасть внутрь. Нейт, друг Зака, станет хорошим выбором. На протяжении многих лет мы разговаривали по телефону, если он был рядом, когда я звонила своему брату. Он также звонил мне после смерти Зака. Он сказал, что позаботится обо всем до тех пор, пока я не смогу приехать сюда. И мы переписывались по электронной почте несколько раз последние семь недель. Фактически, я написала ему до того, как села в самолет сегодня днем, сообщая ему, что приезжаю. Но последний раз, когда я проверяла, он еще не ответил.

Я удивлена.

Он всегда сразу же отвечал на мои предыдущие сообщения. Может показаться странным, я чувствую, будто знаю его хорошо, даже несмотря на то, что мы никогда не встречались.

Идет сильный дождь, и я оглядываюсь в поисках запасного ключа, который, возможно, мой брат спрятал. Горшок терракотового цвета справа кажется подходящим местом, но я не могу поднять его. Пальма, находящаяся внутри, намного тяжелее, чем я думала.

Больше нет другого подходящего места, куда можно спрятать запасной ключ. Интересно, стоит ли мне позвать и попросить водителя вернуться обратно. Но прежде чем это сделать, я пробую ключи снова, на этот раз, поворачивая некоторые из них в другую сторону.

К моему потрясению и удивлению, один все-таки срабатывает. Мой желудок делает сальто, когда дверь легко распаивается, и я оказываюсь в темноте, затем срабатывает громкий звуковой сигнал.

Дерьмо, сигнализация. Я не подумала об этом.

Должна ли я попробовать тот же код, который Зак использовал на всех своих счетах?

Это должно сработать.

Когда я щелкаю переключателем, то вижу длинный узкий коридор. Рядом с дверью я нахожу сигнальную панель и нажимаю 15 мая, дату моего рождения.

Ничего не выходит.

Я нажимаю 15 августа, дату его рождения.

И это не работает.

Что ещё?

Может быть, название галереи, в которой он работал? Галерея отца Нейта.

Как там было? Да, «Вандерласт».

Я ввожу цифры, соответствующие буквам и, святое дерьмо, сигнал прекращается. Не могу в это поверить. После всей этой драмы, мои нервы наконец-то начинают успокаиваться.

Как только помещаю свой багаж за дверь, я смотрю дальше по коридору.

Паркет, кажется, простирается на много миль, до тех пор, пока не заканчивается в нижней части открытой лестницы.

Иду небольшими шагами, пока не дохожу до конца, и оказываюсь в большой гостиной. Мое внимание тут же привлекают окна и двери — они повсюду. Вся задняя сторона дома в стеклянных раздвижных дверях.

Ночной свет и дождь не позволяют мне что-либо увидеть, больше чем на полтора метра, но я могу разглядеть пальмы, множество из них. Они раскачиваются вперед и назад.

Красивая картинка.

Смотря вверх, высокие потолки, и большие стеклянные окна заставляют чувствовать, будто пальмы являются частью комнаты. Две хрустальные сверкающие люстры попадают мне на глаза — они прекрасны, но это так не похоже на моего брата. Он всегда выбирал вид «шебби шик».

Модернизм никогда не был его фишкой.

Другой коридор напротив подражает тому, в котором стою я, а в углу находится камин. Большой черный кожаный диван, стеклянный журнальный столик и огромный телевизор заполняют комнату. Вообще-то, я удивлена скудным интерьером. Вовсе не похоже на стиль Зака, но, возможно, это осталось от прошлых хозяев.

Я брожу рядом с лестницей и вижу черную гипсовую статую женщины в натуральную величину. Это определено что-то, что могло бы привлечь Зака — таинственное и печальное.

Статуя кажется неуместной в этом пространстве.

Рассматривая остальную часть комнаты, я вижу квадратную кухню в центре гостиной, которая отделяет два коридора. Глянцевые черные столешницы соответствуют лестнице. Расхаживая вокруг них, я замечаю, что кухня выглядит идеально — будто ею никогда не пользовались. Я быстро вхожу и открываю холодильник: вода, пиво, вино и больше ничего. Полагаю, Нейт всё убрал оттуда.

Следуя по коридору из окон, который заканчивается закрытой дверью, я зажимаюсь изо всех сил и поворачиваю ручку, не открывая глаза, что мне кажется, длится часами. Когда это делаю, я стою у входа, должно быть, его кабинета. Компьютер, принтер и документы на большом письменном столе. Странно, я ожидала увидеть мольберт и художественные принадлежности. И стены должны быть покрыты его эскизами, а не акварелью в декоративных рамках.

Его студия в этом доме должна быть где-то в другом месте.

Я закрываю дверь, зная, что позже буду проводить там время, просматривая все его документы. Другая дверь открывается в гараж. Я осматриваюсь: несколько удочек, баскетбольные, футбольные мячи и фрисби и больше ничего. Мысль о том, что Зак рыбачит или играет в мяч, вызывает у меня улыбку, потому что, помимо нашей ежегодной поездки на пляж, он очень редко проводил время на свежем воздухе — это было не для него.

Напротив гаража находится ещё одна дверь. Когда я открываю её, переключатель на стене бездействует. Свет просачивается из зала, и всё, что я могу видеть, — пустая комната с кроватью посередине.

Разворачиваясь, я возвращаюсь назад в гостиную к лестнице. Всё пространство испытывает недостаток в чём-то личном, за исключением статуи. Что-то в статуе говорит со мной, но я понятия не имею почему. Такое чувство, что она не принадлежит этому месту, но она здесь — так же всегда себя чувствовал Зак.

С каждым шагом я всё больше начинаю задаваться вопросом: должна ли я нанять кого-то другого сделать это и отправить его вещи домой.

Ступеньки гладкие, поэтому я иду медленно. Когда поднимаюсь наверх, я останавливаюсь и осматриваюсь. Это пустой чердак с двумя дверями; одна дверь, должно быть, ведет к балкону, другая открыта и ведет к спальне. Она также белая, без какого-либо цвета.

Очень странно.

Посередине комнаты находится большой матрас с деревянным каркасом и металлическими решетками, вставленными в изголовье кровати. Смятые простыни — единственное свидетельство во всем доме, что кто-то живет здесь, нет, жил здесь.

С руками, прижатыми к груди, я набираю полную грудь воздуха и пытаюсь бороться со слезами. Я уже плакала в течение многих недель. Я стараюсь быть сильной. Именно этого он бы хотел.

В очередной раз оказывается, что я ищу кусочек своего брата, но опять ничего. Но затем маленькое хрустальное блюдо на комодe привлекает мое внимание.

Как только я вижу, что оно содержит, не могу остановить поток слез, пока приближаюсь к нему. С размытым зрением я зажимаю маленький бриллиант, который очень гордо Зак носил в своем ухе. Воспоминания нахлыывают на меня вновь.

— Мими, пожалуйста. Я действительно этого хочу, — упрашивал Зак снова и снова.

— Нет, Закари. Из этого ничего не получится, кроме неприятностей, — говорила Мими.

Было такое чувство, что разговор происходил каждый день в течение почти года. Но Зак не сдавался. Он просил бабушку, чтоб она позволила ему проколоть ухо. Она всегда отказывала. Он снова и снова, и снова просил, и она говорила, нет. На свой пятнадцатый день рождения он вернулся домой в сопровождении Мими и с проколотым ухом. Моя бабушка наконец-то сдалась, вероятно, чувствуя, что это было бы лучше, чем драки, наркотики и его всеобъемлющая потребность бунтовать против всего.

Другой металл в блюде, также принадлежал ему — все формы его самовыражения. Его кольцо для губ, тоннели, с застежками для них, большинство приобретенные после того, как ему исполнилось восемнадцать, и он больше не нуждался в разрешении Мими.

Все эти вещи в моей руке являлись частью моего брата.

Он был бунтарем.

Забавно то, что я всегда думала, что он был бунтарем без причины. Я смеялась над этим, но сегодня мне грустно.

Я снимаю свой мокрый плащ и обувь, кружась по комнате в поисках его частичек.

Ничего.

Не было ничего, что являлось какой-либо его частью, нет ничего, указывающее на то, кем он был.

Но я знаю, кем он был.

Он был моим старшим братом.

Моим лучшим другом.

Он был хорошим человеком, который не всегда делал правильный выбор, но у него были самые лучшие намерения.

Грусть наваливается, когда я думаю, что больше не должна задумываться или беспокоиться о нем. Теперь всё, что мне осталось, — это скучать по нему, но это становится невыносимым.

Я одинока.

Когда росли, у нас никого не было, только мы и наша бабушка. Дедушка умер до того, как бабушка родила нашу мать, поэтому Мими хорошо знала, что такое родитель-одиночка. Она была удивительной. Она научила нас всему, чему могла, рассказала нам всё, о чем мы хотели знать, но она отказывалась говорить о клубе. Мими говорила, что она не верит в эту старую семейную легенду.

Очень жаль, что судьба не является чем-то, во что ты предпочитаешь верить — она просто случается. Теперь это становится больше, чем легенда. Ему потребовалось умереть, чтобы я поверила. Моим постоянным напоминанием является тот факт, что Зак тоже мертв, ему, как и моему деду и матери будет всегда двадцать семь.

Вопрос заключается вот в чем: присоединюсь ли я к своим предкам в том же раннем возрасте?

В этом моя судьба?

Я надеюсь, что нет, но как этого избежать?

Я ставлю блюдце, и эмоции настигают меня, величина моих потерь и моей короткой жизни становится слишком реальной.

Я падаю на кровать.

Если я умру в двадцать семь, проживу ли я хотя бы малую часть своей жизни?

Как мой дед? Моя мать? Мой брат?

У меня кружится голова, и я оказываюсь снова в том месте, из которого я не могу выбраться — мне хочется кричать, но я не могу, потому что для воплей нужно слишком много усилий, а все, о чем я могу думать, — что я следующая.

Я снимаю свои влажные футболку и шорты и зарываюсь головой в его подушку, желая заблокировать тот маленький голос, который говорит мне пройти через это. Я думала, приезд сюда даст мне надежду, что жизнь стоит того шанса, что со мной может что-то произойти, но стерильность дома моего брата, и никакого намека на то, что он окружал меня, будоражит беспокойство, от которого я не могу избавиться.

Чувствую, будто я уже умираю.

Чувствую себя так в течение многих недель.

Приезжая сюда, я наделась найти подтверждение, что жизнь стоит того, чтобы жить и

умереть молодым. Но вместо этого я вижу только пустоту.

Я закрываю глаза, желая, чтобы всё это было не что иное, как сон. Но я знаю, первое впечатление меня не обмануло — я открыла ящик Пандоры.

2 глава

Кофейные зерна

Ветер воет, и пальмы ударяют в окна, когда шторм, кажется, продвигается ближе к берегу. Гремит гром и молния освещает комнату, пугая меня. Нет, не молния — лампа.

— Привет, Зои, — раздается глубокий и хриплый голос.

Когда звук достигает сознания, я кричу. Я быстро сажусь и сканирую незнакомое пространство. Мои глаза тотчас же останавливаются на силуэте мужчины, который стоит рядом со мной, и я снова кричу, на этот раз, слезая с кровати в ужасе.

В этот момент мое сердце перестает биться, легкие перестают дышать, и мой мозг перестает думать. Я оцепенела.

Мужчина поднимает свои руки ладонями вверх, сдаваясь.

— Зои, я Нейт, друг Зи. Ты не должна бояться. Я не собираюсь причинять тебе боль.

Мой страх, должно быть, очевиден. Я плююсь на него в течение нескольких долгих минут, одновременно обеспокоенная и дрожащая. Только когда осознаю, что да, это Нейт, лучший друг моего брата, я пытаюсь успокоить свое неровное дыхание.

Он осторожно делает шаг назад.

— Просто прикройся чем-нибудь, чтобы мы могли поговорить.

О, боже мой, моя одежда.

Мои пальцы хватают скомканное одеяло, когда я поднимаюсь с кровати и безуспешно пытаюсь накрыть свое фактически голое тело. Прежде чем унижение полностью овладевает мной, я сдаюсь и ныряю в свою насквозь промокшую футболку, лежащую на полу.

Холодная ткань проскальзывает через мою голову, и я тяну ее вниз, чтобы прикрыть трусики и встаю, быстро скрещивая свои руки на груди, чтобы прикрыть какие-либо намеки на холод, который я чувствую.

Не супер, но лучше. По крайней мере, я могу смотреть на него с чувством собственного достоинства.

В конце концов, я поднимаю голову, и мой взгляд впериается в его. Как только это случается, он опускает глаза.

Фотографии, на которых я видела его на протяжении многих лет, когда мой брат отправлял мне забавные снимки, их с Нейтом селфи в каком-то ресторане с лучшим шеф-поваром, на пляже, или в какой-нибудь кофейне, практически не отдавали ему должное. Эти снимки изображали глупые позы, забавные рожи в бейсболках с повернутым козырьком назад. Не то чтобы я не думала, что он был симпатичным на них, потому что я так думала, но в нем есть что-то особенное.

Я моргаю и сосредотачиваюсь на данном вопросе.

— Ты до смерти меня напугал. Что ты здесь делаешь?

Уставившись в пол, он облокачивается о дверной косяк.

— Ты меня опередила. Я как раз собирался задать тебе тот же самый вопрос.

— Почему ты спрашиваешь меня об этом?

Он приподнимает бровь.

— Полагаю, мне просто любопытно.

Я вздыхаю, чувствуя себя смущенной.

Он поднимает взгляд, и эти глаза, эти завораживающие изумрудно-зеленые глаза смотрят на меня.

— Не то чтобы я против, что ты здесь. Просто было бы неплохо немного предупредить. Вот и всё.

Его тон более смущенный, чем примирительный.

Я даже не знаю, что и думать.

С прямой и уверенной позицией, я откашливаюсь.

— Сегодня утром я отправляла тебе сообщение по электронной почте, чтобы ты знал, что я приезжаю на выходные. Все решилось в последнюю минуту.

Он лезет в карман джинсов с низкой посадкой и вытаскивает свой телефон. После нескольких нажатий и прокручиваний, смотрит на меня.

— Полагаю, ты отправляла. Вот оно. Я обычно в курсе своих сообщений, но сегодня мой... список был полным. Если бы я увидел твое сообщение, то попытался бы изменить свои планы.

— На самом деле, всё в порядке. Я справилась. Это не так важно.

Я гляжу украдкой на свои надежные электронные часы «Таймекс» — только за полночь. Что он делает в доме моего брата посередине ночи? Только я собираюсь спросить его, как мои глаза замечают, как он хищно передвигается по комнате, и я на мгновение отвлекаюсь. Он двигается как пантера, окружая медленно свою добычу, соблюдая дистанцию, не слишком близко, но на достаточное расстояние, чтобы наброситься, если почувствует желание. Нейт прислоняется к стене, теперь находясь немного ближе.

— Зои, ты меня слышала?

Я сглатываю.

— Что, извини?

Его тон становится более настойчивым.

— Я сказал, что, по крайней мере, отправил бы автомобиль за тобой. Ты не должна была выбираться в такую погоду в одиночестве.

Я морщу лоб. Почему он до сих пор говорит об аэропорте?

Когда я не отвечаю, он скрещивает руки на груди, как будто владеет этим местом.

В этот момент до меня доходит реальность. И как бы банально это не звучало, я не собираюсь позволять мистеру Высокий, Темный и Привлекательный запугивать меня. Пришло время взять инициативу в свои руки.

— Не было в этом необходимости. Я хорошо сама справилась. Но если ты не знал, что я приеду, могу поинтересоваться, что ты здесь делаешь?

Замешательство, кажется, овладело его мыслями, как только он делает шаг еще ближе, двигаясь со смертельной изящностью, заставляя мое тело дрожать. Мне не остается ничего, кроме как изучать его. Его тело длинное и худощавое. Волосы темные, самый необычный оттенок коричневого, может, как цвет дорогого шоколада, но не совсем. Глаза его томные, наблюдательные, и имеют самый красивый цвет, который я когда-либо видела, более темный, чем изумруды или самый глубокий из темно-зеленых оттенков. Его губы выглядят полными и мягкими. Он красив особым образом, и отличается остальных мужчин, которых я когда-либо видела.

Мой разум выходит из строя.

— Нейт, почему ты сейчас в доме моего брата посреди ночи? — спрашиваю снова.

Его лицо внезапно озаряется пониманием, пока он смотрит на меня. С ухмылкой Нейт игнорирует мой вопрос. Вместо того чтобы мне ответить, он открывает дверь рядом с собой. Это гардеробная, точнее гардероб Зака, он заходит прямо туда, снова, будто это место его собственность.

— Что ты делаешь? — я нетерпеливо спрашиваю.

Он возвращается в спальню с парой тренировочных штанов и футболкой в руках.

— Ты дрожишь. Как насчет того, что ты переоденешься, и мы сядем поговорить?

Дерзость этого человека за гранью понимания. По электронной переписке он казался приятным, но опять-таки, ты никогда не можешь сказать, что скрывается за словами на экране компьютера.

Он пристально смотрит, и его маленькая ухмылка действительно раздражает меня.

— Возьми вещи, они мои. Я буду ждать внизу, пока ты будешь переодеваться.

Если бы я не стояла здесь окоченевшая в своем нижнем белье, я могла бы просто послать его к черту.

Но вместо этого, я беру одежду и при этом начинаю задаваться вопросом, не живет ли он в доме моего брата. Как только одежда оказывается в моих руках, его рот медленно растягивается в улыбке.

Раздражение охватывает меня, пока я разворачиваюсь в направлении босиком. Когда слышу тяжелые шаги, то пытаюсь выбросить все из головы хотя бы на пару секунд.

Что происходит?

Когда собираю все свое самообладание, я быстро снимаю мокрую одежду и переодеваюсь. Затем делаю ошибку, посмотрев в зеркало. Мокрая собака выглядела бы лучше, чем я сейчас. В попытке исправить отражение, я хватаю полотенце и стираю черную тушь с глаз. Затем с помощью пальцев расчесываю свои крупные локоны и стараюсь уложить их, но это почти невозможно.

Ладно, лучше, но не великолепно.

Кому какое дело?

Не то чтобы я пытаюсь произвести на него впечатление. На самом деле, я никогда не пыталась впечатлить мужчину.

Прежде.

Время перейти к делу. Иду из спальни вниз по лестнице. Включен телевизор, и я могу слышать, как метеоролог объявляет ту же самую информацию, которую водитель передал мне.

— Тропический шторм Анджела, который, казалось, затих, как только прошел над Кубой, набирает скорость ветра, пока движется к Флорида-Кис.

Дождь всё ещё льет без перерыва, но не было сигналов об эвакуации, так что я могу только предполагать, что находясь здесь, я в порядке.

Набравшись решимости покончить с этим разговором, я замираю на месте.

Нейт стоит перед встроенной кофеваркой, отчаянно размахивая рукой вверх и вниз, ругаясь себе под нос,

— Чертов кусок дерьма.

— Что случилось? Разве Miele (прим. ред. немецкий производитель бытовой техники) не выполнила того, что ты сказал сделать?

Он оборачивается.

Ощущение, что я смотрю на него в замедленном действии.

Без всякого предупреждения в воздухе ощущается напряжение.

Он на секунду ошеломлен, но затем выражение изумления отражается на его лице
— Зои Флауэрс, ты...

Слова: сексуальная, красивая, горячая как ад, возбуждающая, возникают в моей голове.
Откуда они взялись?

Улыбка сохраняется на его губах.

— Ты сестра своего брата, без чертова сомнения.

Слезы покалывают мои глаза. Не то, что я надеялась услышать, но гораздо более значимое.

Его лицо искажается, блеск веселья исчезает из взгляда, сменяясь на что-то темное. Он ставит две чашки кофе на стойку, разделяющую нас.

— Эй, я не слишком хорош в таких вещах. Я не хотел довести тебя до слез.

Я смахиваю слезы.

— Нет, на самом деле всё в порядке. Я просто скучаю по нему. Это всё.

Нейт хватается за стойку и опускает голову.

— Да, я тоже.

Тишина охватывает необъятность пространства, но как ни странно, это не кажется неловким.

Он поднимает взгляд.

— Зои, я наконец-то рад с тобой познакомиться.

Не могу не быть очарованной.

— Мне тоже очень приятно встретиться с тобой, Нейт.

Он откашливается, и, кажется, на его лице появляется немного застенчивости.

Не хочу пялиться, поэтому отворачиваюсь, чтобы посмотреть на стойку, и взгляд останавливается на двух чашках.

— Это латте?

Нейт поднимает голову одновременно с моей. Связь невероятна, электрический разряд проходит между нами, и клянусь, я вижу не ухмылку, а настоящую улыбку на его лице.

Самая очаровательная мальчишеская улыбка.

В животе порхают бабочки, и мне ничего не остается, как улыбнуться в ответ, чувствуя немного смущения.

— Предполагалось так. Я не знал, что ты пьешь, но подумал, что попробую сделать это.

Ядвигаюсь ближе, достаточно близко, и мое бедро упирается в край столешницы.

— Тебе повезло, я буду пить все, что сделано из кофейных зерен.

Затем меня осеняет, что его волосы цвета лучших импортных кофейных зерен.

— Да, мне повезло, — повторяет он.

Присаживаясь на один из барных стульев, я дую на латте. Пенка не совсем похожа на пенку, больше на огромные мыльные пузыри или, возможно, на сгустки прокисших взбитых сливок.

— Ты ведь школьный учитель, верно? — спрашивает он.

— Что-то вроде того, — говорю я. — Я работаю в Рочестерском университете. Ты занимаешься недвижимостью, верно?

Уголки его губ ползут вверх.

— Что-то вроде того.

Я смеюсь.

— Шучу. Я всё знаю о тебе — крупный успешный генеральный директор перспективной компании, которая скупает убыточные предприятия, улучшает их, и затем продает. Зак говорил, ты очень смекалистый в бизнесе.

Это правда, но я забыла упомянуть, что Зак очень много мне рассказывал о нем.

Он приподнимает бровь самым сексуальным способом.

— Ты заставишь меня покраснеть, если продолжишь так говорить. Твои слова звучат так, будто ты упускаешь нечто самое важное. Я уверен, что твой брат, должно быть, собрал на меня компромат.

Откуда он знает, что Зак рассказывал мне о его неспособности совершать плохие поступки, о его одержимости работой и о потребности постоянно держать всё под контролем? Он никогда не говорил о нем унижительным образом. Нет, скорее, Зак боготворил этого человека. Слова «честный, трудолюбивый, уважительный» всегда следовали за тем, что не могло быть истолковано как негативное. Однажды Зак упомянул, что, должно быть, что-то в прошлом Нейта спровоцировало его экстремальное поведение.

Он мог понять это.

Честно говоря, и я тоже.

— Зи никогда не мог сделать комплимент, не убедившись, что немного съязвил. Мне кажется, он бы сказал что-то вроде этого: «Чертов мудак какой-то восходящей строительной компании».

Я пожимаю плечами. Мой брат действительно был привязан к нему.

— Может быть, это действительно больше похоже на правду.

Он ухмыляется, и, Боже помоги мне, я должна отвести взгляд.

Я пытаюсь убрать свои эмоции в сторону, потягивая латте. На вкус он как вода, но любитель кофе во мне слишком увлечен человеком, наблюдающим за мной, чтобы заботиться об этом.

Кажется, его глаза темнеют, когда они следят за тем, как я обхватываю губами край кружки, а затем жидкость стекает по моему горлу вниз. Его дыхание становится поверхностным, будто он представляет себе мой рот на чем-нибудь другом.

Мое воображение, должно быть, перевозбуждено. Я трясую головой и указываю на чашку.

— Неплохо.

Он делает глоток своего латте и практически выплевывает его.

— Неплохо! На вкус как дерьмо.

Я чувствую, как уголки моих губ снова ползут вверх. Клянусь, я так давно не улыбалась, что срываюсь и позволяю смеху завладеть мной, мое тело дрожит, волосы подпрыгивают, словно львиная грива.

Нейт изумленно таращит глаза, и я могу видеть, как напрягается его тело.

После того, как я наконец-то в состоянии говорить, мне удастся выпалить:

— На самом деле, не так уж и ужасно на вкус. Ты просто вбиваешь время на таймере и подбираешь пропорции, и это всё. Подольше подогревай молоко и добавляй больше зерен.

Он ставит свою кружку и скептически смотрит на меня.

— Во время учебы в колледже, я работала в кофейне. Если хочешь, могу тебе показать?

Наши взгляды встречаются.

Когда он не отвечает, реальность обрушивается на меня. Я не могу позволить, чтобы это

становилось флиртом.

Прочищаю горло.

— Ладно, так или иначе, мы можем вернуться к вопросу: почему ты находишься здесь среди ночи? Ты можешь быть честным со мной, ты остаешься здесь?

Мышца челюсти Нейта дергается, но он не отвечает мне. Вместо этого, берет свок кружку, поворачивается к раковине и выливает свой полный латте в водосток, затем идет в заднюю часть дома в темноте.

Поворачиваю голову так, что могу проследить за ним.

Он щелкает, включая свет, и поворачивается ко мне.

Я знаю, что он, должно быть, поймал мой пристальный взгляд, и одному Богу известно, что за одержимый вид, возможно, был на моем лице. Я быстро отворачиваюсь.

— Зои, думаю нам надо поговорить.

— Знаю, мы должны. И, Нейт, все хорошо. Действительно. Я не против того, чтобы ты оставался здесь, — я заверяю его, пока разворачиваюсь обратно.

Он открывает одну из стеклянных дверей, и шум шторма становится громче.

— Иди сюда. Я хочу показать тебе кое-что.

Что-то тянет меня к нему.

От него веет властью. Я могу сказать, что он привык добиваться своего, но я обычно не из тех, кто подчиняется господству. Я достаточно занималась этим на работе: мужчины профессора — воплощение авторитетных личностей

Но, тем не менее, я двигаюсь, приближаясь к нему с осторожностью.

Звук волн, разбивающихся о берег, звучит красиво. Из-за открытой двери в воздухе витает приятный запах, или, возможно это Нейт — чистый, свежий, мужественный.

Не осознавая этого, я встаю прямо перед ним. Я теряюсь в ветре, воздухе, звуке и в нем. Запрокидываю голову назад, чтобы взглянуть на него. Я высокая, но он почти на голову выше меня, он, должно быть, под два метра ростом. Что-то в его близости заставляет мое тело чувствовать себя одержимым.

Это ни на что не похоже.

Нейт выходит за дверь на крытую веранду, почесывая щетинистый подбородок.

— Я говорил тебе, что я хреновый в подобных вещах, поэтому собираюсь просто покончить с этим.

Облегчение берет верх.

Вот оно.

Он, наконец, собирается признать, что ночует здесь. Господи, что если ему больше некуда пойти? Я никогда не задумывалась об этом. Может быть, он не так успешен, как думал мой брат. Что я собираюсь делать, если дело в этом? Не то чтобы я выставила его из своей постели, дерьмо, я имею в виду... на улицу.

Я двигаюсь вперед и останавливаюсь рядом с ним.

— Это, вероятно, будет лучше всего.

— Послушай, Зои, я думаю, это было недоразумение. Ты видишь что там?

Делаю шаг, и ветер пробирается под мою тонкую футболку.

— Едва ли.

Он указывает на что-то, но я не могу разобрать что это.

— Это сарай для лодок, который находится на краю собственности. Зои, Зи жил там, не здесь.

Я разворачиваюсь, и мои слова выходят такие же мощные как шторм.

— Это неправда. Он говорил мне, что жил здесь, в доме, которым владел.

— Это правда, Зои. Ты уверена, что он сказал тебе, что жил здесь?

— Да, я уверена. Иначе бы меня здесь не было.

Его лицо кажется, бледнеет.

— Может быть, ты неправильно поняла его?

— Нет! — Я трясу головой.

— Мне жаль. Я понятия не имел, что он сказал тебе это. Я просто думал, что ты перепутала местоположения.

— Нет, я не перепутала. Господи, я бы не заснула в твоей постели. Зак сказал мне, что купил дом на воде.

— Он действительно жил в доме на воде. Но он не владел им, и это не тот дом.

Я чувствую, как кровь приливает к моему лицу. Сглатываю с трудом.

— Нет! Это не может быть правдой. Я не уверена, в какую игру ты играешь, но не пытайся использовать моего брата сейчас, когда он мертв. Скажи мне правду, ты живешь здесь, с тех пор как он умер. Не так ли? Я собираюсь выяснить это, так или иначе.

Приближаясь, он хватает меня за руки.

— Зои, я говорю тебе правду. Я бы не стал лгать о чем-то подобном. Я бы так не поступил со своим другом.

Я отталкиваю его.

— То есть, ты хочешь сказать, что мой брат лгал мне. Он бы не сделал этого. Мы говорили друг другу правду. Всегда.

— Он переехал тогда же, когда и я. У меня имелось свободное место, а он нуждался в дешевом жилье.

Я качаю головой; мне всё ещё сложно поверить ему.

— Почему это важно, в каком гребаном доме он жил? Адрес тот же. — Его голос повышается, теперь он теряет контроль, пока его гнев всплывает на поверхность.

Пол, кажется, накрывается, мой мир вращается вокруг своей оси.

— Это имеет значение. Это означает, что он лгал. Он бы никогда не сделал этого.

Слезы текут по моим щекам, когда я понимаю, что Зак врал.

Взгляд Нейта так мне и говорит.

Это его дом, не Зака.

И внезапно осознаю, что, кажется, я схожу с ума. Когда мой мир рушится вокруг меня, даже сильнее, чем уже есть, я выбегаю под дождь, по мокрой траве, в сторону темного лодочного сарая.

— Зои возвращайся в дом! — кричит Нейт. — Мы посреди чертова шторма.

Гром настолько шумный, что в моих ушах звенит. Молния такая яркая, что я могу видеть лодочную хижину с её массивной деревянной дверью прямо передо мной.

Игнорируя его просьбу, я поворачиваю ручку и дергаю её.

Дверь заперта, но я продолжаю крутить её снова и снова.

Когда не могу её открыть, я начинаю колотить в дверь. Я колочу до тех пор, пока, клянусь, мои костяшки пальцев не начинают кровоточить. Я даже не осознаю, что делаю.

Внезапно ветер усиливается, и я могу чувствовать силу, которая раскачивает сарай для лодок.

Я поднимаю голову в сторону дождя.

— Почему ты должен был умереть? — кричу я.

— Почему судьба забрала тебя? — ору я.

— Почему ты лгал? — шепчу я.

Большие сильные руки обхватывают меня и разворачивают.

— Шшш... всё хорошо, Зои. Мы разберемся с этим.

Я смотрю на него.

— Нет, нет, мы не сможем.

— Мы сможем. Давай просто вернемся назад в дом.

— Зачем ему было лгать? — я кричу.

— Я не знаю! — кричит Нейт в ответ. — Я не знаю, — повторяет тише.

— Я должна лично убедиться, — кричу, перекрывая шум шторма.

— Не сейчас. Мы должны вернуться в дом. Ты сможешь убедиться завтра.

Ветви дерева падают на землю. Я не могу видеть воду, но могу слышать, как волны врезаются в берег.

— Почему он должен был умереть? — плачу.

Те же самые слова я вопила в течение нескольких недель.

— Я не знаю, — шепчет Нейт мне на ухо, и это в первый раз, когда кто-то отозвался на мои вопли.

— Он был моим миром, а я его потеряла, — бормочу я.

Небо загорается, сверкает снова и снова, но я не двигаюсь. Затем длинный взрыв, другая вспышка и вдруг полная темнота. Гаснет освещение дома, что позволяло мне видеть лицо Нейта. Всё исчезло.

— Бл*дь! Электричество отключили.

Ветка с дерева падает прямо возле лодочного сарая.

Нейт смотрит на меня.

— Мы должны вернуться внутрь... сейчас же.

Момент огромного страха поражает меня, пока я ищу звезды, луну, что-нибудь, что бросает свет в темноту. Но мои поиски безрезультатны. Я чувствую себя полностью потерянной, и мои рыдания становятся громче.

Шок.

Страх.

Печаль.

Все накатывает на меня, и я не могу двигаться.

Я беспомощна.

Опустошена.

Потеряна.

Сильные руки подхватывают и несут меня по траве. В этих руках я позволяю себе ощущать комфорт, который никогда не ожидала почувствовать в руках лучшего друга моего брата, и комфорт, в котором я очень нуждалась, не осознавая этого.

3 глава

Воин

Ветер пытается ему помешать, но Нейт двигается, будто воин во время сражения —

стремительными, точными движениями. Его ботинки не погружаются даже в мокрую, пропитанную траву, на которой мои босые ноги, должно быть, оставили следы.

Его тело накрывает мое. Когда я пытаюсь оторвать свою голову от его шеи, Нейт наклоняет свою, заставляя мою голову вернуться на место. Если бы я его не знала, я бы сказала, что он пытается защитить меня от сурового дождя. Но после всех обвинений, которые я просто бросила ему в лицо, не могу представить, что в этом всё дело.

Мой разум наполнен рассеянными мыслями, разорванными от взрыва бомбы, которую он сбросил, и всё же звук тяжелого дыхания, исходящий из его рта, как ни странно, облегчает разрушение, которое я чувствую.

Ветер и дождь останавливают свои нападения, как только Нейт переступает порог дома. Мы оба промокли до нитки, и он ставит меня на пол. Его руки поддерживают меня за бедра, пока я нахожу свою опору, но они задерживаются на месте даже после того, как я обретаю равновесие.

Вновь я нахожу утешение в его прикосновении.

Я наклоняю голову, пытаюсь увидеть его, но не могу. Слишком темно.

Ощущение его прикосновения и звук дыхания — единственные доказательства того, что он стоит передо мной.

Когда прикосновения его рук внезапно исчезают, мое чувство ориентировки, кажется, следует за ними.

— Нейт? — Я в ужасе вытягиваю руку и хватаюсь за него, за его бицепс, и думаю: «Не оставляй меня одну».

— Оставайся прямо здесь. Дай мне минуту, чтобы закрыть окна.

В доме слишком темно.

Я ничего не вижу.

Мои зубы стучат, и у меня кружится голова.

Внезапно, всё, что я могу видеть, — это образы моего брата. Образы окрашены его ложью. Я хочу знать, почему он вынужден был рассказать мне что-то, что не было правдой. Я бы никогда не беспокоилась о том, где он жил, так почему он чувствовал, что должен был мне лгать?

Я просто не понимаю.

Звук шагов Нейта по полу затихает, он движется дальше. Я тянусь, чтобы ухватиться за что-нибудь, поскольку паническое чувство начинает меня настигать, но ничего не нахожу кроме воздуха.

Это все?

Сегодняшний шторм закончится моей смертью?

Раньше я никогда так не думала, пока не умер Зак.

Теперь замешательство омрачает меня каждый день.

С того дня, как мне исполнилось двадцать семь, страх смерти высосал из меня все желание жить.

Я одинока.

Брошена на произвол судьбы.

Потеряна.

Каждый раз, когда я резко торможу, думаю: «Может быть, так и будет». Каждую ночь, когда я засыпаю, я думаю: «Может быть, я не проснусь». И каждый день, когда что-то делаю, думаю: «Будет ли сегодняшний день моим последним?»

Я не знаю, как двигаться дальше, или даже, стоит ли мне попытаться?

Телефон Нейта излучает небольшой ореол света, вытаскивая меня из моих размышлений. Я наблюдаю за ним, чувствуя облегчение, что могу видеть, и, радуясь тому, что мой разум сосредотачивается на чем-то другом. Он отодвигает одну сторону стеклянных дверей и выходит. Проникающие звуки никак не приглушают предчувствие тишины внутри этих стен.

Желая избежать этого, я на своих босых ногах осторожно двигаюсь к нему, стараясь не поскользнуться. Шторм, кажется более суровым в непроглядной ночной тьме, и незначительный приступ страха вновь поражает меня.

В то время как я выхожу, Нейт поднимает взгляд.

— Черт побери, Зои. Разве ты не слышала, что я говорил? — его строгий голос выводит меня из паники, которая одолела меня.

Звуки шторма такие же жесткие, как и его тон, и я отступаю назад.

— Я слышала тебя. Я просто хотела увидеть, что ты делал, — пытаюсь говорить спокойно, но абсолютно уверена, что мой голос больше похож на визг.

Свет исчезает, когда он засовывает телефон в передний карман своих джинсов.

— Могу я подержать твой телефон за тебя?

Он снова раздвигает двери.

— Оставайся там, — говорит он, затем достает что-то, похожее на металлическую шторму.

Мне интересно, я наклоняюсь вперед, но остаюсь стоять внутри на влажном полу.

— Тебе нужна помощь?

Нейт упирает руки в бедра и опускает голову. Через некоторое время он смотрит в мою сторону и сквозь вой ветра кричит:

— Нет! Я сказал тебе оставаться внутри.

Я вздыхаю, не удивленная, что его терпение по отношению ко мне на исходе. На самом деле я шокирована тем, что он даже позволил мне вернуться в его дом, но я предполагаю, что бросать меня во время шторма, был не вариант для него.

Нейт тащит в мою сторону большую железку со складками, и они начинают выравниваться, когда прикрывают стеклянные двери. Он двигается с умением, и я не могу отвернуться.

Когда металлические жалюзи полностью растянуты с одной стороны, он делает то же самое с другой. Жалюзи достаточно высоки, чтобы также защитить окна над нами. Как только обе стороны встречаются на середине, он возвращается назад в дом и защелкивает их вместе, затем закрывает и запирает на замок стеклянные двери.

— Мы собираемся остаться в этой комнате сегодня ночью. Это самое безопасное место. Я никогда не задействовал раньше штормовые жалюзи до того, как отключалось электричество, так что эти здесь единственные.

Мне интересно, насколько сильно этот шторм может разыгаться, и спрашиваю:

— Оставаясь здесь, мы будем в порядке?

Нейт проводит рукой по мокрым волосам.

— Мы будем в порядке. Не бойся. Шторм не настолько сильный.

Мои зубы стучат.

— Мне не страшно.

Но я боюсь.

В последнее время, я всегда кажусь напуганной.

Его глаза встречаются с моими, и вода стекает вниз по телу.

— Я собираюсь прихватить несколько полотенец и поискать фонарик. Скоро вернусь.

— Ты уверен, что я ничем не могу помочь?

— Да. Просто сиди.

Я киваю и, помогая себе свечением его телефона, двигаюсь к дивану. Скрип его ботинок затихает, и я остаюсь в комнате одна. Я никогда не боялась ураганов, но этот ошеломляет меня. Ветер свищет так громко, и дождь стучит как отбойный молоток. Громкий сокрушительный шум заставляет меня подпрыгнуть, но ругательства Нейта говорят о том, что он, возможно, наткнулся на что-то.

— Нейт, с тобой всё в порядке? — зову я.

— Да, но это был единственный фонарик во всем гребаном доме.

— У тебя есть свечи?

Спустя мгновение, свечение возвращается, и Нейт добирается до меня, неся под мышкой стопку полотенец и одеял.

— Если бы они у меня были, я бы не злился, что уронил фонарик, — он щелкает, явно разочарованный.

Я встаю.

— Видимо, нет. Прости.

Он ставит стопку на журнальный столик и приближается ко мне.

— Ты не должна извиняться. Мой вспыльчивый характер никак не связан с тобой. Меня бесит, что я так плохо приспособлен к такой погоде, когда всю мою жизнь в меня вбивали подготовку к урагану.

— Что ты делаешь, чтобы подготовиться к урагану, кроме как вешаешь жалюзи на окна?

Он сухо смеется.

— Много чего. Вода и запасы еды станут хорошим началом.

— Я никогда прежде не присутствовала при урагане.

— Ну, ты всё ещё не присутствуешь. Поверь мне, это не то.

— Добирался когда-либо близко хоть один ураган к тому месту, где ты жил?

— Да, — вздыхает он.

Моя рука взлетает ко рту.

— Должно быть, это ужасно.

— Я не люблю вспоминать об этом.

— Я могу это понять.

— Нет, не думаю, что можешь, — бормочет он.

Что-то такое в том, что он говорит, заставляет меня дрожать.

— Зак рассказывал мне о нескольких ураганах, которые ударили близко, но никогда о чём-либо слишком плохом.

— Нет, уже много лет у нас не было сильного шторма.

Теперь способная говорить гораздо более спокойно, я спрашиваю его:

— Как ты думаешь, почему мой брат сказал мне, что купил этот дом?

Он делает шаг ближе.

— Хотел бы я ответить тебе на этот вопрос.

Вспышка молнии и жуткий грохот грома пугает меня.

Нейт сжимает мои плечи, его прикосновения нежные, но крепкие.

— Здесь нечего бояться.

Хотя слова успокаивающие, от его неожиданного прикосновения моё тело покрывается мурашками. Моя реакция застаёт меня врасплох, и я скольжу немного, и для поддержки хватаюсь за него. Его хватка усиливается на мне, но я продолжаю скользить. Он действует быстро. Его руки перемещаются на моих бедрах и придерживают, подтягивая меня ближе к нему.

Мы дышим друг на друга. Плоть к плоти, мои пальцы по-прежнему обернуты вокруг его предплечий, и его руки остаются на моей талии. Мы продолжаем прикасаться друг к другу даже после того, как я возвращаю равновесие. Контакт между нами кажется чем-то большим, чем результат того, что он поймал меня.

Я понимаю только, что мой пульс ускоряется.

Свечение на телефоне Нейта гаснет, но он не включает его обратно.

Мы в темноте.

Мои ощущения усиливаются. Звук его дыхания продолжает смешиваться с моим. Стекающая вода с его и моей одежды спадает на пол. Никто из нас не говорит, но мы, кажется, приближаемся ещё ближе естественным образом, сами того не контролируя.

Проходят минуты, пока мы так стоим, и с каждым проходящим мгновением я могу чувствовать, как увеличивается тепло между нами. Я также могу чувствовать, как близко находятся его губы, я бы сказала, его рот слишком близко к моему. Притяжение между нами, кажется, возрастает.

Где-то глубоко внутри меня вспыхивает проблеск желания.

Это удивляет меня.

Позволяет мне чувствовать себя живой.

Даже после всего того, что случилось сегодня, кажется, моё тело самостоятельно реагирует на этого мужчину.

Тишина опьяняет.

Я становлюсь сверхвнимательной к каждому его вдоху, каждому лёгкому движению тела, даже трепету его ресниц. Перемещаясь ближе, наши тела слегка касаются друг друга. Тотчас же, я чувствую, как меня бьет током.

Внезапно, мои зубы начинают стучать.

Нейт отходит назад. Он со свистом втягивает глубокий вдох, затем протягивает мне полотенце.

— Вот, возьми это. Я прихватил для нас что-нибудь сухое из одежды.

— Хорошо, — шепчу охрипшим голосом.

Моё сердце колотится с удвоенной скоростью.

Мой пульс учащён.

Что это было?

Он светит телефоном, чтобы подняться по лестнице.

Мои мысли где-то блуждают, но удивительно то, что я не думаю о неопределенности в своей жизни, я думаю о Нейте. Прежде, я действительно не уделяла ему много внимания. Я даже никогда не старалась проявить личный интерес, узнать хорошо человека, который был лучшим другом моего брата, но если бы проявила, то не уверена, что все бы вышло как надо. Нейт серьезный, но добрый, скромный, но требовательный, уверенный, но не высокомерный. Он — это всё, от чего я бы могла потерять голову из-за мужчины, прежде чем сбилась с пути. Прежде, чем моя жизнь стала неопределенной.

Полотенце, вытащенное из моих рук, сигнализирует мне о том, что он вернулся.

— Предполагалось, что ты обернёшь его вокруг себя, а не будешь за него держаться. —

Затем Нейт смеется.

Его смешок как долгожданное облегчение среди всего этого стресса.

— Прости. — Это всё, что я могу сказать. Похоже, что это единственное слово, которое я употребляю всю ночь.

Моё эмоциональное состояние так запутано сейчас.

Его телефон в одной руке и сухая одежда в другой, но взгляд всё ещё впивается в меня.

Я смотрю в ответ и чувствую, как тону в его глазах.

Мои ресницы подрагивают, и я вытаскиваю себя из плена его глубины, чтобы рассмотреть его всего. Нейт высокий и худощавый, но крепкий. Он переделся в обычные серые спортивные штаны, такие, как ношу я, и в белую футболку, опять же, как та, что одета на мне.

— Можно подумать, что мы похожи на близнецов.

Он опускает свой взгляд.

— Да, полагаю, мы похожи.

Я тянусь за одеждой в его руках, и наши пальцы соприкасаются.

Он кладет свой телефон на стол.

— Ты вся дрожишь.

— Я в порядке, правда.

Он разворачивает полотенце и оборачивает его вокруг моих плеч.

Моё тело покалывает странным образом.

Его прикосновение электризует меня.

Самыми нежными касаниями он поднимает уголок полотенца. Вода стекает вниз по моему носу, щеке, подбородку, и Нейт нежно их поглаживает, затем перемещается к моим волосам и делает то же самое.

Его доброта проникает в мою душу.

Забота заставляет моё сердце трепетать.

Сияние его телефона исчезает, и мы вновь оказываемся в темноте.

Но я всё ещё чувствую на себе его глаза.

Он оставляет нас в темноте, но всё в порядке.

— Хочешь, чтобы я отвёл тебя в ванную переодеться? Одна из них находится в конце коридора.

— Нет, мне и здесь неплохо. — Он уже видел меня практически голой, а здесь темно, и вряд ли ему что-то удастся разглядеть.

Вспышка молнии освещает комнату из окон в зале, и на долю секунды я вижу выражение на его лице — он, похоже, погружен в мысли. Пока я наблюдаю, вода капает с его влажных волос, задаюсь вопросом, беспокоит ли его явное ухудшение погоды. Или он застрял в настоящем, на обмане моего брата, или на странном притяжении между нами?

Даже несмотря на то, что мы только что встретились, я знаю, что мой брат доверял Нейту. И я чувствую, что тоже могу.

Кажется, он ещё раз придвигается ближе, так что связь всё ещё сильна между нами.

Моё дыхание учащается.

Мои руки движутся сами по себе, пока я снимаю футболку со своего тела и затем стягиваю спортивные штаны, прежде чем передеваюсь.

Нейт не может меня видеть, но тени, безусловно, рисуют изображение. Мне не нужно видеть его глаза, чтобы знать, он наблюдает, и я могу слышать его тяжелое дыхание.

И я знаю, он чувствует то же, что и я.

Когда заканчиваю, я беру в руки полотенце и, встав на цыпочки, приглаживаю его влажные волосы, приближаясь достаточно, что могу почти попробовать соленый дождь на его коже.

Моё сердце бьётся быстрее, поскольку странное волнение одолевает меня.

Из-за неуклюжих пальцев роняю полотенце, но вместо того, чтобы его поднять, с помощью только своих рук приглаживаю волосы Нейта.

— Мне жаль. Я не должна была выбегать в дождь на улицу.

Тишина.

Наше общее дыхание становится еще тяжелее.

Наши тела находятся так близко, практически соприкасаются.

Сквозь темноту смотрю в сторону лофта, я знаю, что там, и задаюсь вопросом, если бы я поцеловала его, отнес бы он меня в свою постель, или он бы взял меня незамедлительно, что не дало бы времени сменить местоположение.

Я стряхиваю сумасшедшую идею и повторяюсь.

— Я сказала, что сожалею.

— Я слышал тебя. — Его дыхание усиливается, почти до одышки, точно также, когда мы были снаружи.

Он хватает мои запястья и останавливает мою ленивую ласку его волос.

— Послушай, Зои, я ни хрена сейчас не соображаю. Не уверен, что должен сказать. Не могу понять, что делать, как заставить почувствовать тебя несколько лучше из-за твоего брата. И если быть честным, я даже не уверен, что могу чем-нибудь помочь.

Я задаюсь вопросом, что заставило его отдалиться и остро отреагировать.

Темнота, внезапное чувство одиночества, в сочетании с правдой о моём брате, кажется, поглощают меня. Я приехала сюда, чтобы помочь себе двигаться вперёд, но боюсь, всё, что я делаю, — это отхожу на шаг назад.

— Эй, я не хотел, чтобы это прозвучало так резко.

Ещё одна вспышка следует за другим рокотом, и мой крик непреднамеренный, когда возвращаюсь в реальность из собственных мыслей. Делая шаг назад, я спотыкаюсь о диван и теперь, сидя, обнимаю свои колени. Моё тело охвачено напряжением и всё сжимается внутри.

Почему мой брат лгал?

Моё рыдание не умышленное.

Нейт садится рядом со мной и притягивает к себе.

— Шшш... не плачь. Прости, я веду себя как последний мудака, — шепчет он мне на ухо.

Его руки обнимают моё тело, и покой, которым он меня обеспечивает, нельзя отрицать. Я делаю вдох, пытаюсь остановить своё рыдание.

— Нет, ты не мудака.

Его смех меняет настроение между нами.

Слёзы останавливаются сами по себе, и моё дыхание стабилизируется, когда эмоции сменяются с печали на что-то другое.

Когда Нейт откидывается на спинку дивана, он утягивает меня с собой. Он вытаскивает из стопки одеяло, которое положил на стол вместе с полотенцами, и накрывает нас,

оборачивая меня в кокон безопасности, что по какой-то причине отгоняет все мои страхи прочь.

Я так морально и физически истощена, что с трудом могу держать свои глаза открытыми.

Мое лицо покоится над его сердцебиением, а его пальцы ласкают мою голову, и прежде чем истощение берет надо мной верх, единственное, о чём я могу думать: «Ты, Нейт Хэнсон, кто угодно, но не мудака».

4 Глава

Записки без подписи

Я с ужасом открываю глаза.

Но вместо темноты появляются туманное синее небо и гигантские небоскребы.

Всё моё тело в холодном поту.

Дыхание затруднено.

Но я жива.

Я не утонула под проливным дождём, и меня не засосал скоростью ветра свирепый ураган — это был просто сон.

Моя смерть в последнее время так легко поселяется в моих снах, что я начинаю сомневаться, будет ли это только вопросом времени, прежде чем произойдет.

Надеюсь, что нет.

Я сильнее тяну на себя одеяло, поглощая комфорт, который оно обеспечивает. Как только мои нервы успокаиваются, я сажусь. Электроэнергия снова есть в доме, кондиционер работает полным ходом. Отбросив одеяло, встаю и подхожу к одной части раздвижной стеклянной двери. Жалюзи отодвинуты, и даже через изморось вид на Майами захватывает дух.

Обхватив себя руками, выхожу, чтобы лучше рассмотреть и убедиться в том, что это реальность. Как только дохожу до конца веранды, вижу его.

Лодочный сарай — дом, где жил мой брат.

То, зачем я приехала сюда.

У меня неделя на то, чтобы разобраться с его вещами и попытаться узнать, какова была его жизнь, прежде чем я соберу все и вернусь домой. Одна неделя, чтобы увидеть, что Зак любил свою жизнь, и, возможно, тогда я смогу поверить, что стоит жить каждую минуту, независимо от того, сколько минут осталось.

Ведь правда, знает ли кто-нибудь из нас, сколько времени у него осталось?

Пытаюсь заставить себя сконцентрироваться на том, что вижу перед собой, а не на смерти, но мои мысли погружены в жизнь Зака и в то, как слишком быстро он ушел. Внезапное переосмысление заставляет меня думать о прошлой ночи, о том, что он не сказал мне правду об этой жизни.

Что еще за вранье?

Но я не могу так думать.

Нет.

Он был моим братом, и я любила его.

Трагедия его смерти преобладает над всем.

Ложь, предательство... насколько они действительно имеют значение?

Единственное, что имеет значение — это его смерть.

Он умер в двадцать семь лет.

Он умер перед тем, как у него появился шанс жить.

Он никогда не найдет девушку своей мечты и не заведет семью. Для человека, который восставал почти против всего в своей жизни: школы, правил, послушания — единственным, против чего он не восставал, была любовь.

Он был романтиком.

Я виню Мими и все те старые фильмы, которые она заставляла нас смотреть, когда мы были маленькими. Он хотел добиваться женщины. Это была его мечта — быть для девушки рыцарем в сияющих доспехах. Я хотела для него этого больше всего на свете.

Но этого никогда не произойдет.

Одинокая слеза скатывается, и я вытираю её.

Глубоко вдыхая, я перевожу взгляд на то, что меня окружает: Полукруглый бассейн, с разбросанными по нему пальмами, который выглядит привлекательным при свете дня, и невероятно бирюзовая вода океана. Такой успокаивающий вид. Когда замечаю покрытие парусины в форме треугольника и то, что я вижу под ним, заставляет меня улыбаться.

Насыщенного красного цвета лодка, которая расположена на подъемнике.

Красная.

Блестящая, ярко-красная.

Любимый цвет моего брата.

Солнце выглядывает сквозь серые облака, и я резко бросаю взгляд на название, написанное на всей лодке — «ПОЛНАЯ И АКТИВНАЯ ЖИЗНЬ».

Ухмылка появляется на моих губах.

Мальчишки и их игрушки. Ничего не меняется с детства.

Качая головой, я разворачиваюсь и решаю попытаться найти Нейта. Думаю, что должна извиниться перед ним за свою реакцию прошлой ночью и за вторжение в его дом. Чувство проникает сквозь меня — это не предчувствие тревоги, которое омрачало меня неделями, — а возбуждение, трепет, выброс адреналина при одной мысли увидеть его.

Пока я иду через большую гостиную, становится более очевидным то, что окружающая меня обстановка не могла быть в духе Зака вообще. Сейчас я решаю не думать о вчерашних откровениях, желая найти Нейта и кофе в первую очередь.

Когда дохожу до кухни, замечаю записку на столе:

«Я на работе в процессе заключения важной сделки. Здесь ключ от лодочного сарая. Бери всё, что тебе понадобится».

Отсутствие какого-либо личного контакта напоминает мне о том, что мы чужие друг другу, и любая близость, которую я могла ощутить по отношению к нему, была результатом травмы, которую я пережила. Мне не следовало ожидать: «Доброе утро, Зои», или «Увидимся позже. Нейт».

Но мне бы хотелось этого.

Я включаю кофемашину и варю латте, затем направляюсь к двери, где бросила свой багаж вчера вечером.

Когда подхожу туда, моих чемоданов уже нет, но есть приклеенная записка на

стеклянной двери.

«Я отнес твои вещи наверх, поставив за дверью ванной комнаты. Предполагаю, что ты останешься здесь на время своей поездки. Проверь свою электронную почту. Номер моего рабочего и сотового телефонов на тот случай, если у тебя их нет, находится в ответе на твоё сообщение. Если ты не можешь со мной связаться, оставь сообщение на автоответчик».

Эта дурацкая записка, наряду с его добротой ко мне, заставляет моё сердце биться сильнее, и я бегу вверх по лестнице, чтобы прихватить свой телефон.

Отправленный ответ по электронной почте такой же простой, как и в его записках.

«Вот мои номера...»

Я практически прыгаю в душ, останавливаясь только для того, чтобы вытащить косметичку, заполненную принадлежностями для путешествий.

Часть меня не удивлена моими действиями.

Это частичка старой меня.

Другая же часть шокирована моим легкомыслием, но это не мешает мне получать удовольствие. Пока я наслаждаюсь душем, позволяя воде литься по мне каскадом. Именно тогда я понимаю, что очень давно не чувствовала себя так хорошо. Прошло слишком много времени с тех пор, как я уделяла внимание любым мелочам в своей жизни: тому, как вода касается моей кожи, будто по ней ударяют маленькие градинки, или какой восхитительный запах лаванды у моего лосьона.

Струи воды массируют тёплой водой моё тело почти из каждого угла, и это такое успокаивающее, расслабляющее ощущение, что я растягиваю удовольствие. Когда намыливаю голову, воспоминание возвращает меня обратно к тому, как длинные пальцы Нейта поглаживали мои волосы, пока я засыпала прошлой ночью. Брызги душа соприкасаются с моей кожей, пробуждая интимную чувственность, что поражает меня.

Я пытаюсь избавиться от этого ощущения.

Вымытая шампунем, кондиционером, побритая и чистая, я появляюсь из душа, чувствуя себя более чем готовой жить дальше, а это долгожданная перемена с прошлых недель.

Зеркало покрыто паром, и я использую полотенце, чтобы стереть его. Пара взмахов расческой по кудрям и готово. Я не собираюсь слишком усердствовать, потому что уверена, что влажность тепла Флориды не сделает ничего, кроме как увеличит объём. Мои вьющиеся волосы живут сами по себе, и что бы я ни делала, нет ни единой страховки, что как только выйду на улицу, я не буду выглядеть, словно вернувшаяся из восьмидесятых.

Я вытаскиваю одно из многих платьев, которые Зак присылал мне прошлым летом. Он говорил, что в Майами Lilly Pulitzer в моде, и он считал, что мне они понравятся, и это так.

То платье, которое я выбираю, имеет небольшой V-образный вырез спереди и сзади принт с темно-синими и белыми зонтиками. Влажность воздуха в ванной комнате удушающая, несмотря на то, что работает кондиционер.

Я открываю дверь и решаю закончить собираться в спальне. Комната похожа на остальную часть дома — стены окрашены в белый цвет, хорошая современная, но редкая мебель, и аксессуары черного цвета. Даже абажуры черные.

Отодвинув волосы в сторону, я защелкиваю свои маленькие серебряные сережки-колечки и застегиваю серебряный медальон в виде сердца вокруг своей шеи.

Далее использую зеркало над комодом, чтобы нанести немного макияжа.

Я не уйду далеко.

Мои глаза останавливаются на хрустальной чаше на комодике Нейта. Я беру и рассматриваю её содержимое: в ней всё, что носил Зак, чтобы отличаться и выделяться среди всех остальных. Всё же, ирония состояла в том, что он был всегда уникальным, и не нуждался в дополнительных аксессуарах, чтобы его заметили.

Я всегда знала, кем он был, и любила его за это.

Так почему ложь? Я не могу перестать думать об этом.

— Они принадлежат тебе. — Низкий сексуальный голос, который я узнаю, удивляет меня.

Слегка подпрыгнув, я ставлю чашу на место.

— Полиция отдала ее мне, когда я ходил на опознание его тела. — Его голос нерешительный.

Я смотрю на серебро в чаше и сдерживаю свою эмоцию.

Нейт прочищает своё горло.

— Остальная часть его вещей находится в верхнем ящике моего комода. Как я уже сказал, они принадлежат тебе. Я собирался отправить все по почте, но затем ты сказала, что приедешь, поэтому решил подождать. Сумка порвалась, и Роузи положила мелкие вещи в эту чашу.

Я оборачиваюсь со словами «Кто такая Роузи», которые вертятся на моем языке, но затем мельком замечаю Нейта, стоящего в дверях, и моё сердце, тело и разум, кажется, моментально оживают. На нём надета белая футболка, другая пара джинсов с низкой талией и очки Ray-Ban. Мне требуется немного времени сосредоточиться и даже больше, чтобы заметить два стаканчика из Starbucks и пакет с выпечкой в его руках.

— Спасибо тебе. За всё. Не думаю, что когда-либо говорила тебе «спасибо».

— Ты не должна благодарить меня. — Его голос хриплый и пронизан печалью, с которой я прекрасно знакома.

— Могу я тебя кое о чём спросить?

Он кивает.

— Знаю, что спрашивала это раньше, но ты уверен, что полиция не давала дополнительной информации о том, что случилось? Я имею в виду, кроме того, что это авария на мотоцикле.

Нейт, вздрагивая, опускает глаза.

— Нет, как я говорил, он ехал слишком быстро и потерял управление, когда поворачивал, из-за чего врезался в какие-то обломки на дороге.

Проходит минута тишины.

Я вытираю глаза.

Я должна перестать плакать.

— Одна из них для меня? — Я указываю на стаканы в его руке.

Он кивает.

— Я могу войти?

— Это твоя комната, конечно, ты можешь.

Он шагает ко мне, и моё сердце колотится с неистовой силой.

— Латте и булочка. Я уверяю, этот латте намного лучше, чем тот, что я готовил вчера.

Я улыбаюсь ему.

Его ухмылка в ответ захватывает дух.

Пока я беру чашку и пакет с выпечкой, наши пальцы соприкасаются, и искра пробегает между нами.

— Я приготовила один этим утром, и кофемашине удалось сделать свою работу просто прекрасно. Но я никогда не откажусь от второй чашки.

Нейт приподнимает бровь.

— Любительница кофе, ха?

Я киваю и делаю глоток.

— Как и твой брат.

— Не до такой степени.

— Ты имеешь в виду, что не всегда ищешь лучшего?

— Нет. — Я поднимаю кружку. — Starbucks подходит мне.

— Ах, тогда держу пари, ты никогда не пробовала кубинский кофе.

— Ты прав. Не пробовала. — Я немного приободряюсь. — Но Зак постоянно отправлял мне фотографии из различных кофеен, которые ему попадались. Однажды он отправлял фотографию из небольшого бара, сидя у окна, выходящего на улицу. Вместе с фото была подпись: «Лучший кофе с молоком на этой стороне Гаваны».

Нейт делает глоток, его глаза пристально наблюдают за мной.

То, как он смотрит на меня, заставляет порхать бабочек в животе.

— Кафе «Лас Олас». Находится на Южном пляже, и у них есть лучший колада, рецепт которого передается из поколения в поколение.

— Колада? Что это?

Его радостное возбуждение соответствует моему.

— Хммм, я не уверен, что могу передать правильно словами, но это, когда кубинский кофе сделан на печи. Как только варится кофе, ты наливаешь немного в стакан с большим количеством сахара, помешивая его, пока не станет пастообразным, и затем добавляешь остальную часть кофе. Зи и я пили его шотами.

Кстати говоря, я думаю, что Нейт был на той фотографии.

— Звучит аппетитно.

— Я отвезу тебя туда утром. Ты не можешь покинуть Майами, не попробовав его хоть раз.

— Я бы с удовольствием. Я действительно хотела бы побывать в тех местах, куда мой брат любил ездить.

Он прислоняется к комоду и, кажется, в его глазах появляется огонек.

Моя свободная рука ложится на волосы, они подсохли, объём увеличился, что больше напоминает дикий беспорядок. Я прячу несколько прядей за ухо и вздыхаю, даже не осознавая, что звук был слышен.

— Ты выглядишь... — Нейт бормочет что-то, клянусь, похожее на «красиво», и неизвестно откуда появляется застенчивость в его глазах, которая заставляет бабочек в моём животе трепетать.

Кровь приливает к моим щекам.

Он откашливается.

— Ты выглядишь... готовой начать свой день.

Я опускаю взгляд, и румянец мгновенно исчезает.

— Да. Мне есть чем заняться.

— Знаю. Поэтому я вернулся.

— Я ценю это, но думала, что ты должен был работать.

— Я работал. Была недвижимость, которую я должен был осмотреть, и я жду звонка, но всё остальное может пока подождать. Моя ассистентка...

Я смотрю на него.

Нейт перестает говорить, в ту же минуту его взгляд вперивается в мой.

Его глаза насыщенного зелёного цвета, и я тону в них.

Он приближается ко мне.

У меня перехватывает дыхание.

Большим пальцем он вытирает мою нижнюю губу.

Я сглатываю, жар между нами поглощает меня.

Его прикосновение. Слова. Они неожиданные. Тёплые. Они заставляют меня чувствовать себя живой.

Движение мягкое и нежное. Я хочу дотянуться, схватить его руку и притянуть его к себе.

Но он лучший друг моего брата. Я не могу сделать этого.

Или могу?

Всё же, когда он делает шаг вперёд, от его пристального взгляда меня бросает в дрожь, отчего сердце почти останавливается.

Момент разрушен, когда звонит его телефон. Нейт бросает взгляд на экран и проводит по нему пальцем вверх.

— Харпер, ты связалась с ним?

Молчание.

— Продолжай пытаться. Я хочу купить эту недвижимость к концу дня. И по цене, которую мы изначально обговорили, а не по той, которую он внезапно запросил. Должно быть, он пронюхал о предстоящем проекте благоустройства.

Нейт морщит лоб.

— Я это понимаю. Но он делает грязную работу. Это не имеет смысла.

Больше молчания.

— Это просто, позвони Холдену и отложи объявление по проекту.

Он вешает трубку и смотрит на меня.

— Прости за это. Один придурок пытается отказаться от сделки, над которой мы работали месяцами, потому что считает, что стоимость недвижимости чудесным образом выросла в два раза.

— Но если у вас было соглашение, как он может так поступать?

— Не было никакой передачи права собственности. Он может попытаться испортить что-нибудь. Жадный сукин сын.

Я смотрю на него и вижу дерзкого, самоуверенного бизнесмена, и понимаю, почему он успешный. Снова сосредотачиваюсь на беседе.

— Я понял, что у тебя нет машины, и я в курсе, что у меня отсутствует еда в доме.

— Вероятно, мне следовало бы арендовать машину, но я стараюсь уменьшить свои расходы. Если бы я знала, что дом на настоящем острове, я бы не скупилась.

— Как долго ты планируешь здесь находиться?

— Неделю. Но я могу снять комнату, если это слишком долго.

— Нет. Я уже говорил тебе, ты остаёшься здесь.

Сама того не осознавая, делаю шаги к кровати.

— Спасибо тебе за то, что позволяешь мне остаться.

Нейт смотрит на меня и убирает свои волосы со лба.

— Что я только что говорил?

— Я знаю, но все-таки, это действительно очень мило с твоей стороны.

Он сухо смеется.

— Что?

Он качает головой.

— Просто, давно меня не называли милым.

Я подхожу обратно к комоду.

Ближе к нему.

— Ну, ты милый. Не уверена, что могла бы ответить так любезно, если бы какой-то незнакомец появился в моём доме, спал в моей кровати и фактически назвал меня лгуньей.

Он пожимает плечами.

— Не беспокойся об этом. Хочу, чтобы ты знала, я сделаю всё, что смогу, чтобы помочь тебе. Но послушай, сначала я хочу тебя кое-куда отвезти. У тебя есть время?

Я хватаю свой прозрачный блеск для губ и откручиваю крышку.

— Серьёзно? Куда?

— Есть кое-что, что я думаю, ты должна увидеть, перед тем как уедешь. Тебе понравится.

Я отвечаю ему лёгкой улыбкой и наношу блеск на губы.

— Я бы хотела съездить. И если ты не против, я бы также хотела увидеть галерею.

— Конечно, если у нас будет время. — Он кажется нерешительным.

Я подхожу к своему чемодану и вытаскиваю из него сандалии, бросая их на пол, прежде чем проскальзываю в них и хватаю свою сумку.

— Да, конечно. В любом случае я должна вернуться и подойти к лодочному сараю. Я всегда могу сходить в галерею одна в течение этой недели.

— Это будет невозможно.

Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него, думая, что он, должно быть, шутит, но вижу, что нет.

— Она закрыта. Закрыта с тех пор... — Он, кажется, неспособен закончить предложение.

— С тех пор как умер мой брат, — я заканчиваю вместо него.

— Да. Я буду ждать тебя внизу. Не спеши.

— Нейт.

Он останавливается в дверях, не двигаясь.

Я хочу сказать ему, что сожалею. Никогда не задумывалась о том, как смерть Зака, должно быть, изменила и его жизнь тоже.

Хочу сказать ему, что понимаю его чувства.

Хочу утешить его, как он утешал меня прошлой ночью. Но ничего из этого не говорю и не делаю. Вместо этого произношу:

— Я быстро.

Он кивает и исчезает.

Бросая обратно в чемодан пару вещей, застегиваю его наряду со своей другой сумкой, потягиваю латте, быстро кусаю булочку, и затем пытаюсь нести свой багаж вниз по лестнице.

Нейт находится возле окон, вид из которых выходят на воду. Стукающий звук удара моего чемодана о ступеньки, заставляет его повернуться.

— Что ты делаешь?

— Просто убираю свои вещи. После вчерашнего, думаю, что я и так достаточно заняла твоё личное пространство.

Мои глаза следуют за каждым его движением, пока он спешит ко мне.

Господи, как он двигается.

Я изучаю худощавые линии его тела, и мне нравится, как его мускулы сгибаются с каждым шагом.

Он останавливается ко мне так близко, что могу чувствовать его затрудненное дыхание на своей шее.

Мне не стоит думать именно так.

Я не подумала о сегодняшнем дне, как о последнем в своей жизни, с тех пор, как проснулась.

Это из-за него?

Может быть, он именно то, о чём я должна была думать.

Я отбросила мысль в сторону.

Это не то, о чём я должна была думать.

Затем рука Нейта накрывает мою на ручке от чемодана, и мысль появляется еще сильнее, подобно внезапному выстрелу возбуждения, поражая меня насквозь.

Я пристально смотрю на него.

Он смотрит в ответ. Его рука остаётся на своём месте, и затем он хватается другую сумку с моего плеча.

— Я думал, ты согласилась остаться здесь.

Тепло разливается по телу.

— Да, согласилась.

— Тогда, где ты планируешь спать сегодня ночью?

— Я думала, что останусь в лодочном сарае, если ты не против, конечно.

Он возвращает мои сумки вверх, прерывая нашу связь.

Я остаюсь там, где нахожусь, наблюдая, как он ставит сумки.

Мой взгляд сосредоточен на всём его теле, пока он медленно приближается обратно ко мне. Мне кажется, что он шагает гораздо медленнее, чем когда поднимался. И чем ближе он подходит, тем сильнее я могу чувствовать, как дрожу, особенно, когда его пристальный взгляд путешествует вдоль моего тела, и тепло от него накрывает меня. Нейт наконец-то останавливается, не доходя одну ступеньку до меня, и становится выше.

Он опирается рукой о стену.

— Надвигается ещё один ураган сегодня вечером. Я бы предпочел, чтобы ты осталась здесь. Можешь остаться в моей комнате. Я лягу на диване.

Я пытаюсь сосредоточиться на нём. Чтобы успокоить дыхание.

— Если это не безопасно, почему мой брат должен был жить там?

Он выдвигается вперёд ровно настолько, что мне приходится слегка запрокинуть голову назад, чтобы видеть его.

— Я не говорил, что это небезопасно. Это не так. Но во время штормов, Зи ночевал бы в гостевой комнате, если был слишком сильный ветер.

Я опускаю подбородок под его пламенным взглядом.

— Ладно, тогда я могу спать там.

— Нет, ты не можешь. Там нет постельного белья, и у меня его нет.

Зная, что он обманывает, хочу спросить почему, но чувствую, что не должна настаивать.

— Отлично. Тогда я буду спать на диване.

Он кривит свои губы в улыбке.

— Для учительницы ты плохо слушаешься.

Смеясь, я поворачиваюсь и спускаюсь вниз по лестнице.

— Колледж предоставил мне работу для преподавания, послушание не является частью моей работы.

Он насмехается.

— Ты такая же самоуверенная, как и твой брат.

Меня распирает гордость,

— Если бы так оно и было, — говорю шепотом так, что только я могу это слышать.

Зак и я были такими разными.

Он был бесстрашным. Я — боязливая.

Он был сумасбродным. Я — покорная.

Он делал всё, что хотел. Я делаю то, что от меня ждут.

Он был забавным. Я — скучная.

Правда причиняет боль, даже несмотря на то, что этого раньше никогда не было. Погружённая в свои мысли, я спускаюсь не спеша и чувствую, как ускоряется мой пульс, когда Нейт следует за мной. Как только ступаю на деревянный пол, я оказываюсь лицом к лицу со статуей и быстро разворачиваюсь. Что-то в ней заставляет меня ощущать дискомфорт.

Нейт проходит мимо меня, даже не оглядываясь.

— Идём. Давай уберёмся отсюда до того, как приблизится шторм. У нас останется время, чтобы спорить о спальнях позже.

Плетусь в гараж позади него, пытаюсь не смотреть, как мышцы его спины слегка перекачиваются, когда он достигает пассажирской двери своего черного «Рендж Ровера».

Он протягивает руку, чтобы помочь мне.

— Я сама.

Он слегка кланяется, протягивая свою руку.

— После тебя.

У меня перехватывает дыхание от его обаяния, и так грациозно, как могу, поднимаю подол своего платья, хватаюсь за ручку и запрыгиваю на сиденье. Перед тем как я усаживаюсь, гляжу украдкой на него.

Он наблюдает за мной.

— Всё готово? — Его застенчивая ухмылка говорит за себя.

Он знает, что его только что поймали за тем, как он пялится.

И теперь я едва могу дышать.

5 Глава

Скажи что-нибудь

Ущерб, нанесённый ураганом, кажется минимальным: несколько сломанных веток деревьев тут и там, но не более того. Солнце выглядывает из-за не полностью исчезнувших облаков. Брызгающие фонтаны и искрящиеся водопады, которые стоят на въезде и выезде из Палм-Айленд, работают превосходно.

Когда мы разворачиваемся с Фоунтэин-стрит на Макартур-козуэй, я не могу поверить насколько всё красиво. Вид с моста, соединяющий Майами и Майами-Бич, захватывает дух — береговая линия встречает горизонт самым завораживающим образом.

Я могла бы глазеть на это весь день.

Это доставляет мне душевный покой, который я не чувствовала со смерти брата.

— Что заставило тебя приобрести дом на Палм-Айленд? — спрашиваю Нейта, нарушая молчание, которое длилось последние десять минут.

— Рыбалка, — отвечает он, не задумываясь.

Склоняю голову набок, пока обдумываю его ответ. Затем, повернувшись, чтобы посмотреть на него, прикрывая рукой свои глаза от солнца, я вспоминаю те самые удочки, которые видела в его гараже, и не могла понять, владел ли мой брат ими.

— Ты не похож на рыбака.

Он снимает очки и предлагает их мне.

— Вот, надень их, так тебе не придётся щуриться.

— Что насчёт тебя? Ты за рулём. Тебе они необходимы больше, чем мне.

Он передает их мне.

— Я привык к солнцу.

Сдаваясь, беру и надеваю их.

Солнечный луч пробегает полосой по его лицу, но он даже не щурится, когда смотрит вперёд, потянув козырек вниз.

— Итак, скажи мне, как выглядит рыбак?

Я обдумываю его вопрос.

— Я не знаю. Пожилой, с седыми волосами, бородой, в спецодежде, возможно, в жёлтых сапогах.

Он смеётся.

— Типичный облик «Старик и море». Забавно, у меня в голове было то же самое представление, когда ты говорила это. Но, честно говоря, не я рыбак. А мой отец. Я рыбаку, потому что отец обожает это. Я купил этот дом из-за его расположения. Палм-Айленд обеспечивает меня удобством и позволяет мне запрыгнуть в лодку и прочёсывать залив Бискейн, когда я захочу. На заливе есть километры травяной поверхности наряду с мелким каменистым дном — мечта рыбака, по крайней мере, моего отца.

— Я видела твою лодку утром. Она выглядит скоростной.

— Это не просто лодка. Это катер Scarab Jet с двумя двигателями Ротакс. Пятьсот лошадиных сил чистого адреналина, — усмехается он.

Я удерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

— Должна сказать, что удивлена твоим выбором цвета, ты производишь впечатление парня, которому нравится больше черный или белый цвет.

Он приподнимает бровь.

— Если ты пытаешься сказать, что я скучный, уверяю тебя, что нет.

— Нет, это не то, что я имела в виду.

С ухмылкой на губах Нейт смотрит на меня.

— Сказал просто для ясности.

Молчание.

— Могу я быть честным? — спрашивает он.

— Да, конечно.

— Ты не далека от истины.

Моё сердце колотится быстрее.

— Глянцевый чёрный был цветом, который я изначально планировал, но я совершил ошибку, взяв с собой твоего брата на лошадиные скачки вечером, перед тем как поехал покупать лодку.

Его лицо немного напряжено.

— Продолжай. Ты можешь рассказывать о времени проведенном с моим братом, это не огорчит меня. На самом деле, я действительно хочу услышать всё, о чём бы ты хотел мне рассказать.

— Ты уверена?

— Да. Очевидно, что я не знала своего брата настолько хорошо, как считала. Может быть, ты мне поможешь узнать его немного лучше.

Озорной взгляд появляется на его лице.

Мое сердце согревает знание, что у моего брата была с кем-то такая близкая дружба.

Он всегда был таким скрытным.

Прямо как я.

— Как я говорил, мы были на скачках. Мы выпили немало пива перед последней гонкой, когда наступила ночь. Но представь моё удивление, когда Зи берёт все свои выигрыши и ставит на лошадь из-за её имени.

— И какое было имя?

Он пожимает плечами.

— Что-то вроде Просто Говори, я думаю.

Задумываясь, я морщусь свой нос.

— Это мне ни о чём не говорит.

— Я пытался его остановить. Шансы этой лошади были дерьмовыми. Но он настаивал на том, что лошадь собирается выиграть. Он сказал, что концовка фильма была классической, и не было никаких шансов, что он должен был проиграть.

— Он сказал тебе, чем всё закончилось?

Казалось, он обдумывает.

— Каким-то мужиком, держащим бум-бокс над своей головой.

— О, Господи, ты имеешь в виду фильм «Скажи что-нибудь»?

— Да, точно.

— Ты никогда не смотрел этот фильм?

Нейт трясёт своей головой.

— Нам нравился этот фильм. Мы просмотрели марафон классических фильмов восьмидесятых, когда в один из годов Зак приезжал домой на Рождество, и Мими была очень больна, чтобы мы могли куда-то пойти. Мы чередовали их с фильмами Элизабет Тейлор, когда она себя хорошо чувствовала. Мими обожала её. Ладно, извини, я отвлекаюсь от темы, продолжай.

Его ухмылка становится шире.

— Всё нормально. Я поиздевался над тем, что он выбрал лошадь по имени, а не по статистике. Он поспорил со мной на цвет моей лодки, что его лошадь выиграет. Я посмотрел на прогноз возможного выигрыша и согласился на спор. Затем потратил добрых десять минут, выбирая себе лошадь прежде, чем сделал свою ставку. И, мать вашу, знаешь что? Его лошадь выиграла.

Я громко смеюсь.

— Типично для Зака идти напролом.

— Да, это уж точно.

— Что должен был он сделать, если бы проиграл?

— Ох, ну есть некоторые вещи, которыми не стоит делиться с сестрами друзей.

— Прощу прощения, но это нечестно.

Он пожимает плечами.

— Извини, но ничего не могу поделать.

— Ну, по крайней мере, закончи историю.

— Это я могу сделать. Так, на следующий день, он прибыл со мной к пристани и выбрал самую ярко-красную лодку, которая была в наличии. Я закатил глаза, но не отказался от спора. Красная или нет, плыть на ней подобно мечте.

— Мальчишки и их игрушки. Вы как из сериала «Полиция Майами: Отдел нравов».

— Знаешь, как говорят?

Я морщусь.

— Как?

— Живи полной и активной жизнью!

Я делаю рваный судорожный вдох.

— Я думаю, что мой брат, возможно, использовал этот девиз несколько раз и любил свои игрушки тоже. Просто не катайся на своих слишком быстро.

— Дерьмо, прости меня. Я не должен был этого говорить. Не знаю, почему сказал.

— Нет, всё в порядке. Разве это не то, что Зак делал — поворачивал слишком быстро?

— Это было не так просто. Я уже говорил тебе, что из-за обломков на дороге он потерял управление.

Я опускаю голову.

— Да, со скоростью восемьдесят миль в час и без шлема.

— Эй, посмотри на меня.

Когда я этого не делаю, он вытягивает руку и приподнимает мой подбородок.

— Он прожил свою жизнь так, как хотел прожить. Мы должны признать это.

— Я признаю. Всегда признавала. Ты просто не понимаешь.

— Я понимаю. Он был важен для меня. Я чувствую, будто тоже потерял своего брата в этом несчастном случае. И, Зои, даже после того, как ты уедешь, и если ты когда-нибудь захочешь поговорить о происшествии, о нём или о чем-либо другом, я здесь.

Я сжимаю его руку.

— Спасибо тебе. По твоим рассказам видно, что он был важен для тебя, как и ты для него.

Его тёплое прикосновение вдруг исчезает.

Я закрываю глаза, сдерживая слёзы.

Молчание, которое, кажется, продолжает овладевать нами, наполняется звуками

внедорожника.

Как только мне удаётся развеять печаль, я открываю глаза.

Нейт выглядит потерянным в своих мыслях. Что-то привлекло его внимание, что-то, что кажется почти болезненным.

— Итак, куда мы направляемся? — спрашиваю, надеясь разрушить барьер, который возник между нами.

Нейт изгибает свою бровь.

— В одно место, от которого Зи не мог держаться в стороне.

— В какое? — спрашиваю снова.

Его ухмылка становится шире.

— Просто подожди. Мы почти на месте.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты любитель командовать?

— Никогда, — отвечает он незамедлительно, с ухмылкой, переходящей во всезнающую улыбку.

Я закатываю глаза.

— Сомневаюсь в этом.

— Ну, один человек постоянно об этом говорил.

Единственным, кто мог бы это делать, — был мой брат. Нейт может быть пугающим, и держу пари, что большинство людей, с которыми он вступает в контакт, никогда бы не сказали что-то подобное.

Кроме того, я не боюсь его. Не могу объяснить почему. Может, из-за того, что я чувствую, будто знаю его благодаря Заку. Или потому, что мне с ним хорошо.

Или, может быть, просто потому, что он — единственная связь с моим братом, что у меня осталась.

— Мы приехали, — говорит Нейт, въезжая на парковку, покрытую гравием.

Высоко на красочной стене, с видом на ряд ресторанов и баров, изображен человек в ковбойской шляпе и в галстуке, с разведенными руками. И позади него много миль подобных граффити.

— Где мы?

— «Винвуд Уоллс», но мы называем его просто «Уоллс».

— Что это за место? — спрашиваю, находясь в восторге.

Нейт открывает свою дверь и оглядывается на меня.

— Это отчасти похоже на открытую галерею.

— Потрясающе.

— Я знаю. — Улыбается он.

Я открываю дверь со своей стороны.

— Оставайся там. Я помогу тебе выйти.

— Я могу сама. — Но даже прежде чем тяну подол своего платья, Нейт оказывается у моей двери, протягивая руку.

Бабочки трепещут в моём животе, пока я выхожу из машины.

Нейт отводит глаза, когда улыбаюсь ему, но я замечаю в них застенчивость.

Когда я стою так близко к нему, мой пульс скачет. Это напоминает мне, что я всё ещё жива.

Мне нравится это чувство.

Он сует свои руки в карманы, как будто подумывает о том, чтобы схватить мою, но

засунуть свои пальцы внутрь джинсов является лучшим решением.

Я иду рядом с ним, и когда мы проходим под синим металлическим знаком, на котором написано «Винвуд Уоллс», повсюду появляются окрашенные изображения. Они охватывают большие складские блочные помещения: иероглифы, изображения Далай-ламы, арахисовые плантации, бурундуки из мультфильмов, и, похоже, счастливые сгустки бактерий.

— Эй, Нейт, дружище, где, мать твою, ты пропал?

Я вижу мужчину, приближающегося к нам с протянутой рукой, и его глаза расширяются, когда он замечает меня.

— Сантьяго, как дела? — Нейт хватает его ладонь и то, что происходит дальше, я могу описать, только как мужское объятие: пожатие рук, быстрое объятие и еще более быстрое отступление друг от друга.

— Дела в мастерской продвигаются довольно неплохо. Если всё пойдёт хорошо, я должен буду её открыть к осени.

Нейт кивает и обращает свои глаза ко мне, замечая, что Сантьяго уже смотрит на меня.

— Это хорошо для тебя, мужик. Рад, что всё получилось.

— Я бы не смог этого сделать без твоей помощи.

— Не прибедняйся.

— Никогда, — говорит он, затем вскидывает свои брови. — Красавчик, ты собираешься представить меня?

Красавчик?

Рука Нейта ложится мне на спину, и дрожь пробегает по моему позвоночнику.

Я думала, он, должно быть, забыл, что я стояла рядом с ним.

Я смотрю на него.

Он опускает взгляд.

Клянусь, что снова вижу эту застенчивость.

— Да, конечно. Это сестра Зи, — говорит он.

— Да неужели.

Я протягиваю руку.

— Привет, я Зои.

Сантьяго берет мою руку и пожимает её, улыбаясь с такой добротой, которая кажется слишком мягкой для его грубоватого вида.

— Ты должен был предупредить меня, что она в городе.

Нейт убирает руку с моей поясницы, и я оплакиваю эту потерю.

— Я разговаривал с твоей женой сегодня утром. Вы когда-нибудь двое общаетесь между собой?

Сантьяго пожимает плечами.

— Слишком много. Поэтому, в конце концов, я отключаюсь от неё, не обращаю внимания

Нейт смеётся.

Я таю от этого звука.

Смотрю на него и бормочу:

— Красавчик?

— Не слушай его, — Нейт говорит тихо в ответ, наклоняясь ближе ко мне.

Я бегло его осматриваю.

— Мне виднее, — говорю со смешком.

Его тело напрягается.

Возможно, это был слишком явный флирт.

Сантьяго озирается кругом, затем складывает руки возле рта.

— Эй, Гонщик, иди сюда. Есть кое-кто, с кем ты должен познакомиться.

Характерные запахи свежей краски и высохшего пота ударяют в мой нос. До того, как я начинаю понимать, откуда исходит этот запах, худощавый парень на скейте катится позади Нейта, и для того, чтобы остановиться, он делает так, что конец его доски переворачивается.

— В чём дело? — говорит он Сантьяго.

— Ты ни за что не догадаешься кто это.

Вряд ли он старше двадцати одного года, но его глаза смотрят на меня, будто я девушка, в которой он мог бы быть заинтересован.

Я сдерживаю смех.

Нейт подходит ещё ближе и подталкивает Скейтбордиста, но затем протягивает руку и тянет его за шею, взлохмачивая ему голову.

— Ну и как лето влияет на тебя?

Скейтбордист тянется назад и пытается освободиться, очевидно, ему не нравится тот факт, что это выглядело так, будто он ребенок. Он смотрит на меня и опускает формальности, издавая громкий свист.

— Ты сестра Зи.

— Да.

— Идём со мной. Мне нужно кое-что показать тебе.

Прежде чем я отвечаю, Нейт вмешивается:

— Мы здесь только для небольшой прогулки. У Зои много дел сегодня.

— Расслабься, Нейт. Зи тоже был моим другом. Я не собираюсь ничего делать. Я просто хочу ей кое-что показать.

Нейт поднимает ко рту свой кулак и кажется, давится от смеха.

— Конечно, — говорю я, избегая изумленного взгляда Нейта, направленного на парнишку перед нами.

Сантьяго хлопает Нейта по плечу.

— Слушай, есть кое-что, о чём я хотел бы с тобой поговорить.

Их разговор затихает по мере того, как я ухожу со Скейтбордистом, который теперь несёт свою доску под мышкой. Мы спускаемся вдоль обширных блочных складов с небольшими переулками. Один в особенности захватывает мое внимание, когда я вижу яркую фреску дракона ч растущими пальмовыми ветвями на заброшенном здании.

— Я действительно сожалею о том, что случилось с твоим братом. Он был отличным парнем, и нам не хватает его.

Голос Скейтбордиста прорывается сквозь мои мысли. В его словах появляется искренность, и я могу сказать, что он, должно быть, уважал моего брата.

— Ты хорошо знал его?

Он кивает.

— Достаточно хорошо. Я виделся с ним каждый уикенд, когда он обычно приезжал с Нейтом в общественный центр. В то время, пока Нейт обучал, он сидел без дела и показывал некоторым из нас, как рисовать героев мультфильмов. Он был довольно крут, но около года назад перестал появляться.

— Почему?

Он пожимает плечами.

— Без понятия, но этот чувак должен был быть художником.

— Он и был художником.

— Да, знаю, что был, но я имею в виду, что в нём было больше потенциала.

Я смотрю на него вопросительно. Зак говорил, что продавал свои картины, так что я не уверена, о чём говорит Скейтбордист.

— Его дела шли хорошо. — Я стараюсь не оправдываться.

— Ой, я и не знал. Просто никогда не слышал, чтобы он говорил о продаже любой из своих картин, как и все ребята, что тусуются здесь.

Просто ещё одна тайна, которую необходимо раскрыть.

Мы сворачиваем за угол, и цветовая гамма полыхает от здания к зданию.

— Ты говорил, что Нейт обучает в общественном центре?

— Да, БДД. Он вызывается добровольно утром каждого воскресенья. Я брал у него уроки с тех пор, как научился ходить.

— БДД?

— Бразильское джиу-джитсу. У него чёрный пояс.

— Это то, на что я бы с удовольствием посмотрела. Вы встречаетесь завтра утром?

— Центр закрыт с прошлой недели.

— Почему?

— Отсутствие финансирования.

— Это очень плохо.

— Да. Многие дети ходили туда, вместо того, чтобы тусоваться на улицах.

Я вдруг резко останавливаюсь и в изумлении пялюсь на потрескавшийся чёрно-белый бордюр, на котором изображен взрыв радуги. Над радугой золотыми печатными буквами написано: «Я ПОМНЮ РАЙ».

— Круто, верно?

— Да. — Я понятия не имею, говорит ли он о Нейте или о живописи, но круто относится и к тому, и к тому.

— Пойдём, прежде чем Нейт меня поймает, — язвительно замечает Скейтбордист из-под своей низко надетой кепки.

Я трясую головой.

— Мы просто друзья.

— Правильно, так каждый чувак глазеет на цыпочку, как он смотрел на тебя, — говорит Скейтбордист, опустив свою доску и отталкиваясь на ней.

— Эй, постой! — зову я, догоняя его. — Что ты имеешь в виду?

Он останавливается в конце блока и показывает на стену.

Я также останавливаюсь, практически запыхавшись.

— О, боже мой. — Моя рука взлетает ко рту.

— Видишь, как я узнал тебя?

Слёзы текут из моих глаз, пока я пялюсь на изображение двух детей примерно десяти лет — на мальчика и девочку, очень похожих друг на друга. У мальчика короткие волосы, у девочки — длинные вьющиеся. Их волосы тёмно-рыжие. Мальчик держит в руках два вафельных рожка с черно-розовым мороженым. У девочки в руках одно шоколадное. Слова «Моё любимое воспоминание» написаны сверху красным цветом.

— Он не хотел, чтобы кто-нибудь знал, что это его. Он говорил, что это было для него.

— Но ты знал об этом? — Мой голос дрожит.

— Я был здесь однажды в воскресенье утром и видел, как он рисовал это.

Я копошусь в своей сумочке, чтобы найти телефон и запечатлеть это на фото. После того как бросаю свой телефон обратно в сумочку, я смотрю на Скейтбордиста.

— Есть ли ещё другие нарисованные работы моего брата, которые ты мог бы мне показать?

Он качает головой.

— Стены перекрашиваются каждый год, позволяя большинству художников продемонстрировать свои таланты. Насколько мне известно, эта единственная работа, которую он нарисовал в этом году.

— Есть ещё одна, — грубый голос Нейта раздаётся позади меня.

— Ты знал?

— Нет, об этой не знал.

Он пристально смотрит.

Та же самая грусть, которая наполнила мои глаза, заполняет и его. Он выглядит потрясенным.

— Всё в порядке? — спрашиваю я.

Он кивает головой. Мне кажется, у Сантьяго были какие-то плохие новости.

Прежде чем я интересуюсь, Нейт машет головой в другом направлении.

— Идём со мной. Есть ещё кое-что, что тебе необходимо увидеть.

Скейтбордист встает на свою доску.

— Было классно познакомиться с тобой. И я говорил тебе, что он поймает меня.

Смеясь, я кричу, перед тем, как он поворачивает за угол:

— Спасибо тебе!

Мы оба наблюдаем, как он уходит.

— Это потрясающее место.

— Я знаю. Здесь очень много талантливых художников.

— Они переносят свою работу на полотно и продают?

— Некоторые, но их не так много.

— Почему?

— Трудно зарабатывать на жизнь, продавая здесь.

— Что ты имеешь в виду?

— С тех пор, как возродилось всё Южное побережье, продажи искусства едва ли происходят на этой стороне моста. Если ты художник, то хочешь, чтобы твои работы продавались через мост, однако попасть в эти галереи не так просто — это совершенно другая культура.

— Как это?

— Майами-Бич — это модно, большинство покупающих людей предпочитают художников с авторитетным именем. Они готовы платить миллион за один подлинный кусок, но не будут платить сотню за неизвестное. Для некоторых людей это становится сложным выжить. Таким образом, вместо этого, они проводят свое время на фестивалях и рынках. И это работает. И они довольны.

— Почему? Почему никто не покупает здесь? Всё так захватывает дух.

Он пожимает плечами.

— Так устроен мир, я полагаю. Дело в том, что это началось как проект по

возрождению районов, способ держать каждого занятым каким-либо делом и подальше от улиц. И как ты видишь, это сработало. Обнаружено много скрытых талантов, уровень преступности понизился, район обрёл жизнь, и по всем параметрам, это было действительно успешным.

— Ну, ты был прав, мне действительно здесь очень нравится, несмотря на жару. — Я немного обмахиваюсь своим клатчем.

Довольная ухмылка появляется на его лице, и у меня есть острое желание обнять его.

Но я так не поступаю.

Вместо этого иду рядом с ним, пока он ведёт нас через лабиринт зданий по улице, затем мы входим в парк с большими красивыми деревьями, валунами и детишками, которые сидят на них и разговаривают.

— Что это за место? Оно выглядит иначе, — говорю я.

— Это «Винвуд Дорс». Тони Голд был местным разработчиком, который был частично ответственен за преобразование Южного Пляжа в сегодняшнюю мекку. Тогда примерно двенадцать лет назад он имел представление того, что я называю «районы Элизы Дулитл». Он спланировал проект реконструкции всего этого района, как дань городской жизни. Было имело несколько этапов — этот второй. В «Уоллс» он хотел перемен, а здесь — преемственности. Таким образом, он установил металлические роллетные ворота для использования граффити. Их не стирают годами, вместо этого они остаются покрашенными и любой, если захочет, может оставить свои отметины на них где угодно. Видишь вон там? — Он указывает на роллетную дверь посередине. На ней изображено великодушное человеческое лицо, так правдиво нарисованное, что похоже на фотографию.

— Да, это единственная дверь без граффити на ней.

— Город попросил Зи нарисовать портрет вскоре после смерти Голдена. Это была действительно большая честь, но будучи верным себе он никогда никому не говорил. Я знал, потому что состоял в комитете.

Я поворачиваюсь к Нейту и на этот раз обнимаю его.

— Спасибо тебе. Спасибо, что привёл меня сюда. Вот как я представляла себе жизнь моего брата.

Нейт не очень уверенно отвечает на объятие, но мне всё равно. Речь идёт не о страсти или желании — это благодарность. Его тёплое дыхание опалает мою шею.

— Идём, давай я проведу тебя через Эль-Баррио.

— Ты говоришь по-испански?

— Достаточно, чтобы понимать.

Поджимаю губы вместе, приподнимая брови.

Я под впечатлением, даже если он ведёт себя безразлично.

Мы подходим к тротуару и идём вниз по улице. Когда мы прибываем к Эль-Баррио, я осознаю это сразу же. Палатки образуют квадрат. Это полнейший хаос, заполненный людьми. Слева продавцы торгуют своими товарами. Справа — шквал выбора продуктов питания.

Нейт показывает в какую сторону идти, потирая свой живот.

— Как насчёт того, чтобы покушать? Я умираю с голоду.

Мои глаза скользят по его потрясающему рельефному прессу.

— Конечно.

Пялясь на Нейта, я даже не замечаю, как он останавливается, и я врезаюсь прямо в него.

В момент, когда он поворачивается, наши губы практически соприкасаются.

Его тело напрягается, и он отдергивает голову.

Чувствуя, что немного покраснела от этого контакта, я быстро разворачиваюсь и начинаю рассматривать очки на стенде рядом со мной, выставленные на продажу.

Пока копаюсь в них, хорошо выполненная подделка «Вайфареров» темно-синего с белым цвета попадают мне на глаза.

— Что скажешь?

— Выглядят мило.

— Может, тебе стоит взглянуть, как они на мне сидят? — Я подношу их к своему лицу и надеваю... — Что скажешь сейчас?

Он осматривает меня быстрым взглядом.

— Хорошо... в смысле, мило, — повторяет снова.

Ладно, похоже, что он либо не покупатель, либо не из тех, кто комментирует. Я поворачиваюсь к торговцу женщине, и когда это делаю, то замечаю пару красных и розовых очков. Я беру их тоже, они подойдут к некоторым мои платьям, которые я привезла с собой.

— Сколько вы хотите за эти три пары?

— Двести долларов.

Мои глаза широко распахиваются. Может быть, это и не подделки. Я снимаю с лица голубые.

— А за эти сколько?

Хрипловатый голос Нейта вмешивается в разговор, и он начинает говорить на испанском языке с пожилой женщиной за столом.

— *Cuál es tu mejor precio...* (прим. перев. Ваша лучшая цена...)

Слова смешиваются в беспорядке, когда между продавцом и Нейтом разговор набирает скорость. На мой взгляд, это выглядит гораздо больше, чем просто «достаточно, чтобы понимать».

— Нейт, всё в порядке. Мне действительно не нужны очки, — говорю я.

Он игнорирует меня, всё ещё общаясь на этом горячее чем ад испанском языке, а потом внезапно женщина улыбается ему.

— *Si, señor, estamos de acuerdo* (прим. перев. Да, сеньор, мы согласны).

Нейт вытаскивает свой бумажник и протягивает женщине пять двадцаток.

Я хватаю его за запястье, в то время как она берёт деньги.

— Нет, позволь, я заплачу ей. — Ставлю сумочку на стол и шарюсь в ней в поисках кошелька.

— Они принимают кредитные карты?

— Нет. — Его рука, нежно прикасаясь, накрывает мою.

Я просто пялюсь на него.

— Я заплатил, — говорит он.

Женщина протягивает мне небольшой пластиковый пакет, и я беру его.

— Я верну тебе деньги.

Чувствую себя идиоткой.

Он пожимает плечами.

— Я только хочу вернуть назад свои очки.

— Ох, точно. Вот, держи.

Я надеваю их на его лицо.

Нейт быстро выхватывает их у меня, прежде чем я даже успеваю надеть их ему на нос. Я стараюсь проигнорировать его реакцию и вместо того, чтобы зацикливаться на этом, достаю из пакета голубые очки, надеваю их и затем позирую.

— Прекрасно, — почти неслышно говорит он.

— Думаешь?

Мягкий, сексуальный смех соскальзывает с его губ.

Я строю из себя Мэрилин Монро и посылаю ему воздушный поцелуй.

Откуда это взялось?

Так совсем на меня не похоже.

Его взгляд прикован ко мне.

Мои щёки краснеют, и я отвожу взгляд.

— Да, прекрасно, — повторяет снова.

Нейт идет к торговым рядам, от которых восхитительно пахнет едой, и я стараюсь не отставать, но проклятые бабочки решают взлететь и замедлить меня.

Он останавливается и ждёт меня.

Начиная с блинчиков с мясом, чуррос, дешевого вина, пирога с фруктами и мясных кебабов, трудно решить, что выбрать, таким образом, мы останавливаемся практически у каждой торговой палатки, чтобы что-нибудь съесть.

— Попробуй это, — настаивает Нейт.

— Не могу. Сейчас лопну.

— Ты должна. Ты не можешь вернуться назад в Нью-Йорк, не попробовав что-нибудь из этого.

— Ладно. — Я открываю рот, не подумав.

И он делает шаг вперед, чтобы покормить меня.

Его глаза прикованы к моим губам.

Я задерживаю дыхание, и внезапно Нейт замирает.

Мы пристально смотрит друг на друга, не отрывая глаз, кажется, в очередной раз наши тела естественным образом приближаются друг к другу.

Я накрываю его руку своей и откусываю.

Он быстро убирает руку, но его тело остается рядом.

Я медленно жую.

Наши взгляды остаются прикованными друг к другу.

Когда вкус отмечается у меня во рту, я выпаливаю,

— Что это?

Момент разрушен.

Нейт отступает и смеётся.

— Пирог из гуавы.

— Ох. — Я накрываю рот рукой.

— Ты можешь попробовать его только здесь.

Я пытаюсь не гримасничать, но моя неприязнь к вкусу, должно быть, очевидна.

— Только не говори мне, что тебе не нравится это.

Я трясую головой.

— Думаю, мне нужно выплюнуть это.

— Ты шутишь?

— Нет. На вкус это будто арахисовое масло смешано с чем-то, что мне не нравится.

— Это арахисовое масло. Арахисовое масло, смешанное с гуавой.

Я глотаю то, что у меня во рту, и возвращаю ему назад всё остальное.

— Это всё твоё.

Он ухмыляется мне таким очаровательным способом, что заставляет моё сердце стучать быстрее.

— Ты пьешь мой кофе, но не ешь самое лучшее лакомство.

Я смеюсь.

— Извини.

Нейт откусывает кусочек от пирога и кажется более гордым, чем когда-либо. Его взгляд нежный и дразнящий, поскольку он съедает всё до последнего кусочка. Мы глазеем друг на друга, и странное чувство страсти охватывает меня. Кто-то врезается в Нейта.

Он, кажется, отгоняет свои мысли прочь.

— Идём, нам следует вернуться.

Мы возвращаемся к его «Рендж Роверу», одновременно восхищаясь тем, что нас окружает.

Я оглядываюсь и смотрю на него. Чувствую, что меня тянет ко всему, что связано с ним. Его здравый смысл, доброе сердце, то, как он смотрит на меня — то, как я себя чувствую благодаря ему.

Он тоже смотрит на меня.

Я быстро отвожу свой взгляд и смотрю на небо.

— Похоже, будет дождь.

— Да. Не беспокойся, я доставлю тебя назад до того, как начнётся шторм.

— Я не беспокоюсь.

Он делает шаг впереди меня и оборачивается, продолжая идти спиной. Ветер треплет мои волосы возле лица, и Нейт нежно убирает их в сторону.

Я закрываю глаза и чувствую, как сердце бьётся чаще.

— Ты кажешься бесстрашной, — говорит он.

Я открываю глаза и пытаюсь сдержать печаль в голосе.

— Я вовсе не бесстрашная.

Нейт трясёт головой.

— Ох, я не согласен. Я думаю, что ты себя недооцениваешь.

Я улыбаюсь и позволяю ему в это верить.

— И кто ты? — спрашиваю я кокетливым тоном, который появляется из ниоткуда.

Он смотрит через плечо, а затем поворачивает назад, чтобы идти рядом со мной.

— Хммм... хороший вопрос. Кто я? Я родился Майло Натаниэлем Хэнсоном, сыном Майло Хэнсона, меня называли его именем, но никогда так не звали. Пока рос, я верил, что «Трансформеры» были настоящими, думал, что «Могучие Рейнджеры» ходили со мной в школу, и никак не мог насмотреться «Звёздных войн» всегда. Это тебя устраивает?

Я смеюсь.

— Да. Теперь я знаю, какие фильмы ты любишь смотреть.

— Ну, кто знает, когда эта фишка может пригодиться.

Поскольку мы становимся ближе к выходу, толпа, кажется, уплотняется, и Нейт берёт меня за руку, чтобы провести через неё. Когда он внезапно останавливается, я сталкиваюсь с ним. Моя грудь врезается в его спину. Он оборачивается.

— Извини. С тобой всё в порядке?

— Я в норме.

В ту же секунду он замечает, насколько близко находятся наши лица, опускает меня и продолжает идти. Я ускоряюсь, чтобы не отставать от него. Что-то происходит. Я могу сказать, что его притягивает ко мне, но как только мы становимся физически близко, он отстраняется.

Не уверена почему.

Мы доходим до конца парковки, и я не прекращаю восхищаться им. Его тело стройное и высокое, а не большое и громоздкое. Он умный и забавный. Добрый и обаятельный, и мне гораздо тяжелее, когда он игнорирует влечение.

— Готова? — спрашивает Нейт, открывая дверь автомобиля. На сей раз он не предлагает руку.

Я смотрю на него.

— Что? Ты не собираешься помочь мне забраться?

— Ты бесстрашна. У тебя получится. Но если ты упадёшь, не беспокойся, я здесь, чтобы поймать тебя.

Я быстро залезаю внутрь, пытаюсь успокоить своё быстро мчащееся сердце.

Пока мы выкруливаем со стоянки, я смотрю позади себя, размышляя о том, что давно не была так счастлива, как сегодня.

Я увидела частичку своего брата.

И провожу время с человеком, который помогает мне во время этого путешествия. Смотрю в его сторону.

— Спасибо тебе за то, что отвёз меня туда.

Его зеленоглазый взгляд поразительно мощный, но когда он смотрит на меня, кажется, проявляется доброта.

— Я знал, что тебе понравится.

Пальцы Нейта сжимают руль, пока он легко справляется с «Ровером», маневрируя через поток движения, и такое чувство, что он всегда осознает ситуацию и полон уверенности. Пространство заполнено тишиной, поскольку мой разум переполнен. Когда он сворачивает с дороги, я, наконец, смотрю на него.

— Могу я спросить кое о чём?

— Конечно, — говорит он, проезжая Фонтэин-стрит.

— Как ты думаешь, почему мой брат сказал мне, что приобрёл дом, хотя этого не делал? Это не имеет смысла.

Хватка Нейта на руле усиливается.

— Хотел бы я ответить тебе на этот вопрос, но думаю, ты сможешь разобраться с этим лучше меня.

Вздыхая, я сжимаю медальон.

— Я боялась, что ты скажешь именно так. Я ломала голову весь день, но не могу придумать какую-либо вескую причину. Я думала, он искал безопасного вложения своих денег, когда рассказал, что купил дом на воде.

Тело Нейта заметно напрягается.

— В чём дело?

Он подъезжает к остановке возле железных ворот, которые открываются в сторону его улицы, и смотрит на меня.

— Как ты думаешь, сколько денег у него было?

— Я не уверена. Знаю, что он продавал свои эскизы за довольно приличную сумму. Так как он был в состоянии помочь мне выплачивать долг за дом Мими и оплатить все счета за её лечение. Я говорила ему, что не было необходимости. Я уже объединила все счета в один кредит и давала частные уроки искусства, чтобы оплатить все, но Зи настаивал на том, что у него было денег более чем достаточно, чтобы позаботиться об этом.

— О какой сумме ты говоришь?

— Мими взяла второй ипотечный кредит на дом, так что было сто семь тысяч. И её медицинские счета были чуть больше двухсот тысяч.

Нейт откашливается или, возможно, давится.

— Он оплатил оба этих кредита в течение года?

Я киваю.

Он подъезжает к дому, но не вынимает ключи из зажигания.

— Зои, не то чтобы я знал достаточно о его финансах, но знаю, сколько он получал в галерее, и эта сумма далека от этого. Я платил ему, сколько мог, но галерея не приносила такого дохода.

— Он говорил, что продавал свои эскизы для выплаты кредитов. Говорил, у него было немало дополнительных денег.

Нейт медлит.

— Что ты думаешь? Скажи мне.

— Насколько мне известно, он не продал ничего за последние годы.

Слова исходят из моего горла и звук голоса не похож на мой:

— Тогда, где он мог получить такие деньги?

Нейт трясёт своей головой

— Я, правда, не знаю.

С подъездной дорожки я могу видеть соседние дома. Коротко подстриженные газоны, круговые подъездные аллеи, и обе с фонтанами перед ними. Затем я смотрю на дом Нейта, он намного меньше их, хотя намного больше, чем мой собственный.

— Как ты думаешь, мог ли твой отец одолжить ему?

Он смотрит вперёд.

— Нет, исключено.

— Ты уверен?

— Да, у моего отца просто нет таких денег.

— Ну, он достал их откуда-то, но откуда?

Нейт смотрит на меня с таким же потрясенным взглядом, как у меня.

— Я, чёрт побери, без понятия, но предполагаю, он сказал тебе, что ему принадлежал этот дом и он продает свои эскизы, чтобы ты поверила в его финансовое благополучие и позволила оплатить долги.

Мой желудок сжимается.

Звонит телефон Нейта. Он смотрит на дисплей.

— Мне нужно ответить.

Я киваю.

— Ты связывалась с ним? — Пауза. — Я буду там через двадцать минут.

Нейт смотрит на меня и берёт меня за руку.

— Мне нужно на встречу в офис. Я вернусь сразу же, как только смогу, и мы постараемся во всём разобраться.

Боль сжимает мою грудь. Картинки с оружием, угнанными машин, ограблениями, воровством, а также сделками с наркотиками всплывают у меня перед глазами. Я гоню их прочь. Не хочу верить в то, что Зак мог заниматься чем-то нелегальным. Но откуда он раздобыл эти деньги?

6 Глава

Говорят

Говорят, мертвые не разговаривают. Говорят, мертвые никогда не покинут тебя. Много чего говорят о мертвых. О чём не говорят, так это о том, что тебе делать, когда они оказываются теми, кем ты себе их представлял.

Думаю, ты начинаешь с того, что пытаешься понять их, или же продолжаешь всю жизнь задаваться вопросами.

Срабатывает сигнализация, когда я вхожу через дверь в гараж. Я выключаю ее и осматриваюсь. В доме так тихо. И хотя солнце просачивается сквозь облака и кругом светло, окружающая негостеприимность сильно на меня влияет.

Нейт живёт здесь, но место выглядит отнюдь не жилым. Ни в чем не видно личного вклада... Как будто он просто ночует здесь. Не уверена, почему пустота так сильно влияет на меня, но торопливо иду по огромному пространству и поднимаюсь вверх по лестнице. Быстро переодеваюсь в шорты и обтягивающий топ и возвращаюсь вниз за считанные секунды, резко останавливаясь возле статуи. Статуя женщины, чей взгляд падает на воду, кажется потерянной и одинокой. Вчера я считала, что это была единственная вещь, которая не принадлежала этому месту, но сегодня, так как я пристально смотрю на опустошение в её глазах, я думаю, что она полностью принадлежит ему.

Она точь-в-точь отображает мои собственные чувства.

Ключи от лодочного сарая всё ещё находятся на столе.

Сомневаясь, я медлю перед тем, как хватаю их. Беспокойство поглощает меня.

Что, если я ничего не обнаружу?

Или, что, если я найду там нечто, чего не собираюсь искать?

«Ты снова ищешь повод для того, чтобы двигаться вперед».

Мой внутренний голос напоминает мне к чему вся эта поездка.

И по какой-то странной причине, на ум приходит Нейт.

Немного пробегая трусцой по задней веранде, через считанные секунды останавливаюсь возле деревянной двери. Забавно, но прошлой ночью под дождём расстояние казалось длиннее.

Зелёная краска в некоторых местах шелушится, и дерево выглядит потрёпанным, даже разрушенным, но ключи легко проникают в замок.

Я открываю дверь и обнаруживаю перед собой не то, что ожидала увидеть. Хрупкая старая рыбацкая лодка уютно пристроена в доке, едва колеблясь от приливов и отливов волн. Я думала, рыбацкая лодка Нейта была Scarab. Оглядываюсь по сторонам. Огромное количество рыболовных снастей привязано на крючки к одной из стен, с коробками инструментов и сеток на полу под ними. У другой стены множество сложенных коричневых коробок, и справа от них находится лестница. На старой деревянной обшивке висят фотографии разных людей на разных этапах их жизни, и все с гордостью держат свои уловы.

Боже мой. Здесь есть фотография Эрнеста Хемингуэя рядом с человеком, который держит рыбу и, должно быть, является дедушкой Нейта.

В то время как ступаю дальше, изучаю фотографии.

На одной мужчина, который, я полагаю, является дедушкой Нейта, и мальчишка; оба улыбаются с уловами в руках. На другой фотографии мальчишка уже взрослый мужчина, снова оба улыбаются со своими уловами. И на следующих фотографиях появляется другой маленький мальчик — Нейт. Пожилого человека нет, он заменен человеком, который наверняка приходится ему отцом.

Моя рука взлетает к сердцу, когда я поднимаюсь до верхней части лестницы, фото Зака и Нейта с этим мужчиной между ними, каждый держит рыбу, у моего брата самая большая.

Мой брат рыбак. Кто бы мог подумать?

Смахиваю слёзы с глаз и открываю дверь.

Спертый воздух и запах мусора говорят мне, что никого здесь нет. Я продвигаюсь дальше, зажав нос пальцами руки. Деревянные полы, клетчатый протертый диван, телевизор, игровая приставка на полу, маленький деревянный кухонный столик, и повсюду фотографии со мной и Мими. Это место в полном беспорядке, но, несмотря на это, я снова рыдаю, поскольку вхожу в помещение, в котором раньше жил мой брат. Я узнаю его присутствие здесь.

В воздухе витает резкий запах, и я быстро направляюсь на кухню. Подавляя рвотный рефлекс, беру мусорный пакет из ящика и затем решаю открыть холодильник. Просроченное молоко и контейнеры с китайской едой идут прямым ходом в пакет, который я незамедлительно отношу к большому зелёному мусорному баку, который увидела ранее на стороне гаража.

Как только возвращаюсь, заглядываю под раковину, и так как там нет освежителя воздуха, беру очиститель окон «Уиндекс» и распыляю его в раковину, чтобы избавиться от зловония.

Упираясь руками в бёдра, сканирую комнату, и мои глаза останавливаются на задних раздвижных стеклянных дверях. Они должны быть открыты немедленно. Силой мне удаётся их раздвинуть. Двери тяжёлые и кажется, застревают, но я наконец-то их открываю.

Вид потрясающий.

Это самое красивое, что я когда-либо видела. Меня привлекает спокойствие воды, я выхожу на палубу и опираюсь на перила, вдыхая свежий чистый океанский бриз.

Я в окружении суши, моря и неба, что может быть лучше?

Затем я вижу это: его мольберт спрятан в углу. Да, видение того, как Зак рисует здесь — единственная вещь, которая может сделать это место более прекрасным. Затем я ощущаю, как он, должно быть, был счастлив здесь.

Это место является раем.

Солнце ныряет за облака, пока я отсиживаюсь на палубе на одном из двух жёлтых полосатых стульев и подбираю альбом для рисования, скрытый за мольбертом.

Он промок.

Страницы сморщились, и некоторые листы склеены вместе, но мне удаётся листать их.

Сцена моря — проносящиеся лодки и полет птиц. Должно быть, это зарисовка места справа от меня. Есть подпись «Рай», и я улыбаюсь. Мои первые мысли были правильными.

Я перелистываю страницу на красочный эскиз с лицом красивой женщины с чёрными волосами, завораживающими тёмными глазами и смуглым цветом лица. Есть сердечко чуть выше заголовка, который размазан, так что я не могу прочесть его.

Это кто-то, в кого он был влюблён?

Следующие несколько страниц слиплись между собой. Я листаю до того момента, пока не наткнулась на рисунок с парой: мужчина смотрит с ухмылкой, женщина находится выше него и смотрит на него сверху вниз. Оба обнажённые. Название гласит: «Никогда не оглядывайся».

Не уверена, кем является эта пара.

Переворачивая страницу, я перехожу к портрету женщины. Её грудь — центр эскиза. Он называется «Всегда помни обо мне».

На последнем эскизе другая обнажённая пара. Мужчина находится под женщиной. С ухмылкой он смотрит вперёд. Она расположена над ним, хватая его своей рукой за подбородок. Название гласит «Влюбленные до безумия».

Я опять понятия не имею, что это за пара, или почему Зи рисовал их обнажёнными. Эти рисунки нарисованы правдоподобно, а не в мультяшной форме. Он не рисовал ничего реалистичного со дня смерти нашей матери. Что заставило его изменить решение?

Беспокойство поражает меня.

Что изменилось?

Время идёт, и небольшой дождь превращается в более тяжелые капли. Я наблюдаю, как они исчезают в воде в непрекращающемся темпе, и мой разум блуждает где-то в другом месте.

Откуда у него были деньги?

Что за люди на этих рисунках?

Почему он рисовал пары в сексуальных позах?

Ветер набирает скорость, и дождь капает мне на кожу. Я не двигаюсь, вместо этого позволяю более тёмным мыслям поглотить меня.

Был ли он счастлив?

Счастлива ли я?

Моя бабушка, моё обучение, моя работа и мой брат всегда делали меня счастливой, по крайней мере, удерживали меня от несчастья. У меня не было много друзей. У меня никогда не было времени на общение. Мими большую часть времени была больна.

Секс, как и мужчины, никогда не был важен для меня.

С одним моим серьёзным бойфрендом в колледже секс застыл и стал таким обыденным явлением, что это заставляло меня со скуки глазеть в потолок. Спустя три года эти отношения, наконец, закончились. С тех пор случайные любовники и вибратор были всем, в чём я нуждалась для периодического высвобождения.

Но я чувствую внутри себя странное изменение.

Похотливые мысли проникли в мой разум на весь день, заменяя беспокойство, которое преследовало меня в течение многих недель. Я больше не беспокоюсь о том, как скоро умру. Вместо этого, мои мысли заняты Нейтом.

Кажется, я не могу выбросить их из головы.

Я стою и расслабляю своё тело, облакачиваясь на стеклянные двери. Сжимая вместе свои бёдра, стараюсь усмирить боль между ног, и мгновенно ощущаю влагу на своих трусиках, и это не от дождя.

Когда я захожу внутрь, печальная мысль поражает меня. Я думаю, если что-нибудь случится, и я умру до того, как мне исполнится двадцать восемь лет, то пропущу кое-что необычное. Я никогда не думала, что в моей жизни чего-то не хватает, но теперь знаю чего.

Впервые в своей жизни, с диким желанием, я действительно нуждаюсь в ком-либо.

Лодка летит с невероятной скоростью, и на волнах остается след похожий на крылья ангелов. Смотрю на небеса, и чувство вины напоминает мне, что я приехала в Майами ради брата.

Я приехала, чтобы найти способ двигаться вперед.

Мой внутренний голос заглушен моей печалью.

Я кладу альбом с эскизами на место и оглядываюсь. Мой взгляд фиксируется на двух дверях, между которыми находится телевизор. Открываю первую дверь — ванная. Простая комната с раковиной, душевой кабиной с ванной и зеркалом. Плитка бежевого цвета, ничего особенного, но в шкафчике под раковиной сложены полотенца красного цвета всех форм и размеров.

И это заставляет меня улыбнуться.

Я открываю шкафчик над раковиной: бритва, крем для бритья, зубная паста, зубная щетка, упаковка презервативов. Шампунь и кусок мыла находятся в душе.

Это всё.

Больше ничего.

В этом весь Зак.

Возвращаясь в гостиную, открываю вторую дверь и смотрю на его спальню. Кровать не застелена, голубое покрывало наброшено на светло-голубое постельное бельё. В корзине в углу находится гора одежды. И снова фотографии Мими со мной на его комод; рисунки, которые я не забуду, покрывают стены: мультяшная рыбка, лежащая в коридоре, дельфин с сигаретой в кресле, ракушки с лицами, рыбацкая лодка на колёсах.

Юмористические иллюстрации в «стиле Зака», как я это называю, они повсюду. Это то, как он старался избегать жизни, когда мы были маленькими. Это было единственным, в чём он действительно был хорош. Рисование удерживало его от принятия неудачного выбора, из которого он, возможно, никогда бы не выбрался.

Я не знаю, как долго нахожусь здесь, пялясь на стены, но тусклый естественный свет заставляет меня потянуться к переключателю. Потолочный вентилятор начинает вращаться, предупреждая меня о том, как здесь тепло. Чувствуя себя измотанной, я решаю, что на сегодня достаточно. Мне невыносима мысль об уходе, но вся моя энергия, кажется, улетучилась из моего тела.

Я приглушаю кондиционер, чтобы охладить место до завтра, и затем запираю двери. Двигаюсь по мокрой траве и возвращаюсь в дом Нейта, где на меня нападает прохладный воздух. Мокрая одежда и кондиционер — не лучшее сочетание. После того как принимаю душ, я переодеваюсь в сухую майку и штаны для йоги и спускаюсь вниз. Плюхаюсь на диван и смотрю на часы. Почти восемь часов вечера.

Куда летит время?

Странная дрожь одиночества поражает меня.

Снаружи шторм в полную силу — гром и молния, чередуя потоки энергии и света, но ветер не так уж свиреп, как прошлой ночью.

Я тянусь за одеялом, которое лежит по-прежнему там, где я бросила его этим утром, и откидываюсь назад. Закрывая глаза, думаю: «Прошёл ещё один день. Ещё один день, и судьба до сих пор не пришла за мной».

Меня будит звук закрывающейся двери, и кажется, будто прошло несколько минут, но время на часах говорит мне, что я спала в течение часа.

— Нейт? — зову я в темноте.

Включается кухонный свет.

— Зои, что ты делаешь внизу в темноте?

Я шурю от яркого света.

— Я не знаю. Должно быть, заснула.

— Ты в порядке? Ты звучишь немного странно.

— Могу я у тебя кое-что спросить?

— Да, конечно. — Он бросает ключи на стойку.

— Как часто мой брат ходил рыбачить с тобой? Я не могу вспомнить какие-либо конкретные беседы о рыбалке с Заком, но смутно припоминаю поездку в Ки-Уэст.

Нейт наполняет стакан водой из крана.

— Он ездил со мной и моим отцом довольно часто, это были обычно короткие поездки вокруг залива. И однажды, пару лет назад, мы взяли лодку вниз по Ки-Уэст.

Дружба, которую эти двое делили между собой, наполняет теплом моё сердце. Это как недостающий кусочек его и, возможно, моего детства, который был найден. Я сажусь прямо.

— Когда мы были маленькими, он очень хотел иметь возможность порыбачить. Моя бабушка брала нас к пристани, и он наблюдал, как люди в лодках плыли туда и обратно со своими удочками в воде, и спрашивал Мими, могли бы и мы делать также. Раньше это заставляло мою бабушку плакать, потому что, если бы она могла позволить это, то обязательно выполнила его желание. Однажды она купила нам удочки и взяла нас к пристани. Зак был очень горд, когда насаживал червей на крючки. Затем мы спускали удочки в воду и сидели, казалось, часами. Когда, наконец-таки, мы вытаскивали удочки из воды, червей уже не было, но мы никогда не ощущали клёв. Мы старались весь день, но так и не смогли ничего поймать. После этого он никогда не хотел рыбачить снова.

На кухне гаснет свет.

— Он всегда ловил самую большую рыбу, когда мы ездили на рыбалку.

Эта мысль заставляет меня улыбнуться, но в то же время что-то рушится внутри меня.

Одиночество.

Страх.

Ложь.

Все эти ощущения одновременно нападают на меня, и я не могу удержаться, чтобы не заплакать.

Нейт бросается ко мне.

— Эй, прости, что меня не было рядом, когда ты пошла к лодочному сараю. Я старался вернуться раньше.

— Всё хорошо. Мне нужно было это сделать одной.

— Прости, — повторяет он.

Я крепче прижимаюсь к нему.

Он держит меня.

И я плачу.

Оплакиваю всё то, что потеряла. Плачу о том, чего не знаю. Плачу по тому, чего у меня никогда не будет.

Я хочу убежать. Хочу спрятаться. Хочу сбежать от судьбы, которая меня ждет.

— Отпусти это, — шепчет Нейт, целуя меня в лоб.

Этот мягкий и нежный жест должен был облегчить мои слезы.

Он делает это снова, и теперь его рот задерживается немного дольше. Ощущение его губ на моей коже высвобождает дикую потребность, которую я не хочу больше сдерживать.

Я касаюсь кончиками своих пальцев его груди.

Нейт дрожит.

Приподнимаю свой подбородок, и его рот парит как раз над моим.

Я продвигаюсь вперёд и позволяю своим рукам заползти под его рубашку.

Он реагирует быстро и хватается их.

— Мы не можем этого делать.

Я отстраняюсь и смотрю на него.

— Можем.

Нейт качает головой, говоря тем самым «нет», но язык его тела кричит об обратном.

Я приоткрываю для него свои губы.

— К чёрту, — шипит он и обрушивает свой рот на мой. Но быстро отстраняется.

— Перестань думать, — шепчу я.

Он прячет свою голову на моей шее.

— Я не могу.

— Нет, ты можешь. — Я запускаю свои пальцы в его волосы.

Его язык лижет чувствительную кожу за моим ушком.

— Вот так. Давай сейчас не будем ни о чём думать.

— Зои, — в его голосе сквозит страдание.

— Шшш... Не хочу говорить. Я просто хочу чувствовать. Помоги мне. Просто помоги мне почувствовать. Можешь это сделать?

Когда он не отвечает, я хватаюсь за пуговицу его джинсов. Он не останавливает меня.

Лёгкий рывок его молнии, и неожиданно атмосфера в комнате меняется, будто раздаётся потрескивание тока в тишине. Нет, это рычание, дикое и гортанное, прежде ничего подобного я не слышала от мужчины.

Звук проходит по мне волной, пока возбуждение настигает моё тело целиком. Я никогда не чувствовала такого прежде.

В следующее мгновение его губы плавно скользят по моим губам, и наши рты сливаются воедино. Я не совсем уверена, кто кого поцеловал первым, но мне действительно всё равно.

Молниеносно наши рты исследуют друг друга — облизывая, посасывая, пробуя на вкус. Я чувствую настойчивость с каждым поглаживанием его языка о мой. Его губы с привкусом солёного дождя, но ощущаются бархатисто-мягкими — изумительное сочетание.

В следующий момент Нейт срывает с себя рубашку.

Я делаю то же самое.

Его рука сжимает мою шею, чтобы удерживать меня рядом с собой.

Плоть к плоти — такое приятное ощущение.

Я обнимаю его. Его кожа более гладкая на ощупь, чем я ожидала, во мне просыпается потребность знать, чувствует ли он то же самое, что и я.

Прижимая свои бёдра к его, чувствую её там — эрекцию, которая подсказывает мне, насколько сильно он хочет меня. Наконец, я чувствую его всего. Твердого и очерченного. Он такой, каким я себе и представляла: жёсткий, рельефный, первобытный — настоящий мужчина.

Нейт вжимает свое тело в мое, и мы становимся всё ближе и ближе, наши тела жаждут

объединения. Моя голая грудь прижимается к его до тех пор, пока нет абсолютно никакого пространства между нами. В этот момент я вполне уверена, если бы мы могли стать единым целым, мы бы им стали.

Нетерпеливость проявляется в тот момент, когда он спускает с меня штаны для йоги. Я едва вижу его при тусклом свете, но, как только Нейт поднимается, я догадываюсь, это для того, чтобы снять остатки одежды, а не для того, чтобы уйти.

Он устраивается у меня между ног и толкается своими бёдрами вперёд. Его поцелуи такие же яростные, как и вращение бёдер. Его поцелуй забирает все то плохое, что я испытываю, и движение его тела укрепляет мою потребность в том, чтобы он взял меня. Мне не хватает воздуха, но мне уже всё равно. Я просто хочу потеряться в нём.

И затем это случается — я растворяюсь в нём.

Нейт опускает свободную руку между моих ног, и его пальцы надавливают на мою уже разгоряченную и распухшую киску.

Я задыхаюсь в прикосновении.

Никакого разговора между нами, в данный момент не существует ничего, о чём необходимо говорить.

Он кружит по моему клитору, растирает, поглаживает, и ощущения просто невероятные.

Я пытаюсь подавить свои стоны, но не могу остановить своё тело, которое дрожит в удовольствии. В момент полного наслаждения, когда мир вокруг меня прекращает существовать, я знаю, что принадлежу этому мужчине. Никогда в моей жизни ничьё прикосновение не заставляло меня чувствовать себя так.

— О, боже, не останавливайся! — выкрикиваю.

Стон его удовлетворения не вызывает сомнений.

Кажется, в темноте мои ощущения усиливаются. Я протягиваю руку и нащупываю его пульсирующий член. Радуюсь, что не могу видеть его лица, а он не может видеть моего. Это даёт мне свободу действовать, не стесняясь, а сейчас мне больше всего необходимо почувствовать его. Я ласкаю верхушку его ствола, он длинный и толстый, и кожа такая нежная. Быстро очерчивая головку члена, я поглаживаю его полностью, донизу — спускаясь ниже, где кожа ещё нежнее.

— Ох, бл*дь. — громкий гортанный стон срывается с его губ, пока мои пальцы ласкают его.

Внезапно, прикосновение исчезает.

Смена позы, возня на полу и затем разрыв упаковки отдаётся эхом в воздухе.

Пальцами Нейт отодвигает в сторону мои протянутые руки, пока натягивает презерватив.

— Зои, — выдыхает он.

— Нейт, — отвечаю в темноту.

— Сядь, — требует он.

Желая подчиниться ему, я делаю это, не раздумывая. Его дерзкое командование усиливает мое желание, и всё, о чём я могу думать, — это как сильно я хочу, чтобы он трахнул меня.

Не занялся любовью или сексом со мной, а просто трахнул меня.

Нейт меняет местоположение, будто чувствует мою нужду, и тянет меня к себе на колени. Его руки сжимают мои бедра, в то время как мои колени находятся по обе стороны от его бёдер. Руки машинально тянутся к его плечам. Без дальнейшей необходимой

прелюдии, он приподнимает меня выше и затем опускает на себя.

В следующее мгновение Нейт стонет:

— Чёрт, ты такая узкая.

Я никогда не чувствовала ничего подобного.

Поначалу его толчки медленные и размеренные, как будто он догадывается, что мне необходимо привыкнуть к его размеру. Я чувствую, как напряжение начинает возрастать. Его большой палец двигается в моей самой чувствительной плоти, и малейшее давление заставляет мощное ощущение врезаться в меня настолько быстро, что я вынуждена сжимать плечи Нейта, чтобы не выкрикнуть то, что не должна произносить вслух. Он прекращает ласку лишь для того, чтобы позволить мне пережить последствия моего оргазма, и затем начинает безжалостно круговыми движениями ласкать мой клитор снова.

— Ты такая влажная, — шепчет он в темноте низким и хриплым голосом.

Его голос возбуждает меня.

Откуда ни возмись, нарастающее тепло слегка пульсирует во мне волнами, и на этот раз я не могу сдержаться от крика и молитв к Богу, Нейту и небесам. Моя голова опрокидывается назад, моё тело выгибается.

Впрочем, ничто из этого не может спустить меня на землю, и я могу чувствовать, как мои пальцы слишком крепко сжимают его плечи, и нет никакого сомнения, что я, должно быть, раздираю их до крови. Удовольствие непреодолимое, и я не могу остановиться.

Быстрым движением обе его руки располагаются на моих бёдрах, стискивая их так сильно, что я уверена — завтра у меня будут синяки, но меня это совершенно не волнует. Нейт двигается во мне в бешеном темпе.

Единственные звуки в комнате — звук шлепков нашей плоти и тяжёлого дыхания.

Затем внезапно что-то меняется, и я чувствую, как всё происходит — его спина выгибается дугой, он вращает бёдрами и замирает во мне.

Сексуальное напряжение взрывается.

Я бы не сказала, что у меня был большой опыт в сексе, но и не сказала бы, что я не опытна, но без сомнения, ничего подобного раньше я не ощущала. Ещё одно освобождение нарастает внутри меня, и мне хочется верить, что единственное, что ждёт меня впереди — удовольствие.

Вечное.

— Бл*дь, — бормочет он хриплым, сдавленным голосом, наполненным сексуальным удовлетворением.

Тяжело дыша, он валится на спину, увлекая меня за собой, прижимая мою голову к груди, пытаясь нежно провести своими пальцами по моим спутанным волосам.

Так приятно находиться в его объятиях.

В них я чувствую себя живой.

Я чувствую себя в безопасности от внешнего мира. Почти верю, что не сбудется то, чего я так боюсь.

Почти.

Но это чувство не продлится долго. Если бы только я могла остаться в его руках навсегда...

Пока мои глаза закрываются, Нейт поднимает меня со своего тела и кокон безопасности исчезает.

Я слышу лёгкий чпок, полагаю, это звук завязывания презерватива в узел, затем диван

прогибается. Нейт притягивает меня к себе и укрывает нас одеялом.

Я чувствую безопасность снова.

Его руки зарываются в моих волосах, и затем он тянет их назад, оставляя целомудренный поцелуй на моём лбу.

Мне нравится этот жест.

И затем я опускаю голову ему на грудь, слушая успокаивающий звук его сердцебиения.

7 Глава

Полиция Майами: Отдел нравов

Грохочущий саундтрек из «Полиция Майами: Отдел нравов» проигрывается у меня в голове, в то время как Колин Фаррелл и Джейми Фокс преследуют преступников на улицах города. Пальмы, фламинго, мчащиеся борзые, бикини, шикарные автомобили, элегантные апартаменты, наркотики, и, конечно же, деньги — все это воспроизводится как слайд-шоу. Когда камера фокусируется на лице преступника, это не просто чьё-то лицо — это лицо моего брата.

Мгновенно просыпаясь, я вскакиваю и придерживаю руками свою голову. Мои сны сменились с одного кошмара на другой.

Я не могу уехать отсюда, постоянно задаваясь вопросом: чем же он занимался, чтобы оплатить мой долг и облегчить мою жизнь?

Я должна узнать.

Изо всех сил зажмуриваюсь, но быстро распахиваю глаза снова, когда понимаю, что нахожусь в постели Нейта. Скорее всего, он перенёс меня сюда прошлой ночью, когда я уснула.

Но его нет рядом.

Я обратно падаю на подушки и плююсь в потолок.

— Эй, ты проснулась. — Нейт стоит в дверях ванной, вокруг него обернуто лишь полотенце.

При одном его виде, мой пульс ускоряется.

В ответ его взгляд блуждает по моему телу.

— Да. — Я сажусь и натягиваю на себя одеяло, немного смущаясь.

Он делает шаг вперёд и садится на кровать, поворачиваясь, чтобы взглянуть на меня.

— Нейт, — начинаю я.

— Зои, — говорит он в то же время.

Наши взгляды встречаются, и мы оба перестаём говорить, так как в тот момент, когда наши глаза устанавливают контакт, и разгорается страсть.

— Ты первая, — наконец-то произносит он.

— По поводу прошлой ночи... — мой голос хриплый. Я хочу отвести взгляд, но не отвожу. Я поспособствовала тому, что произошло, кто знает, возможно, я даже спровоцировала это.

— Это не должно снова повториться, — он заканчивает вместо меня.

Я вздрагиваю, сама того не желая. Я бы могла сказать что-нибудь из разряда: «Это было потрясающе и помогло мне забыть обо всём, но мы, вероятно, больше не должны делать этого». Но он настолько категоричный в своём заявлении, что это ошеломляет меня.

— Почему?

Единственный ответ — это звук его порывистого дыхания.

Я постепенно продвигаюсь вперёд, подтягивая за собой одеяло.

— Почему?

Нейт отворачивается и наклоняется, упираясь руками в бёдра и склоняя голову.

Я смотрю на мускулистую спину перед собой и жду. Не уверена, почему это так важно, я не должна думать о том, что бы быть с кем-то в отношениях.

Он что-то делает со мной, и я не думаю, что хочу отпустить это.

Тяжёлый вздох.

— Ты сестра моего лучшего друга. Я не должен был использовать тебя таким образом.

Мои ноги касаются пола, и я оборачиваю одеяло вокруг себя. Прежде чем осознаю, что делаю, обхожу кровать и наклоняюсь к нему.

Нейт поднимает голову, и я вижу чувство вины, плескающееся в глубине его зелёных глаз.

Я опускаюсь на колени.

— Послушай, я не ищу чего-то большего, чем то, что произошло прошлой ночью, но я хочу, чтобы ты знал, я ни на секунду не думаю, что ты воспользовался мной.

Он трясёт головой и пристально смотрит на меня.

— Дело не только в этом.

Я опускаю руки на его бедра.

— Тогда расскажи мне.

Динь-дон. Звонок в дверь.

Он проводит рукой по волосам, ещё больше их встрёпывая.

— Чёрт.

Я встаю.

— Ты кого-нибудь ждёшь?

Он поднимается и шагает к своему шкафу.

— Оденься и подожди меня внизу. Мой юрист хочет встретиться с тобой.

— Почему я должна поговорить с твоим юристом?

В дверь звонят снова.

Он выходит в джинсах и футболке.

— Не могла бы ты просто сделать так, как я прошу? — срывается он.

Я моргаю.

— Конечно.

Нейт направляется к двери, затем хватается за дверной косяк.

— Прости, — говорит он, затем закрывает дверь.

Я стою, уставившись на закрытую дверь, с открытым от удивления ртом.

Простить за что? За то, что накричал? Или за то, что переспал со мной?

Мне нужно с кем-то поговорить, и единственный человек, которому я могу позвонить, — это мой психотерапевт. Когда попадаю на её голосовую почту, я оставляю сообщение.

Снизу доносятся голоса, и мне интересно, почему Нейт хочет, чтобы я встретила с юристом. Может быть, он что-то знает о моём брате. Эта мысль заставляет меня двигаться, и я быстро несусь в ванную.

После принятия душа, вытаскиваю ещё одно платье, которое отправлял мне Зак. Оно

цвета морской волны, короткое и на бретельках, а по всей длине рисунок с розовой медузой. Я сушу волосы феном как можно быстрее, позволяя им развеяться диким образом, чтоб сэкономить время. Тушь для ресниц, быстрый мазок румян, взмах блеска для губ, и затем я, наконец, скольжу в свои сандалии, перед тем, как надеть украшение и серьги.

Меньше чем двадцать минут и я готова. Не плохо.

Когда открываю дверь, я слышу голоса снизу. Как только дохожу до лестницы, оба мужчины встают с дивана. Я одариваю Нейта улыбкой, пока он таращится на меня.

Господи, просто глядя на него, моё тело начинает покалывать.

Когда я прохожу половину пути, он направляется к лестнице и встречает меня у подножия. Взгляд, который он посылает мне, не похож на взгляд человека, который не хотел бы переспать со мной снова. Это взгляд желания, похоти, потребности — всё смешанное воедино.

Я уверена, что мой взгляд подобен его.

— Выглядишь великолепно, — шепчет он мне на ухо.

По телу разбегаются мурашки.

Теперь я знаю, что он сказал вчера, когда увидел меня впервые. И клянусь, так же как вчера, он застенчиво опустил глаза.

Мое сердце пропускает удар.

— Спасибо, — шепчу в ответ, думая, что не было необходимости в нанесении румян, так как мои щёки горят.

— Зои, это мой юрист.

Я смотрю на мужчину, подобному Нейту: высокий, темноволосый, красивый, и очень хорошо одетый в серый костюм с тонкой полоской, белую рубашку и красный галстук.

Мы двигаемся навстречу друг другу и встречаемся посреди комнаты.

— Здравствуйте, — говорю я.

— Мисс Флауэрс, Оливер Мартинез. — Он протягивает руку.

— Зои. — Я улыбаюсь и в ответ пожимаю его руку.

— Зои. — Он потирает руки. — Нейт говорит мне, что у нас не так много времени. Таким образом, могли бы вы следовать за мной, у меня есть некоторые документы для вашей подписи.

— Какие документы? — спрашиваю я.

Он смотрит на Нейта, который находится рядом со мной.

— Я хотел объяснить ранее, просто ещё не решился на это. Оливер собирается помочь со всем, что тебе нужно. Я хотел, чтобы ты могла получить доступ ко всем записям брата, а для этого тебе нужно свидетельство о его смерти и доказательство того, что ты — его ближайшая родственница. Оливер об этом позаботится за тебя.

Моя рука перемещается к медальону.

— Да, конечно. Спасибо тебе за заботу.

Я следую за Оливером к столу и подписываю документы дрожащими руками, поскольку реальность смерти Зака в очередной раз не дает мне покоя.

— Зои, — говорит Оливер, — вам известно, назначил ли вас получателем выплаты ваш брат в случае смерти?

Я сильно сжимаю в руке свой медальон.

— По правде, я понятия не имею.

— Имя вашего брата указано в документах на дом, в котором вы сейчас проживаете?

Нейт упомянул, что ваша покойная бабушка владела им. Я полагаю, она оставила его вам в своем завещании.

— Я не знаю. — Я делаю глубокий вдох, осознавая, что это намного сложнее, чем я предполагала. Вести разговор с совершенно незнакомым мне человеком о смерти моего брата и выглядеть при этом идиоткой, потому что я ничего не знаю, не совсем легко.

Нейт кладет руку на мою спину, и это удивляет меня.

— Всё хорошо, Зои. Вот почему я подумал, что тебе стоит встретиться с Оливером.

Я признательна ему не только за помощь, но и за то, что он здесь со мной.

— Хорошо, последний вопрос. Заинтересованы ли вы в расследовании, кто должен понести ответственность за смерть вашего брата?

— Оливер! — шипит Нейт.

— Нейт, я знаю, ты говорил, что это не было необходимостью, но не все несчастные случаи являются несчастными случаями, особенно, когда причиной стали какие-то обломки на дороге. Я мог бы изучить, как он врезался, и как эти обломки там оказались.

— Зи погиб в аварии на мотоцикле, управляя им на большой скорости. Зачем заставлять Зои переживать это снова? — тон Нейта пренебрежительный.

— Нейт прав, — подтверждаю я.

— Да, разумеется. Я понимаю. Давайте я составлю необходимые документы. Я предоставлю вам всё возможное перед тем, как вы уедете. Остальную часть отправлю по почте.

— Это будет замечательно. Спасибо вам.

— Всё, что у тебя получится сделать до того, как она уедет, будет принято с благодарностью, — вмешивается Нейт.

Оливер ухмыляется.

— Из всех сил постараюсь быть оперативным. И, Зои, — он поворачивается ко мне, — вот моя визитка. Если вам понадобится что-нибудь ещё, не стесняйтесь звонить мне.

— Спасибо вам.

— Нейт. — Оливер пожимает ему руку. — Рад был повидаться.

Нейт хлопает его по плечу.

— Спасибо тебе, что занимаешься этим в воскресенье.

Он кивает.

— Ты же знаешь, в любое время. Думаю, сам найду выход.

Очевидно, Оливер бывал здесь раньше, так как он направляется к двери гаража.

Нейт переключает своё внимание на меня, перед тем как дверь уже закрывается.

— Знаю, что обещал взять тебя выпить кофе, но можем ли мы оставить это на потом? Мне позвонила моя ассистентка и сказала, что есть некоторые проблемы со сделкой, над которой я работаю. Я должен съездить в Тампу, чтобы лично уладить все детали.

Я киваю.

— Безусловно, конечно. Я понимаю.

— Послушай, Зои, я знаю, что разговор ранее между нами прошёл неудачно. Но я действительно думаю, что так будет лучше.

Я приподнимаю подбородок.

— Не могу не согласиться.

И я не могу, не так ли?

Он мгновение медлит, перед тем как направляется по коридору в сторону гаража.

Я иду за ним, чувствую, что нужно прояснить сказанное.

— Просто мои причины отличаются от твоих.

Он заходит в свой кабинет и появляется оттуда, кидая на пол пару ботинок и надевая их.

Когда заканчивает, то поднимает голову.

— Я уверен в этом.

— Но ты прав — так будет лучше.

Нейт кивает.

Молчание.

Мы пялимся друг на друга.

Посмотрев ему в глаза, ощущаю, как моё сердце стучит чуть быстрее.

Он моргает, как будто старается отмахнуться от своих мыслей.

— Эй, я почти забыл. Я оставлю сегодня машину своего отца. Он не ездит на ней, и мне не нравится то, что ты застряла здесь без возможности выбраться с острова. Запасной ключ находится на столе.

— Это мило с твоей стороны, но на самом деле всё хорошо. Мне никуда не нужно ехать.

— Она будет припаркована на подъезде к дому, — настаивает он.

И затем, вот так просто, он закрывает дверь.

Я стою на месте, пытаюсь остановить себя от попытки побежать за ним. Опираюсь о стену, чтобы удержаться от падения.

Так будет лучше.

Дверь заново открывается, и Нейт заходит.

У меня перехватывает дыхание.

Когда он видит меня всё ещё находящуюся здесь, то выглядит удивлённым.

— Эй, — его голос мягкий и нежный. — Забыл сказать тебе, угощайся всем, что найдёшь. Роза заполнила холодильник.

Затем закрывает дверь в последний раз.

— Роза? — спрашиваю я, но уже поздно.

Он также упоминал о ней вчера.

Его девушка?

Подруга?

Без понятия.

Это не моё дело.

Это не фантазия. Это реальность. Я стараюсь смотреть на факты трезво — вчера ночью у меня был секс с лучшим другом моего брата.

Секс.

Только и всего.

С тех пор как умер мой брат, это единственное, что вдохнуло в меня хоть какую-то жизнь. Ну, вообще-то, нахождение с Нейтом — это единственная вещь, которая отвлекла меня от раздумий о моей судьбе. Если быть честной, я не хочу, чтобы всё с ним заканчивалось. Но в то же время, я знаю, что это несправедливо по отношению к нему. У него есть своя собственная жизнь.

Но это не значит, что я использую его.

Я чувствую связь с этим человеком, которую не должна ощущать.

Пускать кого-то в свою жизнь — моя ошибка. Моя неуверенность по поводу того, сколько времени у меня осталось, должна являться достаточным основанием для того, чтобы

держаться в стороне.

Дую на пряди, попавшие в глаза.

Мне нужно прекратить это.

Поднимаю голову. В комнате для гостей открыта дверь. Я дохожу до конца коридора и заглядываю внутрь. Той ночью, когда приехала, я заглядывала мельком, но в действительности не увидела ничего, кроме кровати. При свете дня комната не выглядит по-другому: просто голый матрас на кровати и больше ничего. Возможно, Нейт рано или поздно убрался в комнату после смерти брата. Затем я вспоминаю коробки в лодочном сарае. Я планировала провести там весь день, поэтому могла бы начать прямо сейчас. Я прохожу через гостиную и слышу, как звонит мой телефон. Спешу наверх, чтобы ответить.

— Алло.

— Зои, это доктор Рэймонд. Отвечаю на твой звонок. Он казался срочным.

— Я прошу прощения, что побеспокоила вас. Мне просто нужно было с кем-то поговорить.

— С тобой всё в порядке? Ты запыхалась.

Я улыбаюсь.

— Сейчас уже лучше, доктор Рэймонд. Я оставила свой телефон в комнате Нейта и бежала наверх, чтобы ответить. Но мой звонок, возможно, оказался преждевременным. Я чувствую себя уже лучше.

— Нейт? Лучший друг твоего брата?

— Да, тот самый Нейт.

— Может, расскажешь мне, что ты делаешь в его комнате?

Я вздыхаю и плюхаюсь на кровать.

— Ну, всё идет не так, как я думала.

— Что ты имеешь в виду?

Доктор Джулия Рэймонд является моим психотерапевтом. Я знаю её очень давно. Хотя до смерти брата, я не виделась с ней годами. Но после его смерти я вернулась к ней, она не только мой врач, она также единственная, кроме брата, кто знает всё обо мне.

Когда я звонила ранее, мне нужно было с кем-то поговорить о Заке и Нейте. Даже при том, что отчаянное желание разговаривать прошло, я до сих пор рассказываю ей всё, что происходит, начиная с того, что это не дом Зака и заканчивая моими чувствами к Нейту. Спустя полчаса, мы всё ещё разговариваем по телефону.

— Зои, я думаю, ты испытываешь то, что я называю «сексуальным пробуждением». Это связано с произошедшей в твоей жизни травмой, и что ты ищешь выход для своих эмоций. Но я хочу предостеречь тебя, чтобы ты не путала любовь со страстью.

— Доктор Рэймонд. — Я прочищаю горло. — Я не произносила слово «любовь».

— Да, но очевидно, что у тебя есть чувства к нему.

— Да, чувство желания.

Я всегда открыто и правдиво общалась с доктором Рэймонд, но по каким-то причинам, я недоговариваю в сегодняшнем утреннем разговоре, он выглядит так или иначе незаконченным. Я также не раскрываю тот факт, что мне нравится властная сторона Нейта. Когда я была с ним, мне не приходилось принимать решения или думать о том, что же будет дальше. Он об этом заботился.

Это было освобождением.

— Ну, если Нейт такой, каким ты его описала, звучит, будто он, может быть, и не

стремится к чему-то большему, чем ты можешь ему дать. Но, Зои, я хочу, чтобы ты соблюдала осторожность. Я за то, что бы исследовать твои чувства. Я просто не хочу, чтобы в процессе ты получила травму.

— Я не получу. Знаете, я не заинтересована в отношениях.

— Знаю, но, возможно, пора задуматься о них.

— Доктор Рэймонд, мы обсудили это.

Мне слышен её вздох.

— Да. Но как твой психолог, это моя работа призывать тебя думать о будущем.

Я глубоко вздыхаю.

— Я знаю.

Динь-дон.

— Мне пора, доктор Рэймонд, кто-то звонит в дверь.

— Береги себя, Зои. Я всегда рядом, если понадобится тебе.

— Я знаю. И спасибо вам. — Нажимаю «Завершить вызов».

Снова звенит дверной звонок. Это, должно быть, по поводу оставленного автомобиля, о котором говорил Нейт. Очень прилично одетая женщина, которая выглядит за сорок, стоит передо мной с кипой бумаг в руках.

— Здравствуйте, — оповещает она с радостью, пока заходит внутрь.

Я моргаю и пялюсь на её шиньон, в то время как она идёт по коридору, мимо статуи, и входит в гостиную. Я плетусь за ней.

— Нейта здесь нет, если вы его ищете.

Она оборачивается.

— Его нет?

Я качаю головой.

— Нет, могу я вам помочь?

Она смотрит на свои часы.

— Я прошу прощения за беспокойство. Когда он не появился на собрании Общественного совета этим утром, я предполагала, что он будет дома.

— Он вынужден был поехать в Тампу. Сказал, что у него проблемы со сделкой, над которой он работает.

Она вздыхает.

— Проект доков. Ублюдок, который владеет складскими помещениями, такой жадный. Будет чудесно, если Нейт успешно осуществит этот проект. Я молюсь, чтобы он достиг успеха. Это будет так много значить для процветания района.

Я пристально смотрю на неё. Она, очевидно, взволнована происходящим так же сильно, как и Нейт.

Она подходит ко мне.

— Не обращайтесь внимания на мои бредни. Мои манеры, кажется, подвели меня сегодня. Я Изабелла Марко. Владею бутиком в городе.

— Я Зои.

— Зои. — Она улыбается. — Прекрасно. Как давно вы знаете Нейта?

— Ну, не совсем уверена, как ответить на этот вопрос. Я думаю, что давно.

Она осматривает меня с головы до ног.

— Вы не отсюда, не так ли?

Её пронзительный взгляд заставляет чувствовать себя немного некомфортно, и я просто

качаю головой.

— Так вот, будьте уверены, мой бутик является одним из самых модных в Майами-Бич. Если вы когда-нибудь собираетесь пройтись по магазинам, мой называется «Изабелла».

— Спасибо. Я буду иметь в виду. Могу я вам ещё чем-то помочь?

Она бросает стопку бумаг на кухонную стойку.

— Просто передайте Нейту, что я заходила со своими записями, касающимися его предложения. Я бы хотела дальнейших разъяснений в некоторых сферах. Я пометила где. Он поймёт.

Я киваю и прочищаю горло.

— Могу я спросить, откуда вы знаете Нейта?

Она улыбается мне с теплотой, что указывает на то, что он ей нравится.

Оливер выглядел также.

— Мы встретились несколько лет назад на благотворительном вечере в Винвуде. Мы оба переживали из-за разрушений, которые произошло после урагана Эндру, и оба соперничаем сообществу в борьбе за то, чтобы снова добиться целостности района. Прошло уже столько времени, и так мало сделано. Не важно. — Она отмахивается от своей печали. — Нейт и я состоим в группе по развитию сообщества. Нейт пытался уговорить меня открыть бутик в Винвуде по более низкой цене. Я хотела обсудить с ним его предложение.

— В самом деле? Я понятия не имела, что он активен в жизни общества.

— Он там вырос, дорогая, там же находится галерея его отца. Его беспокойство о благосостоянии сообщества достойно восхищения.

Меня накрывает волна приятных ощущений.

— Я не знала.

— Могу ли я спросить, откуда вы знаете Нейта?

Я опускаю глаза, надеясь, что она не видит интимную близость, что я чувствую по отношению к нему.

— Он... — я делаю паузу, слова застревают в горле. — Он был лучшим другом моего брата.

— Вы сестра Закари Флауэрсса. Теперь мне понятно.

Я поднимаю голову.

— Да, так и есть.

Её улыбка становится доброй.

— Я так сожалею о вашей потере. Я встречала вашего брата несколько раз в Винвуде. Очень приятный молодой человек.

Моё сердце согревается.

— Благодарю вас.

Женщина подходит к двери.

— Мне нужно бежать. Но хочу предупредить вас, чтобы вы были осторожны в Майами. Здешние люди живьём съедят такую милашку, как вы, если вы не будете начеку.

Волочась за ней, я смеюсь.

— Я могу позаботиться о себе.

— Конечно, уверена, вы можете, а если нет, то сможет Нейт. И не позволяйте ему себя одурачить. Под всем этим поведением скрывается мужчина с большим сердцем. И кто знает, может быть, вы будете той единственной, кто поможет ему найти его.

— Ох, мы не вместе.

Она открывает дверь, и затем приглаживает мои непослушные локоны.

— Вы находитесь в его доме. Должно быть, вы являетесь кем-то особенным.

Я сцепляю ладони вместе, не зная, что на это ответить.

Изабелла вытаскивает ключи из своей сумочки.

— Чао, дорогая. Было приятно познакомиться.

Я наблюдаю, как она садится в свой «Мерседес», и замечаю автомобиль на подъездной дорожке — «Тойота Камри». Он такой же, как у меня дома. Должно быть, это автомобиль отца Нейта. Стоял ли он там до того, как приехала Изабелла? Я не обращала внимание.

Нейт не тратит время.

Я закрываю дверь и иду обратно по коридору. Останавливаюсь, чтобы взглянуть на статую, и такое ощущение, будто она слышала весь этот разговор.

Это безумие, я знаю.

Но опять же, то, что мужчина сказал мне, что он не хочет спать со мной, а я всё еще не могу перестать думать о нём, ещё безумней.

Пора вспомнить, зачем я приехала сюда.

«Да, из-за брата», — думаю я и направляюсь на кухню, чтобы приготовить кофе и что-нибудь поесть, прежде чем отправится в лодочный сарай.

На кухонном столе рядом с кофемашиной лежит записка под теми же ключами от автомобиля, которые я видела ранее.

«Прости, мне нужно бежать этим утром. Я не забыл, что обещал тебе разобраться с делами Зи. Будем надеяться, что Оливер быстро подготовит почву. И я надеюсь в ближайшее время покончить с этой сделкой.»

Не уверен, вернусь ли я вечером, если да, то прихвачу для нас ужин, если не будет поздно.

А завтра вечером я хочу отвезти тебя в любимый ресторан твоего брата. Надеюсь, ты знаешь, что он всегда искал не только лучшие кофейни, но и рестораны. Планируй на семь вечера, если только мы не встретимся до этого времени.

Нейт».

Моё сердце не просто прыгает в груди, оно готово выскочить. Не только потому, что он предложил свою помощь, предоставил свою машину, место, где можно остановиться... но и потому, что он подписался своим именем.

8 Глава

Это не должно повториться

Свет от маленькой лампы мерцает на поверхности полированного деревянного стола. Копаясь в содержимом последнего ящика, думаю, что мне удалось провести день, сортируя почти каждый листок бумаги, который имелся у Зака во всей квартире. Стопки налоговых записей, продуктовые чеки, оплаченные кредиткой, старые ежедневники, поступления денежных средств на художественные принадлежности, письма от Мими, письма от меня, перечень поставок, списки продуктов, даже газеты — все они теперь аккуратно сложены в

верхней части держателя для календаря.

Я начала с уборки в кухне, но затем наткнулась на мусорный ящик, заполненный квитанциями. Я не заметила ничего необычного, кроме количества поездок в магазин художественных поставок, и не было никаких сомнений, что Зак делал зарисовки. Но как только двинулась к столу, я заметила ещё одну интересную вещь. На страницах календаря дни месяцев «май» и «июнь» были подписаны именами примерно три раза в неделю. Фамилии, ничего не значащие для меня. Месяцы, предшествующие маю, были уже оторваны и неизвестно где они теперь.

У меня плывет перед глазами, когда я выключаю свет, перед тем как подхожу к стеклянным дверям, чтобы взглянуть на звёздную ночь. После того как Изабелла ушла этим утром, я написала Нейту сообщение, поблагодарила его за машину и дала понять, что буду переносить свои вещи в лодочный сарай. Он не ответил, но, впрочем, я предполагаю, что и нечего было отвечать.

Нейт замечательный, так что я не хочу казаться неблагодарной в любом случае. Тем не менее, я всё ещё чувствую себя немного более растерянной после нашего утреннего разговора, более потерянной, чем я ощущала себя на днях. Общение с ним позволило мне увидеть другую сторону жизни, которую я никогда не знала, которой мне не хватало — это более чувственная сторона, которую хочу познать.

Эта ночь, так же как и прошлая, внезапно кажется одинокой. Я не уверена, откуда берутся эти чувства. Я привыкла быть одна.

Я оборачиваюсь, решая включить телевизор, чтобы очистить голову от своих мыслей, которые не должны быть там. Мои глаза останавливаются на захлавленном журнальном столике. Стопка журналов с такими названиями как «Vogue», *Marie Claire* и *Cosmopolitan* привлекают моё внимание. Я сажусь и тяну их на колени.

Странно, что мой брат читал такие журналы.

Моё внимание привлекает обложка журнала *Vogue Espana*. На фотографиях известный футболист, который обнимает свою девушку, они представлены в точно такой же позе, как и одна из обнаженных пар, которую я видела вчера в альбоме Зака для зарисовок. После сравнения двух изображений не остается сомнений, что Зак воссоздал эту сцену. Но кем является эта пара на рисунке Зака? Это не та же самая пара, которая фигурирует в журнале.

Мой телефон оповещает о сообщении. Я отвожу взгляд от сдвоенных образов и просматриваю текст сообщения.

Нейт: «Я только что вернулся домой. Ты уже поужинала?»

Мой желудок урчит при мысли о еде.

Я: «По правде говоря, нет».

Нейт: «Приходи сюда. Я взял еду по пути домой».

Я: «Буду через пару минут».

Мое чувство одиночества мгновенно испаряется.

Я смотрю вниз на свои обрезанные спортивные штаны и обтягивающий топ и пожимаю плечами. По крайней мере, я приняла душ перед тем, как переоделась, поэтому уверена, что от меня не воняет, и всё остальное не важно. Сегодня Нейт и я — двое новых друзей,

которые ужинают вместе поздним вечером.

И это всё.

С этим фактом я смирилась.

Ночной воздух теплый, когда я открываю дверь и пересекаю газон. В то время как приближаюсь к дому, вижу внутри Нейта. Он вынимает еду из пакетов, и я хихикаю, когда ловлю его между тем, как он уплетает картошку фри и тем, как лезет в пакет, чтобы достать еще еду. Через несколько секунд он скрывается в коридоре, и потом вдруг я слышу мягкие звуки музыки. Я вижу, как он возвращается в комнату, притворяясь, что играет на ударных, и я загипнотизирована тем, как его тело движется в такт.

Внутри меня разливается тепло, когда мои глаза остаются прикованными к каждому его движению. Чувствуя себя немного сталкером, я толкаю одну из дверей, но она заперта. Я легонько стучу. Когда он поднимает взгляд, на его лице появляется широкая улыбка.

Пальцы моих ног сгибаются от этого вида.

Нейт направляется ко мне, слизывая со своих пальцев остатки еды. У меня появляется внезапное желание облизать их вместо него. Его волосы растрепаны, и он переодет в нейлоновые спортивные штаны и обычную белую футболку.

Он выглядит невероятно.

Открывается дверь, и я пытаюсь задвинуть свои желания.

Друзья. Мы. Можем. Быть. Только. Друзьями.

— Эй. — Его голос звучит тепло и успокаивающе. — Мне следовало отпереть дверь.

— Не беспокойся об этом. — Улыбаюсь. — Чем-то очень вкусно пахнет.

— Я не был уверен в том, что ты предпочитаешь, поэтому у меня тут ассорти из бургеров. — Он указывает на стол.

Тот кишит всякими различными белыми упаковочными пакетами, коробками с картофелем фри и множеством стаканчиков с соломинками, расположенными рядом с ними.

— Я это вижу, но тебе не стоило так утруждаться.

Нейт останавливается возле стойки, ухмыляясь мне через плечо.

— Это было нетрудно. Надеюсь, ты голодна.

— Умираю с голоду.

Он резко выдвигает стул.

— Ты ела что-нибудь сегодня?

Я смотрю на него и стараюсь не обращать внимания на то, как привлекательно выглядят его взъерошенные волосы или насколько восхитительный вид имеет его щетинистый подбородок.

— Думаю, что да, но это было несколько часов назад. Ох, ты видел бумаги, которые тебе оставила Изабелла?

— Да, видел. Она заболтала тебя?

Я присаживаюсь.

— Нет, не совсем.

Он пододвигает мой стул.

— Отлично. Иногда ее сложно остановить.

— Она сказала, что спешит, так что, полагаю, мне повезло.

Нейт усмехается, пока направляется ко мне, чтобы встать рядом со мной.

— Она, правда, милая. Не пойми меня неправильно.

Соглашаясь, я киваю.

— Так или иначе, как прошел твой день?

Он выдыхает мне в шею, щекоча своим дыханием.

Мне кажется, он замечает мою реакцию на его близость.

— Интересно, — отвечаю я, пока он обходит барную стойку.

Через несколько секунд он стоит передо мной, нас разделяет стойка.

— Да? Интересно, как?

Аромат бекона разносится по воздуху, когда он разворачивает пакеты и выкладывает бургеры на тарелку. Я не могу не восхищаться, с какой легкостью он двигается.

— Помнишь, ты говорил, что мой брат не продал ни одного своего рисунка за последнее время?

— Да, по крайней мере, мне он об этом ничего не говорил.

— Ну да. Я понимаю это. Хотя, мне кажется странным, что он не упомянул об этом.

Соглашаясь, он кивает, прежде чем поднимает взгляд.

— Овощной сок, смузи или коктейль? — Нейт помещает соломинки в три пластиковых стаканчика.

— Овощной сок, пожалуйста. — Я скрещиваю ноги и устраиваюсь поудобнее. — Итак, сегодня я обнаружила квитанции для магазина под названием «Арт Вилледж».

— Я слышал о таком. Это магазин художественных принадлежностей. — Он протягивает мне стаканчик. — «Выбор Кролика» специально для тебя.

Я вздергиваю бровь.

— Смесь помидора, моркови, сельдерея, свеклы, капусты и яблочных соков.

Не могу сдержаться и морщусь нос.

Он меняет стаканчики.

— Возьми этот. Лучший молочный коктейль, который ты когда-либо пробовала.

Мы обмениваемся стаканчиками.

— Ну, Зак, по крайней мере, ездил туда раз в неделю в течение прошлого года.

— Да ладно.

Я киваю и делаю глоток.

— О, боже, это восхитительно.

Он широко улыбается.

— «Французская Обезьяна». Шоколад, банан и ванильный йогурт.

Я возвращаю ему стаканчик.

— Я, правда, не хочу брать твой напиток.

Он потирает свой рельефный пресс.

— Нет, всё в порядке. Мне нужно следить за фигурой.

— Ладно, тогда тебе лучше вернуть мне назад сок. — Смеюсь я.

Он поднимает взгляд.

— Ты прекрасна, такая, какая есть.

Я закатываю глаза.

— Я не шучу.

Я улыбаюсь.

Он со всей серьезностью пристально смотрит на меня.

— Я серьезно.

Дрожь пробегает по моему позвоночнику. Смысл его слов становится понятным: ему

нравится, как я выгляжу. Честно говоря, я предпочла бы сказать ему, что хочу его. Что я не хочу быть просто друзьями. Что я ни о чём не прошу. Я просто хочу, чтобы он трахнул меня.

Заставил снова почувствовать себя живой.

Но я не говорю об этом, вместо этого делаю ещё глоток.

— Как насчет того, чтобы поделиться?

Он поднимает руку.

— Договорились.

Когда я пожимаю её, мы оба держим свои руки дольше, чем следовало, и электрический ток, который пронизывает нас, заставляет меня гореть.

Нейт ставит тарелку, наполненную до верха бургерами и картошкой фри, на стойку вместе с двумя тарелками, салфетками и столовыми приборами.

— О чём ты говорила?

У меня не занимает много времени, чтобы собраться с мыслями.

— Могу я спросить прямо?

Улыбка расплывается по его лицу.

— Есть какая-то причина, по которой ты не можешь спросить?

Небольшой румянец распространяется по всему моему телу.

Я откладываю свое откровенное признание и сосредотачиваюсь на еде, указывая на бургер с чем-то, что напоминает на нем яйцо.

— А этот с чем?

— Бургер с глазуньей, и должен признать — это мой любимый. — Нейт водит по тарелке как по часовой стрелке. — Сэндвич с беконом, салатом и помидором, овощи, тунец, индейка в соусе гуакамоле, сладкий картофель фри и старый добрый французский фри. Выбирай.

Я разрезаю ножом бургер с глазуньей напополам, беру несколько картошек фри и накладываю себе на тарелку.

Нейт обходит стойку и садится возле меня, предлагая мне салфетку. Он разрезает наполовину остальные бургеры и выкладывает себе на тарелку.

— Не подумай, что я свинья, но я не ел весь день.

Я смеюсь, по-своему упрощая нашу беседу.

— Я так не думаю. — Откусываю кусочек картошки. — Ммм, это правда, вкусно.

Его взгляд задерживается на мне и могу сказать, что он ждет.

— Итак, когда я перебирала вещи Зака, я нашла несколько откровенных зарисовок.

Он приподнимает бровь и перед тем как заговорить, перестает жевать свою пищу.

— В каком смысле откровенных?

— Обнаженные парочки.

— Ясно. — Нет никакого шока в его ответе.

Комок застревает в моем горле, и я делаю глоток своего коктейля.

— Зи был художником. Он рисовал и писал все виды предметов на любые темы. — Нейт ещё раз откусывает от своего бургера.

— Те рисунки были реалистичными. Правдивыми.

Это привлекает его внимание.

— Парочки занимались сексом.

Нейт смотрит на меня своим самым спокойным взглядом.

— Откуда ты знаешь?

Моя стеснительность относительно этой темы давно прошла, и я отвечаю:

— О, если выражения их лиц и не передавали всей истории, то способ, которым их тела были переплетены, показывал это.

— И сколько таких рисунков ты обнаружила?

— Только два. Один из них был точной копией обложки журнала. Знаешь ли ты, почему он мог нарисовать что-то подобное?

Волосы Нейта спадают немного ему на глаза.

— Я понятия не имею.

Доедаю бургер и кладу салфетку рядом со своей тарелкой.

Нейт подталкивает тарелку с едой в мою сторону.

— Ты не закончила, не так ли?

— Я объелась. — Я откидываюсь назад на свой стул.

Он потягивает жидкость из своей соломинки.

— Здесь всё ещё много еды.

— Она вся твоя, но было очень вкусно. Спасибо тебе.

Он кивает и доедает последний кусочек картошки фри.

— Нашла что-нибудь ещё?

— На его настольном календаре было много имен, написанных в различных датах в течение месяцев мая и июня. Думаешь, они могли быть художниками из галереи?

— Ты помнишь какие-нибудь имена?

— Мето, Страйкер. — Поджимаю губы и пытаюсь вспомнить ещё немного.

Его взгляд задерживается на мне, и внезапно, всё, что я способна видеть, — это его зеленые глаза.

— Я их не припоминаю, но подожди, я только захвачу свой телефон. Он наверху заряжается. — Нейт вытирает руки и бросает салфетку на барную стойку.

Через пару секунд я кричу,

— О, Фриман, Майер, — но он уже поднимается вверх по лестнице. Не подумав, я следую за ним.

Он роется в ящике своего комода, вытаскивая из него различные шнуры.

— Я вспомнила ещё несколько имен.

В комнате темно, и как только я вхожу, его взгляд возвращается ко мне.

— Я полагал, что мог бы воспользоваться телефоном Зи, но он разряжен. У него «Самсунг». Я пользовался таким год назад. Я думал, что у меня всё ещё есть зарядное устройство.

Я подхожу туда, где стоит Нейт, и смотрю вниз на его телефон. Его экран полон приложений. Checkmark, Google Search, RunKeeper, Songkick, Nike и ещё одно, которое называется Estate (прим. ред. с англ. Особняк, поместье).

Он закрывает ящик и переключает внимание на свой телефон.

— Но я не могу его найти.

Я слегка поворачиваюсь, чтобы видеть экран лучше, и мы, кажется, неосознанно придвигаемся ближе, пока наши бедра не соприкасаются.

Он смотрит вниз и нажимает несколько кнопок.

Мои чувства будто усиливаются каждый раз, когда Нейт находится рядом со мной.

Звук его щелчков по экрану кажется громче, чем должен быть.

Мои нервы вспыхивают, тело дрожит, сердце колотится.

— Я не вижу у себя в контактах Метто или Страйкер. Но у меня могли быть не все контакты клиентов галереи, только те, с которыми я встречался. — Его теплое дыхание каскадом струится по моей шее, и огонь распространяется внутри меня.

Я стараюсь сфокусироваться на выполнении задачи.

— Что насчет Фримана или Майера? — Я касаюсь его пальца, и мой пульс начинает скакать.

Я не хочу быть с ним просто друзьями. Я хочу большего.

Он ищет имена, его дыхание становится рваным.

Теперь наши тела полностью прижаты бок о бок, и мы оба склоняемся над комодом. Стою близко к нему, и в памяти всплывает прошлая ночь, всё: руки, языки и переплетенные конечности.

— Нет, у меня нет таких имен.

Я замираю, когда его палец движется вокруг моего, прежде чем он выключает экран. Мой взгляд переходит от телефона к нему.

— Я постараюсь найти зарядное для телефона моего брата.

Нейт разворачивается ко мне и приподнимает мой подбородок.

— Мы разберемся с этим. Не расстраивайся.

Я понимаю, что придвигаюсь ещё ближе к нему.

— Я ценю твою помощь. Спасибо.

— Тебе вовсе не обязательно продолжать благодарить меня.

Однако никто из нас не обращает внимания на то, о чём мы говорим, так как жар нарастает между нами.

Мое горло пересохло, и я сглатываю.

— Пожалуй, я пойду.

— Да, уже довольно поздно, — шепчет Нейт.

Мгновения проходят в молчании, и мы всё же продолжаем неподвижно стоять. Наши рты находятся в нескольких сантиметрах друг от друга. Сегодня не так темно, как прошлой ночью. Приглушенный свет в комнате отбрасывают тени на его лице.

— Нейт?

Он судорожно выдыхает.

— Да.

— Скажи мне, почему. — Я понимаю, что не нужно объяснять ему, он знает, что я имею в виду.

Он прижимается своим лбом к моему, и пальцем слегка ласкает мою щеку.

— Зои, просто поверь мне. Будет лучше, если мы останемся друзьями.

Я глажу рукой его грудь не в силах остановить себя.

— Я почему-то не чувствую, что это к лучшему.

Вздых, похожий на стон, отражается в пространстве, и затем он медленно перемещает нас по комнате. Чуть позже, я падаю на кровать, и он нависает надо мной. Его глаза вспыхивают, и, несмотря на свисающие на его лоб темные волосы, я вижу в них сопротивление.

Они отражают мое собственное.

Я не могу остановить себя. Нет, просто не хочу останавливать.

Я недостаточно сильна.

Я притягиваю его ближе к себе. Он пахнет свежестью, и я не могу устоять перед

непреодолимым желанием вдохнуть его аромат.

Этот мужчина ощущается таким настоящим.

Он всё, чего я жажду.

Всё, что я хочу.

Нейт помогает мне чувствовать себя живой.

— Зои, — начинает он.

Я смотрю ему в глаза. И уверена, что множество эмоций, отражающихся на моем лице, исчезли, и всё оставшееся — это чистейшее, неконтролируемое, неподдельное желание.

Нейт набрасывается на меня своим ртом, его губы захватывают мои, язык вторгается в мой рот. Руки скользят вниз по бокам моего тела, и его прикосновения опаляют. Жар между нами целиком поглощает меня.словно по волшебству, всё, что я могу чувствовать, — это дрожь от удовольствия. Близость между нами и то, как наши тела реагируют друг на друга, нельзя отрицать.

Но внезапно мужчина отстраняется от меня, и чары разрушены.

Волшебство рассеивается и сменяется напряжением.

Нейт перекачивается на спину и ударяет себя по лбу.

— Зои, что ты делаешь?

— Нейт, мы два человека, которые хотят друг друга. В этом нет ничего плохого.

— Ты не понимаешь.

— Понимаю. Я хочу быть с тобой, и я знаю, ты тоже этого хочешь. Вот и всё.

Не важно, насколько отчаянно звучат эти слова, это всё, правда. Я не могу сдерживать чувства. Всё, что я хочу, — это быть с ним и забыть ложь, тайны и мои поиски правды о жизни Зака.

Он переворачивается на бок, приподнимая брови.

— Мы просто не можем сделать этого снова.

— Я ошибаюсь? Ты не хочешь меня?

— Ты знаешь, что хочу.

— Тогда я не понимаю.

Он вертится и мне кажется, что собирается подняться, но вместо этого включает свет и немного приглушает его с помощью настроек, лишь позволяя мне видеть его тени. Затем возвращается обратно, ложась ко мне лицом. Его пальцы запутываются в моих беспорядочных кудряшках. Я даже не знаю, понимает ли он, что делает.

— Это не тот вопрос, который ты должна задавать. Ты должна спросить себя, почему ты хочешь, чтобы я трахнул тебя снова. Я не тот, в ком ты должна быть заинтересована в физическом смысле.

Я опускаю свою голову на локоть, и глажу его темные густые волосы.

— Почему ты так думаешь?

Вскакивая, он хватается за запястья и увлекает за собой. словно несокрушимая стихия, он хлопает моими ладонями себя по лицу. Что-то щелкает внутри него.

— Зои, посмотри на меня. Я не тот парень, которого ты выдумала себе в своей голове. Я не сказочный принц, который пришел тебя спасти. Я знаю, должно быть, твой брат предупредил тебя насчет меня.

Мои глаза прикованы к нему, и я вижу в его глазах вихри, вращающиеся внутри них, будто шторм.

— Это никак не связано со сказками или со спасением, или даже с моим братом. Я не

ищу сказочного принца. Я просто хочу быть с тобой. Если ты этого не хочешь, так и скажи, но не строй из себя какого-то таинственного, долбанного придурка, поскольку, я вижу тебя насквозь.

Его крепкая хватка ослабевает, взгляд смягчается, и возникает желание в глубине его темно-зеленых бассейнов. Он отворачивается, чтобы выключить свет, и в мгновении ока оборачивает вокруг меня свои мощные бедра.

— Ничего ты не видишь. Почувствуй это. — Его губы скользят по моей шее. — Вот он я. — Он давит на меня своим телом. — Весь я. — Его голос низкий и соблазнительный.

Ощущение на себе его плоти облегчает мои мысли, но ненадолго. Вскоре, причина берет верх. Я пытаюсь оттолкнуть его, но он не двигается.

— Я знаю кто ты. Поговори со мной. Скажи, что у тебя на уме.

Его язык облизывает моё ухо.

— Ты сказала, что хочешь меня. Что ж, я прямо здесь. Так почему бы нам не прекратить всю эту дерьмовую терапию, я не один из твоих студентов.

Его наглость и дерзость в словах заставляют меня покраснеть от злости. На сей раз, когда отталкиваю его от себя, я делаю это с силой, но в этом нет необходимости, так как он отстраняется добровольно.

Он садится и откидывается на спинку кровати.

Я притягиваю колени к груди.

— Поговори со мной. Что всё это значит? Мы ведем речь о сексе, а не о женитьбе, ради всего святого. Я здесь ещё на пару дней и затем исчезну из твоей жизни. В чём причина твоего нежелания?

Обычно я не веду так беседу, но мне необходимо достучаться до него.

Нейт пожимает плечами и запрокидывает голову.

— Я говорил тебе, твой брат не хотел, чтобы я был с тобой.

Я трясую головой.

— Это бессмысленно. Мы даже не встречались до того, как он умер.

— Нет, но он сказал мне.

— Сказал тебе что?

— Господи, Зои! Не всё должно обсуждаться. Когда ты прекратишь это, наконец?

Мой взгляд не отрывается от его лица.

— Нет, не прекращу. — С этими словами встаю и направляюсь к двери.

— Зои!

Я останавливаюсь прежде, чем дохожу до лестницы и поворачиваю голову.

— Вернись сюда. — Его голос значительно ниже.

Он прав. Не всё стоит обсуждать, но так как переживания о том, что я могу умереть до того, как мне исполнится двадцать восемь, как и мой брат, нависают надо мной каждый день, я должна знать. Я возвращаюсь обратно и присаживаюсь перед ним у изножья кровати.

— Пожалуйста, Нейт, скажи мне.

Он направляет свой взгляд на меня и глубоко вздыхая, открывается.

— В ночь на двадцать седьмой день рождения Зи, я взял его с собой.

Мое сердце замирает. День, когда Заку исполнилось двадцать семь лет.

— Ранее тем же вечером он получил сообщение от тебя и смотрел на фото.

Воспоминание уносит меня назад. Я отправила ему сообщение с фотографией шоколадного торта, который испекла ему на день рождения, даже несмотря на то, что его не

было дома. Этот год был единственным, когда он отсутствовал дома на свой праздник. Я испекла шоколадный торт, поскольку это мой любимый, и собиралась съесть его одна. Нет никаких причин, чтобы останавливаться, но Нейт, так или иначе, делает паузу.

— Фотографию торта? — спрашиваю я.

Он кивает.

— Продолжай, — подталкиваю я.

— Я был таким придурком и глумился над ним по поводу тебя. Я спрашивал его, почему ты никогда не приезжала все эти годы к нему. Его ответ меня не удивил. Поначалу он пожимал плечами, но я давил на него, и затем он наконец-то мне сказал, что Мими большинство времени была больна, поэтому ему было проще приехать домой. Но как я уже сказал, я был придурком и заставил его сказать то, о чем я уже знал.

— О чем? — спрашиваю я, искренне смущенная тем, что же это могло быть.

— «Чтобы удержать ее подальше от тебя», сказал он мне.

У меня отвисает челюсть.

— Он так сказал?

Нейт кивает в ответ.

— Я уже знал это.

Я свожу брови вместе.

— Откуда?

— Из-за того, что он не любил мне рассказывать о тебе, если только я не подталкивал его на это, я понимал, он хотел, чтобы я держался от тебя подальше.

— Нет, не верь этому, Нейт. Ты неправильно понял. Он шутил.

— Нет, Зои, это не так. Он не просто сказал это, он это имел в виду. Сжав кулаки, он едва не сказал мне, что убьет меня, если я когда-нибудь приближусь к тебе.

Я тянусь через кровать.

— Нейт, он был моим братом. Он всегда был чересчур заботливым. Он бы сказал так о любом парне.

Он отстраняется.

— Нет, Зои, ты ошибаешься. Ты была единственным самым важным человеком в его жизни. Он всегда говорил, что ты являлась добром для всего того зла, которым он когда-либо был. Он был таким чертовски поэтичным. Я помню, как он говорил, что ты была солнечным лучиком, который он видел сквозь облака. Ты была светом в конце туннеля. Ты верила в него, как никто другой. Ты помогала ему двигаться вперед. Он чувствовал, что был обязан тебе всем. Он хотел, чтобы ты была счастлива. И он знал, что этого не случится со мной.

От его признания, мои глаза покалывает от слез.

— Ох, Нейт, вот каким он был. Он так сильно ненавидел моего единственного бойфренда, что однажды угрожал сломать ему ноги.

Нейт не двигается и смотрит на меня.

— Зои, ты совсем не понимаешь, что происходит. Всё намного серьезнее. Я прикалывался над ним той ночью и просто пытался задеть его за живое, я спросил его: «Думаешь, я бы ей понравился? Вот в чем дело? Потому что я был бы счастлив, слетать и встретиться с ней, пусть даже она такая милая девушка, я мог бы сделать исключение для тебя». Я раньше посмеивался с ним, что я никогда не встречался с хорошими девочками, так как было слишком много возни со всем этим любовным дерьмом. Обычно это взрывало его

мозг.

Я перемещаюсь на кровати.

Кажется, Нейт теряет в своих воспоминаниях.

— Зак сказал: «Неважно, насколько сильно я бы хотел доверить тебе заботу о ней, но я никогда не смогу этого сделать. Ты только разобьешь ей сердце. Ты просто не способен на такие отношения. Так что держись подальше от нее». Он ясно дал понять. Так что, это, — Нейт указывает на нас двоих, — неправильно.

Слова выходят прежде, чем я успеваю обдумать их:

— Это было до того.

Он хмурится.

— До чего?

Теперь моя очередь заткнуться. Откровенничать о «Клубе 27» это не то, что ты должен делать. Люди смотрят на тебя, как на сумасшедшего, а если нет, то просто жалеют тебя. Я не хочу ни того, ни другого от Нейта.

— Ничего, забудь.

Щурясь, он смотрит на меня.

— Ты заставляешь меня признаваться во всем, а теперь молчишь? Как бы ни так.

— До того, как он умер, — лгу я. Теперь слезы текут потоком по моему лицу. Я закрываю глаза, желая, чтобы всё было иначе — иначе для нас обоих.

Кровать провисает, и Нейт тянет меня поближе к себе. Его руки поглаживают мою спину вверх и вниз, утешая меня. Я расслабляюсь в его объятиях и принимаю тепло, которое он предлагает. Я позволяю себе оплакивать всё то, что не могу контролировать.

Жизнь.

Смерть.

Всё, что находится между ними.

Когда я, наконец, могу открыть глаза, вглядываюсь в ночь, и клянусь, я вижу падающую звезду.

— Ты видел это? — коротко выдыхаю, заикаясь.

Нейт отстраняется, чтобы посмотреть на меня.

— Что видел?

Я показываю на окно.

— Падающую звезду.

Он отрицательно качает головой и начинает вставать.

— Я собираюсь прихватить немного воды. Тебе взять?

Я смотрю на него с тоской, которой хотелось бы избежать.

— Да, я сейчас спущусь. Мне нужно в уборную.

Как только Нейт покидает комнату, я подхожу к раздвижным стеклянным дверям и открываю их. Влажность удушающая, но в любом случае, я дышу воздухом. Я смотрю наверх в ночное небо, и гляжу на звезды — их так много. И пока я смотрю в чудеса неба, не могу избавиться от мысли, что звезды рождаются, живут и умирают точно так же, как и люди. Некоторые из них ярко сияют, некоторые мерцают, а некоторые — слабые пятнышки, ты едва можешь разглядеть их. Жизни звезд меняются, и их яркость тоже, но как только они перегорают, то затухают, и затем падают с неба.

Разве это не как в жизни?

9 Глава

Ужин

Сумерки Майами — это просто нечто, как будто собственная галактика.

Я наблюдаю за горизонтом и вижу не только мост Макартур-козуэй, освещенный неоновыми оттенками розового и фиолетового цветов, но и небоскребы в центре Майами, и яркие белые огни Майами-Бич. С палубы лодочного сарая даже залив похож на тропический островной курорт с чистой лазурной водой.

Оглядываясь по сторонам, вдыхаю океанский воздух и стараюсь не думать о том, что ничего подобного больше никогда не увижу.

Будет ли нам чего-то не хватать, когда нас не станет?

Если да, то чего бы мне не хватало? Прекрасной панорамы, кофе, моей любимой книги.

Господи, звучит печально.

Моя жизнь оказалась настолько скучной.

Пустой.

Я не хочу умирать, пока не проживу свою жизнь.

Прохладный ветерок треплет мои заколотые волосы, и я чувствую, что собираюсь развалиться на части.

Дыши.

Расслабься.

Сконцентрируйся.

Начинаю думать о том, что нашла сегодня.

Как только выглянуло солнце, я села на палубе и включила ноутбук Зака. Солнце согревало мою кожу, даря приятное ощущение, но мне нужно было поработать. Чековая книжка, которую я нашла вчера в ящике стола Зака, говорила мне о том, что он хранил деньги в «Сан Траст». Я нашла их веб-сайт, догадалась, что логином будет его номер социального страхования, и знала, что его пароль был 15.05, день моего рождения, потому что все его пароли были днем моего рождения, точно так же, как и тот пароль, благодаря которому я получила доступ к его банковскому счёту.

Я была удивлена, до чего легко это вышло.

Загрузка счетов заняла некоторое время. Интернет-соединение казалось медленным, но потом пошло быстро. Было очень мало операций. За последний год в течение каждого месяца его активность была минимальной: автоматический расчета зарплаты, который легко покрывал его скромные счета — пятьсот долларов, я полагаю Нейту за аренду, семьсот долларов «Эллай Файнэншиал» за мотоцикл и ежеквартально шестьсот долларов «Стэйт Фарм» за страхование его автотранспортного средства. На самом деле, «Стэйт Фарм» связался со мной только на прошлой неделе относительно претензии, которую Нейт уведомил меня предъявить по электронной почте, насчет транспортного средства Зака.

По-видимому, я получу чек на стоимость мотоцикла Зака за вычетом той суммы, которая по-прежнему причитается «Эллай» до конца следующего месяца.

Все эти операции казались обычными, но вызывали сомнения большие денежные вклады, внесенные еженедельно на его счет. И даже при том, что эти депозиты сократились в размере за последние три месяца, они всё ещё были огромными. После каждого депозита Зак, в свою очередь, выписывал чек «Фест Нэшинл Бэнк», банку, который выдавал ипотеку

Мими, или компании «Гроу Файнэншл», где я объединила все медицинские счета Мими.

Это не было чем-то шокирующим — это просто подтвердило то, о чем я уже знала. Тем не менее, еженедельные вклады позволяют мне полагать, что Зак законно зарабатывал деньги, в некотором роде — это был стабильный поток доходов.

Или, по крайней мере, я надеюсь, что это было так.

Вскоре после того, как я пришла к своим выводам, заряд ноутбука сел. Когда я пошла искать шнур питания для компьютера, и заодно и для телефона Зака, то наткнулась на десятки эскизов под кроватью и нашла еще несколько десятков, сложенных в шкафу. Я пролистала некоторые из них, просто вглядываясь в мастерство и детали, которые отражал в них Зак — некоторые из них изображены очень реалистично.

На этот раз, в отличие от вчерашнего дня, я нашла некоторые карикатурные эскизы в одном альбоме. Такие карикатуры заставили меня улыбнуться. На одной нарисован шеф-повар, пытающийся словить рыбу, ещё на одной — чашка кофе, наполненная сердцами, и на другой — женитьба кота и собаки.

В другом альбоме я нашла ещё немного обнаженных женщин, пар и даже несколько зарисовок темноволосой девушки с завораживающим взглядом. Ни одна из зарисовок, просмотренных мною, не имела названия, впрочем, он давал названия только своим законченным работам.

Я отложила их в сторону, чтобы посмотреть завтра, и стала заряжать его телефон. Я не нашла ни одного имени в списке его контактов.

Как бы мне выяснить то, чем он занимался, чтобы получить эти деньги? Я так мало знаю о жизни своего брата, хотя думала совсем иначе. Печаль одолевает меня, и я стараюсь заставить себя быть сильной.

Больше никаких расстройств.

Я знала, что Зак не смог бы заниматься чем-то нелегальным. Мне просто нужно это доказать себе, в память о моем брате.

Самое время, чтобы встретиться с Нейтом за ужином.

Я уже смирилась с тем фактом, что какое бы чувство вины ни испытывал Нейт перед моим братом, оно не сможет когда-либо разрешиться, всё, что я могу сделать, — это уважать его галантность. Но я знаю Зака. Я знаю, что он желал для меня счастья. И если бы он знал что Нейт мог быть тем единственным, кто делал бы меня счастливой, он бы никогда не запретил нам быть вместе.

И более того, зная, что жизнь коротка, он бы хотел, чтобы я делала то, что приносит мне счастье. Дело в том, что Нейт и я никогда не встречались, пока Зак был жив. Если бы он был жив и видел искры между нами, он не сказал бы те слова Нейту.

Это правда, я знаю, что это так, но Нейт так не считает.

Нейт и я не разговаривали весь день. Когда я уходила вчера вечером, он убедился, что у меня были ключи от машины и ключи от дома, и он проводил меня до двери лодочного сарая. Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и он, засунув свои руки в карманы, подождал, когда я запрусь. Когда этим утром я вышла, чтобы приготовить кофе, он уже ушел. Он отправил мне сообщение сегодня днем, напоминая об ужине.

Волны, разбивающиеся о скалы, возвращают меня в настоящее. Когда я смотрю на часы, то вижу, что они, похоже, остановились. Вода под циферблатом говорит о том, что мои верные водонепроницаемые часы «Таймекс» не являлись на самом деле водонепроницаемыми. Дождевая вода, должно быть, попал на циферблат несколько дней

назад.

Возвращаюсь внутрь и осматриваю территорию. Я достигла некоторого прогресса, но многое ещё предстоит сделать до пятницы. Завтра мне нужно начать упаковывать некоторые вещи. Я направляюсь на кухню и выбрасываю часы в урну для мусора, которая находится возле стола, затем проверяю время на духовке: ровно семь.

Пора идти.

Я скольжу в туфли с открытыми пальчиками и направляюсь вниз. Прежде чем выйти во двор через старую пережившую множество штормов дверь, по пути ту же завязываю тоненькие бретельки вокруг своей шеи, усиленно дергаю и проверяю, чтобы вырезы были по бокам, как и должно быть.

Нейт стоит у кромки воды, уставившись на тот самый вид, которым я любовалась несколько минут назад. Он смотрит через плечо, и появляющаяся ухмылка, когда он замечает меня, зажигает меня изнутри.

Моя изначальная покорность начинает ослабевать.

Он поворачивается.

Я встречаюсь с его взглядом и мгновенно жалею об этом.

Мое тело не двигается.

Каждый мускул натягивается.

Мои колени дрожат.

Он выглядит так сексуально, что я просто хочу наброситься на него.

Моя покорность ослабевает.

В светлом льняном костюме, белой рубашке без галстука и обуви из кожи он выглядит так прекрасно, что я не могу отвести взгляд.

Я не могу пошевелиться.

Моё сердце колотится в ожидании близости с ним, даже если так не должно быть.

Я борюсь с тем, чтобы перевести дыхание.

Я не могу притворяться и не собираюсь этого делать.

Я хочу этого мужчину.

Мне больше не хочется быть опустошенной.

— Привет. — Нервничая, я неуверенно машу ему. Полумрак предоставляет мне большое удовольствие оценить то, как он, похоже, упивается мной, и я набираюсь смелости, чтобы приблизиться к нему.

— Зои. — Моё имя звучит тепло и чувственно, когда слетает с его губ.

Нейт следит за каждым моим шагом, пока мы приближаемся друг к другу.

Всё моё спокойствие взбудоражено, я втягиваю живот и стараюсь грациозно двигаться.

Позади него закат, и передо мной предстает ясная картина: он высокий, широкоплечий, исключительно одни мышцы. Его волосы при желтоватом свете — идеальный оттенок кофейных зерен. И никогда прежде я не видела настолько зеленых глаз.

Мы останавливаемся напротив, и смотрим друг на друга, мгновенный заряд между нами воздухом посылает искры в воздух. Я могу чувствовать этот огонь до самого лона.

Его взгляд скользит вверх и вниз по моему телу.

— Ты прекрасно выглядишь. — Слова звучат тихо, бережно, но настолько реально.

Я смотрю в сторону, чувствуя себя немного смущенной.

— Спасибо. Держу пари, ты говоришь это всем женщинам.

Нейт понижает голос:

— Ты ошибаешься.

Впервые я задаюсь вопросом, почему он такой замкнутый. Почему у такого парня, как он, нет красивой девушки или жены для того, чтобы разделять с ним жизнь.

Мне интересно, почему мы проживаем наши жизни, никогда не задумываясь о том, что однажды может быть уже поздно сделать что-то. Мои мысли затуманены, когда я чувствую на себе его тяжелый пристальный взгляд, и я смотрю в ответ, только чтобы потеряться в его глазах. Вся храбрость, которую я собрала ранее, рушится в его присутствии. Чистый и свежий аромат этого мужчины, то, как он выглядит, движется, звук его голоса, исходящая от него доброта и грусть очаровывают мне.

Кое-что меня поражает. Если сказанные слова Зака о Нейте, что он не способен любить, правда, тогда мы можем быть идеальной парой.

Эта мысль огорчает меня, и я вынуждена изобразить фальшивую улыбку на своем лице.

— Как прошел твой день?

— Не очень. Та сделка, над которой работаю, всё ещё не завершена, но я намерен получить ту недвижимость.

— Есть какие-нибудь продвижения?

Он кивает.

— Я, черт возьми, надеюсь на это, после стольких проведенных часов над проектом. Достаточно обо мне. Как прошел твой день?

Я обхватываю медальон пальцами.

— Я нашла зарядку от телефона Зака, но в нем ничего не было.

Нейт хватается мою руку, сжимающую медальон.

— Могу я взглянуть на фотографии внутри?

Я киваю, мои пальцы дрожат от его прикосновения.

Он открывает старинный серебряный овал и смотрит на фото справа.

— Эту фотографию отправил тебе Зи?

— Да, как раз перед Рождеством, я думаю.

— Полагаю, это был День благодарения, мы набирали еду в супермаркете, когда он остановился возле морозильной секции и щелкнул фотографию. Он сказал, что ты поймешь.

Я слежу за его взглядом.

— Пока мы росли, его любимым мороженым было со вкусом ежевики, но не какое-нибудь мороженное с ежевикой, это должно было быть мороженное от «Эббот».

— «Эббот»? — Нейт приподнимает бровь.

— Это была частная лавка с самым лучшим мороженым. Он прислал мне эту фотографию перед пинтой мороженого «Бен и Джерри» с черной малиной и с сообщением, в котором говорил, что не мог дождаться приезда домой, чтобы поесть этого вкуснейшего мороженого.

— Об этом граффити в Винвуде?

— Да. — Моё сердце разрывается от воспоминания и наполняется печалью.

Он указывает на другую половину медальона.

— Она прекрасна. Твоя бабушка?

— Да. Хотя она была очень молодой, когда была сделана фотография. Это было до того, как умер мой дедушка.

Его пальцы сжимают медальон, будто он драгоценный, и этот жест трогает меня.

— Как её звали? Я только слышал, как Зи называл её Мими.

Я улыбаюсь.

— Её звали Оливия, но все обращались к ней Олив, потому что, говорили, что она была похожа на Олив Ойл. (прим. перев. Вымышленный персонаж комиксов и мультипликационных фильмов о моряке Попае)

— Ты выглядишь, как она, знаешь ли.

Я смеюсь, смущаясь.

— Это хорошо или плохо?

Кажется, мой вопрос удивляет его, и его рука опускается на мой подбородок, чтобы приподнять мое лицо.

— Я же говорил тебе раньше — ты прекрасна.

Его прикосновение обжигает меня.

Я стараюсь выглядеть безэмоционально и позволяю тишине простираться между нами, пока пытаюсь собрать свое самообладание.

Нейт закрывает медальон.

— Я говорил тебе когда-нибудь, как восхищаюсь близкими отношениями, которые были у вас с братом?

Мой разум начинает сражаться с множеством эмоций и мыслей.

Не подходи слишком близко.

Живи.

Держи дистанцию.

Почувствуй жизнь.

— Эй. — Его голос нежный. — С тобой всё в порядке?

Он притягивает меня к себе.

Затем я понимаю, что плачу. Снова. Безмолвные слезы текут по моему лицу.

Я отклоняюсь назад и вытираю их.

— Я в порядке. Извини. Не знаю, что со мной не так. Обычно я не плачу так часто.

Он берет мои дрожащие руки в свои.

— Я понимаю. Сейчас это эмоциональный период. Ты уверена, что готова выйти сегодня вечером? Я думал, что отвезу тебя в «У Нормана», но мы можем прихватить чего-нибудь и поужинать здесь. Вообще, это не проблема.

— «У Нормана»? — Это оживляет меня. — Зак рассказывал мне, что их шеф-повар был на «Шоу Марты Стюарт» и «Шев-повар».

Нейт пожимает плечами.

— Зи таскал меня туда почти целый год, по крайней мере, один раз в неделю.

— Я бы хотела поесть там. Зак никогда не переставал говорить о Люке Нельсоне. — Мой голос звучит ровно и спокойно, сдерживая печаль.

Нейт ухмыляется.

— Это шеф-повар?

Я киваю.

Он показывает жестом в сторону дороги.

— Тогда, может быть, поедем?

Я улыбаюсь и смотрю на него. В этот момент я решаю, что хочу, чтобы Нейт вдохнул в меня жизнь, в противном случае меня ждет безжизненное существование.

— Я готова. — Я следую за ним с удвоенной энергией. Иду за ним к дому и плююсь на

его идеальный зад, затем вокруг дома, и мне не остается ничего, кроме как, поглазеть на его убийственную походку. Я следую за ним в гараж и наблюдаю, как мускулы перекатываются по его спине, когда он тянется к моей дверце. Мне кажется, что я бы пошла за ним куда угодно, если бы это означало, что я могла бы продолжать наблюдать, как он двигается.

Звучит щелчок, поскольку он снимает блокировку автомобиля с помощью пульта дистанционного управления, и протягивает свою руку.

Я принимаю её без колебаний.

С его потрясающей привлекательностью, он мог бы стать моделью. Но это не то, что привлекает меня в нем сегодня. Мне нравится то, как он, кажется, понимает меня, а так же, как он проявляет свою заботу по отношению ко мне.

Я бросаю на него взгляд перед тем, как он закрывает мою дверь.

— Могу я кое о чём спросить?

— Ты знаешь, что можешь.

— Как ты думаешь, люди меняются?

— Несомненно. Всё меняется: люди, города, технологии.

— Ты думаешь, события могут изменить людей?

Он кивает.

— Я знаю, что могут.

— Возможно ли, что мой брат мог измениться за год до своей смерти?

Нейт отворачивается.

— Зои, не думаю, что я самый подходящий человек, чтобы ответить тебе на это.

— Что ты имеешь в виду?

Пауза.

— Можешь не отвечать, если не хочешь.

Он сует свои руки в карманы.

— Просто, прошлый год меня часто не было рядом. Но если ты спрашиваешь меня, каким образом он достал деньги, я думаю, он их как-то заработал.

Меня настигает облегчение.

— Я тоже.

Он закрывает мою дверь и запрыгивает в «Ровер».

Когда включает заднюю передачу и выезжает из гаража, я смотрю на него.

— У меня другой вопрос.

— Выкладывай.

— Как думаешь, мнение моего брата могло бы быть другим, если бы он увидел нас вместе?

Он ударяет по тормозам и роняет голову.

Я покусываю губу.

— Нейт?

Он молчит в течение нескольких секунд, затем останавливает машину в парке.

— Зои, я думаю, что некоторые вещи лучше оставить в покое. Ты понимаешь, о чём я?

— Нет. Не совсем, Нейт. Не тогда, когда дело касается нас.

— Слушай, я изо всех сил стараюсь уважать пожелания твоего брата, но ты всё усложняешь.

Щурясь, я смотрю на него.

— Да я вовсе не пытаюсь. Об это я и говорю. Может быть, желания Зака были бы

инными, если бы он увидел нас вместе при других обстоятельствах.

— Твой брат без сомнения не хотел, чтобы ты была со мной. Всё просто.

— Я не думаю, что ты прав. Могу я быть честной?

Он сухо смеется.

— Ничего другого я и не ожидал.

— У моего брата было много точек зрения на разные темы, но это не означает, что он всегда знал, что было лучшим для меня.

Нейт щурится.

— Смысл не в том, желал того Зи или нет, а в том, что ты думаешь, будто знаешь меня, но это не так. Я не такой уж и хороший парень, когда дело касается женщин.

— Я не верю этому.

— Да ладно тебе, Зи, должно быть, рассказал обо мне, что я не трахаюсь с одной и той же девушкой дважды, — говорит Нейт, как ни в чём не бывало.

Я бледнею. Не из-за грубого слова, а от одной мысли о нём с кем-то другим.

— Вот в чём, значит, дело?

Во всех моих сегодняшних размышлениях, я ни на минуту не задумывалась о том, что его самоотверженная необходимость держаться от меня на расстоянии была нечто большим, а не из-за моего брата.

Может быть, я ошибалась.

Он пристально смотрит на меня.

Я поджимаю губы и свожу брови в разочаровании. Довольно.

— Ты так и не понимаешь, что происходит. Ты даже не пытаешься понять. Если ты хотел убедиться, что я не просила тебя причинять себе неудобство сегодня вечером, поздравляю, у тебя это получилось. — Я нажимаю дверную ручку, но дверца заперта. — Выпусти меня.

Он хватается меня за руку.

— Зои, послушай меня.

Мной овладевает ярость, и я ищу кнопку разблокирования.

— Выпусти меня отсюда!

— Послушай меня. Пожалуйста. Я хочу быть с тобой, но знаю, что это неправильно по многим причинам.

Его слова останавливают меня.

— Неправильно?

— Да, неправильно.

Немного моя злость отступает, когда я вижу боль на его лице.

— Это не правильно. Это не может быть более правильным. Мы просто два человека, которые хотят быть вместе.

— Нет никаких «вместе».

— Есть, со мной.

Нейт качает головой.

— Что ты хочешь от меня, скажи.

— Ты хочешь знать? Действительно хочешь знать?

Он поднимает глаза и фокусирует их исключительно на мне.

— Да.

Я с уверенностью смотрю в ответ.

— Я хочу, чтобы ты поддался влечению между нами. Оттолкнул свое чувство вины. Знаю, что это звучит эгоистично, но у меня на то свои причины.

Он запрокидывает голову назад.

— Я не могу сделать этого. Просто не могу.

Мое сердце останавливается.

Время рискнуть.

— Я хочу рассказать тебе кое-что, и не хочу, чтобы ты думал, что я сумасшедшая. Так что, пожалуйста, позволь мне объяснить прежде, чем ты сделаешь выводы.

Он хмурится.

— Ты когда-нибудь слышал о «Клубе 27»?

Нейт выпрямляется. Его плечи каменеют, когда он кладет свои руки на руль. Через несколько минут он поворачивается ко мне.

— Зи однажды упоминал об этом, но он был настолько пьян, и я подумал, что он несет чушь.

Я ерзаю на своем сиденье.

— Мой брат и я никогда не верили в то, что нам было предназначено судьбой, или я так считала. Затем он умирает в двадцать семь лет и оставляет меня с мыслью, будто он знал, что умрет. И теперь я больше ни в чем не уверена. Ты знал о том, что мне исполнилось двадцать семь через пару недель после его смерти?

Нейт сглатывает.

— Нет.

— Что же, теперь я не могу перестать думать о том, что я могу быть следующей.

— Зои, Зи погиб в результате аварии на мотоцикле.

— Именно так присоединяется к «клубу» каждый — в результате трагической смерти.

Нейт решительно качает головой.

— Зои, нет никакого «клуба». Это было случайным стечением обстоятельств. А то, что Зи умер в двадцать семь, определенно не означает, что и ты умрешь.

Я мотаю головой.

— Является ли совпадением то, что мой брат умер, пока ему было двадцать семь лет? И мой дедушка, и мать тоже? И множество наших предков, имена которых я даже не знаю? Я так не думаю. Зак, должно быть, верил, что это случится, даже если и говорил мне, что не верит. Более того, я полагаю, вот почему он как-то промышлял, чтобы заработать деньги. Он хотел удостовериться, что заботился в первую очередь обо мне. Так что, Нейт, дело вот в чем, теперь я верю в судьбу. Мне двадцать семь, и велика вероятность того, что мое время уже начало свой отсчет. Возможно, таймер запустился почти месяц назад.

Вот она — правда.

Нейт уставился перед собой, потирая свое лицо.

Трудно поверить в моё сумасшедшее семейное наследие. Но как только эта информация усваивается — становится тяжело отрицать.

Когда его веки опускаются, изображения кружатся в моей голове так, что я сдаюсь. Изображения его рук на мне, то, как он прикасался ко мне, целовал меня, облизывал, вколачивался в меня. Но затем, я понимаю, что бросаюсь на парня, и новые эмоции сковывают меня.

Стыд.

Смущение.

Отвращение.

Нейт тянется ко мне.

Я поднимаю руку, чтобы остановить его.

— Зои. — Его голос наполнен болью.

Стук сердца отдается в горле.

— Мне не стоило рассказывать тебе. Я также не должна была набрасываться на тебя.

Извини.

— Зои, — повторяет он, но на этот раз голос его хриплый и соблазнительный.

Моё тело мгновенно реагирует. И я не могу не прильнуть к нему.

Он берет меня за подбородок, и его прикосновение ошеломляет меня.

— Ты не должна думать подобным образом. Этого не случится с тобой.

Приглушенные звуки радио сменяются белым шумом в моих ушах, и я вздыхаю.

— Тебе это неизвестно.

Нейт пригвождает меня взглядом.

— Иди сюда.

Отвлеченная от своих размышлений, я отвожу взгляд, чувствуя себя душой от того, что вешаюсь ему на шею.

— Иди сюда, — требует он.

Я мотаю головой.

— Зачем?

— Не выношу видеть тебя такой расстроенной.

Когда я всё ещё не двигаюсь, он хватается за руку и перетаскивает через консоль, отчего моё платье задирается по пути. Когда он усаживает меня верхом на свои бедра, я смотрю на него, пытаюсь прочесть выражения его лица, но не могу.

Нейт оборачивает свои руки вокруг меня и обнимает.

Я наклоняюсь к нему и бережно держу его лицо в своих ладонях.

— Я не понимаю тебя.

— Ты и не должна. — Его руки двигаются вверх по моим обнаженным бедрам, соприкасаясь кожа к коже, и моё тело требует его, не просто прикосновения, а гораздо большего.

— Но я хочу.

Его взгляд становится интимным.

— Распусти свои волосы.

Мои мысли разбегаются — ничего не остается, как подчиниться ему, и я вынимаю заколку из волос. Мои локоны падают вперед ровно настолько, что он в состоянии разглаживать их легким нежным прикосновением. Не сдерживаясь, поворачиваю свое лицо и прижимаюсь своим ртом к его руке, чтобы поцеловать там кожу.

В следующее мгновение его рот оказывается на моих губах, и его губы ощущаются приятно. Его руки скользят по моей заднице, подталкивая к нему ближе, настолько близко, что его металлическая пряжка от ремня трется о мои атласные трусики и этого достаточно — возбуждение проносится сквозь меня, пока нужда берет верх над всем моим телом. Я требую его, желая большего.

Ощущаю себя живой.

Нейт откидывается на сидении назад и издает шипение. Я наклоняюсь вперед и прижимаюсь своим ртом к его шее и, целуя, постепенно продвигаюсь вверх, пока не

добираюсь до его сильного подбородка. Наши рты соединяются, губы сливаются, в то время как языки сплетаются в танце страсти.

Когда мои руки блуждают по его телу, Нейт захватывает мою нижнюю губу на некоторое время, затем отпускает её.

— Нам нужно ехать, или мы опоздаем. — Его голос хриплый, но полон контроля.

— Я не нуждаюсь в еде, я изголодалась по тебе, — шепчу ему тихо на ухо и выгибаюсь ему навстречу, прижимаясь к его возбуждению.

— Черт. — Нейт запрокидывает голову и в спешке поднимает свои бедра грубым, пронзающим движением. Я хватаю его за воротник рубашки и притягиваю к себе. Бешеная энергия высвобождается из нас, пока наши рты приоткрываются для того, чтобы попробовать на вкус друг друга, принять то, что мы оба так сильно хотим отдать. Он сильнее целует меня, и я прикусываю его губу. Тихий звук, почти рычание, исходит из его горла, и, наконец, его пальцы проскальзывают у меня между ног. Давление начинает расти почти до мучительной боли, в то время как разрастается предвкушение его прикосновения.

Бип-Бип. Сигналит автомобильный гудок, когда подъезжает машина, освещая нас фарами, пока человек паркуется.

— Черт, — повторяет Нейт, но чувственность в его голосе сейчас полностью исчезла.

Я карабкаюсь на свое место, поправляя платье, когда Оливер стучит в окно со стороны водителя.

Нейт опускает стекло.

— Оливер. — Его тон, как сталь, почти резкий.

— Прости, я не вовремя?

Нейт смотрит прямо на меня, и всё что я вижу, это хищный взгляд. Всё моё тело горит и покалывает в районе моих бедер.

— Я просто пригласил Зои на ужин.

— Это замечательно. Здесь кругом имеется столько отличных ресторанов. В какой вы решили пойти?

— В ресторан «У Нормана», — отвечает Нейт, его самообладание быстро вернулось.

Внезапно я вспоминаю, зачем Оливер здесь.

— Вы подготовили документы, о которых говорили недавно?

Оливер вручает Нейту бумажный конверт.

— У меня здесь документы из банка. Этого должно быть достаточно для вас, чтобы получить доступ к финансовым активам вашего брата. Дайте мне несколько дней, чтобы изучить настоящую недвижимость. Мой первоначальный поиск показывает, что таковой нет, но я просто хочу поднять договор о вашем доме и кредитные соглашения.

Нейт берет конверт и заправляет его выше за козырек, затем протягивает свою руку.

— Благодарю, Оливер. Я очень ценю твою оперативность.

Оливер одаривает его теплой улыбкой.

— Как я уже говорил, в любое время. Надеюсь, скоро встретимся. — Взгляд Оливера перемещается на меня. — И, Зои, звоните в любое время, если у вас будут какие-либо вопросы.

— Спасибо вам...

— Уверен, в этом не будет необходимости, — перебивает меня Нейт. — Я имею в виду, если я не смогу ей ответить, то обязательно тебе позвоню, в любое время.

Я смотрю на Нейта, широко открыв глаза.

Если бы его не знала, я бы сказала, что в его тоне было немного собственничества.

Оливер захлопывает дверцу машины.

— Хорошего вечера.

— Увидимся, приятель, и спасибо ещё раз.

Нейт закрывает окно и смотрит на меня.

— Что же ты делаешь со мной?

— Что ты имеешь в виду?

— Мы не можем этого делать. Мы просто не можем. Прости. Мне не следовало поддаваться.

Пока я пристально смотрю на него, раздражение и разочарование овладевают мной.

Боль отражается на его лице.

— Прости, Зои. Прости. — Повторяет Нейт вновь.

Покорное смирение начинает обрушиваться на меня в разной степени, прежде чем я подавляю его. Я знаю, его влечет ко мне, но очевидно, что ему нужно больше времени, чтобы смириться с этим. Я могу дать ему это. Я смотрю на него и на данный момент решаю согласиться с ним. Я не хочу быть причиной какой-либо боли, которую, возможно, он ощущает.

— Ты прав. И ты прости меня.

— Мы можем остаться друзьями?

— Да, я бы хотела этого.

Он глубоко вдыхает.

— Здорово. Тогда друзья. Готова поужинать?

Сексуальное напряжение всё ещё присутствует между нами, но могу сказать, что Нейт подчинился тому, чтобы быть просто друзьями — это ярко отражает язык его тела. И хотя мне необходимо перестать так активно предлагать себя ему, я знаю, между нами что-то существует, и я не собираюсь так легко это отпускать.

Такой прекрасный вечер. Я откидываю голову назад, чтобы понаблюдать за ночным небом из люка на крыше. Когда мы подъезжаем к яркому свету у подножья моста, я смотрю в сторону Нейта, который кажется глубоко сосредоточенным.

— Я знаю, Оливер согласился пойти на все эти хлопоты, но сегодня я воспользовалась Интернетом и уже просмотрела банковские отчеты моего брата. Я обнаружила ряд огромных начислений, иногда пять тысяч, иногда десять тысяч долларов в неделю, обычно вложенных наличными, но в некоторых случаях банковским переводом. Ты хоть представляешь, откуда он получал такие деньги?

Нейт поворачивает голову в моем направлении и кажется немного взволнованным.

— Сколько ты сказала?

— Пять-десять тысяч в неделю, но в последние пару месяцев было затишье.

— Дерьмо. Это приличная сумма денег.

— Я знаю. Ты уверен, что никогда не слышал о наличии у него такого количества денег?

— Нет. Так или иначе, не похоже, чтобы он мелькал с ними. У меня просто нет никакого понятия, откуда он мог получать такую сумму денег.

— Возможно, я никогда и не узнаю.

Нейт хватается меня за руку.

— Мы разберемся с этим.

— У меня не так много времени на это.

— Твой отъезд не будет означать, что это конец.

Я смотрю на него, и мне даже интересно, осознает ли он всю значимость своих слов.

— Что ещё ты нашла? — Он ловит на себе мой странный взгляд.

В очередной раз я прихожу в себя.

— Ещё немного альбомов с зарисовками. Больше ничего.

Он поворачивает налево по мосту в сторону Майами-Бич, снова глубоко сосредоточенный. Когда сворачивает на Коллинз-авеню, поглядывает на меня.

— Я бы хотел на всё взглянуть. Я собираюсь взять выходной в четверг, и мы разберемся с этим вместе. Хорошо?

Я улыбаюсь ему.

— Да, конечно.

Неосознанно, он медленно прокладывает путь к моему сердцу. И смотря на него, не могу не задаваться вопросом, действую ли я на него так, как он на меня.

10 Глава

Никаких условностей

Атеисты считают, что бога не существует, католики же молятся ему. Буддисты верят, что ад и рай — это временные пространства; христиане веруют в то, что они вечны.

Что касается меня, то я верю в судьбу.

То, что должно произойти, — произойдет, и я верю в это.

Моё будущее предопределено моими предками, и вероятнее всего, я умру до того, как мне исполнится двадцать восемь.

Осознание этого живет в моем сердце, меняя мою сущность.

Я была такой рациональной, обычной, неимпульсивной женщиной, которая никогда не делала ничего экстраординарного в своей жизни. С тех пор, как мне исполнилось двадцать семь лет, я почувствовала себя опустошенной, одинокой, брошенной на произвол судьбы. Но кое-что изменилось. С того момента, как я впервые увидела Нейта, я ощутила себя по-другому. Желание, которое он разжег во мне, стало сексуальной потребностью, направленной на него.

Возможно, судьба подсказывает мне отпустить всё и познать отвязную сторону жизни. Или, быть может, это судьба заставляет Нейта держаться от меня подальше, потому что с самого начала я не имею права ввязываться с ним в отношения.

Этого никак не узнать.

— Куда ты пропала? — В его голосе любопытство.

Очнувшись от размышлений, я концентрируюсь на нем.

— О чём ты?

— Я задал тебе вопрос, и это выглядело так, будто тебя не было в машине рядом со мной.

Я смеюсь.

— Полагаю, я замечталась. Зак постоянно называл меня мечтательницей. Однажды он купил мне ловца снов, чтобы я носила его как амулет, и сказал мне ловить свои сны вместо того, чтобы мечтать о чём-то в этом далеком мире, в котором, похоже, я находилась. Прости,

я думала, что давно это переросла.

— Не извиняйся. Мечтательность — это не то, за что стоит извиняться. Она делает тебя настоящей.

— О чём мечтаешь ты?

Он хмурит брови.

— Мои мечты больше похожи на кошмары. Я не хотел ничего больше, чем убежать от них.

Эмоции охватывают мою грудь и сжимают моё сердце.

— Расскажи мне о них.

Он качает головой.

— Я предпочитаю оставлять прошлое в прошлом. Это лучшее место для него. — Нейт делает громче радио, и звуки тяжелого металла заполняют автомобиль, разгоняя тишину.

Мне нравится, это заглушает мои собственные мысли.

Мои пальцы дергаются на коленях, преодолевая желание разгладить морщинки на его лбу, но я никак не могу дотянуться через сидение. Не похоже, что утешение это то, что Нейт охотно принимает.

Вместо этого я смотрю через окно на прекрасный горизонт и продолжаю прокручивать в своей голове разговор, начавшийся у подъездной дорожки его дома. Но каждый раз я попадаю в тот же тупик. Нейт не тот человек, на которого можно надавить или подтолкнуть, но мне кажется, он тот, кого можно обратиться в бегство, и мне кажется, что он подумывает смыться прямо сейчас. Я не строю иллюзий, полагая, что его влечет ко мне, а знаю, что это так, но я не могу сломить его сопротивление.

Он подъезжает к ресторану со столиками, освещенными снизу, и в которые воткнуты зонтики. Ресторан выполнен из стеклянных блоков и находится на углу со столиками по периметру.

Выглядит очень модным.

Надпись «У Нормана» красуется над входом, и мои унылые мысли уносятся прочь от впечатляющего вида передо мной. Всё, что мне нужно, — это ужин в одном из любимых ресторанов моего брата.

Парковщик открывает мою дверь.

— Я обойду, чтобы помочь тебе выйти. — Нейт ловит мой взгляд, перед тем как выскользнуть из машины. Бросая ключи парковщику, он быстро подходит. Высокие вырезы моего платья смещаются в бок, пока я перемещаю ноги, и я ощущаю его выразительный взгляд на моей обнаженной коже. Я тяжело дышу и внезапно, всё, что я вижу, — это воспоминания его рук на своих бедрах.

Нейт протягивает свою руку, и когда я принимаю её, каждый нерв моего тела заряжается электрическим током.

Хотя после того, как мои ступни благополучно приземляются, он отпускает меня.

Он стремителен в своих движениях. Приближаясь к администратору, резко останавливается и поворачивается ко мне.

— Я подумал, что мы поужинаем здесь. Хорошо?

Я оглядываю полную жизни улицу.

— С радостью.

Он смотрит на администратора.

— Здравствуйте, Натаниэль Хэнсон. Я бронировал столик.

— Да, мистер Хэнсон, у меня есть для вас столик на балконе с видом на океан.

Он наклоняется.

— Как вы думаете, мы могли бы поужинать снаружи?

Она смотрит вниз.

— Конечно, я могу это устроить.

Нейт ухмыляется.

— Благодарю вас. Я очень ценю это.

— Вообще не проблема. Идемте за мной.

Нейт вытягивает свою руку в жесте, который означает, что он пропускает меня первой. Я одариваю его улыбкой и пока иду, чувствую на себе его взгляд. Мне нравится чувствовать, что он наблюдает за мной — это мощное ощущение.

Его пальцы растопырены на моей спине, затрагивая вырезы по бокам моего платья. Моё тело с ног до головы покрывается мурашками, когда то страстное желание, которое зародилось на поверхности со времени нашей встречи, превращается в голод. Это будет интересная дружба. Я не уверена, где будут установлены границы.

Мерцающие огни, музыка сальсы и шумные городские улицы служат атмосферой, и ничего не может быть прекрасней этого.

Мы приближаемся к столику, и Нейт выдвигает для меня стул.

Когда присаживаюсь, я смотрю на него.

— Я могу представить брата, сидящего здесь с блокнотом в его руке.

Губы Нейта изгибаются в улыбке.

— Да, я тоже. Пиво в одной руке, карандаш в другой.

Мы оба смеемся над этим.

Я кладу свой небольшой клатч на стол.

— Спасибо тебе, за то, что пригласил меня сюда.

Нейт кивает.

Иногда я совсем его не понимаю. С одной стороны, он старается изо всех сил заставить меня почувствовать себя кем-то важным, с другой стороны, не подпускает меня к себе.

— Я действительно не понимаю тебя.

— Как я уже говорил, ты и не обязана. — Нейт снимает пиджак и выглядит чертовски сексуально в тонкой, белой, плотно застегнутой рубашке. Могу поклясться, что прямо через неё вижу очертания его крепкого тела, и мой пульс, несмотря на все мои усилия успокоить его, взволнованно скачет.

Официант приближается и вручает Нейту карту вин.

— Добрый вечер. Могу я вам предложить для начала что-нибудь выпить?

— Зои, не желаешь ли бокал вина? — Этот вопрос заставляет меня понять, как мало мы знаем друг о друге.

— Нет, спасибо. Мне нельзя пить вино.

— Тогда что-нибудь другое?

— Не знаю. — Я смотрю на официанта. — Что бы вы посоветовали?

— Что ж, мадам, попробуйте наш фирменный коктейль с 1988 года.

Я гляжу на официанта, наострив уши.

— Что в нем?

— Водка «Абсолют Руби Ред» с сиропом из бузины, имбирное пиво и свежавыжатый сок лайма. Сверху полит «Кампари» и украшен долькой свежего рубиново-красного

грейпфрута. Это наш самый популярный коктейль среди напитков в меню.

— Я попробую его. Звучит аппетитно.

— Так и есть. Что будете вы, сэр?

Нейт вручает винную карту обратно официанту.

— Виски «Лагавулин», чистый.

— Я принесу ваши напитки и дам вам время просмотреть меню. — Официант исчезает до того, как я поднимаю свой взгляд.

— Почему тебе нельзя пить вино? — спрашивает Нейт.

Простой вопрос — простой ответ.

— Я астматик и восприимчива к сульфиту. А это несовместимое сочетание.

— Но безопасно ли для тебя выпивать другой вид алкоголя?

Я одариваю его легкой улыбкой.

— Я не так часто пью. Это случается только время от времени, и до сих пор вино — единственный алкоголь, который вызвал реакцию. Так что, не беспокойся, скорее всего, тебе не придется вызывать скорую медицинскую помощь после того, как мы выпьем наши первые совместные напитки.

Он изучает меня некоторое время.

— Зи рассказывал о тебе постоянно и никогда не упоминал, что у тебя астма. Расскажи мне об этом, я имею в виду, что нужно делать, когда у тебя появляется приступ.

Я поднимаю свой маленький клатч.

— Я ношу с собой ингалятор, куда бы ни пошла. Пользуюсь им, если чувствую себя будто похороненной заживо.

Нейт вздрагивает и протягивает руку через стол, чтобы накрыть сверху мою.

— Как часто у тебя бывают приступы?

Меня удивляет его беспокойство.

— У меня был только один серьезный приступ, в результате которого мне пришлось ехать в больницу. Это случилось, когда я выпила почти целую бутылку вина на девичнике моей подруги и не могла найти свою сумочку. Поверь мне, это была единственная вечеринка, которую ни один из моих друзей никогда не забудет.

Он убирает свою руку.

— Мне не кажется это смешным, Зои.

— Да, это так, но я астматик всю свою жизнь. Я знаю, как с этим жить.

Нейт кивает.

Официант возвращается с нашими напитками.

— Вы готовы сделать заказ?

Нейт смотрит на меня.

— У тебя есть аллергия на морепродукты?

— Нет, никакой аллергии на морепродукты. Вообще нет никакой пищевой аллергии.

Он потирает руки.

— Итак, мне следует сделать заказ в стиле Зи?

Не могу удержаться от улыбки.

— Вперед.

— Мы будем лобстера в тесте в горшочках, копченый тунец и каждый из нас будет поджаренный на гриле овощной салат с латуком, ваше фирменное филе в панировке с картофелем фри и расплавленным пармезаном и жареную спаржу.

— Как должно быть приготовлено мясо?

Нейт бросает на меня взгляд.

— Средней прожарки, — отвечаю я.

— Мне приготовьте тем же способом. Ох, и принесите для леди «Халапеньо Маргарита».

Я вздергиваю бровь.

— Ты решил меня напоить?

Я смеюсь про себя, так как он должен знать, что не обязан меня спаивать, чтобы воспользоваться мной. На самом деле думаю, я бы хотела его напоить, если бы все еще думала о нем в том ключе, в котором не должна думать.

— Нет, это был любимый напиток твоего брата. Он острый и пряный.

— Я знаю, что Зак съел бы всё что угодно, лишь бы это было намазано острым соусом.

Но никак не спаржу.

Нейт посмеивается.

— Да, но мне это нравится.

— Ага, славный мальчик, который ест свои овощи. — Я подмигиваю ему.

— Что насчет тебя? У тебя есть любимая еда?

— Есть. Шоколад. Честно говоря, если бы я могла, сначала бы ела десерт, а уже после — мясные блюда.

Нейт вздергивает бровь.

— Ах, так ты бунтарка, как и твой брат.

— Вот она я, настоящая бунтарка. — Я смеюсь.

— Как часто ты ешь сначала сладости, а потом мясо?

— Никогда.

— Почему?

— Потому, что это не приветствуется в обществе, но я не понимаю почему. Я всегда чересчур сыта, чтобы отведать его после, так что, я упускаю всё хорошее.

— Какой твой любимый десерт?

Я потягиваю из своего бокала и свежий фруктовый вкус восхитительный, даже чуть-чуть с кислинкой.

— Шоколадный торт, шоколадное суфле, шоколадный пирог, честно, я буду всё, что сделано из шоколада.

Нейт поднимает свой виски и вдыхает его с открытым ртом. Я только и делаю, что пялюсь. Каждый нерв в моем теле вспыхивает, пока я смотрю на его губы. Я хочу эти губы на своих губах, облизывающие мою шею, спускающиеся по моему телу и останавливающиеся прямо...

Я отталкиваю мысль подальше.

Он поднимает свой стакан.

— За Закари Флауэрса, человека, который знал, как жить на полную катушку.

Я поднимаю свой бокал и впервые задумываюсь, что Нейт прав — мой брат брал от жизни всё.

В отличие от меня.

Эта мысль поглощает меня, в то время как приятный океанский бриз треплет мои волосы.

Через некоторое время официант возвращается с моим вторым напитком, и я делаю

ГЛОТОК.

— О боже мой, он такой острый.

— Тебе нравится?

Я протягиваю руку к своему рту.

— Вообще-то, да.

Нейт откидывается на спинку стула и кладет лодыжку одной ноги на колено другой.

Мои глаза пожирают линии его тела, его самоуверенную позу и этот пристальный, испепеляющий меня взгляд. И я не могу перестать смотреть на то, как он потягивает свой виски. Этот парень, чье тело я жаждала, с тех пор как приехала сюда, является намного большим, чем просто человек.

— Итак, расскажи мне о своей работе в качестве учителя. — Его голос низкий, будто у него неподдельный интерес узнать что-либо обо мне.

— Вообще-то, я не учитель. Я старший преподаватель.

— Учитель, преподаватель. Какая разница? Ты пользуешься доской и стоишь в присутствии людей, не так ли?

Он в замешательстве, и мне смешно.

— Да, это так. Но слово «преподаватель» более точно определяет мою роль в университетской среде.

Он наклоняется ближе к столу, обхватив руками стакан.

— Но ты делишься знаниями с теми, кто жаждет узнать больше, верно?

Я киваю в восторге от того, что ему интересно узнать обо мне.

— Да.

— И какой предмет ты преподаешь или обучаешь? — Он ухмыляется.

— Психология.

Он шокирован.

— Почему ты не рассказывала мне об этом?

Я еле сдерживаюсь, чтобы не засмеяться снова.

— Ну, ты никогда не спрашивал, и обычно, когда люди узнают об этом, чувствуют себя некомфортно в присутствии того, кто преподает поведенческое исследование человеческого разума — эмоции и все подобное.

Он ухмыляется.

— Да, эмоции и все подобное, — повторяет он. — Теперь понятно.

— Что понятно? — Я делаю следующий глоток восхитительного зелья в моей руке, и в этот раз действительно ощущаю алкоголь. Он очень крепкий и обостряет мои чувства так, как я не нуждаюсь прямо сейчас.

— То, как ты прощупываешь почву для информации.

— Я не прощупываю.

— Прощупываешь. Уверен, ты делаешь это, сама того не осознавая.

— Нет, не делаю.

— Давай останемся при своих мнениях. Итак, почему бы тебе не рассказать мне, чем конкретно ты занимаешься?

Я ищу в его глазах искренность, но, кроме интереса, ничего не вижу. Разворачиваюсь боком на стуле и скрещиваю ноги. Разрез распахивается на моем платье сбоку, и я пытаюсь поправить его так, чтобы скрыть кожу, но не получается. Возможно, у меня нет фигуры модели, но я высокая и длинные ноги определенно одно из моих преимуществ.

— Я преподаю «Человеческую мотивацию и эмоции» и «Он сказал, Она сказала» курс, который действительно является забавным.

Нейт приподнимает бровь.

— «Человеческая мотивация и эмоции» рассматриваются в исследовании мотивационных и эмоциональных процессов и теорий, которые лежат в основе как адаптивного, так и неадекватного поведения. Это может звучать немного сухо, но вот почему я настояла на том, чтобы мои студенты взяли его вместе с курсом «Он сказал, Она сказала».

Не важно, надоедаю я ему или нет, не совсем уверена потому, что его резкий вдох говорит мне, что он заметил мои ноги.

— И почему же? — спрашивает он, в то время как переводит свой взгляд обратно к моему лицу.

Я улыбаюсь.

— Этот курс в значительной мере опирается на видео, чтобы продемонстрировать и изучить, как мужчины и женщины общаются друг с другом, и что это означает. Я преподаю современные теории, и, конечно же, мои студенты выполняют множество практических исследований.

Его улыбка больше похожа на ухмылку.

— Не уверен, что хочу знать, что это означает. Но твой брат рассказывал мне, что ты хотела бы добиться докторской степени. Ты всё ещё планируешь сделать это?

Теперь я резко вздыхаю.

Я так и не смогла спланировать свое будущее.

Я поворачиваюсь назад так, что теперь мои ноги скрыты скатертью, и ставлю свой бокал.

— Нет, больше нет.

Правда в том, что я больше не знаю, кто я теперь или чем хочу заниматься.

Парочка проходит мимо нас, держась за руки, и внезапный укол зависти сотрясает меня.

— Зои?

Я моргаю.

— Прости, что?

— Я спросил, почему нет?

Вихревой звук привлекает моё внимание, и я озираюсь вокруг. Затуманенные фонари начинают распылять потоки легкого воздуха, насыщенные водой, и я немедленно ощущаю нежную прохладу.

Нейт потирает горлышко бокала формы «тюльпан».

— Зои? В чём дело?

Я пытаюсь сфокусироваться на нем.

— Я не люблю обсуждать будущее.

Официант возвращается с нашими закусками, тем самым спасая меня от дальнейшего объяснения и, слава богу, они выглядят превосходно. Я пытаюсь сфокусироваться в этот раз на них.

— Может быть, ещё один коктейль? — спрашивает официант.

— Нет, спасибо, — отвечает за нас Нейт.

Это раздражает, и в то же время возбуждает меня. Что-то в том, чтобы не принимать решения самой, ощущается так свободно — ведь я принимала решения всю свою жизнь.

— Но вместо салатов мы бы хотели шоколадное суфле или что-нибудь приготовленное из шоколада.

— Вы хотели бы десерт вместо салатов или после ужина? — спрашивает официант.

— Вместо салатов.

— Конечно, как вы пожелаете. Мы предлагаем шоколадный блинчик с малиной. —

Удивление в его интонации соответствует размеру улыбки на моем лице.

Нейт с приподнятой бровью смотрит в моем направлении.

Я киваю головой, излучая ликование.

— Было бы прекрасно. Благодарю, — говорит он официанту.

Требуется вся моя сила воли, чтобы остаться на своем месте и бороться с порывом скакать вокруг столика, а затем запрыгнуть к Нейту на колени. Я всегда говорю людям, что предпочитаю сначала десерт, но никто никогда не воспринимал это всерьез.

Пока я смотрю на него, во мне просыпается желание ощущать на себе вкус его губ, чувствовать прижатое ко мне натренированное тело, иметь возможность слизывать с его груди заказанный им шоколад и скользить вниз по его животу своим языком, а затем пробовать его, и я больше не могу этого отрицать.

— Ты не планируешь свое будущее, так как считаешь, что у тебя его нет?

Закрываю глаза, и все эротические картинки исчезают, пока я сражаюсь с тем, чтобы задышать. Внезапно, воздух в моих легких становится плотным, и я не в состоянии вдохнуть. Я делаю глубокие успокаивающие вдохи. Когда окружающий меня туман рассеивается, и я борюсь с панической атакой, напротив себя я чувствую возню. Я заставляю себя поднять свои веки. Нейт пытается открыть мою сумочку.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь достать твой ингалятор. — Кажется, паника приглушает глубокий зеленый цвет его глаз.

Я вскакиваю на ноги и одариваю его недоверчивым взглядом.

— У меня нет астматического приступа.

— Нет? — Он звучит неуверенно.

Я трясую головой и кладу свою салфетку на стол.

— Прощу извинить меня, мне нужно в дамскую комнату. — Я захожу внутрь ресторана, понимая, что без понятия куда направляюсь. Осматриваясь, тут же нахожу уборные.

Когда толкаю дверь для того, чтобы её открыть, рука накрывает мою.

— Ты расстроилась.

Я опускаю голову.

— Нет, я в порядке.

— Ты лжешь.

Собрав всю свою силу воли, я поднимаю голову.

Нейт в этот момент приподнимает мой подбородок.

— Ты не дала мне закончить. Я пытаюсь понять тебя. Хочу знать, почему, если ты веришь в судьбу, ты вынуждена изменить свой путь. Почему бы тебе не заниматься тем, что ты всегда планировала? Зачем менять свою позицию? Лично я считаю, что судьба — это бред собачий. Я также считаю бредом то, что ты не следуешь своей мечте.

Плененная его телом, его запахом, присутствием, я смотрю в его горящие глаза и вижу в них сострадание. Я верю, что он хочет для меня лучшего. Если я думаю, что знаю его благодаря своему брату, то он также считает, что знает меня из-за моего брата. Зак хотел,

чтобы я продолжала свое обучение. Он мечтал, что однажды я буду доктором Зои Флауэрс. Нейт об этом знает.

— Зои? — Интонация Нейта вопросительная. Даже, может быть, немного испуганная.

— Нейт, — я прикладываю палец к его губам, — мне кажется, я должна рассказать тебе кое-что о себе.

— Что? — спрашивает он.

В наших переписках по электронной почте после смерти брата, я никогда не упоминала настоящую причину задержки прибытия в Майами. Я держу свои глаза открытыми, несмотря на то, что хочу их закрыть.

— У меня был нервный срыв вскоре после того, как умер Зак. Я взяла отпуск на работе. Не могла выбраться из кровати. Я не могла что-либо планировать в течение дня, не говоря уже о следующем дне. И где-то в это время, все мои планы оказались за бортом. Я больше не знаю, чего хочу.

— Почему ты не говорила мне об этом в нашей переписке?

— Вообще-то, я с нетерпением ждала твои еженедельные сообщения. Но я лгала тебе. Дело было не в работе, которая не давала мне приехать и забрать вещи брата. Дело было во мне и моей неспособности справиться.

Он уставился на меня.

— Не подумай, что я сумасшедшая. В действительности, это не так.

Его взгляд продолжает пригвождать меня таким образом, что я думаю, он понимает меня.

Это сдерживает и успокаивает меня.

— Господи, Зои, я совсем так не думаю, — вздыхает Нейт. — Я могу понять, как это могло случиться. На тебя так много навалилось в один момент: шок в результате смерти Зи, наряду с откровениями о твоей семье. Я понимаю.

Я просто пялюсь на его губы, желая поцеловать его. Моё тело наполнено множеством желаний и потребностей, и новыми порывами, которые никогда ранее не ощущала. И мне хочется, чтобы Нейт освободил меня.

Он опускает взгляд и протягивает мне свою руку.

— Идем. Давай вернемся к столику.

Я смотрю на его вытянутую руку.

— Да, давай, — и затем он ведет меня через толпу.

С ним я чувствую себя в безопасности.

Не такой потерянной.

Когда мы подходим к нашему столику, шоколадный десерт располагается перед нами. Я хлопаю в ладоши.

— Они действительно подали десерт первым.

Нейт помогает мне устроиться на своем стуле и затем садится.

— Зои, ты должна жить своей жизнью, не опасаясь за свою смерть.

Я ковыряюсь вилкой в своей еде.

— Ты говоришь как мой психотерапевт.

Он выглядит немного надменным.

— Просто, чтобы ты знала, разница только в том, что я собираюсь помочь тебе в этом.

— Ты думаешь, доктор Рэймонд не занимается этим?

— Ничего не имею против доктора Рэймонд, но психотерапевты не всегда могут

ответить на все вопросы.

— А ты можешь? — Звучит как вызов, но я не имею это в виду.

Нейт тянется своей вилкой к суфле и протягивает его через весь стол. Не подумав, я открываю рот и откусываю восхитительный шоколад. Он наклоняется ближе.

— Да, могу. Начиная с этого момента, я хочу, чтобы ты рассказала мне всё то, что никогда не делала в своей жизни, но тебе хотелось бы.

— Нейт. — Я гримасничаю.

— Зои. — Он также строит гримасу.

Я мотаю головой.

— Зои, назови мне пять вещей, которые ты никогда не делала, но хочешь сделать.

— Что? Ты хочешь, чтобы я предоставила тебе свой список предсмертных желаний?

Он качает головой.

— Нет, подобный список включает желания, которые ты хочешь осуществить до того, как умрешь. Я хочу от тебя пять вещей, которые бы ты хотела выполнить, чтобы почувствовать себя по-настоящему живой.

Первое, что приходит мне в голову, — это он, но я отказываюсь бросаться на него снова. Я смотрю на него в изумлении.

— Не знаю... съездить в Париж, Нью-Йорк, куда угодно, где я никогда не была.

Он закатывает свои глаза.

— Поездка в Париж заставит тебя почувствовать себя живой?

Я пожимаю плечами.

— Думаю, да.

— Как тебе такое? Я отвезу тебя туда, если ты определишься с пятью пунктами, которые заставят тебя чувствовать себя живой. И я не спешу. Ты можешь подумать.

Я на секунду задумываюсь перед тем, как говорю:

— Я не уверена, что смогу сказать тебе, как только их придумаю.

Он немного склоняет голову.

— Почему нет?

Я приподнимаю бровь.

Он смеется.

— Мы друзья. Друзья могут рассказывать друг другу что угодно.

— Ну, первое, что пришло мне на ум, — это съесть десерт перед ужином.

Он делает взмах рукой.

— Пффф... это слишком просто. Мы это уже сделали.

Я пожимаю плечами.

— Танцевать под луной.

Он смотрит вверх, а потом встает.

— Снова слишком просто.

— Я думала, это был мой список, — смеюсь я.

Он предлагает свою руку.

— Потанцуешь со мной?

Моё сердце начинает постепенно биться сильнее.

— С удовольствием.

Поверх своего плеча он говорит:

— Это твой список, но у тебя всё ещё есть пять пунктов, которые ты должна придумать.

Не те вещи, которые ты можешь просто вычеркнуть из списка, а вещи, которыми ты страстно увлечена. Даю тебе время до завтра.

— Я уже предоставила тебе два пункта.

Он останавливается и разворачивается.

— Сегодня не считается. Эти два пункта легко выполнимы.

— Тогда, какие? Что-то типа, научиться оседлать быка?

— Звучит прикольно, я всегда хотел сделать это, и всё же, не думаю, что ты оседлала хотя бы одного. Но полагаю, ты на верном пути.

Мы доходим до конца столов с зонтиками, где простирается длинный тротуар. Нейт притягивает меня к себе ближе, отчего наши бедра прижимаются друг к другу.

— Что ты делаешь?

Он скользит руками вокруг моей талии.

— А на что это похоже?

Я обнимаю своими руками его шею и улыбаюсь ему.

— Вот это?

Моё тело полностью покалывает.

Его ноги начинают двигаться медленно по кругу, и вот таким образом мы танцуем под луной в такт музыки сальса в фоновом режиме.

— Почему нет?

— Я не знаю, здесь повсюду люди.

Он притягивает меня ближе и затем наклоняет.

— Мне плевать. А тебе?

Я мотаю головой.

Я чувствую себя живой, он заставляет меня чувствовать себя живой.

Его зеленые глаза отражают лунный свет, и я думаю: «Поцелуй меня», но он не делает этого.

«Поцелуй меня», — думаю снова, когда мы заканчиваем наш ужин, но он не целует.

«Поцелуй меня», — мыслю я, когда мы возвращаемся в его дом, и он в своем гараже открывает дверцу машины, но он не целует.

«Поцелуй меня», — мысленно прошу я, когда мы стоим у лодочного сарая и желаем друг другу спокойной ночи, но он не целует. Вместо этого, его взгляд задерживается на моих губах, пока слова «Спокойной ночи» наконец-то не соскальзывают с них, и Нейт оставляет меня в отчаянии, с болью и вызванной потребностью, которая мне непонятна.

11 Глава

Обнаружение

Красота цвета, текучесть краски, мазки кисти и чистый холст — всё это вместе создает историю.

Пока я листаю один из множества альбомов, которые обнаружила вчера в спальне у Зака, складывается такое ощущение, будто я читаю его дневник.

Яркие карандаши на рисунке воплощают в жизнь лодочный сарай, человека, находящегося на лестнице между Заком и Нейтом, небольшую галерею искусств, «Винвуд Уоллс», так много разных людей и мест. Некоторые из них отмечены, но большинство из

них — нет.

Я бросаю альбом с зарисовками на пол и поднимаюсь с кровати. Солнце только поднимается над горизонтом, всю ночь я провела ворочаясь и размышляя над, как бы получше выразиться, траханьем мозгов прошлого вечера.

Как преподаватель колледжа, я изучала как психологию, так и развитие человека. Почему же я не могу понять Нейта? Меня учили распознавать символы и метафоры, которые зачастую выражаются посредством невербального общения — понятия, которые, как правило, трудно выразить словами. Как так получается, что я не могу расшифровать язык тела Нейта, увидеть подтекст в его словах или заставить его раскрыться для меня?

Он такой скрытный.

Прошлым вечером я видела то, как он смотрел на меня, то, как у него перехватывало дыхание, когда мы стояли близко друг к другу, и то, как его тело реагировало на моё. Но он уже остановил меня, и когда я не сделала первого шага, он вовсе не сделал ни одного.

Чувство вины — странная штука.

Выталкивая Нейта из своих раздумий, я включаю ноутбук Зака и решаю проверить его электронную почту. Чувствую, будто вторгаюсь в личную жизнь своего брата, но мне необходимы ответы. Он лгал мне, чтобы облегчить мою жизнь. Я это знаю. Но почему ложь? Чем он занимался? Я должна узнать.

Вопросы, которые я задаю сама себе, взывают к моей собственной совести. Нейт интересовался, почему я не занимаюсь тем, чем всегда планировала заняться, почему я не преследую степень доктора.

Его голос отдается эхом в моей голове. В конце концов, это является одной из причин того, почему Зак считал, что должен помочь мне с долгом. Он хотел помочь мне уменьшить его, принимая на себя финансовые расходы на дополнительное образование. И теперь, когда этих финансовых расходов больше нет, я не знаю, как продвигаться дальше... и должна ли я.

Вздыхая, я щелкаю на Internet Explorer и возвращаюсь к поставленной задаче. Я начинаю с Gmail. Вход в систему является таким же легким, как и вход в его банковские счета. Здесь письма из магазина автозапчастей, письма из банка, письма от обычных агентов фирм по распространению заказов — ничего особенного. Поскольку я собиралась уже выйти, меня предупреждает сигнал о новом сообщении на дополнительном профайле. Я щелкаю на кружок в правом верхнем углу и читаю его.

От: Джордан Скотт

Тема: Предварительная консультация

Дата: 1 июля 2014, 06:45

Кому: Художнику

«Я бы хотела перенести первоначальную консультацию с 7 на 8 часов этим вечером, если это возможно. И вместо того, чтобы встретиться в Гостевой Комнате «Особняка», я бы хотела увидеться в баре. Вот фотография позы, в воссоздании которой я заинтересована.

Мой муж не сможет присоединиться к нам этим вечером, но он рассчитывает на ваши художественные способности».

Я нажимаю и открываю фотографию, и моментально ощущаю белые пятна перед глазами. Белокурая секс-бомба лежит в нижнем белье на постели из меха. Её ноги широко

расставлены, а палец находится во рту. Не леопардовое белье привлекло моё внимание, лишь вызывающая поза, в которой эта женщина желает, чтобы мой брат сделал её набросок.

Я закрываю файл и пролистываю остальную часть писем в профайле «Художник». Их, по меньшей мере, двадцать. Похоже, они все от клиентов. Некоторые из них недовольны тем, что им отказали, остальные же пытаются назначить встречу.

У меня кружится голова.

Неужели, это так?

Должно быть, да.

Зак воссоздавал соблазнительные обнаженные сцены!

Сколько же он брал денег?

Как часто он встречался с клиентами, чтобы заработать так много денег?

Он был известен как «Художник»?

Щелкнув, я открываю новое окошко и ищу в Google «Особняк» и «Майами». После прокрутки множества ссылок, связанных с настоящей недвижимостью (прим. пер. Estate так же можно перевести как «недвижимая собственность»), я наконец-то нахожу то, что искала. Ссылка гласит о закрытом клубе, где вход — только по приглашению.

И больше ничего.

Нет никакого адреса.

Надеюсь, Нейт сможет мне помочь.

Я в спешке одеваюсь, натягивая на себя спортивные штаны и футболку, в надежде, что перехвачу его до того, как он уйдет на работу. С молниеносной скоростью, спускаюсь вниз, через весь двор, и останавливаюсь, ведь я не могу так рано утром просто постучать. Оправившись от небольшой пробежки, подхожу к входу. Под парусным навесом находится «Форд Фокус», и дверь гаража открыта. Я прохожу мимо него, и рядом с ним стоит «Рендж Ровер», это означает, что Нейт всё ещё дома.

Мысль о том, что я увижу его, вызывает мгновенный прилив гормонов в моем теле. Отголоски желания и похоти объединяются вместе ещё до того, как я могу взглянуть на него.

Как только открываю дверь, я кричу:

— Нейт, это я! Я могу с тобой поговорить? — Я задумываюсь дважды о его помощи. Что если мой брат занимался нечто большим, чем незаконной деятельностью? Предам ли я память брата, вовлекая его лучшего друга во то, что, очевидно, брат не хотел его посвящать?

Пока я рассуждаю сама с собой, невысокая женщина с темными волосами и в розовом спортивном костюме спускается в прихожую.

— Zoey. Hola, encantada de conocerte. (пер. с исп. «Зои. Здравствуйте, приятно встретиться с вами»).

Она машет руками, пока спешит и останавливается передо мной. Затем крепко обнимает меня, а после отстраняется, чтобы взглянуть.

— Usted ésta demasiado delgada. (пер. с исп. «Вы такая худенькая»).

Я указываю на себя.

— Me no Español. (пер. с исп. «Я не говорю по-испански»).

— Я говорю по-английски. Но когда волнуюсь, я иногда забываю об этом. — Её английский с сильным акцентом, но в основном я понимаю её.

— Ты, должно быть, Роза, — говорю я ей, сложив дважды два.

— Да, я поддерживаю порядок в доме Нейта. — Она очень привлекательная: черные волосы, темные глаза, с красивыми округлыми формами.

— Он дома?

— Ушел на пробежку. Он бегает каждое утро.

Моё сердце начинает дико биться при мысли о Нейте, потном, горячем, бегущим без футболки и нуждающемся в душе.

Ладно, хватит уже.

Сосредоточься.

Может быть, Зак носил какую-нибудь карту, и она находится в его вещах, которые всё ещё у Нейта.

— Я собираюсь быстро подняться наверх, если ты не против.

Она кивает.

— Конечно. Я сейчас как раз готовлю завтрак. Нейт говорил мне, что вы любите кофе и шоколад.

В груди распространяется тепло.

— Нейт рассказывал, что я люблю?

— О, да. Я как раз собиралась добавить немного шоколада в вафли и перемешать, когда вы пришли.

— Вафли — это моё любимое блюдо. Откуда ты узнала?

Она опускает взгляд.

— Ваш брат обожал вафли, я понадеялась, что и вы тоже.

Моё сердце останавливается.

— Что ж, ты была права.

Она хлопает в ладоши.

— Ох, здорово.

— Я сейчас спущусь.

Я спешу наверх, но моё внимание привлекают двери, ведущие на балкон. Я прохожу в пустой лофт, но когда толкаю двери, они не сдвигаются с места. Такое ощущение, будто они заклеены краской. Сдается мне, что Нейт никогда не входил туда, чтобы полюбоваться видом.

Жаль.

Я поворачиваюсь и возвращаюсь назад в комнату Нейта, чтобы забрать из его комода сумку с вещами Зака, но останавливаюсь, когда подхожу к комоду и вижу его телефон, подключенный к зарядке. В этот момент я вспоминаю, что видела приложение на его экране. Я беру его и нажимаю на иконку, похожую на особняк, со словом под ней «Особняк». На экране всплывает «бронирование». Мой выбор включает в себя: гостевой дом, баню и основной дом, но местонахождение, которое я ищу, находится прямо наверху. Я выбираю бар, учитывая то, где я планирую встречу с клиентом Зака сегодня вечером. Появляется другое окошко со словом «Плюс» и рядом с ним раскрывающийся список. Я щелкаю. Всплывает дополнительный экран с текстовым окном для инструкций. Я вхожу: имя гостя — «Зои», и затем нажимаю на «Список».

Тяжелый стук оповещает меня о том, что поднимается Нейт, и по какой-то причине я выхожу из приложения и быстро возвращаю телефон на место, в надежде, что он не заметит. У меня не осталось возможности увидеть подтверждения, но я молюсь, чтобы регистрация прошла, и убираюсь подальше от телефона.

Я практически уже возле двери, когда наши глаза встречаются. Он выглядит потрясюще. Останавливается как вкопанный, и его изумрудные глаза бегло осматривают

моё тело. Ненадолго мир перестает существовать, остаемся только он и я.

Чтобы избежать тишины, я представляю себя раскинувшейся на его кровати, как та женщина на фотографии, с широко расставленными ногами, предлагая ему себя. И в моих фантазиях, он уже на коленях, и его горячий влажный рот облизывает моё бедро по направлению к моему укромному местечку. Несколько секунд спустя, его язык поглаживает мой клитор и ощущение соприкосновения плоти к плоти — жгучее, палящее, вызывающее божественное потрясение.

Всё моё тело вибрирует в напряжении.

— Эй, ты что-то хотела? — спрашивает Нейт, в то время как быстро проскальзывает мимо меня в дверном проеме, по-видимому, не обеспокоенный тем, что я нахожусь в его комнате.

Моя фантазия испаряется, когда действительность берет верх.

Этот человек, стоящий передо мной, не Нейт из моих фантазий. Тот Нейт не мог держать свои руки или губы, или свой язык подальше от меня. Этот же, напротив, предпочитает считать меня своим другом.

Тем не менее, на нем нет футболки, он одет в шорты для бега, его пресс рельефный, но не слишком четко очерченный, и он очень похож на того, кого я себе представляла.

Мои соски начинают покалывать под спортивным бюстгалтером, который я надела под тоненькую майку. Пульсация между ног набирает силу до невыносимого.

Пантера движется, и я не могу оторвать взгляд.

Блестящий пот покрывает его, но мне совсем не противно. На самом деле, я задаюсь вопросом, каков он на вкус, и стал бы он возражать, если бы я просто провела языком по его груди.

Я открываю свой рот, но тут же закрываю его.

Не вздумай.

И на какой-то короткий миг, нечто мелькает на его лице, будто он догадывается о чём я думаю и хочет того же, но до того, как я распознаю это, все исчезает.

Кажется, был вопрос?

Да, он задал мне вопрос.

Мне нужно ответить, но моё предательское тело не может перестать думать о теле Нейта.

— Я искала... — я несусь к комоду и снимаю с него блюдце, — это.

У него вопросительный взгляд.

Моё сердце грохочет в груди, пока я обдумываю, как скажу ему, что я только что делала? Нет, мне нужно выяснить что там. Но в то время, пока он смотрит на меня, я знаю, что в итоге расскажу ему. Должна. Я обязана ему за всю ту помощь, которую он мне предоставил.

— Ладно. Но не забудь это, — говорит он, когда становится рядом со мной и открывает комод.

Страсть вспыхивает в воздухе, когда моё возбуждение распространяется по комнате. Но чувство вины быстро подавляет его. Телефон находится так близко, мне нужно кое-что сказать. Я знаю, что должна. То, что я сделала, неправильно.

Но сначала я должна сама разобраться, чем занимался мой брат. Наконец-то я решаю: я могу позже придумать, как и что сказать Нейту. С чувством вины, написанным у меня на лбу, я тянусь к сумке, хватаю её, и делаю шаг назад. Я так нервничаю, что даже не

восхищаюсь его божественным телом вблизи.

Как только поворачиваюсь, он зовет:

— Зои.

Моё сердце стучит в горле.

Он отсоединяет свой телефон. Я сглатываю, зная о том, что я должна, наверное, рассказать ему прямо сейчас до того, как он обнаружит.

Он поднимает взгляд. В зеркале его глаза встречаются с моими.

— Большую часть дня я буду на совещаниях, и я приглашен на ужин сегодня вечером. Но если понадобится тебе, можешь звонить и писать мне.

Вопрос, как добраться до «Особняка», вертится на кончике моего языка, но это может навести его на мысль. Вместо этого я говорю:

— Отличного тебе дня.

— Зои.

Я стараюсь успокоиться.

— Не забудь про список. Я хочу его обсудить позже вечером.

— Да, конечно. Спасибо, что напомнил мне. Жду не дождусь.

В спешке я практически сваливаюсь со ступенек, чтобы избежать ложную паутину, которую только что сплела, не говоря уже о сексуальном неудовлетворении, которое кружится вокруг меня, словно торнадо.

— Ох, Зои, вы как раз во время.

На кухонном столе лежит тарелка с двумя превосходными шоколадными вафлями и стоит кружка с идеально приготовленным латте.

Не могу удержаться от улыбки для Розы.

— Gracias. (пер. с исп. «спасибо»)

Она вся светится от гордости.

— Я сегодня буду попозже, чтобы помочь вам упаковать вещи вашего брата. Я надеюсь, с вами было всё хорошо, когда вы вошли туда. Я не была там с тех пор как... — Она оттягивает свой передник и хлопает глазами.

Я обнимаю её. Очевидно, что она знала моего брата очень хорошо.

— Всё хорошо.

После того как мы разрываем наши объятия, она оставляет меня за завтраком, который я быстро проглатываю, так как не хочу встретиться с Нейтом до того, как он уедет на работу. Не могу поверить собственным мыслям, но сегодня вечером я приду и расскажу ему обо всём.

Лучше просить прощения, чем спрашивать разрешения, верно?

Обнаружение чего-то является странным видом просветления.

Снаружи льет сильный дождь, и молния освещает лицо Розы, так как она стоит возле стремянки в комнате, где раньше была спальня Зака.

Мы пакуем все его вещи.

Я снимаю со стены последнюю фотографию и передаю ей.

— Ты когда-нибудь видела, чтобы люди приходили сюда для портретной сессии?

Рулон грубой оберточной бумаги находится на кровати, и она кладет на неё эскиз в

рамке.

— Нет, но Закари находился обычно в галерее в течение дня, пока я была здесь.

Стремянка шатается, когда я спускаюсь вниз.

— Насколько хорошо ты знала моего брата?

Рози заканчивает подписывать бумагу и затем вручает мне упакованное произведение искусства.

— Мне кажется, что очень хорошо. Он завтракал со мной каждое утро на протяжении почти трех лет. Это была привычка, которая началась с момента, когда Майло приехал сюда, чтобы остаться.

Я кладу наброски в коробку вместе с остальными.

— Майло, отец Нейта?

Она посылает мне грустную улыбку.

— Да. Он такой замечательный.

Я тяну коробку в гостиную и ставлю её рядом с другими, выставленными вдоль стены. С помощью маркера, заправленного в карман моих шорт, подписываю «Сохранить». Глядя на ряд коробок, которые отправятся домой, я кричу за дверь:

— Его фотография на самом верху лестницы с Нейтом и Заком, верно?

— Si. (пер. с исп. «да») Майло заботился о нем, как о втором сыне.

Я скрещиваю руки, когда возвращаюсь в комнату и вижу, как Роза вытаскивает одежду из ящиков комода.

— Можешь рассказать мне о них?

С кучей футболок в руке, она смотрит на меня.

— Первый сердечный приступ у Майло случился до того, как ваш брат приехал к нему работать. Они обычно шутили, что Закари превратил галерею в ряд витрин универмага.

Я наблюдаю за ней, как она складывает в коробки одежду Зака. Вещи, которые отправляются в них, — это просто вещи, я понимаю это. Мой брат умер, но память о нем в моем сердце, моих мыслях и в моей душе останется навсегда. Он всегда был со мной, и я надеюсь, что он точно также думал обо мне — вот, что действительно важно.

Рози, возможно, замечает мою печаль.

— Простите, я не позаботилась об этом за вас, но Нейт настоял, что бы я оставила всё как есть. Он не появлялся здесь с тех пор, как ваш брат умер. Он воспринял это очень тяжело. Они с Закари были словно *hermanos*. (пер. с исп. «братья»)

Переход от английского языка к испанскому не мешает её речи, я понимаю, о чём она говорит.

Я изображаю улыбку на своем лице; это у меня хорошо получается.

— Продолжай, расскажи мне о Майло и Заке, если ты не против. Мы никогда не знали нашего отца, и я знаю, что Зак действительно уважал и ценил всё то, что Майло делал для него. Он рассказывал мне, что Майло спас его от жизни на улице. Он встретил его в тот день, когда был выселен из своего жилья, и он был так благодарен Майло за то, что тот дал ему работу.

Рози закрывает один комод и открывает другой.

— После второго сердечного приступа, Майло переехал жить к Нейту. Закари уже жил в лодочном сарае. Он поселился там, когда Нейт купил это место. У нас всё было под контролем. Я приходила утром незадолго до того, как Нейт уезжал на работу. Закари брал Майло в галерею, до тех пор, пока ему не запретили водить, поэтому, он присоединился к

Майло за завтраком. После того как Майло вернулся домой, я продолжала готовить завтрак для Закари. Мы ели и смотрели «Шеф Повар» или «Шоу Марты Стюарт». Он обожал смотреть кулинарные шоу. Затем я паковала им обеды, и Закари брал их с собой на работу. Эти двое проводили много времени вместе.

Вытаскивая рядом со мной одну из футболок Зака, я смотрю на Розу.

— Почему Майло не управляет галереей сейчас?

Она перестает вытаскивать вещи.

— Закари занимался этим годами. Майло полностью так и не выздоровел, но Нейт сделал так, чтобы он постоянно отпраивлялся в галерею. Это было то, ради чего Майло жил. Но после последнего приступа, он больше не смог. Приступ затронул не просто тело, он затронул его memoria (пер. с исп. «память»).

Она указывает на свою голову, но я уже догадалась, что она имела в виду.

— И Нейт, ну, он... — она делает взмах руками. — Простите.

— Нет, продолжай. Всё хорошо, — побуждаю я.

— Он был так расстроен, что вынужден был увезти своего отца в Саншайн-Виллидж.

— Он больше не мог жить здесь?

Она трясет головой.

— Он переехал больше года назад, но затем с ним случился другой приступ, почти за два месяца до того, как ваш брат ушел в мир иной. Это было очень серьезно, и он нуждался в реабилитации. Нейт не привозил его домой, лишь после...

Она останавливается.

— Смерти моего брата. — Заканчиваю я вместо неё.

Она кивает.

— Да, но без помощи вашего брата, это было тяжело для него. Всё же, он действительно пытался. Я приходила каждый день для того, чтобы оставаться с Майло. Именно тогда я заметила, что его память только ухудшается. Он мог выйти из дома, чтобы сходить в магазин, и был не в состоянии найти свою машину, или мог выйти на дорогу и звонить Нейту, потому что был без понятия, где он находился. Дошло до того, что Нейт вынужден был забрать у него машину. Как я уже сказала, я оставалась с ним на протяжении дня, но затем на следующий день после того, как я ушла, Майло включил плиту, чтобы приготовить яичницу. Он выложил масло на сковородку и забыл о ней. Пожарные приехали прежде, чем произошло что-то плохое, но после этого Нейт знал, что мистер Майло не мог оставаться здесь один.

Должно быть, у Майло происходили эпизодические провалы в памяти, как это наблюдается у всех пациентов, страдающих болезнью Альцгеймера. Незадолго до того, как умерла Мими, я опасалась того, что она страдала этим недугом, таким образом, я была знакома с этой болезнью.

— Когда Нейт отвез его жить в это учреждение?

— Около трех недель назад.

— Я не знала. Пустая комната в большом доме Нейта — спальня его отца?

Роза согласно кивает, и её глаза наполняются печалью.

— В один момент он так много потерял, я думаю, для него это оказалось слишком.

Моё сердце разбивается из-за Нейта.

Буря хлещет вокруг лодочного сарая, и Роза подпрыгивает с каждым грохотом грома. Мы заканчиваем освобождать комод, и я решаю приступить к шкафу. Я открываю дверцу и

впервые осматриваю вещи, которые висят: костюмы, рубашки, кожаные брюки, ремни и галстуки.

Мой брат в галстук?

Я могу понять ещё кожаные брюки, но рубашка и галстук. Кроме церемонии вручения дипломов и похорон Мими, я не думаю, что когда-либо видела, чтобы он что-то из этого носил.

Я оборачиваюсь, чтобы найти Розы, которая поправляет складки на одеяле, образовавшиеся из-за коробок.

— Это одежда Нейта?

Она подходит к шкафу.

— Нет, это все вещи Закари.

— Раньше он наряжался в галерею?

Она мотает головой.

— Обычно он носил джинсы. В некоторых случаях я видела его в симпатичных брюках, но это было редко.

Дождь не прекращает лить, и когда я мечтательно пялюсь в окно, вижу, как Розы посматривает на свои часы.

— Тебе нужно идти?

— Во время дождя я предпочитаю забирать свою дочь из летнего лагеря. Мне не нравится то, что она ездит на автобусе в такую погоду.

— Сколько ей лет?

— Шесть. Она пойдет в первый класс этой осенью.

Я машу рукой.

— Поезжай, забирай свою дочь. Спасибо тебе за помощь.

— Gracias. Нейт просил меня приехать на этой неделе в четверг, тогда я смогу вам еще помочь.

— Ох, я не хочу, чтобы ты беспокоилась об этом.

— Это не проблема. Я приходила каждый день, если нужна была Нейту, но он перестал здесь питаться, и дом не такой уж и грязный, чтобы в нём прибираться. Когда он позвонил мне в субботу и попросил сходить купить продуктов и поместить некоторые замороженные вместо морозильника в холодильник для разморозки, я была в восторге от того, что у него был гость.

Я кладу свою руку на её плечо.

— Я признательна за это, но надеюсь, что закончу к тому времени, в любом случае.

— Я могу вернуться завтра, если хотите.

Я смотрю на неё.

— Нет, если честно, есть кое-что, что мне нужно сделать самой.

Она крепко обнимает меня.

— Я понимаю. — Она отстраняется. — Я положила немного еды в холодильник. Не забывайте кушать. Вы слишком худенькая.

Я смеюсь, думая обо всех уязвимых местах, присутствующих на моем теле, и о небольшой рыхлости на бедрах. Розы уезжает вихрем розовой любви, которую она несла людям, проживавшим здесь, и очевидность этого согревает моё сердце.

Возвращаясь к работе, я достаю каждый из костюмов и просматриваю их: серый в полоску, черный, черный с полосками. Всего их пять, и я вытаскиваю их из шкафа, прежде

чем кладу на кровать и освобождаю от вешалок. Когда я добираюсь до черного, то обнаруживаю маленькую карточку, торчащую из внутреннего нагрудного кармана. Я вынимаю её, и улыбка расплывается по моему лицу. На плотной бумаге бежевого цвета с золотым тиснением написано:

«Особняк»

1212 Вашингтон Авеню

Майами Бич, Флорида 33819

И больше ничего.

Никакой информации о Заке.

Хотя всё нормально, потому что всё необходимое находится прямо здесь.

Я заканчиваю складывать костюмы и внезапно чувствую, что мои силы на исходе. Сейчас три часа дня, поэтому я решаю отдохнуть, прежде чем приступить к сегодняшней экскурсии.

Лежа на спине, я смотрю в потолок и думаю о том, о чём просил меня Нейт. Он попросил меня составить список вещей, без которых я не могу жить. Он говорил не о списке предсмертных дел, а о делах, которые не должны являться легкими в предпочтениях — они должны затрагивать эмоции.

В тот момент, когда он объяснял, что ему было нужно, я уже знала о своем списке, но не смогла сказать ему об этом.

Я хочу завести с кем-нибудь страстный роман. Я хочу, чтобы кто-нибудь постоянно думал обо мне, хочу, чтобы меня трахали, везде, где бы мы ни находились. Хочу, чтобы мной владели, заявляли на меня права, делали меня своей. Хочу, чтобы кто-нибудь освободил меня от ответственности, которую я взвалила на себя в течение всей своей жизни, чтобы кто-нибудь принимал решения за меня.

Здесь больше, чем пять пунктов, но вот он — мой список.

Я закрываю глаза и размышляю над этим списком. Свободой, которая появляется с кем-то, с такой особенной связью. Я хочу этого, даже если ненадолго. Я не могу понять почему, или откуда это берется. В действительности, это не имеет значения.

Это то, что я чувствую.

Текстовое сообщение пробуждает меня, я вздрагиваю и беспокоюсь, что, возможно, пропустила свою встречу, или встречу Зака. Но когда выглядываю наружу и вижу, что всё ещё светло, то понимаю, что нет.

Я хватаю свой телефон со столика, вижу, что это сообщение от Нейта. В моем животе всё переворачивается, едва я открываю его. Возможно, он узнал о моей встрече в «Особняк». Или, может быть, он наконец-то поменял свое мнение о нас, и пишет мне о том, что он скучает по мне. Чтобы я была в его постели, когда он вернется домой, потому что он хочет сделать со мной развратные вещи. Мысленно, я уже разделась и ожидаю его, чтобы пойти к нему в комнату.

Он улыбается, пока приближается ко мне с полной уверенностью в себе, и когда он поглаживает мой клитор, я уже влажная для него. Он вводит один палец в мою киску, затем два. Опускает голову к моей груди и припадает к ней. Мои соски очень твердые и тугие, ощущение его влажного и горячего рта заставляет меня выкрикивать его имя. Я чувствую, как его губы могут причинить мне боль, но потом представляю, как он сосет сильнее, покусывая соски, и боль становится мгновенным удовольствием. Он трахает меня своими пальцами, его рот посылает небольшие волны электрического тока по всему моему

телу, и я кончаю в порыве страсти.

Мой телефон снова сигналит, вырывая меня из фантазии. Я вздыхаю и вновь закрываю глаза, желая, чтобы фантазия была моей реальностью, и в то же время, мне интересно, откуда всё это взялось.

Этот мужчина заставляет меня думать о безумии. Но дело не только в его теле, а полностью в нём.

И это опасно.

Мой телефон подает сигнал вновь, будто оповещает меня побыстрее прочесть непочитанное сообщение. Но я знаю, в нём нет того, чего я хочу, и прямо сейчас я не готова позволить своей фантазии испариться. Моё тело жаждет освобождения, которое совершенно свободно предоставлял мне в моих мечтах Нейт.

В спешке, я сажусь и снимаю шорты, для этого, мне не нужно быть полностью раздетой. Затем, скользя своей ладонью вниз к моему клитору, я надавливаю, кружу по влажности, которая не являлась просто фантазией.

Я снова представляю Нейта над собой, его горячее дыхание на своей шее, его аромат, окутывающий меня, и сладкие медленные волны удовольствия начинают распространяться в нижней части моего живота.

Я замедляюсь, не желая пока достигать кульминации, и прикасаюсь к себе снова. Безусловно, я мастурбировала раньше, используя вибратор, чтобы быстро и сильно кончить, но сильно и быстро — это не то, что я жажду прямо сейчас.

Снова и снова, я довожу себя до края и останавливаюсь до тех пор, пока боль, нуждающаяся в освобождении, становится невыносимой, и, в конце концов, я позволяю себе кончить, и взрывная волна удовольствия разносится по всему моему телу. Я закрываю глаза и наслаждаюсь сладким освобождением, и я знаю, оно ощущалось бы намного лучше, если бы Нейт был тем, кто доставлял бы мне его.

Он — мой список, он весь в моем списке.

Мысли о нём заставляют меня забыть о моей неуверенности, моих страхах о судьбе, поджидающей меня. Он вызывает у меня желание изменить свою судьбу.

Волна эйфории исчезает быстро, мне не к кому прикоснуться, поцеловать или привлечь к своему телу, и я смотрю на телефон, который всё ещё сигналит, привлекая моё внимание.

Наконец-то я открываю сообщение, оно гласит:

«По прогнозу погоды сегодня вечером очередной раунд сильных штормов. Оставайся в моем доме».

Я трясую головой. Нейт отдает приказы, но не те, на которые я рассчитывала. Я пишу ответ:

«Если погода будет совсем плохой, то я останусь».

Теперь, я вынуждена громко рассмеяться. Возможно, вчера я пришла бы в восторг от его просьбы ночевать там же, где и он, но сегодня с полной уверенностью могу заявить, что речь идет больше о его беспокойстве, обо мне, как о сестре его лучшего друга, нежели чем о сексуальном влечении ко мне.

Нейт отвечает мне:

«Я не спрашивал. Оставайся в моем доме».

Он прав. Он ни о чём не спрашивал. Он довольно контролирующий, и это так заводит. Я хочу, чтобы он контролировал меня в своей спальне. Это первый пункт в моем списке, и я собираюсь сказать ему об этом сегодня вечером, когда он придет домой.

Но перед тем как сделаю это, мне необходимо встретиться с клиентом Зака, узнать подробную информацию, и чем вызвана эта консультация.

Я сажусь. Пора собираться, что-нибудь съесть и принять душ. Так что, вместо того чтобы выстоять двадцать раундов против Нейта, я решаю, что уступить ему будет гораздо проще, и печатаю:

«Хорошо».

Простое слово. И я хочу, чтобы он произнес именно это слово, когда я скажу ему, кого я задумала в своем списке.

Его.

12 Глава

Умница

Мой брат никогда не боялся заниматься тем, чем хотел. Он свободно проживал свою жизнь: ездил куда хотел, делал, что хотел. Что касается меня, то я делала то, что от меня ждали: не курила, не прогуливала школу, не выпивала. Посещала колледж, получала хорошие оценки.

Я преуспела в том, чтобы быть хорошей девочкой. Зак преуспел в том, чтобы быть плохим мальчиком. Мы сравнивали друг друга. Но если бы я знала, какое, вероятно, будущее предназначалось мне, возможно, я бы плевала на следование правилам. Возможно, я могла бы быть такой же, как мой брат.

Женский голос прерывает мои мысли.

— На следующем светофоре поверните налево.

Экран навигатора показывает мне, что я буду на Вашингтон-Авеню в течение нескольких секунд. Движение уплотняется, как только я туда прибываю.

Я осматриваюсь.

Вдоль улиц выстроены дизайнерские магазины, повсюду рестораны и ночные клубы на каждом углу.

— Ваше место назначения находится впереди, слева, — оповещает навигатор.

Я осматриваюсь, и всё, что вижу, — это мигающие огни неоновой вывески, которая гласит «Танцевальный зал». Я сверяю адрес на визитной карточке с адресом на фасаде — они совпадают, но мне нужен «Особняк», а не «Танцевальный зал».

Кажется, мне нужно у кого-нибудь спросить.

Вечереет, я пытаюсь самостоятельно припарковаться, но мне не знакома эта местность, и я понятия не имею, насколько здесь безопасно после наступления темноты, поэтому прошу парковщика. Мужчина в красной куртке мчится ко мне, когда я прижимаюсь к

обочине.

Я опускаю окошко.

— Прошу прощения, я ищу «Особняк».

— Вы в нужном месте, при условии, что сможете туда войти.

— Я смогу. — Улыбаюсь.

Или думаю, что смогу.

Парковщик открывает дверь с моей стороны, и когда выхожу, я вручаю ему ключи, а он мне билет.

Очередь длинная в такое раннее время, и у меня всего пятнадцать минут, прежде чем я собираюсь встретиться с Джордан Скотт.

Насколько частным является этот клуб? Ты должен пройти через один клуб, чтобы попасть в другой?

Разумеется, мне крышка, если это место не предназначено для женщин. Я нахожусь в Майами, так что это, скорее всего, какой-то сигарный клуб. Если да, то надеюсь, что дым не вызовет у меня астму.

Мне действительно необходимо пропустить эту очередь.

Я убеждаюсь, что мое платье в порядке и приближаюсь к двери. Я выбрала короткое черное платье и посчитала, что оно будет уместным для закрытого клуба, но теперь, когда я здесь, мне кажется, что оно может показаться слишком откровенным.

Я даже не знаю, зачем его купила. Оно короткое, с открытой спиной и слишком глубоким вырезом спереди, и если у тебя нет сисек, то и нет проблем. Но демонстрируя слишком много обнаженного тела в мужском клубе, проблемы могут появиться.

Теперь уже поздно.

Вышибала выглядит устрашающе. В то время как я продвигаюсь к бархатной веревке, он практически орет на меня:

— В конец очереди.

Я делаю шаг вперед.

— Мне нужно попасть в «Особняк». У меня встреча в восемь, и я опоздаю, если буду ждать в этой очереди.

Он пронзительно смотрит на меня.

— Это так?

Я киваю, слегка нервничая. На самом деле я не уверена, не собирается ли он выгнать меня из этого места.

Он берет плату за вход от группы завсегдаев ночных клубов и затем переводит свой пристальный взгляд на меня. Его глаза осматривают меня, словно я кусок мяса.

Жутковато.

— Я никогда раньше вас не видел. С кем у вас встреча?

— С Джордан Скотт, — выпаливаю я. — Я встречаюсь с Джордан Скотт.

Его большие толстые пальцы жмут на экран телефона. И сухо улыбаясь, он поднимает взгляд.

— Вас нет в списке её гостей. Мне очень не хочется жестоко обращаться с женщинами, но если мне придется, — он выглядит так, словно предвкушает подобное, — я сделаю это.

— Ох, какая же я дураха. Я должна была сказать вам, что Нейт Хэнсон забронировал столик.

На его лице отражается скепсис.

— Вы можете проверить. Он заказывал сегодня утром.

Пальцы вышибалы начинают работать снова, и вдруг его поведение полностью меняется. Он нажимает на кнопку в своем телефоне и говорит в него.

— Пришли ко мне дворецкого для сопровождения гостыи мистера Хэнсона.

Я машу рукой.

— Ох, в этом нет необходимости.

Кивок его головы я интерпретирую, как предложение отойти в сторону и подождать.

Я делаю так, как он говорит.

По крайней мере, это закрытое помещение оснащено кондиционером. Жара и влажность начинают добираться до меня. Сегодня вечером впервые нет никакого ветерка, чтобы охладить воздух.

Жарко, как в аду.

В течение нескольких минут, мужчина, одетый в костюм-тройку, сильно накрахмаленную рубашку и шляпу с твердыми полями, стоит рядом со мной.

— Здравствуйте, мадам. Ваше имя будет..?

— Зои.

Он кивает.

— Следуйте за мной.

Мы заходим в огромное помещение, и голубая дымка покрывает комнату. Потоки ядовито-зеленого прожектора направлены на танцпол. Кругом люди, но мужчина впереди меня обходит толпу, не обращая внимания на вечеринку и выпивку.

Вдруг, откуда ни возмись, парень в дорогом костюме останавливается передо мной.

— Как насчет того, чтобы потанцевать?

Его глаза приклеиваются к моему бюсту, и я вынуждена быстренько глянуть, чтобы удостовериться, всё ли на месте.

Да. Но, кажется, мои соски хотят поиграть в «ку-ку» с тканью платья. Возможно, я должна была надеть лифчик, но он походил к платью.

Мужчина подходит ближе.

— Давай, пойдем потанцуем.

Он выглядит неплохо, вообще-то, он очень даже ничего.

Глядя на него, я начинаю задумываться, не является ли это тем, чем я должна заниматься, чтобы удовлетворить то желание, от которого никак не могу избавиться. Ни к чему не обязывающие связи и бессмысленный горячий секс могли бы стать лекарством от боли. Этот клуб вполне может быть ответом на отмеченные галочкой пункты в моем списке.

Он прижимается ко мне ближе и начинает двигаться.

— Со мной неплохо.

Я пристально смотрю на него и покачиваю бедрами, желая, чтобы вспыхнуло моё сексуальное желание. Когда этого не происходит, мне понятен мой ответ — нет, это, должно быть, не то, что мне нужно. Мои настойчивые сексуальные желания не реагируют на тесную близость с этим мужчиной. В конце концов, я сдаюсь и посылаю ему слабую улыбку, чтобы смягчить отказ.

— Прости, не могу, я встречаюсь кое с кем.

Он подергивает головой в такт музыки.

— Разумеется, я понимаю. Но если тебе станет с ним скучно, я буду здесь.

Повсюду трущиеся, извивающиеся и прыгающие тела. Парочки находятся близко друг к

другу и двигают своими бедрами в унисон так, что я почти могу представить себе, как они трахаются. Вдруг образ Нейта вспыхивают передо мной: его очерченный торс, непослушные волосы, зеленые глаза, квадратный подбородок, полные губы и то, как он двигается.

Желание возвращается, словно голод, связанный узлом в моем животе, пульсирует в глубине моей сущности и посылает мурашки прямо вниз по ногам, заставляя сжиматься пальцы моих ног.

— Мадам, пожалуйста, следуйте за мной.

— Ох, простите. — Я понимаю, что просто стою на месте.

Мужчина, похожий на гангстера, провожает нас до двери, которая запрашивает пропуск с помощью ключ-карты. Как только мы проходим через эту дверь, нас встречает другой вышибала, и он быстренько отцепляет большой ярко-желтый карабин, прикрепленный к красной бархатной веревке.

Мне кажется, будто я в лабиринте бесконечных коридоров, поскольку мы проходим ещё один коридор.

Этот искусно оформлен в стиле арт-деко, благодаря сводчатым проходам и дизайну эпохи. Место выглядит словно по-королевски. Мы подходим к концу коридора, и мужчина открывает несколько красиво оформленных двойных дверей с инкрустированным над ними терракотовым узором. Слова на дверях гласят: «Добро пожаловать в “Особняк”».

Не могу поверить, что я сделала это.

— Бар здесь, мадам. — Мой сопровождающий ведет меня через большую комнату, заполненную изящно одетыми людьми, которые сидят на кожаных диванах и увлеченно беседуют. Женщины, одетые в форму в стиле «флэппер» (прим. стиль 1920-х годов) подают напитки. Наверняка это старый подпольный бар, превратившийся в светский клуб.

Тогда понятна проблема попасть внутрь, отсутствие музыки, играющей наверху, и приглушенные голоса. Такое ощущение, будто я переживаю эпоху сухого закона.

Мне интересно, «Клуб Коттон» или «Сторк Клуб» (кинофильмы 1984 и 1945 г.) выглядели вот так?

Мой взгляд блуждает по помещению, и любопытство резко возрастает.

Я понимаю, почему мой брат мог быть сюда привлечен, это что-то, что подходит ему, что так на него похоже. Теперь всё становится ясно. Даже костюмы моего брата обретают смысл.

Мы проходим через следующие двери с написанным сверху текстом «Бар». Я оглядываюсь. Это не похоже ни на одно место, в котором я когда-либо была. Оно выглядит, как сцена из фильма «Великий Гэтсби»: огромная барная стойка справа, столики и кабинки окружают танцпол, а сцена прямо напротив меня. Сцена и столики пусты, но в баре есть несколько свободных мест.

Женщина с волосами, как у Мэрилин Монро сидит, и рядом с ней на сиденье лежит её сумочка — эта женщина с фотографии. Узнаю по её причёске.

— Могу я вам помочь чем-нибудь ещё, мадам?

— Нет, спасибо вам огромное. — Я тянусь в сумочку за кошельком, чтобы дать ему чаевых, но он мотает головой.

— Не нужно. Это моя работа.

— Спасибо.

Дверь захлопывается за мной, и чувствую, будто я в кино. Я приближаюсь к этой даме, и мои каблукы скользят по гладкой поверхности пола. Я замедляюсь, но все равно дохожу до

неё прежде, чем решаю, о чём начать говорить. Вообще-то, я не рассчитывала, что найду её, поэтому не подготовила речь.

Глубоко вдохнув, я склоняюсь к барной стойке и смотрю на женщину.

— Вы Джордан Скотт?

Её пальцы сжимают бокал.

— Да, это я. Я могу вам помочь?

— Позвольте? — Я указываю на её сумочку и кладу её на стойку бара.

— Вообще-то, я встречаюсь здесь кое с кем.

— Да, с Художником.

Она охает.

— Когда поспрашивала, то думала, я уточнила, что ищу мужчину. — Её глаза тщательно меня осматривают. — Но из этого соглашения может что-то выйти. Оплату, конечно же, необходимо будет уменьшить.

Я моргаю, не понимая, к чему она клонит. Какая разница, мужчина или женщина нарисуют её портрет?

— Я надеялась, что смогу задать вам несколько вопросов.

Её губы сжимаются в линию.

— Полагаю, вы должны подойти к этому с другой стороны. Я задаю вопросы.

Я кусаю губу.

— Да, простите. Продолжайте.

Её тяжелый взгляд продолжает оценивать меня, и она напоминает мне Стервеллу Де Виль, жадно рассматривающую щенков далматинцев. Чувствую себя неудобно и будто обнаженной.

— Мне не нравится ходить вокруг да около, — начинает она, в то время как тянется за своей сумочкой, чтобы достать черную коробочку с электронными сигаретами. — Давайте начнем с... каковы ваши, если таковые имеются, жесткие ограничения?

— Мои жесткие ограничения?

Это не просто светский клуб.

Мои мозги кипят.

Я не знаю, что сказать.

— Это простой вопрос. — Её губы соприкасаются со стеклянным кончиком насадки, и она втягивает в себя дым.

Приближается бармен и кладет салфетку передо мной. Я быстро отворачиваюсь, чтобы избежать её выдоха. На бармене кепка, как у разносчика газет, белая рубашка, без галстука, жилет и мешковатые штаны.

— Что вы будете пить сегодня вечером?

Я смотрю на него, пытаюсь побороть свой испуганный взгляд.

— Всё, что вы посоветуете.

— «Леди Джой»?

Киваю.

— Звучит здорово.

Он улыбается мне и хватается за стакан с охлаждающей установки, что стоит перед ним. Мой взгляд блуждает по всей комнате, и не успеваю опомниться, как он ставит передо мной красивый напиток с голубой жидкостью.

— Наслаждайтесь.

— Благодарю.

Он переключается на другого посетителя, оставляя нас наедине.

Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Джордан. С дымящейся сигаретой, она косо посматривает на меня. Она ждет, когда я отвечу на её вопрос о моих жестких ограничениях. В моей голове начинает вертеться миллион различных причин, по которым она могла бы спрашивать меня об этом, но только одна причина имеет смысл.

БДСМ.

Мой брат увлекался БДСМ.

Как это совмещается с его способностью заработать так много денег, мне еще предстоит выяснить.

Джордан проводит линию по моей руке своим длинным ногтем.

— Вы такая привлекательная, но мне нужен ваш ответ, прежде чем мы двинемся дальше. Знаете ли, у моего мужа есть некоторые... требования, которые я... не в состоянии выполнить. Анальный секс одно из них. Если анал является жестким ограничением для вас, боюсь, что нам придется покончить с этим соглашением, прежде чем мы начнем.

Меня начинает тошнить, в надежде, что я приняла её за другого человека, я внимательно просматриваю бар.

— Я думала, вы нуждаетесь в портретных услугах.

Она слегка озадаченно смеется.

— Ну, конечно же, да, моя дорогая. Как я уже упоминала, мы были заинтересованы в услугах профессионала. Но оплату необходимо будет снизить. Я с нетерпением ждала, возможно, мужскую компанию, но я не против вас. Восемь тысяч будет достаточно?

— Восемь тысяч долларов? — заикаюсь я, пытаюсь не развалиться на части перед ней, понимая, что должна закончить этот разговор, чтобы осознать всю глубину того, что раскрывается передо мной.

— Я могу увеличить до девяти тысяч, но не больше.

Мои глаза расширяются, в то время как потрясение охватывает меня, а желчь подкатывает к горлу. Я беру свой напиток и выпиваю его полностью.

Дружелюбный бармен-газетчик появляется передо мной до того, как слышится звон стекла на гладкой поверхности.

— Ещё один?

— Да, пожалуйста.

— А мне, пожалуйста, порцию «Джеймсона» — звонким, хриплым голосом произносят позади меня.

Мои нервы совершенно не в порядке, и пока я верчусь на барном стуле, мой взгляд приземляется прямо на юриста Нейта.

— Оливер.

— Зои, должен сказать, что я удивлен, видеть тебя здесь. — Он осматривает помещение. — Где Нейт?

Я гляжу на него в полном недоумении.

— Нейт же привел тебя сюда, не так ли?

Я мотаю головой, пытаюсь сглотнуть поднимающуюся к моему горлу желчь. После, я поднимаю палец вверх и поворачиваюсь к Джордан.

— Можете дать мне минутку?

— Мне очень жаль, Зои, я не могу. — Произносит она моё имя с издевкой.

Огромное спасибо тебе, Оливер.

— Всего минуту, — прошу я.

— Мне нужно идти. Я буду на связи, как только посоветуюсь со своим мужем. — Она кладет назад в свою сумочку коробку с электронной сигаретой, и встречается со мной взглядом. — Имейте в виду на будущее, когда мы должны будем встретиться вновь, моё время — это моё время. — Она практически атакует своим взглядом Оливера.

Бармен ставит мой напиток и виски Оливера на стойку бара. Мои нервы вспыхивают, и я беру свой напиток и делаю небольшой плоток. Мне хочется остановить её и задать ей мой самый важный вопрос, мой самый главный страх: она предлагала заплатить мне за секс или за портрет?

Ответ очевиден: за то и за другое.

Мне не стоит спрашивать, чтобы знать ответ на этот вопрос.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Внезапно моё горло сжимается, и приходится заставить себя проглотить жидкость, которая всё ещё находится у меня во рту. Женщина встает и одаривает меня коварной улыбкой и облизывает свои губы перед тем, как уйти прочь.

— Всё хорошо? — интересуется с сочувствием Оливер.

Иногда всё рушится и можно повернуть ситуацию вспять, но не в этот раз.

Я поворачиваюсь к нему.

— Нет, всё плохо. Что это за место?

Спокойный настрой Оливера меняется.

— Нейт в курсе, что ты здесь?

Резко разворачиваясь, я облакачиваюсь локтями о барную стойку и плююсь в прозрачную синюю жидкость своего напитка.

Услуга за услугу. Он игнорирует мой вопрос, я игнорирую его.

Оливер ставит свою стопку на место.

— Ещё, — говорит он бармену.

У меня трясутся руки, пока я складываю их на стойке бара.

— Мне тоже, пожалуйста.

— Ты не закончила ещё с этим.

Я пожимаю плечами.

Он накрывает мою руку своей.

— Расскажи мне, что происходит. Что ты здесь делаешь?

Алкоголь течет свободно по моим венам, и я чувствую его воздействие. Я смотрю на него. Знает ли он? Знает ли Нейт? Догадывались они оба о том, что мой брат продавал своё мастерство, чтобы мне легче жилось?

— Ты когда-нибудь слышал о Художнике?

Он качает головой.

— Нет. Но у меня есть догадка, что это как-то связано с «Особняком».

— Что ты имеешь в виду?

— Это место дает таинственные прозвища работающим здесь людям. Не это ли имеет отношение к твоему брату?

Я киваю головой.

— Оливер, я абсолютно уверена, что мой брат продавал себя за деньги.

Бармен подает мой напиток и шот Оливера.

Внезапный мощный заряд энергии в воздухе посылает озноб по моей спине. Я резко поворачиваю голову и вижу его — Нейта, направляющегося тяжелыми шагами по пустому танцполу. На нем нет пиджака, узел на его галстучке ослаблен, будто он задыхался и не мог достаточно быстро его снять, глаза почти черные, тело как у пантеры, которая ведет охоту на свою добычу.

— Зои, — шипит он в тишине зала. Знакомый глубокий голос, пронизанный гневом, заставляет меня дрожать.

Оливер быстро отодвигается. Он одергивает свою руку, но не так быстро, пока пот не выступает у него на лбу. Я вижу испуг, циркулирующий в его карих, как шоколад, глазах, когда он распускает свой галстук и проглатывает второй шот.

Прежде чем развернуться, я жду целых тридцать секунд, зная, что не могу отсрочить неизбежное. Когда я поворачиваюсь, Нейт уже находится позади меня, его взгляд прикован к Оливеру, кулаки сжаты по бокам, выражение его лица являет абсолютное недовольство. Он выглядит смертельно, как убийца, нашедший свою мишень. Его рука по-хозяйски располагается на обнаженной коже моей спины.

Внезапно моё сердце, моё тело, разум — всё становится пустым, кроме осознания того, что он занимает всё пространство. Несмотря на всё то, что случилось, о чём я узнала, вокруг меня вращается ураган желаний.

— Оливер. — Гнев вспыхивает в голосе Нейта. — Что ты здесь делаешь... с ней?

Кажется, его одолевает ревность.

И это заставляет меня ликовать.

Оливер поднимает свои ладони.

— Слушай, мужик, я просто увидел, что она сидит здесь. Я не с ней. — Он делает шаг назад.

Когда глаза Нейта обращаются к моим, он сверлит меня взглядом.

— Что ты здесь делаешь?

Те же самые слова адресованы мне, но теперь его тон наполнен чем-то неопределенным. Возможно, чем-то большим, чем гнев. Болью?

— Я оставляю вас наедине. — Отдаленно звучит голос Оливера.

Руки Нейта движутся по обе стороны от меня, огораживая меня от остальных своей стеной из мышечной массы и свежего, чистого, мужского аромата. Я слышу слова Оливера, но не в состоянии ответить, моргнуть, сдвинуться.

— Что ты здесь делаешь? — рычит Нейт, превращаясь в хищника.

Нет больше смысла прятаться в кустах и ждать. Он здесь, и он здесь из-за меня.

— Как ты узнал, что я здесь?

Смешок, а затем какой-то странный хриплый, животный звук предшествует его ответу.

— Ты решила, что можешь прийти сюда, забронировав столик на двоих, и что персонал не станет искать меня?

Я уставилась на него с абсолютно пустым лицом.

— Администратор позвонили в мой офис, оповещая о том, что прибыл мой гость, желая знать, нужно ли мне что-нибудь ещё этим вечером. Представь моё удивление, когда я сказал, что возможно, это была какая-то ошибка, и она сказала мне, что девушка по имени Зои находилась у главного входа под предлогом резервирования, которое я сделал ранее этим утром.

Стоящий передо мной мужчина суров и задумчив в своем поведении, но я не боюсь его.

Нет, на самом деле всё совсем наоборот, я завелась не на шутку.

Его волосы взъерошены несовершенным образом, глаза темнее ночи, у него твердые скулы, слегка небритый подбородок, а его рот, ох, его рот с этими полными, бархатисто-мягкими губами и то, как он их надувает... я хочу его, целиком.

Представление того, как он дотрагивался до меня, целовал меня, двигался во мне той ночью, что мы провели вместе, поражает меня, и моё тело гудит от нового рода возбуждения.

— Ответь мне, — требует Нейт сквозь стиснутые зубы.

Я пялюсь на него, заставляя себя сказать ему о том, что чувствую.

Его теплое дыхание колышется дуновением на чувствительной коже моей шеи, пока его руки держат меня ещё крепче — белая ткань его рубашки натирает кожу моих рук и посылает по ним мурашки вверх и вниз.

— Зои, ответь мне.

— Я пришла, чтобы разузнать о брате. — Я сижу прямо и смотрю в его глаза. — И теперь, когда это сделала, я понимаю, это и есть мой список. Вот, чего я хочу.

— Я не хочу, чтобы ты приходила сюда снова. Ты меня слышала?

Я быстро отворачиваюсь и шарю в поисках своего наполненного напитка, выпивая его тремя глотками.

— Зои, ты слышала меня? — практически рычит Нейт.

Я поворачиваюсь обратно, почти кивая.

— Я слышала тебя, и не могу этого сделать. Ты говорил мне, что мне нужно проживать свою жизнь, и это то, чего я хочу.

— Это охренеть как глупо.

Его резкий тон сказывается на мне, и я ломаюсь, окончательно ломаюсь.

В этой комнате моя жизнь рассыпается на куски, и я знаю, что никогда не стану прежней.

Мой брат, зачем он занимался этим, чтобы помочь мне?

Нейт тяжело дышит, и я беспомощно поднимаю на него взгляд.

Я не могу говорить.

Я не в состоянии мыслить.

Я не могу дышать.

Моё дыхание начинает сжиматься. Не могу вдохнуть. Чувствую себя похороненной заживо. В моих легких присутствует тяжесть. Я могу выдавить только неглубокие вдохи-выдохи, которые становится делать всё труднее и труднее. Сердце скачет, в то время как меня настигает паника. Прошло много времени с тех пор, как такое случалось, что я уже и забыла сразу достать свой ингалятор, но перед тем как собираюсь осуществить это, в мою ладонь скользит прохладный кусок металла.

Нейт нашел его.

Подставляю пластик к своим губам и нажимая кнопку, облегчение наступает практически мгновенно, поскольку сальбутамол сразу расслабляет мышцы моих дыхательных путей, раскрывая их, и благодаря этому, мне становится гораздо легче дышать. Я вынимаю ингалятор и смотрю Нейту в глаза.

— Спасибо тебе. Почему я всегда говорю тебе «спасибо»?

В тишине он очень долго смотрит на меня, но глаза его уже не наполнены злобой. В них только обеспокоенность.

— С тобой всё в порядке? Должен ли я отвезти тебя в больницу?

— Нет, теперь со мной всё хорошо. Действительно, я в порядке.

— Ты уверена?

Я киваю.

— Кажется, мне нужно немного воды.

Он поднимает руку для того, чтобы привлечь внимание бармена. Я рада, что не привлекла чьё-либо внимание своим приступом.

— Да, сэр? — спрашивает бармен.

— Стакан воды, и что это за напиток? — Он приподнимает бокал с синей жидкостью.

— «Леди Джой», — с гордостью отвечает бармен. — Вы хотели бы еще?

Он качает головой.

— Я имею в виду, из чего он?

— Лимонный ром, синий ликер «Кюрасао» и шампанское.

Моё сердце падает.

Я была такой идиоткой, что не спросила.

Мо нервозность привела меня к тому, что я полностью потеряла свою голову. Поскольку мне нельзя пить вино, мне нельзя пить и шампанское. Даже при том, что я понятия не имела, что оно будет в напитке, с моей стороны было глупо не спросить об этом.

— Спасибо вам, — говорит Нейт перед тем, как вручает мне стакан воды. — Приступ был вызван шампанским, которое было в твоём напитке.

Я киваю и, не спеша, потягиваю воду, прежде чем ставлю стакан на стол.

— Пошли, — говорит он.

— Нет, я не собираюсь никуда идти.

— Зои, что с тобой происходит? — сейчас его тон не такой суровый, и он возвращается к своей позе, спокойно оценивая меня, будто он обладает мощным рентгеновским зрением.

Я глубоко дышу.

— Этим утром я прочла электронную почту, присланную на аккаунт, принадлежащий моему брату. Он именовался как «Художник».

Нейт моргает в замешательстве.

— Ты уверена?

— Ты слышал о нём?

— Нет. — Могу сказать, что он говорит правду, но полнейший шок, кажется, омрачает его взгляд. — Но какое это имеет отношение к тебе, что ты, пользуясь моим членством, приехала сюда?

— Прямое. Клиент, запрашивающий портрет сессию, хотел встретиться с Заком здесь.

— Здесь? Точно? — Я наблюдаю за тем, как для него всё становится на свои места.

— Клиентка собирался заплатить мне — ему, я имею в виду, восемь или, возможно, десять тысяч долларов. И она спросила меня о моих жестких ограничениях.

Гнев пылает в темных пятнах его глаз.

— Я хочу, чтобы ты держалась подальше от этого места. Ты меня слышала?

— Нет, Нейт. Я не буду этого делать.

— Ты в курсе, что это за место?

Я приподнимаю подбородок.

— У меня есть идея. Похоже, что ты и твои друзья пользуетесь преимуществом здесь. Я думаю, мой брат был как-то причастен к этому. И это место... я хочу лучше разобраться в

нем. Так что, Нейт, я не буду держаться от него подальше.

Своими ладонями он сжимает мои плечи. У него твердая хватка.

— Это не шутка, Зои. Ты будешь держаться в стороне от этого места.

Чувствуя себя решительно, словно мне нечего терять, я встаю, и наши тела совмещаются идеальным образом.

— Нет, Нейт, не буду.

— Будешь. — Вена пульсирует на его шее.

— Нейт, послушай меня. Существует большая вероятность того, что я могу умереть в течение следующего года. И будучи с тобой в Майами, кое-что пробудилось во мне, что я никогда не ощущала ранее. Я никогда так не хотела никого, как тебя. Я никогда ещё не хотела заняться сексом в срочном порядке, пока ты находишься рядом. Никогда не ощущала страсть, которую испытываю благодаря тебе. И я никогда раньше не была в тех местах, в которые ты меня приглашал. Звучит смешно, знаю, но я хочу испытать больше таких эмоций. Я хочу испытать их с тобой, но ты отталкиваешь меня. Если ты не можешь быть со мной, тогда...

Нейт сводит брови над своими глазами как у пантеры.

— Не заканчивай это предложение.

— Честно. Ты просил меня создать список вдохновляющих меня вещей. Мне не нужно было задумываться по этому поводу, так как в своей душе, я уже знала ответ. Я хочу, чтобы кто-нибудь хотел меня настолько сильно, что это причиняло бы боль. Я хочу, чтобы кто-нибудь вытворял со мной безумные, спонтанные вещи. Хочу жить шальной и свободной жизнью. Все свое существование я всегда ко всему относилась с ответственностью. Всегда принимала разумные решения. Я хочу освободить свой разум и позволить другим решать за себя. Даже если это не продлится долго. И если ты не можешь быть этим человеком для меня, то я...

Он перебивает меня.

— Я же сказал тебе не продолжать. Мне ненавистна сама мысль о тебе с кем-то другим. Ты моя и ничья больше.

Я прижимаюсь к нему, и он заключает меня в свои объятия, и сейчас его глаза выглядят отчаянными и голодными. Он обхватывает моё лицо и приближает свой рот к моему, заставляя меня чувствовать, словно я принадлежу ему. И что самое странное, именно так я хочу себя ощущать. Но затем, как обычно, он отстраняется.

— Тем не менее, я не твоя, — тихо говорю я, пытаюсь освободиться от его хватки.

Нейт шепчет мне в губы,

— Да, моя.

Я мотаю головой.

— Ты не будешь со мной.

Он наклоняется, и его бархатисто мягкие губы касаются моих.

— Буду.

Бабочки в моем животе взлетают высоко. Мой голос дрожит, когда я отворачиваю голову.

— Не говори того, в чем не уверен, лишь бы вытащить меня отсюда.

— Я никогда не говорю того, в чём не уверен, — выдыхает он в моё ухо.

Я отклоняюсь назад и изучаю его.

Его губы приоткрыты, дыхание становится неровным. Желание ярко сияет в его глазах.

— Тогда я думаю, ты должен знать, что ты и есть мой список — весь мой список.

Нейт смотрит на меня сквозь прикрытые веки, и пока мой пульс скачет, я решаю, что должна объяснить:

— Я не хочу быть такой, как была до смерти Зака. Я была скучной, практичной, ответственной, предсказуемой.

— Ты не должна объяснять мне. — Струйки его обжигающего дыхания колышутся дуновением на моей шее, посылая дрожь по моей спине.

— Нет, я хочу. Когда я нахожусь рядом с тобой, чувствую себя спонтанной... смелой... сумасшедшей и дикой.

Он обжигает меня взглядом.

Мой разум снова возвращается обратно к той ночи, что мы провели вместе. То, как его губы пытались угодить мне, как его язык быстро двигался с отчаянием, чтобы попробовать меня, то, как его член дергался с глубоким удовлетворением, когда он кончал внутри меня.

Всё, чего я хочу, — это ощутить подобное этому снова.

Это единственный способ, который помогает мне забыть — забыть не только, как долго я была одинокой, но и то, что может произойти.

А пока, Нейт — это всё, что мне нужно; он — моё лекарство.

Нейт наклоняет к себе мой подбородок и хищным взглядом оглядывает моё тело сверху вниз. Жар между нами обжигает, и я чувствую в своих коленях слабость, но не могу перестать думать о том, что произойдет то же самое, что произошло прошлой ночью.

— У тебя был шанс прошлой ночью.

— Дай мне ещё один, — требует он.

Не знаю, должна ли верить ему.

— Скажи мне, почему ты передумал?

— Даже, при том, что твой брат практически запретил мне смотреть на тебя, я знаю, он хотел бы, чтобы я был тем, кто позаботится о твоих проблемах, а не какой-то там придурок без лица, без имени, которого, возможно, в глубине души не волнуют твои интересы.

Я обхватываю его лицо.

— Знаешь, ты ошибаешься насчет моего брата. Он действительно уважал тебя. Он бы не думал так, если бы знал, что Клуб 27 надвигается на меня. Он бы хотел, чтобы я была счастлива.

Нейт качает головой.

— Нет, это ты ошибаешься. Он знал меня слишком хорошо. Он знал, что однажды я сделаю тебе больно. Но я собираюсь послать его мнение куда подальше ради тебя.

Я потираю его щеки подушечками своих пальцев.

— Ты не сделаешь мне больно, ты же знаешь. Я не ожидаю чего-то такого, что ты не в состоянии мне дать. Я не ищу любви. Меня влечет к тебе. Только и всего. Я уезжаю в пятницу, и кто знает, что произойдет после этого?

Он держит мои руки.

— Ты уверена в своих чувствах?

— Да.

13 Глава

Хищник

Нейт, словно хищник, а я его жертва, и это возбуждает меня, приводит в трепет, доводит до крайности.

Сначала он не дает мне ответа. Вместо этого его глаза, глаза хищника, смотрят в мои в поисках лжи.

Но он не найдет её.

То, что я сказала ему, — правда, всего лишь моя правда.

Я не ищу любви.

Моя судьба не допускает этого.

Всё, что я хочу от него, — это позволить мне изучить эту бездну, жгучее желание по отношению к нему, чувства, которые он разблокировал, вскрыл и пробудил во мне. Я хочу продвигаться дальше. С ним я хочу познать как можно больше.

Я посылаю ему небольшой кивок, простой жест, вселяющий надежду на то, что он может доверять мне. У него есть собственные демоны и что-то ещё, помимо возражений моего брата, что сдерживают его. Я не знаю, что они собой представляют, но это не страшно.

У нас обоих своя ноша.

Он дергает меня за руку, притягивая ближе.

— Тогда останься со мной на всё лето.

У меня отвисает челюсть, и я погружаюсь в молчание.

Он придвигает меня ещё ближе.

Я слегка качаю головой.

— Я не могу, — шепчу я. Мои колебания очевидны.

Он растопыривает пальцы на моих бедрах.

— Можешь.

Я закрываю глаза и веду внутреннюю борьбу, моё желание и потребность против логики, против того, что уготовано мне судьбой. Часть меня ведет себя так, будто я должна следовать этой страсти, пока у меня есть шанс.

Его дыхание опалает мое лицо.

— Позволь мне помочь тебе жить шальной и свободной жизнью.

Я открываю глаза и смотрю в его голубые бездны. Я знаю, сейчас мне не остановиться от принятия единственного правильного решения, в котором есть смысл. Я делаю дрожащий вдох. Не могу поверить в то, что сейчас скажу. Никогда ещё так быстро не принимала такое важное решение, как это. Я провожу вниз своими пальцами по его щеке.

— Да. Да, я останусь.

Он опускает свой лоб к моему.

— Ты сказала, после лета тебе нужно вернуться на работу. Хочу, чтобы ты знала, лето — это всё, что я могу дать. Больше я ничего не ожидаю, — шепчет он.

— Я знаю, так же, как и я. Я действительно должна буду вернуться к работе, — шепчу в ответ.

Он кивает, и наши лбы по-прежнему прижаты друг к другу.

Я киваю в ответ, и вот таким образом, мы приходим к согласию.

И затем, впервые в жизни, он безудержно целует меня. Он целует меня с чувством голода, которое вызывает такое ощущение, будто я могу взорваться. Он целует меня глубже, его хватка с каждым мгновением страсти усиливается на моих бедрах. Когда он

отстраняется, мы оба тяжело дышим. Нейт берет меня за руку.

— Ладно, поехали домой.

Я притягиваю его к себе и качаю головой.

— Раз ты хочешь меня так, как ты утверждаешь, тогда докажи это. Покажи мне, что это за место.

Он колеблется.

Я очерчиваю скульптурные линии его тела, и моё сердце усиленно бьется.

— Я хочу испробовать это.

Он зорко оглядывает меня.

— Ты уверена?

Он не что иное, как воплощение сплошных мышц, и я сглатываю, воображая о том, что должно произойти.

— Да. И я хочу, что бы ты показал мне.

На этот раз, он не медлит с ответом. Он протягивает руку через стойку бара. Вмиг, перед ним появляется бармен.

— Передайте Хозяйке, что мне нужна комната. Какое-нибудь уединенное место.

— Кто такая Хозяйка? — спрашиваю я.

Он пропускает мимо ушей мой вопрос и делает то, чего я вообще не ожидала. Тянет моё прижатое к нему тело, и мои губы почти соприкасаются с его губами. Его близость, его запах, теплое дыхание, губы так близки к моим, что я могу практически попробовать их на вкус, они почти отвлекают меня от заданного мной вопроса.

Почти.

— Кто такая Хозяйка? — спрашиваю снова.

Его язык стремительно облизывает мои губы, как будто он размышлял над тем же, что и я — попробовать на вкус.

— Она контролирует наличие номеров и запросы клиентов, — бормочет он своим ртом, находящимся до боли близко к моему.

— Прошу прощения, мистер Хэнсон, но она хотела бы поговорить с вами. — Бармен протягивает Нейту телефон.

— Да, — говорит он.

Пауза.

— Всё в порядке.

Еще пауза.

— Нет.

Своей рукой он пробегает по волосам.

— Да. Мне без разницы.

Пауза.

— Я сказал, всё в порядке.

Нейт возвращает назад телефон бармену и берет меня за руку.

— Идем со мной.

Отныне его хватка не жесткая, но твердая и решительная. Он шагает быстро, но замедляется, когда чувствует, что я не поспеваю за ним. И когда он оборачивается, чтобы взглянуть на меня, я еле сдерживаю себя.

В глубине моей души плещется желание, вызывая меж моих бедер потоки возбуждения. Он останавливается возле двери и разворачивается, чтобы врезаться в меня своими губами.

Возможно, поцелуй грубый, влажный и быстрый, но этого достаточно для того, чтобы вызвать рой летающих и только что вылупившихся бабочек в моем животе. Как будто, что-то похожее на стену рушится сегодня вечером, и одной мысли о том, что кое-что произойдет, становится достаточно, чтобы вогнать меня в дрожь.

Поворот событий, толчок, послуживший к переменам, причина, по которой я здесь — всё это исчезает, и остаемся лишь только он и я. Я не хочу ни о чем беспокоиться прямо сейчас, я просто хочу жить. Я плетусь за Нейтом, пока он ведет нас обратно в комнату со всеми этими диванами и людьми, общающихся самым нормальным и цивилизованным образом.

Сжимая его руку, дергаю Нейта обратно к себе.

Он оборачивается и приподнимает бровь.

Хихикая, я требую:

— Расскажи мне, где мы? Чем занимаются эти люди?

Он поворачивается ко мне лицом и убирает локон волос с моих глаз.

— Слушай, Зои, это место не для таких, как ты. Оно ни капли не является тем, чем кажется.

— Я знаю, это секс-клуб и мне хочется знать о нем больше.

Он становится ближе и переплетает наши пальцы. Меня накрывает дымка страсти, заставляя желать бросить эту болтовню и просто обнажиться вместе с ним.

— Эта комната и сам клуб предоставлены для общения.

— Для встречи... с партнерами? — спрашиваю.

— Обычно, бар — это место, где собираются одинокие. А эта комната — для пар.

— Для свингеров? — интересуюсь.

Нейт смеется, опуская свой подбородок самым восхитительным способом.

— Да, полагаю, что можешь их так называть.

— Как часто ты здесь бываешь?

Впервые, когда он взглянул на меня, я заметила, какие были у него зеленые глаза, но сейчас, когда его взгляд изучает черты моего лица, я ничего не замечаю. Я только чувствую и ощущаю на себе его внимание, как будто мягкое прикосновение, нежная ласка.

— Ни разу.

Его ложь жали, и из меня вырывается смешок. Я отдергиваю руки прочь и пытаюсь отступить, но он удерживает меня с силой. Нейт снова меня целует, и я хочу изо всех сил попытаться освободиться, но нет, не могу. На сей раз его поцелуи мягкие, нежные.

— Это правда.

Закрыв глаза, я спрашиваю:

— Тогда почему ты состоишь в этом клубе?

Его вздох отдается у меня в ухе.

— Прямо сейчас это не так важно.

Я не открываю глаза. Полагаю, что есть некоторые вещи, которые парни предпочли бы не обсуждать. Может, он думал, что ему понравится, или, может быть, хотел кого-то впечатлить. Кто знает, возможно, это связано с бизнесом. У меня всегда есть абонемент в фитнес-клуб, но я никогда его не посещаю. Однажды у меня был один такой сроком на два года, пока он не закончился, а я ни разу там не была.

— Ты в курсе, что из себя представляет секс-клуб? — Мою кожу покалывает от его слов.

Я киваю.

— Знаешь, большинство из этих комнат не такие цивилизованные, как те две, в которых ты побывала. Люди разгуливают здесь обнаженными, некоторые прикрыты полотенцами. Они делают это все вместе, пока другие стоят вокруг и наблюдают. Или передергивают. Этот клуб также ублажает гораздо больше эротических потребностей.

Я распахиваю глаза, в необходимости стереть этот образ из своих мыслей. От шока у меня отвисает челюсть, но больше всего от того, как он выразился, а не от того, что он только что сказал. Я стараюсь не рассмеяться, но небольшой смешок выходит наружу.

Он касается губами чувствительной кожи на моей шее.

— Ты находишь это забавным?

— То, как ты выразился. — Я отклоняю голову назад, предоставляя ему более широкий доступ. — Эти люди будут наблюдать за нами?

— Черт, нет. — Рычание означает, что его отношение по этому поводу не обсуждается.

Должна сказать, что я испытываю облегчение.

— Ты доверишься мне, если я приглашу тебя в одну из этих комнат?

— Да. — Мой голос пронизан опьянением от эротических фантазий.

— Ты доверишься мне, если я доставлю тебе удовольствие?

— Да. — Сейчас я почти задыхаюсь.

— Ты доверяешь мне? — спрашивает хрипло.

Его тон заставляет меня чувствовать себя распущенной, желанной.

И в этот раз нет никакого «ты доверишься мне, если...»

Всего лишь простой вопрос.

Моё сердце скачет, пропускает удар.

Я понимаю, что Нейт пытается мне сказать.

— Да, я доверяю тебе. Да, я верю тебе. — Я хватаю его за волосы и притягиваю к себе, чтобы встретиться с его взглядом. — Только, пожалуйста, никогда не произноси больше «передергивают».

Глубокий голос Нейта превращается в слабый смешок, и от магнитного притяжения его интонации мне хочется находиться к нему ещё ближе.

— Я высказал свою точку зрения.

— Мистер Хэнсон, — сладкий сексуальный голос звучит позади меня.

Я поворачиваюсь, чтобы увидеть сногшибательную женщину с широкой улыбкой. Должно быть, Хозяйка.

— Ты уверена, что не хочешь поехать домой? — шепчет Нейт мне на ухо.

Домой.

Поехать домой... с ним.

Чувство безопасности окутывает меня, словно теплое одеяло, но я отталкиваю его, сбрасывая с себя.

Я оборачиваюсь к нему.

— Я хочу остаться здесь. Хочу испытать то, что тут происходит.

— Любопытство сгубило кошку, — бормочет он.

— К счастью для меня, я всего лишь котенок.

Он издает слабый звук, который пронзает мои уши, словно громкий шум. О, Господи, пантера на охоте.

— Мистер Хэнсон. — Глаза женщины практически пожирают его. — И Гостя, —

добавляет она застенчиво, обращаясь ко мне взглядом, бегло осматривая меня. Я не обижаюсь на то, как она назвала меня — но то, каким образом она пялится на Нейта, не буду лгать, заставляет меня позеленеть. Звание Гостя могло быть в интересах конфиденциальности. Но взгляд с другой стороны заставляет меня задуматься, не думает ли она, что мы попросим её присоединиться к нам.

Мы не станем этого делать.

Я не собираюсь его с кем-либо делить, не важно, где бы мы ни были. Я собственница и единственное, что поддержит меня — это договор. Молчание — да. Связывание — определено, просто не с юридической точки зрения. Эмоциональная связь — безусловно.

Нейт кивает ей в ответ.

Я одариваю её вежливой, но всё же натянутой улыбкой.

— Следуйте за мной. Главная Ванная Комната готова.

Главная Ванная Комната?

Мой пульс отдаётся в каждой точке моего тела. Кровь с бешеной скоростью мчится по венам. Я молюсь, чтобы никто не заметил, как я тяжело дышу, но боюсь, что это невозможно. О, Господи, Нейт подумает, что у меня ещё одна атака. Я должна успокоиться.

Дзен. (прим. перев. «Дзен «Zen» — обозначает отрешенность от бытовых мелочей и погружение в духовные практики.)

Медитируй.

Я собираюсь принять с ним ванну, огромную заполненную пузырями ванну, находясь меж его бедер, лежа на его груди, с его пальцами в моих волосах. Мы обнаженные, при включенном свете и, возможно, даже с зажженными свечами.

Женщина в обтягивающей черной юбке-карандаш и топ-бюстье, проводит нас по ещё одному коридору с легкой, успокаивающей музыкой, играющей над нами, но это все обманчиво. Такое чувство, будто я нахожусь в спа-салоне, но я знаю, что это не так. Сейчас я в секс-клубе для того, что бы заняться сексом с мужчиной, который примерно ещё тридцать минут назад продолжал отталкивать меня.

Возбуждение вращается вихрем в моем животе.

Мы проходим комнату с табличкой, на которой выгравировано «Бильярдная комната». Огромное стеклянное окно позволяет мне увидеть, что происходит внутри. От одного быстрого взгляда, мои щеки начинают пылать — обнаженные пары играют в бильярд. По крайней мере, я могу видеть всё, что происходит. Мы проходим другую комнату с названием «Главная Спальня» с пометкой «Не беспокоить» на двери. Я даже не хочу представлять себе, что там происходит. Мои глаза оценивают каждую деталь, каждое произведение искусства, цвет отделки и мерцающий свет коридора. Это прекрасное место. Впереди я вижу непрозрачную стеклянную дверь с написанными на ней словами «Главная Ванная Комната».

Хозяйка останавливается на своих очень высоких каблуках и поворачивается к нам. Её полная грудь привлекает внимание.

— Все ваши пожелания были учтены.

Пожелания?

Какие пожелания?

Возбужденный вихрь, который я ощущала ранее, превращается, словно в укол булавкой.

О, боже мой, что если Нейт ошибался, и за нами будут наблюдать люди? Присоединятся ли они к нам? Хочу ли я этого? Всего этого? Или же не хочу?

Единственное, в чем я уверена, что я не хочу, чтобы люди присоединились к нам. Я для

себя это уже решила.

— О, боже, — говорит Хозяйка и смотрит вниз на свои ноги, — кажется, кто-то не выключил воду, там, похоже, произошёл потоп.

Вода просачивается из двери. И с лишней водой выходит моя сексуальная фантазия, наполненная мыльным, скользким пузырьком. Хозяйка начинает что-то печатать на своем телефоне, ни на секунду не теряя самообладания.

— Мне так жаль, но это легко поправимо. Следуйте за мной, мистер Хэнсон, и я провожу вас в Комнату обучения.

Нейт сжимает мою руку.

— Где ты была пару минут назад?

— С тобой, — шепчу я, поднимая свои глаза.

Нейт смотрит на меня, подняв свою бровь.

— Нет, это не так.

— Вот мы и пришли, — говорит Хозяйка. — Извините за причиненные неудобства.

Нейт и Хозяйка обмениваются зашифрованными словами, но мой разум блуждает по мягким и жестким ограничениям, боли и БДСМ, и по тому обстоятельству, что я нахожусь в секс-клубе.

Секс-клубе, в котором мой брат работал, выполнял... ладно, я пока что не уверена, чем он занимался.

Я, должно быть, слишком много читала книг на эту тему. И в них обычно применялись флогеры, кнуты, анальные пробки, наручники, повязки на глаза.

О, Господи, думаю, некоторые из этих вещей оставляют следы на теле.

— Эй, — Нейт приподнимает мой подбородок. — С тобой всё хорошо?

Я моргаю и перевожу свой взгляд. Когда осматриваюсь, я понимаю, что мы остались одни. Хозяйка ушла, и мы стоим возле комнаты с тяжелой деревянной дверью перед нами, и это единственное, что мешает нам остаться наедине.

— Будет больно? — спрашиваю.

— Ты хочешь, чтобы было больно? — удивляется Нейт.

Моё сердце колотится в груди.

— Я не знаю.

Он припечатывает меня к стене. Его губы приоткрыты. Руки погружаются в мои локоны, и он обхватывает мою голову.

— Я дам тебе всё, что ты захочешь. Всё, в чём ты нуждаешься, чтобы ощутить свободу и безумство. Я собираюсь превратить это лето в самое лучшее время твоей жизни. — Его слова словно прерывистый шепот, сопровождающийся поцелуями.

У меня начинает кружиться голова, я полностью опьяненная им. Все мысли о моей жизни и её неопределенности покидают мой разум, и остается только Нейт.

Притягивая сильнее за волосы, он целует меня глубже, рты сталкиваются и между нами вспыхивает огонь, в то время как наши тела желают оказаться ближе. Его тело ощущается горячим и твердым, моё — мягким и жаждущим, и это идеальное сочетание. Он тянет сильнее меня за волосы, и боль усиливается, но при этом его поцелуи становятся ещё более голодными, заставляя меня таять в небольшом омуте удовольствия под его прикосновением.

Он отклоняется назад.

— Ты этого хочешь?

Бабочки порхают у меня в груди.

— Да, — мурлычу я. — Я хочу этого, плюс всё то, что ты можешь мне дать. Я хочу всё.

— Бл*дь, — стонет Нейт, и ощущение, переполняющее меня, не похоже ни на что, что я чувствовала раньше.

Грубое, дикое желание — вот как я могу описать это. Нейт дышит прерывисто. Ему нужно всего лишь несколько минут, чтобы сосредоточиться, но когда его рука задевает мое бедро, меня пронзает электрический ток, и когда его колено трется о внутреннюю сторону моего бедра, тепло поражает мою кожу. Возможно, ему потребовались лишь мгновения, чтобы прийти в себя, но как только он выпрямляется, я остаюсь всё еще околдованной, дрожащей в тени его высокого, худого тела.

Наши взгляды встречаются, когда он ищет глазами мои глаза, и я теряюсь в них, наблюдая за ним, теряюсь, желая его.

— Ты готова? — Кивком головы он указывает на дверь.

— Готова.

Прямо сейчас моё тело наполнено множеством различных ощущений. Чувствую, что могу просто взорваться, если вскоре не наступит облегчение.

Он нажимает цифры на кодовом замке, и когда щелкает открывшийся замок, берет меня за руку. Пока мое сердце бьется, как после пробежки, он открывает дверь, и я захожу внутрь.

14 Глава

Обучения

Должно быть, сегодня вечером звезды совпали просто идеально, потому что, как только мы входим в комнату, я снова ощущаю себя персонажем «Великого Гэтсби». Эротические изображения ванной комнаты, что блуждали в моей голове, с легкостью заменены видениями Нейта, ударяющего своей рукой по письменному столу из тигрового дерева и бросающего меня на него. Нейта, прижимающего меня к стене с книжными полками, и обладающего мной. Нейта, укладывающего меня на персидский ковер и трахающего меня жестко и быстро.

Эта комната соблазнительная, притягивающая и интригующая, с соответствующими контрастными обоями, огромным креслом розового цвета и большим зеркалом в стиле арт-деко у самого комода, украшенного металлическими узорами, а также привлекательным паркетным полом.

Глазами я ищу что-нибудь необычное, и когда оборачиваюсь, то задыхаюсь от того, что вижу.

Одна сторона двери содержит прикрепленный черный стеллаж с крючками, на котором висят кнуты, цепи и флогеры. На другой стороне располагается какое-то сдерживающее приспособление. Мысль обо всем этом заставляет меня дернуться.

Глаза Нейта ловят мой взгляд.

— Я попросил, чтобы приспособление для связывания убрали, но это было до того, как нам внезапно поменяли комнаты.

Меня настигает облегчение. Неважно насколько я бесстрашна, знаю, что не смогу терпеть что-то похожее на это. И я рада, что Нейт согласен со мной в этом плане.

— Почему?

Смеясь, он хватает меня. Его теплое дыхание посылает дрожь по моей спине.

— Я никогда не смогу причинить тебе боль.

— Никогда. Даже если я попрошу тебя об этом?

Озорной огонек искрится в его глазах.

— Никогда. В любом случае, не таким способом. — Он кивает в сторону стеллажа, на который я уставилась, и обнимает меня. — Но моя рука, — он шлепает меня по заднице, — это другое дело.

Я подпрыгиваю, испуганная его шлепком, но одновременно, чрезвычайно возбужденная этим.

— Эй! — протестую.

— Ты не должна была приезжать сюда, не предупредив меня.

Он шлепает меня снова, на сей раз по другой ягодице. Покалывающие боли распространяются по всей моей задней части и устремляются прямо к моему лону, заставляя его пульсировать от желания. Нейт преодолевает расстояние, которое я проложила между нами, и его рука начинает ласкать мою попку. Я приготавливаюсь к еще одному удару, но вместо этого, он прикасается ко мне своими губами. Поначалу его поцелуй мягкий, пронизан только легким отчаянием.

Однако в то время как наши изголодавшиеся рты поглощают друг друга, интенсивность поцелуя усиливается. Каждое облизывание, посасывание и покусывание ощущается лучше прежнего.

Мой разум, словно на американских горках, взмывает высоко вверх и ожидает острых ощущений от падения вниз. Находиться в комнате клуба, где я знаю, остальные занимаются тем же, чем собираемся заняться и мы, кажется безнравственным, таким, чем я бы никогда не занялась до приезда в Майами.

Есть что-то на редкость эротическое в этом. Руки Нейта прекращают блуждать по моему телу, и когда он рывком сжимает мои бедра, я чувствую его возбуждение.

Его самообладание заставляет меня быть для него ещё сексуальнее, и это заводит меня самым восхитительным способом.

Я прикасаюсь рукой к его груди и отталкиваю. Его глаза как у пантеры впериваются в мои, и его рот ищет то, что принадлежит ему. Эта мысль заставляет каждый нерв моего тела скакать от восторга.

— Мне нравится, когда ты говоришь мне, что делать, — шепчу.

Нейт хватает меня жестче и снова прижимает к себе.

— Почему?

— Почему мне нравится, когда ты говоришь мне что делать?

— Да, Зои. Вот в чём вопрос.

— Потому что всю свою жизнь мне приходилось принимать решения, нести ответственность, делать правильный выбор. Но с тобой мне не приходится этого делать. Я могу быть свободной. И мне нравится это ощущение. Мне нравится, как я чувствую себя сейчас. Не знаю почему. Я не могу этого объяснить, но как и говорила тебе, благодаря знакомству с тобой во мне словно щелкнул какой-то выключатель, о котором я даже и не подозревала.

— То есть, ты не против, если я накажу тебя, когда ты провинишься?

— Жду не дождусь этого.

Своей рукой Нейт скользит вниз по подолу моего платья, чтобы еще раз погладить отшлепанное место.

— Уверена, что хочешь поиграть в эту игру?

Всё моё нутро пылает, и это такое приятное ощущение.

— Разве это игра? Тебе нравится всё контролировать. Ты никогда не отказываешь себе в этом. Я просто хочу дать тебе понять, что мне нравится это.

Он проводит руками по бретелькам моего платья.

— Я, правда, расстроен, что ты приехала сюда, не предупредив меня. Прокрадываешься в мою комнату, проникаешь в мой телефон, чтобы забронировать столик в клубе. Общаешься с другими мужчинами в этом платье.

— Три пункта. — Шепчу я. — И всего лишь два шлепка.

Он хохочет.

— Разумеется, ты пытаешься считать.

— Просто говорю.

— Ты ненормальная, знаешь об этом?

Я пожимаю плечами.

— Надеюсь.

— Думаю, на сегодня достаточно, — бормочет он.

— Как скажешь. — Мой голос тише шепота.

Моя грудь плотно прилегает к его груди, но свободной рукой ему удастся не задеть мой медальон и проскользнуть в ткань моего платья. Когда Нейт касается моего обнаженного соска, из его горла вырывается шипение, и он переключает своё внимание.

— Твою мать, ты не надела лифчик.

Я киваю, пытаюсь подавить свой стон от того, как он сильно щиплет мой сосок.

Слегка надавливая, другая его рука скользит вниз к изгибу моей задницы, одновременно с этим его пальцы продолжают пощипывать мой сосок. Я не могу сдержаться и «О, боже, это так приятно» отдается эхом в комнате.

Его язык тянется вниз по моей шее, по пути слегка посасывая, и когда Нейт возвращается к моим губам, он покусывает меня зубами. Я открываю свой рот, чтобы впустить его, и он ласкает меня своим языком, целуя сильнее, грубее и глубже.

— Ты действительно хочешь остаться здесь? — тихо интересуется он перед тем, как наброситься на мой язык, мои губы и на весь мой рот.

Своими руками я пробегаюсь вверх и вниз по его спине, горя желанием забраться под ткань его рубашки, и теперь моя очередь облизывать и посасывать, спускаясь вниз по его шее.

— Почему ты не хочешь?

— Я лучше отвезу тебя домой в свою постель.

Я кусаю его в том месте, где соединяются его плечо и шея, и он стонет.

— Я хочу столько, сколько ты сможешь дать, и я возьму столько, сколько смогу. И я предпочел бы сделать это в своем собственном доме.

От такой мольбы в его заявлении, моя плоть сжимается, и возбуждение прожигает меня насквозь. Я откидываю голову назад, и из-за этого мой рот теряет связь с его шеей.

— Что скажешь? — Он возвращает себе контроль и облизывает моё ушко своим влажным, скользким языком.

Пока я молчу, его рука соскальзывает с моей груди.

Я тотчас же теряю его обжигающее прикосновение.

Но потом его ладони на моей спине, Нейт подталкивает меня к себе, удерживая меня на

месте самым великолепным искусным образом. Наши тела так плотно соприкасаются, что мой медальон врезается достаточно глубоко в кожу, и я абсолютно уверена, если бы я была голой, он бы оставил отпечаток.

— Это таким способом ты хочешь отвязаться от меня?

Я ощущаю эрекцию в его штанах, когда он толкается своими напряженными бедрами.

— Разве на это похоже?

Я отворачиваюсь и затем оглядываюсь через плечо, чтобы улыбнуться ему. Обдумывая всевозможные варианты, я подхожу к серебряному подносу с куполообразной крышкой. Он расположен на столике возле кресла. У меня пересыхает в горле, и я предполагаю, что под крышкой должна находиться какая-то еда и питье.

Когда я хватаюсь, чтобы приподнять модную серебристую крышку, Нейт кричит,

— Не вздумай!

Он бросается ко мне.

Слишком поздно.

Под крышкой нет никакой воды, никакой чаши с фруктами, нет взбитых сливок, а скорее пара металлических наручников и черная шелковая повязка на глаза.

Мерцает купол и свет излучает крошечные искры вокруг комнаты. Я смотрю на блестящие хромированные кольца. Хочу ли я, чтобы у меня отняли возможность свободно касаться его?

Мне нужно подумать об этом.

Мой взгляд мгновенно останавливается на повязке, такой мягкой, гладкой, плотной. Желая ли я, чтобы моему зрению что-либо препятствовало? С завязанными глазами я ничего не смогу увидеть. Не смогу за ним наблюдать, не увижу выражения его лица. Другие мои органы чувств должны будут компенсировать потерю зрения. Ощущение прикосновения должно стать более чувствительным, и я смогу почувствовать его с наибольшей интенсивностью. Мой слух обострится: и его стоны, и тяжелое дыхание, которые, похоже, доводят меня до крайности, будут звучать громче. И его вкус будет...

— Зои. — Он хлопает крышкой вниз. — Это не для нас. Такое обычно во всех комнатах.

Я смотрю на него.

— Ты раньше использовал что-нибудь из этого?

Нейт опускает взгляд и по моему телу, словно огонь, распространяется беспокойство.

Никакой лжи.

Мы договорились не лгать.

Своей рукой он проводит по волосам и затем приближается ко мне.

Я делаю шаг назад.

Он всё ещё придвигается ближе, но я снова отступаю.

Когда он приближается вновь, моя спина прижимается к прикрепленному стеллажу, и я уже не уверена, так ли важен его ответ.

Но потом он опирается рукой о стеллаж позади меня и слышится звон одного из прикрепленных к нему наручников.

— Ты действительно хочешь, что бы я ответил на этот вопрос?

Во рту у меня сухо и я сглатываю.

— Да.

Своим дыханием он колышет пряди моих волос.

— Да.

Мой пульс отдается в каждой частичке моего тела. Кажется, я и так это знала.

— Что если я хочу, чтобы ты использовал их на мне? Сможешь?

Он смотрит на меня сверху вниз, и хотя я не поднимаю своих глаз, я чувствую тяжесть его пристального взгляда.

— Это то... чего ты хочешь?

Другая его рука прислоняется к стене, и все мое тело вибрирует, пока мои ладони вжимаются в свободные отверстия.

— Честно говоря, я не знаю.

Скользя своими руками к моим бедрам, он притягивает меня ближе.

— Нет необходимости решать это прямо сегодня. — Хриплая, сексуальная интонация в его голосе посылает электрическую молнию по моему телу. Он прижимает меня к стене и врзается в меня своими губами. Целует меня с такой страстью, что поцелуй становится не просто поцелуем. Язык, зубы и руки — это всё он. И поцелуй его опьяняет меня, вызывает головокружение, и я теряюсь во времени. Своим ртом он скользит вниз по мягкой коже моего плеча, и я вдыхаю его аромат, пока он, поднимаясь обратно вверх по моей шее, целует, облизывает и посасывает её.

Не думаю, что когда-либо мужчина облизывал меня прежде, так же как и я, никогда не облизывала мужчину, но я хочу, чтобы он причмокивал от наслаждения, и я хочу сделать для него то же самое.

Нейт вновь сливается с моими губами с таким голодом, что это может являться только настоящим желанием.

Я не в состоянии больше контролировать себя, и мои руки порхают по его груди. Когда провожу по линиям его мышц, я чувствую его мягкую кожу, ощущаю все его стройные очертания.

Он хватает мои руки.

— Ты хоть представляешь, как сильно я хочу оказаться внутри тебя прямо сейчас? — рычит он.

— Я тоже этого хочу, — отвечаю, с жадностью поглощая его поцелуи, будто самые лучшие куски шоколада, которыми просто не могу насытиться. Я обхватываю его лицо руками. — Если я сейчас уеду с тобой отсюда, у нас будут ещё другие ночи?

Он упирается своим твердым членом в моё бедро.

— Разве это не ответ на твой вопрос?

Ещё одна волна желания пронзает меня.

От мысли о том, что у нас будет множество ночей, мне хочется прыгать от счастья, пока я стою неподвижно.

Его руки скользят вверх по моей спине и дергают меня за волосы, оттягивая небольшое их количество вниз так сильно, что его рука останавливается на верхней части моей задницы.

Обожаю, когда ему нравится играть с моими локонами.

Его длинное, стройное тело прижимается к моему, пока руки блуждают по каждому моему изгибу, каждой частичке моего тела.

— Мне очень жаль, что здесь нет долбаной кровати, — бормочет он.

И я смеюсь. Я предлагаю ему себя так, как он желает меня. Я уязвима, принадлежу ему, и он может делать всё, что захочет, и он хочет трахнуть меня на кровати. И тогда я решаю, что, да. Да, я хочу, чтобы он забрал меня домой. Я также принимаю и другое решение. Я

хочу знать, что значит подчиняться его контролю. Знаю, что могу доверять ему. Вздохнув, я говорю:

— Забери меня домой. Но, чтобы ты знал, я хочу использовать их: и повязку, и наручники, но не сегодня.

Нейт расплывается в невероятной улыбке, от которой моё сердце колотится сильнее. Он сильно и грубо сжимает мои бедра и трется об меня своим твердым членом, и как только я это понимаю, всё на свете исчезает. Всё что я хочу, всё, в чём я нуждаюсь, прямо сейчас упирается в меня.

Он прижимается губами к моему уху и скользит вокруг него своим языком.

— А ты упорная в переговорах, — шепчет он, и я всё ещё чувствую его шаловливую улыбку, когда его язык прикасается к моему уху. — К счастью для тебя, сегодня я настроен на переговоры. И я принимаю сделку.

По моей спине пробегают мурашки. Я так сильно хочу заниматься сексом с ним этим летом, проводить с ним этот отрезок времени. И на мгновение, не могу поверить, что это и есть моя жизнь.

Но только лишь на мгновение, потому что потом его рука прижимается к моей пояснице, и я понимаю...

Всё по-настоящему.

15 Глава

Освобождение

Каждый день может быть моим последним.

Вера, надежда, любовь.

Заклинания, предсказания, гороскопы.

Полнолуния, падающие звезды и исполнение желаний.

Ничто не изменит мою жизнь.

Подсознательно я понимаю это.

Оглядываясь назад.

Ощущая внутри себя.

Ожидая опасность на каждом углу.

Там моя судьба, путь, которой уже предначертан.

У меня нет надежды на то, что я могу изменить её, и никто не может переломить ход судьбы.

Так ведь?

Поэтому, когда Нейт попросил меня провести с ним летом, я не раздумывала долго. Мой внутренний голос говорил мне перестать жить, будто умираю, и начать жить так, словно каждый мой день является последним, чтобы с пользой провести оставшееся для меня время.

То же самое Нейт сказал мне прошлой ночью.

Конечно, у меня есть планы, которые я хочу выполнить.

Париж весной.

Летом — Лондон.

Нью-Йорк осенью.

Колорадо зимой.

Но Нейт, он первый и последний в моем списке. И, да, у меня есть жизнь, которую мне осталось прожить. Я знаю это. Но моя работа и домашние дела могут подождать. Возможно, смерть все ещё витает надо мной, но я попробую засунуть как можно подальше её нашептывания и сконцентрироваться на «здесь и сейчас».

Начиная с этого момента.

Пока я гоню прочь свои темные мысли, то впервые замечаю на плите черную сажу, и мой взгляд приземляется на то, как сексуально Нейт крутится на кухне, приготавливая сэндвичи в полночь. Несмотря на то, что спальня была первым пунктом в моем списке, видно, что Нейт не хотел торопиться, поэтому я согласилась с ним, что мы должны поесть, когда приедем домой.

— Не могу поверить, что ты ни разу не пробовала кубинский сэндвич. — Нейт открывает холодильник и вытаскивает множество прозрачных контейнеров, подписанных зеленым цветом «Пабликс Дели».

Я смеюсь и указываю на бумажный вигвам на столе, расположенный рядом со старой тусклой вафельницей, которая выглядит неуместной в блестящей кухне.

— Судя по инструкции, которую тебе оставила Роза, готова поспорить, что ты ни разу до этого не готовил кубинский сэндвич.

Он бросает мясо и сыр на стол, затем качает головой тем очаровательным способом, которым не передать словами. Он вертит вправо-влево головой, опускает подбородок, прикрывает на мгновение свои глаза, но самое сексуальное — это сопровождающая ухмылка.

— На твоём месте я бы не стал этого делать. Ты только проиграешь. Я вырос на сэндвичах, в основном на кубинских. Просто я не готовлю их так же, как Роза.

— Они вкусные?

Он потирает свой живот и смотрит на меня.

— Лучшие.

Не могу сдержаться и ухмыляюсь ему.

— Тогда не могу дождаться. Могу я помочь?

Нейт изучает рецепт, написанный для него Роза.

— Думаю, я справлюсь. Просто присядь.

Я прислоняюсь к столешнице поближе к нему, чтобы понаблюдать за представлением.

— Мне и тут хорошо.

Его глаза сканируют моё тело, будто я чем-то могу отвлечь его от выполнения миссии, но затем он пожимает плечами.

— Как хочешь.

Я смеюсь.

— Я заставляю тебя нервничать, находясь так близко? Боишься, что не справишься с этим?

— Я всегда справляюсь, — говорит он подмигивая.

Он дразнит меня, но жар все еще охватывает мое тело. Импульсивно я наклоняюсь, чтобы поцеловать его.

— Я не сомневаюсь.

Он снова очаровательно качает головой, и я запоминаю этот момент на будущее.

Чувствуя себя слишком эмоциональной из-за какого-то глупого подшучивания, я решаю

поменять тему.

— Расскажи мне, что тебе известно о Художнике? — спрашиваю.

Разделочная доска спрятана за вафельницей, как будто Роза оставила её там для Нейта. Он берет её и ставит на столешницу прежде, чем открыть ящик.

— Я действительно ничего не знаю.

— Оливер говорил, что это прозвище звучало так, будто могло ассоциироваться с «Особняком». Что он имел в виду?

Извлекая зазубренный нож, Нейт тянется к багету, который лежит в коричневом пакете рядом с вафельницей.

Роза действительно всё сложила для него. Это является довольно милым, будто Нейт беспомощный. Но я знаю, что это не так.

— Оливер не должен был рассказывать тебе о чем-либо, что имеет к этому отношение. — Я слышу его раздраженный выдох, как раз когда он мнет бумагу, чтобы избавиться буханку хлеба от обертки. После того, как он закончил, кладет багет на разделочную доску и поворачивается ко мне. — Я знаю одно, что за каждым прозвищем скрывается множество безымянных лиц. Хозяйка не просто женщина, которую ты видела сегодня вечером, есть и другие, которые выполняют ту же самую роль, как она. Также существуют Дворецкий, Бармен, Девушка с Сигарой — все они одинаковые, все эти должности выполняет больше, чем один сотрудник, и «Особняк» нанимает их всех. Кроме того, есть должности, которые можно получить, заключив контракт.

— Контракта?

— Да, эти люди оформляют свои собственные договора с клиентами и платят сбор в «Особняк».

Он поворачивается обратно к багету и разрезает его на половинки около восьми дюймов в длину.

— И Художник мог быть одним из тех, кто заключал контракт? Им разрешается доступ в клуб в обмен на их сбор?

— Я так полагаю. — Он разрезает каждый кусок посередине. Кажется, его руки немного дрожат.

Я запрыгиваю на стол, чтобы успокоить свои дрожащие ноги.

— Какие другие профессии допускаются в... обслуживании потребности клиентов?

Нейт вновь открывает холодильник и на этот раз достает банку с солеными огурцами, желтую бутылку с французской горчицей и пачку масла. Когда он все это укладывает на стол позади меня, переводит на меня свой взгляд.

— Я знаю, что существует Фотограф, Массажист, Парикмахер, Стилист.

— Ты знаком с кем-нибудь, кто, возможно, знает, чем он занимался?

— Послушай, Зои, я действительно не в настроении это обсуждать. Я сказал, что разберусь. Давай сменим тему.

В то время как он покрывает каждый кусочек хлеба горчицей, единственный звук в комнате — это шум ее выдавливания из желтой бутылки. Когда Нейт ставит пластиковую бутылку на стол и начинает открывать крышку банки с маринованными огурцами, я накрываю его руку своей.

— Нейт, пожалуйста, расскажи мне. Я просто хочу понять, чем занимался мой брат, чтобы заработать такие деньги.

Рывком, он одергивает свою руку и пристально смотрит на меня.

— Разве не это ты выясняла сегодня вечером? Что ещё тебе нужно знать?

— Всё. Всё, что угодно. Это может не иметь для тебя смысла, но я хочу понять гораздо больше. Я хочу знать, к чему он был причастен. Как он ввязался в это. С кем работал. Что именно делал.

— Господи, Зои, я думаю, что ты достаточно умна для того, чтобы не обсуждать это подробно. — Он опускает свой взгляд и распределяет огурцы поверх горчицы до тех пор, пока ее практически не видно.

— Я не говорю о сексе. Я говорю насчет остального.

До того, как он отвечает, звонит его телефон. Нейт вытирает руки полотенцем и вытаскивает телефон из кармана.

— Дай мне минутку. Мне нужно ответить.

— Да, конечно. — Я спрыгиваю со стола.

— Алло, всё хорошо? — спрашивает он и идет по коридору в сторону своего кабинета.

Я прислушиваюсь, несмотря на то, что не должна.

— Да, кое-что стряслось, и я не смог приехать сегодня.

Пауза.

— Скажи ему, мне жаль, что я не позвонил.

Вздых.

— Конечно же.

Ещё пауза.

— Эй, пап, со мной всё хорошо. Нет, погода отличная, я не из-за этого не приехал. У меня появилось дело, о котором нужно было позаботиться.

Ещё один вздох.

— Слушай, может, я утром принесу тебе кубинский сэндвич, приготовленный Розы? Ты можешь попросить, чтобы сиделки разогрели его для тебя на ланч.

Слышится постоянный шум, как будто он постукивает пяткой по стене.

— Да, обещаю, что позвоню в следующий раз.

Еще больше шума.

— Спокойной ночи, отец.

Ещё одна пауза.

— Да, я тоже люблю тебя.

Нейт возвращается на кухню несколько минут спустя, пока я нарезаю другой ломоть багета.

Он вопросительно на меня смотрит.

— Извини, я не хотела подслушивать, но слышала, как ты сказал, что принесешь своему отцу сэндвич.

Он пожимает плечами и кивает, чтобы я пододвинулась.

— Спасибо. Не беспокойся об этом.

— Розы рассказывала мне, что твой отец жил здесь до того, как попал в дом престарелых.

Нейт быстрее начинает дорезать хлеб.

— Он жил здесь. На протяжении нескольких лет. Но в последнее время я понял, что не смогу заботиться о нем. Он нуждается в круглосуточной опеке. Я понимал, что его болезнь Альцгеймера начала сказываться на нем, и он больше не мог здесь оставаться — это было небезопасно для него. Я вынужден был найти место, где он мог бы находиться под

присмотром.

— Мне так жаль.

Нейт открывает контейнер со швейцарским сыром и кладет кусочки поверх солений.

— Дерьмо случается. Но он действительно находится в хорошем месте. Иногда, когда я появляюсь там, он понятия не имеет, кто я такой. Но в большинстве случаев, например, как сегодня, рассчитывает на мой визит.

Печаль в его голосе повествует мне о том, о чём словами невозможно передать. И меня поражает чувство вины. Причина, по которой он не смог увидаться с отцом, — я.

— Мне жаль, что ты не увиделся с ним сегодня.

— Я поеду завтра утром.

— И мне добавь, — говорю я, прежде чем он закрывает контейнер с сыром.

Он поднимает взгляд и ухмыляется.

— Ты любишь сыр?

Я киваю.

— Шоколад и сыр — моя любимая еда. На самом деле, я думаю, что сыр и шоколад должны входить в отдельные группы питания.

Он скатывает кусочек сыра и протягивает к моему рту. Я открываю рот для того, чтобы он покормил меня, и тот самый знакомый голод появляется незамедлительно.

— Я не уверен, что в шоколаде имеются питательные вещества, — шутит он.

Я ахаю в притворном ужасе.

— Да будет тебе известно, что в черном шоколаде полно минералов, а также растворимой клетчатки.

Он очень долго смотрит и затем хватается за меня и врезается своими губами в мои. Это такой неожиданный ход. И Нейт отстраняется от меня, пристально смотря на мои распухшие губы.

— Если ты будешь проводить лето в Майами, я хочу, чтобы ты оставалась здесь и спала со мной в моей постели.

Мою кожу покалывает крошечная дрожь.

Он отпускает и смотрит на меня, как будто ждет ответа.

Я и не думала, что должна была дать на это ответ, но произношу:

— Да, конечно, если ты уверен в том, что хочешь этого.

Он возвращается к сэндвичам и начинает складывать пополам ломтики ветчины и выкладывать их на другую сторону хлеба.

— Да, уверен.

Я жду, когда он повернется и встретиться со мной взглядом, но он сфокусирован на том, чтобы закончить начатое дело.

— Могу я когда-нибудь навестить твоего отца? Зак много про него рассказывал. Он говорил, твой отец очень помог ему, когда брат впервые оказался в Майами.

Поверх ветчины Нейт кладет ломтики свинины, которые меньше чем ветчина, и затем накрывает второй половинкой хлеба.

— Да, думаю, он был бы этому рад. — Я чувствую в его голосе улыбку, даже при том, что он так и не взглянул на меня. Вместо этого, он включает вафельницу и срезает стеклом масло тонким слоем.

— Что насчет твоей матери?

На этот раз он резко оборачивается и смотрит на меня.

— А что насчет нее?

— Она помогает с отцом?

Он опускает взгляд и намазывает слоями масло поверх багета и затем указывает на выдвижной ящик возле меня.

— Ты не могла бы это завернуть для меня?

— Конечно. — Я открываю выдвижной ящик и достаю пленочную обертку.

— Нет, используй фольгу.

— Ох, прости. — Я тянусь за «Рэйнольдс Рэп».

— Так прижимать легче.

Я киваю, хотя он и не смотрит на меня.

Пару мгновений спустя, Нейт говорит:

— Она ушла от нас, когда мне было семь лет.

Я прекращаю заворачивать сэндвич.

— Мне очень жаль. Я не знала.

— Не стоит. — Я тянусь к нему и чувствую слишком много печали в его голосе. Он пожимает плечами и в неудачном порыве отталкивает мою руку, расположенную на его руке, чтобы положить сэндвичи в вафельницу. Как только они оказываются там, он с грохотом опускает крышку и нажимает на неё. Я, должно быть, уставилась на заляпанный металл, потому что, как только он поднимает голову, говорит: — Мой отец постоянно использовал эту вафельницу, чтобы надавливать на сэндвичи, которые он готовил для нас после того, как она ушла. Я знаю, что кажусь черствым по отношению к своей матери, но то, что она сделала, то, как она ушла, было непростительно.

Появляются деликатесы с хрустящей золотисто-коричневой корочкой, Нейт поднимает крышку и быстро извлекает сэндвичи. Он раскладывает их на тарелки и разрезает каждый по диагонали.

Я откладываю завернутый сэндвич и просто смотрю.

— Выглядят аппетитно.

Он кивает по направлению к холодильнику.

— Положи этот туда и захвати нам немного воды.

В его движениях есть что-то такое, что вызывает желание целовать его каждый раз. Так или иначе, мне удастся подавить это желание, пока Нейт прогуливается по гостиной, заходит за раздвижную стеклянную дверь и присаживается за стеклянный столик на веранде, покрытую крышей. Но как только он ставит тарелки и кладет салфетки на стол, я больше не в состоянии этого терпеть.

Когда он вытаскивает для меня стул, я обнимаю его и прижимаюсь своими губами к его рту. Вкус его губ, ощущение его языка, как он кусает мою нижнюю губу, перед тем, как прекращает поцелуй — всё, что я знаю о его губах, уже является таким знакомым, и я наслаждаюсь самой мыслью о том, что вот так проведу ещё два месяца.

Он, как по заказу, покусывает мою губу, прежде чем отстраняется.

— Нам лучше съесть их, пока они ещё горячие. — Он указывает своим подбородком на стол, и жажда, желанию и потребность — всё это кажется подавляющим.

Я сажусь и смотрю в свою тарелку, куда угодно, только не на Нейта.

И наконец, пульсация между ног начинает ослабевать, так как запах плавленого сыра поглощает мои чувства. Во всяком случае, один голод заменяется другим.

Тяжело жевать пока смеешься, но кое-как мне все-таки удастся. Нейт делится со мной историями об их с Заком приключениях за последние годы. Я знаю, что некоторые из этих историй преувеличены для пушного эффекта, потому что я уже слышана о них, но мне всё равно. Мне нравится слушать о безумных поступках, которые мой брат совершал.

Это позволяет мне чувствовать, будто он жил своей жизнью.

— Так, что насчёт тебя? — спрашивает Нейт, потягивая остатки своей воды.

Я отодвигаю тарелку.

— Что насчёт меня?

— Что держит тебя на правильном пути?

Я гримасничаю, пытаюсь не закатывать свои глаза от его терминологии.

Он изучает меня.

— Что?

Я пожимаю плечами.

— Правильный путь?

Он ухмыляется.

— Ты отрицаешь это?

— Нет.

Он ухмыляется шире.

— По крайней мере, я не назвал тебе так, как обычно твой брат — хорошая девочка.

— Хорошая девочка. — Я закатываю свои глаза. — Просто я хочу разрушить этот образ.

— Это то, что я собираюсь сделать? Парень, разврата которого ты хочешь?

— У тебя с этим какие-то проблемы?

Нейт высовывает язык и облизывает губы.

— Вообще-то, нет.

Я отклоняюсь назад и одариваю его своим самым соблазнительным взглядом.

— Тогда впереди нас ждет захватывающее лето.

Нейт отодвигается на своем стуле и тянет меня к себе между ног.

— Скажи мне, когда будешь готова начать.

Каждый волосок на моем теле встает дыбом.

Мой взгляд падает на него.

— Думаю, ты знаешь, что я была готова. Но если ты спрашиваешь меня, что же я хочу от тебя дальше, мой ответ — всё.

Он скользит руками у меня под платьем, быстро подхватывая, встает и уносит меня с собой.

— Хорошо. Давай начнем с того, что будем трахаться на моей кровати.

Мои руки и ноги обвиты вокруг его тела.

— Ты действительно очень волнуешься по поводу своей кровати, — мурлычу я.

От веранды он шагает в дом и смеется.

— Что, ты не думаешь, что это будет волнующе?

— Я этого не говорила.

Он сильно прикусывает мою губу.

— Не беспокойся, будет. На самом деле, я планирую сделать всё гораздо более волнующе и приятнее, чем в предыдущий раз.

Я задыхаюсь от восторга.

Нейт быстро преодолевает лестницу, и наши рты по-прежнему соединены в дикой потребности друг в друге.

Никто никогда не носил меня на руках в порыве страсти.

Я трепещу.

Нейт сильный, мужественный — настоящий мужчина. И я невероятно возбуждена.

Нейт ставит меня на пол.

— Раздевайся.

Он почти срывает с себя одежду, и я спешу за ним.

В комнате темно, она освещена только светом из зала, но даже в темноте я знаю, что он следит за каждым моим движением. Чувствую себя его добычей, и я обожаю это.

Как только мое платье спадает на пол, Нейт обхватывает руками мою талию. В следующий миг, я понимаю, что стою на коленях на кровати.

Возбуждение окатывает меня волной.

Грудью к груди, оба на коленях друг перед другом. Единственный звук в комнате — наше тяжелое дыхание. И в этот раз нет ничего нежнее, чем столкновение наших губ. Облизывания и поглаживания в равной степени отчаяния.

Я испытываю на себе его голод, понимая это по тому, как движутся его губы, нападая на меня с такой силой, которую никогда не чувствовала ни от кого ранее. По тому, как его рука располагается на моей спине, удерживая меня на месте, и как он задыхается, когда я прижимаюсь к нему всем своим телом.

Его завораживающий взгляд встречается с моим.

— Скажи мне, чего ты хочешь.

Необходимость в моем повиновении ему всплывает на поверхность. Я хочу, чтобы он играл ведущую роль. Хочу быть уверенной, что он знает об этом.

Со стоном Нейт медленно проводит языком вниз по моей шее, и в то же время его рука поднимается вверх по моему телу и встречается с его языком на моей груди. Он поднимает голову.

— Смотри на меня, смотри на то, как я ласкаю твои соски.

Я с жадностью смотрю вниз.

Он не теряет даром времени и тянет мой сосок к себе в рот, дразня меня своей лаской. С прикосновением мои соски сразу же вытягиваются. Они твердые и болят, и когда его большой палец проходит по другому моему соску, я резко вздыхаю.

Его легкие укусы как пронзительная боль, которую он заглушает с помощью своего языка, охватывая и посасывая мой сосок у себя во рту.

Я запрокидываю голову назад и стону.

— Тебе это нравится?

Всё, что мне удается ответить — тихое «да».

— Хорошо. — Он передвигается на другую сторону, где по новой начинает меня дразнить.

Мои колени ослабевают, поскольку удовольствие прокатывается по всему телу. Чтобы не шататься, мне необходимо опереться на его плечи.

Сочные губы прокладывают путь к моей шее, чередуя щипания и сосания.

Небольшая боль вслед за удовольствием заставляет всё мое тело дрожать.

Его рука смещается ниже и проскальзывает между моих бедер. Я уже мокрая насквозь.

Я чувствую и осознаю это. И как только он прикасается, я слышу звук удовлетворения, исходящий из его рта. Его кончики пальцев начинают кружить по моему клитору.

Мягкие, легкие прикосновения заставляют меня отчаянно желать большего. Жгучий жар поглощает меня.

Нейт погружает свой палец внутрь меня, как будто читает мои мысли.

— Так?

— Да, — выдыхаю.

Его прикосновение волшебное.

Мои пальцы проходятся по длине его члена и, клянусь, что когда прикасаюсь, ощущаю его пульсацию.

Между нами не существует никаких барьеров, пока мои пальцы следуют по его эрекции и, я чувствую себя свободной в действиях. Я сильно поглаживаю и не могу сдержаться. Он громко стонет мне на ухо, когда я обвожу его влажный кончик, и сотни крошечных стрел возбуждения стреляют прямо в моё лоно.

Со следующим биением сердца, Нейт прижимается ко мне своей грудью и опрокидывает нас вместе на кровать. Он издает рык и придвигается ближе. Обхватывая меня своими руками, Нейт скользит своим языком в мой рот. Как только его рот захватывает мой, я извиваюсь под ним, желая большего.

Моя голова обращена в сторону изголовья кровати, пока Нейт поднимает мои запястья одной рукой, а другой убирает локоны с лица.

Затем его губы исчезают, двигаясь вниз по моему телу, останавливаясь лишь только на моем животе, чтобы покружить возле пупка перед тем, как следовать дальше вниз.

— Держи свои руки над головой.

Я хочу прикасаться к нему, почувствовать щетину на его подбородке, запускать пальцы в его волосы. Сдерживаемая вот таким образом, я не в состоянии ничего из этого осуществить. Это делает меня уязвимой, обнаженной, но при этом меня переполняет предвкушение, волнение, и я очень возбуждена.

Нейт спускается медленно и чувствительно, но это так приятно. Он порывисто дышит над моим клитором, и моё тело напрягается в предвкушении того, что должно произойти. Когда своими пальцами он раздвигает мои половые губы, его язык погружается внутрь меня, и я забываю о своей необходимости прикасаться к нему.

Моё тело распадается на миллион кусочков — он словно доза, стимулирующая сексуальное возбуждение, и которой мне никогда не будет достаточно.

Нейт скользит своими руками под мои ягодицы и приподнимает меня прямо напротив своего рта, поедая меня с таким голодом, которого я страстно желала от него. Он с такой силой погружается в меня своим языком, что я чувствую, будто могу взорваться.

Он останавливается ненадолго, чтобы взглянуть на меня.

— Я хочу, чтобы ты наблюдала за этим. Почувствуй этот процесс своим разумом и своим телом.

Кивок головой — это всё, что я могу сделать. Прежде чем успеваю достаточно подумать над этим, его губы снова накрывают мой клитор.

Моя спина выгибается, и мои бедра раскрываются еще шире, принуждая его быть внутри меня так глубоко, как только возможно. Неожиданно его пальцы скользят в меня, но рот остается на моем клиторе, и эта двойная комбинация выталкивает меня туда, где я ещё ни разу не была. Туда, где удовольствие заставляет тебя забыть свое собственное имя.

Так я себя еще никогда не ощущала.

Опьяненная сексом.

Я хватаюсь за деревянное отполированное изголовье кровати, ударяю по нему, сжимая его так сильно, что слышен его скрип.

— Освободись. — Тон голоса Нейта хриплый и гортанный.

Из моего горла просачивается крик, поскольку всё, что существует во мне, исчезает.

Мое тело напрягается, и я прикусываю свою нижнюю губу, чтобы остановить звуки, которые не в состоянии контролировать. Но боль никак не отвлекает от удовольствия, что течет во мне. Если я считала, что когда-либо в своей жизни кончала, то ошибалась.

Это возвышенное чувство.

Нечто такое, что никогда не забудешь.

Ради чего стоит жить.

Что-то такое, что заставляет человека желать почувствовать это снова и снова. Теперь я понимаю, почему люди запираются в комнате на несколько дней просто, чтобы потрахаться. И я чувствую себя такой же алчной. Я хочу большего. Хочу чувствовать, как он наполняет, растягивает и входит в меня.

Я тянусь к его члену.

— Я сказал тебе держать свои руки на месте. Зои, ты должна научиться сдерживать себя.

Его голос звучит властно и если раньше я думала, что не подчиняться — это забавно, то теперь так не считаю.

— Прости.

— Никогда не используй эти слова, пока я трахаю тебя. Если ты не в состоянии сделать то, о чем я прошу, тогда я хочу чтобы ты загладила свою вину.

Я сглатываю, втайне радуясь.

— Как я могу это сделать?

— Я покажу тебе, когда наступит время. Хватит болтать. Сейчас мне необходимо оказаться внутри тебя. — Его голос охрипший и приглушенный, пока он поднимается вверх по моему телу своими губами. — Я собираюсь заставить тебя кончить снова, но на сей раз с помощью своего члена. Ты этого хочешь?

— Хочу.

Нейт встает с кровати и его взгляд на долю секунды фиксируется на мне. Я вижу в его глазах мгновенную мягкость и застенчивость, и это вызывает трепет в моем животе.

— Иди сюда.

Я делаю так, как он говорит, уже догадываясь о том, что там он будет руководить мной. Как только я опускаю ноги на пол, его руки обвиты вокруг меня, а губы прижаты к моим.

— Ты хотела прикасаться ко мне. Делай это сейчас, — приказывает он, прежде чем втягивает мою нижнюю губу в свой рот.

Я накрываю его грудь своими ладонями и скольжу ими вниз по его туловищу, прослеживая его четкие контуры. Дрожащими пальцами, я все ещё двигаюсь ниже, прочерчиваю линию его эрекции и затем поднимаюсь выше, прежде чем обхватываю его член. И тогда я начинаю доводить его до изнеможения. Это самое настоящее ощущение в мире, и его стон в мой рот заставляет меня задуматься, кончит ли он мне в руку. Но я ненадолго думаю об этом.

— Повернись.

Я не думаю. Просто делаю то, что он говорит.

Явный признак разрыва упаковки сигнализирует мне о том, что Нейт надевает презерватив. В следующий момент убирает руками волосы с моей шеи и заменяет их своими губами.

Обвив руками его шею, я наклоняюсь к нему и прислушиваюсь к его тяжелому дыханию.

Он как воздух, необходимый мне для дыхания.

— Опустись на свои ладони и сползи по кровати.

Когда я становлюсь на четвереньки, он руками сжимает мои бедра, притягивая меня обратно к себе, перед тем как скользнуть в меня, наполнить меня, заставить меня чувствовать себя еще более живой. Другой, ещё более громкий, вскрик по сравнению с прошлым, в порыве страсти выходит из моего рта. Он ощущается так приятно, и мне очень хорошо.

Нейт в быстром темпе толкается в меня и выскальзывает.

Меня и раньше трахали в такой позиции, но это ощущалось совсем по-другому. Мое тело принимает его член, словно мы идеально подходим друг другу.

— Теперь ты не против кровати? — Его тон высокомерен.

— О, да, — отвечаю я. Мой голос вибрирует, словно от вспышек радости, проблесков удовольствия, искр блаженства — все это исходит из глубины души и распространяется по всему моему телу, заставляя поджиматься пальцы моих ног.

Я нахожусь на грани своего оргазма, но не готова ещё покончить с этим. Я хочу перетерпеть это чувство экстаза. Не задумываясь, я немного отстраняюсь, и толчки Нейта становятся ещё глубже. Его хриплый стон звучит как музыка для моих ушей и лишь на мгновение его ритм сбивается. Я проделываю это снова, и на сей раз его стон — это сексуальный выдох, всплеск похоти, который высвобождает его собственные потребности.

Он хватается за мои бедра сильнее, и толчки становятся безумнее.

Мгновение спустя Нейт обхватывает рукой и растирает мой уже набухший клитор. Всё, что я чувствую, — это исключительный восторг. Я закрываю глаза, и фейерверки вспыхивают там, где я привыкла видеть только страх. Меня поглощает желание и съедает необузданная нужда, пока оргазм доводит меня до грани бессвязности.

Нейт утихомиривается и выпускает громкий гортанный стон, и в то же время за моими закрытыми глазами всё взрывается яркими красками. Он пульсирует внутри меня, и глубоко взрываясь, мы кончаем вместе. Кусочки моего разума, тела, души рассыпаются и собираются воедино снова и снова.

Это исключительно бурная радость, ощущение парящего полета высоко над облаками без намека на посадку на горизонте.

Именно так я всегда хотела себя чувствовать.

16 Глава

Пробуждение

Языки пламени облизывают мою кожу, словно жаркий поцелуй обжигает моё тело. Дернувшись, я просыпаюсь и осматриваюсь вокруг. Нет, это не огонь, это яркие пылающие лучи солнца, проникающего через стеклянные окна в спальню Нейта. Я тянусь через кровать

и хватаю свой телефон, чтобы проверить время — шесть двадцать утра.

Нейт — ранняя пташка.

Оглядываюсь вокруг. Наша одежда находится там, где приземлилась прошлой ночью, представляя собой маленькие кучки. Кроссовки и шорты Нейта также присоединились к этим кучкам. Должно быть, он отправился на пробежку, и я пропустила то, как он сбрасывал с себя одежду.

Улыбаясь этой мысли, я потягиваю, свои затекшие конечности и ухмыляюсь ещё шире, когда слышу, как барабанит вода в душе.

Он всё ещё здесь.

В данный момент, я нахожусь в подвешенном состоянии, так как те самые мелькающие картинки мокрого Нейта в душе, смешиваются у меня в голове. Я встаю и хватаю с пола его белую рубашку и заворачиваюсь в неё. Затем топаю в ванную и при виде Нейта в душе едва дышу.

Прозрачное стекло запотело и по гладкой поверхности стены душа стекает вниз вода, полностью блокируя мне вид, позволяя увидеть только контуры и изгибы его красивого силуэта.

Он проводит руками по волосам, споласкивая шампунь.

Я придвигаюсь ближе и наблюдаю, как с каждым движением напрягаются мускулы на его руках. Каждый дюйм обнаженного тела выглядит мощным. Весь его внешний вид выглядит плавным и манящим.

Когда он бросает взгляд в мою сторону, то расплывается в такой довольной и широкой улыбке, что моё сердце останавливается.

— Ты собираешься там стоять и наблюдать или хочешь присоединиться ко мне?

Моя водная фантазия, превращающаяся в реальность, отбирает каждый мой вдох, и я ошеломлена на мгновение.

— Зои. — Проговаривает он моё имя, словно его это забавляет. — Тыходишь?

Я киваю и, успокаиваясь, выскальзываю из его рубашки и затем приближаюсь к нему.

— Доброе утро. Ты ранняя пташка. Ты каждое утро просыпаешься так рано?

Мягкие губы касаются моего плеча, когда я прохожу сквозь одну из двух открытых арок в большую отделанную мрамором душевую.

При взгляде на него вблизи, такого голого, восхитительно мокрого и горячего по моему телу пробегают мурашки.

— Перед работой мне необходимо навестить отца.

— Тогда нам надо поторопиться?

Он кивает.

— Я собираюсь жестко и быстро оттрахать тебя прямо здесь в душе. Или ты не жаворонок?

Своими зубами я вбираю и прикусываю его губу, не то чтобы до крови, но достаточно сильно, и в то же время я тянусь и касаюсь уже твердого члена.

— Если я смогу так просыпаться каждое утро, то я готова им стать.

— Думаю, это можно устроить.

Я улыбаюсь Нейту, но затем он исчезает, и вслед за ним исчезает моя улыбка. Она появляется спустя мгновения, когда Нейт возвращается с уже развернутым презервативом в руке.

Своими руками он стремится прямо мне между моих бедер, и вскоре за ними следует

его член.

Он уже твердый.

Действительно твердый.

Его толчки быстрые, и когда он призывает меня обернуть ноги вокруг его талии, то погружается в меня настолько глубоко, что ничего подобного я не ощущала ранее.

Очень глубоко.

Оргазм настигает меня без предупреждения. Когда я кончаю, мои мышцы сжимаются вокруг его члена, и каждая моя часть распадается на тысячи частиц.

— Ох, бл*дь, Зои, в тебе так хорошо. — Нейт кладет свою голову на мою шею. Его стон, сексуальный голос, они отзываются в моем теле, растекаясь в удовольствии по моим венам. Ощущение настолько невероятное, что я не могу дышать и не могу думать. Все, что я в состоянии делать, — это чувствовать.

Чувствовать то, что я хочу.

Я провожу своей рукой по его мокрым волосам.

Он поднимает голову и находит мои губы. Поцелуй мягкий и нежный.

Я знаю, что никогда не забуду этого мгновения с ним.

— Мне пора идти, — бормочет Нейт в мои губы.

— Ты доставишь меня обратно в клуб сегодня вечером?

Он крепко притягивает меня к себе. Его смешок щекочет моё ухо.

— Не сегодня. Сегодня я отвезу тебя в другое место.

— Но я бы хотела вернуться в клуб. — Я прикусываю его губу.

— Не сегодня. — В ответ он кусает меня сильнее.

— Хорошо. Тогда, отвезешь меня на встречу со своим отцом?

Он качает головой и выходит из душевой. Хватая два пушистых полотенца, вручает мне одно.

— Ты задаешь с утра слишком много вопросов.

Он обматывает полотенце вокруг своей талии и покидает ванную.

— Нейт?

— Зои, мне пора идти.

Прежде чем просунуть свои руки в его рубашку, которую я ранее оставила на полу, вытираюсь и оборачиваю полотенце вокруг головы. Мягкая ткань приятно ощущается на моей коже, и я не сдерживаюсь и вдыхаю его такой знакомый, свежий и чистый запах. Нейт пахнет по-другому, не могу определить как.

— Мне нужно бежать, — кричит он из спальни, и я слышу стук его шагов вниз по лестнице.

И вот таким образом он уходит: ни «пока, сладкая», ни поцелуя в щеку, ни «хорошего тебе дня», ни «я буду скучать» или «увидимся вечером». Но опять же, мне не стоит ожидать чего-то большего. Речь идет о летней интрижке. И ничего другого, ни одна из наших сторон не хотела и, в любом случае, не обсуждала этого.

Дождь успокаивающе барабанит по стеклу, и я сижу на краю кровати, чтобы немного понаблюдать за ним.

И тогда я понимаю, что моё предчувствие не из-за Нейта. Это остатки моего семейного наследия, которое не перестает преследовать меня. Мрачные мысли не перестают кровоточить сквозь выстроенный мною щит. Я не проснулась с мыслью о том, что сегодняшний день может быть моим последним на земле, поэтому моё подсознание,

возможно, пытается наложить на меня свою тень.

Я стараюсь не думать об этом, стараюсь проникнуться надеждой, что расцвела во мне. Во мне существует некое желание, что если что-нибудь и случится со мной, то этого не произойдет, пока не закончится лето.

Я отчаянно желаю испытать с Нейтом другую сторону жизни, ту, где прикосновение властвует над эмоцией.

Не сдерживая улыбку, оглядываюсь на взбитые подушки и смятые простыни из-за прошлой ночи. Тяну подушку к себе и вдыхаю ее запах. Она пахнет Нейтом, как летний дождь. Именно так, как пахнет он.

Я поворачиваюсь на звук резкого вдоха.

Вот он стоит, прислонившись к дверному косяку, в черном костюме, серой рубашке, без галстука, держа латте в своей руке. С широко открытым и блуждающим взглядом, он шагает ко мне, и в воздухе витает запах летнего дождя.

Нейт ставит латте на стол, и я смотрю на него в удивлении.

— Я думала ты ушел. Я слышала, как дверь...

Прежде чем успеваю закончить, моя спина оказывается на кровати, и он подкрадывается ко мне.

В его глазах блестят озорные огоньки, пока он с легкостью касается своим ртом моего.

— Я забыл кое-что.

Полотенце спадает с моей головы, и его руки оказываются в моих волосах.

— Мой кофе? — смеюсь я.

Он облизывает мои губы, проталкивается между ними, затем поглаживает мой язык своим языком.

— Нет, не это. Я говорил тебе, что действительно не разбираюсь в этом дерьме. Я забыл сказать «пока», как следует

Я обнимаю его за шею и прижимаю к себе, пока наши рты соединяются в прощальном поцелуе, что ощущается так же хорошо, как и все, что я когда-либо видела в кино. Когда он прикусывает мою губу, я знаю, что наше время вышло. Нейт привстает на локтях и просто смотрит на меня, что кажется, как целая вечность. Затем отводит локон волос с моего лица.

— Ты действительно прекрасна.

В удивлении отвожу голову в сторону.

С ним я чувствую себя самым сексуальным созданием.

Он поворачивает обратно к себе мой подбородок.

— Я серьезно.

— Я верю тебе, — отвечаю, затаив дыхание.

Нейт проникает в мой рот и облизывает мою верхнюю губу, а затем всасывает её. Прежде чем соединиться с моим ртом в последний раз, он проделывает то же самое с моей нижней губой. Мягкий, и нежный поцелуй, сменяющийся другим, который я никогда не забуду.

— Думаю, ты должна кое-что знать. У меня никогда не было девушки.

— Никогда?

Он качает головой, и я замечаю немножко той его застенчивости, которую лишь мельком смогла застать.

— Честно говоря, я всегда видел в женщинах кучу обязанностей и еще больше страданий. Я не верю в любовь и брак. И я всегда думал, что именно поэтому женщины

хотят взаимоотношений... пока не встретил тебя.

Волосы спадают ему на лицо, и я убираю их.

— Знаешь, любовь — это слишком много обязанностей. Могу сказать, что это, вероятнее всего, довольно точное определение.

Он сухо посмеивается.

— Ты ведь не будешь пытаться залезть ко мне в голову со всей своей психологической болтовней?

Ещё немного я поглаживаю своими руками его мягкие и шелковистые волосы.

— Раньше я бы ошетибилась на подобное заявление. Но неважно, насколько мы попытаемся что-либо изменить, в итоге мы окажемся там, где должны быть. Поэтому, если тебе суждено быть с кем-то, это случится.

Нейт качает головой.

— Судьба.

Я киваю.

— Да, судьба.

Он садится.

— Давай останемся при своем мнении. Но я не верю в то, что чья-то судьба predetermined так, как считаешь ты.

— Но ты ведь понимаешь, что я верю?

— Понимаю, — шепчет он.

Я хватаюсь за свою кружку от безысходности, которую мне никогда не преодолеть.

Нейт поднимается с кровати и пересекает комнату. На этот раз он поворачивается.

— Я буду дома в семь.

Закон Мёрфи заключается в том, что «если какая-нибудь неприятность может произойти — она обязательно произойдет». Я всегда доверяла философии, и это сидит прямо в моей голове с «Ничто не бывает таким простым, как кажется вначале» и «Невозможно защититься от дурака, ведь все дураки так изобретательны!».

Позже тем же днем, мельком поглядывая на часы, я не ожидала увидеть, что уже семь сорок пять вечера.

Не очень поздно, но меня удивляет, что Нейт не позвонил. Я хватаю свой телефон и проверяю на наличие сообщения — ничего.

С глубоким вздохом, решаю позвонить ему. Звонок идет прямо на голосовую почту.

«Это Натаниэль Хэнсон. Оставьте сообщение».

— Привет, Нейт, это я. Просто проверяю как ты, чтоб удостовериться всё ли хорошо и не ошиблась ли я со временем.

Я вешаю трубку.

Одетая в вишнево-красное с глубоким декольте шифоновое платье, стянутое на талии и доходящее до середины бедра, я сижу за барной стойкой на кухне и сбрасываю свои туфли из змеиной кожи.

Гнев и страх.

Две эмоции, которые сидят во мне с тех пор, как мне исполнилось двадцать семь, нет, с тех пор, как умер мой брат. Но гнев, который я ощущаю прямо сейчас, — другой. Он не

пропитан страхом. Я должна быть осторожной и не позволять ему одолевать меня. Нейт мне ничего не должен, за исключением той же любезности, которую он выражает остальным.

В течение пятнадцати минут я пялюсь в пустой экран ноутбука моего брата, после чего приходит сигнал с его электронной почты. Я кликаю на Google Mail и жду, пока загрузится.

Этим утром я перенесла свои вещи обратно к Нейту и весь день разбирала электронные письма Зака. Единственная вещь, которую я обнаружила, и которая может помочь пролить свет на то, какова же роль Художника в этом клубе, находилась в электронном письме, которое отправил Зак на имя некоего Фотографа почти год назад. Он просил его о встрече. Фотограф ответил, что он тоже был бы рад с ним встретиться, и они договорились пересечься в кофейне Винвуда.

Не зная, чем бы ещё заняться, я отправила электронное письмо Фотографу с аккаунта Зака и объяснила, кто я такая. Я сказала ему, что хотела бы с ним поговорить, но старалась это сделать так, чтобы не спугнуть его. Пока идет загрузка и-мейла, я нажимаю на новый документ, не веря в то, что это ответ от Фотографа. Я читаю его.

От: Фотографа

Тема: Встреча

Дата: 2 Июля 2014, 19:19

Кому: Художнику

«Я был бы рад встретиться с вами в любое время. Я обычно нахожусь в «Танцевальном зале» каждые выходные между восемью и десятью вечера. Просто спросите бармена о Фотографе Лео. Он укажет вам в моем направлении».

Постукивая пальцами по столешнице, я перечитываю сообщение снова и снова.

В 8:10 я звоню Нейту ещё раз и вновь попадаю на его голосовую почту. Должно быть, что-то случилось на работе.

Я смотрю на экран телефона ещё несколько минут, и когда начинаю чувствовать себя немного раздраженной из-за того, что он не смог позвонить мне, решаю отправиться в «Танцевальный зал».

С перспективой узнать побольше о своем брате, я встаю, хватаю сумочку и направляюсь к выходу, чтобы встретиться с Фотографом.

17 Глава

Признания

Я выключаю радио в машине, и мой мозг воспроизводит вчерашнюю встречу с Джордан Скотт. Она слишком высокомерная. Не могу представить, как долго Зак терпел бы ее.

Когда звонит мой телефон, я уверена, что это Нейт и, и не смотря на экран, отвечаю:

— Привет, Зои. — На линии бодро приветствует голос доктора Рэймонд.

— Привет, доктор Рэймонд.

— Как ты? Прости, я не смогла раньше ответить на твой звонок. У меня сегодня просто убийственный график.

Пока я проезжаю мост, то замечаю, как от сильного ветра немного колеблются прочные знаки.

— Ох, не беспокойтесь об этом. Послушайте, я просто звонила, чтобы сказать вам, что я решила остаться на всё лето в Майами.

— Ты решила? Могу я спросить, что повлияло на твое решение?

— Несколько причин.

— Ты считаешь, что это разумно?

— Да. Нейт попросил меня остаться, и я хочу этого.

— Что побудило его сделать это?

— Вообще-то, я не уверена, но однажды я рассказала ему о своих страхах, касающихся Клуба 27, и всё изменилось. И я полагаю, что вы, должно быть, думаете, что это из-за жалости, но это не так. Он первый, кто не посмотрел на меня, как на сумасшедшую. Вместо этого, он сказал мне составить список того, что я хотела бы совершить в своей жизни. Знаете, он даже сказал мне, что этот список не был предсмертным, что я должна была взглянуть на ситуацию по-другому.

— И?

— Он прав.

— В таком случае, браво! Такой большой шаг для тебя.

— Не слишком-то обольщайтесь. Я не уверена, к чему это может привести.

— Это хорошо. По крайней мере, ты готова исследовать свои чувства за пределами узкого спектра, который ты, прежде чем уехать, создала для себя.

— Ну, не совсем. Он так же, как и я, не заинтересован иметь отношения, но готов помочь мне осуществить нечто такое, что я хотела бы испытать в своей жизни.

— Я рада слышать, что ты задумалась над этим. Поделишься со мной?

Мои щеки горят.

— Я не уверена, что могу говорить об этом по телефону.

Она тихо посмеивается, но мне слышен ее смех.

— Представь, что ты лежишь на моей кушетке.

— Мне нужен необычный секс. — Выпаливаю я.

На линии недолгое молчание. Затем она откашливается.

— Я не собираюсь спрашивать тебя о подробностях. Но хочу попросить действовать осторожно. Ты знаешь, что я полностью на твоей стороне. И я думаю, что смена обстановки и изменение темпа жизни — это именно то, что тебе нужно. Но помни, временно — означает «временно».

Когда поворачиваю на Оушен Драйв, я притормаживаю и попадаю в пробку.

— Я знаю об этом. Я не ожидаю ничего большего.

— Зои, мне бы хотелось сказать, что всё это замечательно звучит, но опять же, я бы посоветовала тебе соблюдать осторожность. Ты по-прежнему находишься в хрупком состоянии, и тебе меньше всего сейчас нужно какое-либо расстройство в жизни.

— Я понимаю, о чем вы говорите, доктор Рэймонд, но я знаю, что делаю.

— Надеюсь на это. — Её тон больше похож на озабоченность, чем снисхождение.

В поле зрения попадает неоновая вывеска «Танцевальный зал».

— Да, я обещаю.

— Ты нашла кого-нибудь, с кем можно пообщаться? Если нет, я могу поспрашивать и отправить тебе рекомендации.

— Нет. Но я надеялась продолжать сеансы с вами. И могу я звонить вам по моему расписанию визитов?

— Да, мы можем продолжать. Но подумай о том, чтобы найти в Майами кого-то. Это будет полезней для тебя.

— Хорошо.

— Береги себя, Зои, — говорит она и отключается.

Впереди зажигается красный свет, и я прикрываю глаза, думая о том, что только что сказала мне доктор Рэймонд. Но то, о чем я для себя договорилась с Нейтом, — это просто удовольствие и секс, и больше ничего. Я не окажусь еще более сломленной по возвращению домой. Как только меня осеняет мысль, мои глаза распахиваются: на самом деле, я размышляю о будущем, а не об ужасе Клуба 27.

Бип-бип.

Позади меня раздается сигнал, и я нажимаю на педаль газа. Пару минут спустя я останавливаюсь и оставляю машину под присмотром парковщика. Затем застаю в толпе, так как очередь сейчас длиннее, чем была прошлым вечером. Ладно, у меня есть выбор: подождать в очереди или невзначай сказать вышибале имя Нейта. Так как у меня нет никакого бронирования, значит, нет причины кому-либо говорить о Нейте.

Я выбираю не ждать.

Этой ночью прохладно и мое шифоновое платье раздувается во все стороны, вызывая свист зевак из толпы. Я слишком плотно прижимаю к своим ногам платье и подхожу к вышибале. Это не тот парень, который сидел прошлым вечером на диване, но похож на него. Своим взглядом он окидывает мое тело с головы до ног.

— Могу я вам помочь? — Он выставляет свою ладонь, таким образом, останавливая людей от попытки войти внутрь.

Им это не нравится.

— Привет. — Я откидываю волосы со своего лица, и моё платье устраивает небольшое представление.

Замечательно.

Я оставляю свои волосы в покое и начинаю теревать подол платья.

— Я здесь для того, чтобы встретиться с Фотографом.

Он хитро прищуривается.

— У вас есть карта посетителя?

— Я гостя Натаниэля Хэнсона.

Вообще-то, так оно и есть, во всяком случае, в его доме.

Вышибала пялится на меня, кажется целую вечность и затем, наконец-то, отсоединяет бархатную веревку и позволяет мне войти.

Кажется, имя Нейта здесь вполне знакомо.

Нейт говорил мне, что он не часто посещал «Особняк», но мы никогда не обсуждали «Танцевальный зал». Но почему-то образы Нейта в роли Джона Траволты в мерцании диско-шара совсем не соответствуют ему.

Я сомневаюсь, что он приходит сюда потанцевать.

В ушах отдается звук ритма популярной техно-музыки, мелодию, которой никак не могу припомнить. На моем лице играет улыбка, пока я наблюдаю за людьми, которые пришли сюда немного расслабиться и повеселиться.

Ещё рано и толпа только прибывает. Я направляюсь к бару и присаживаюсь на барный стул забавной формы. В этот раз я осматриваю бар немного дольше. В нем смесь арт-деко и техно — чувственная и привлекательная комбинация. Повсюду зеркала и блеск неоновых

оттенков в форме солнечных лучей. Это напоминает мне настоящую дискотеку семидесятых, только более современную «Студия 54» (прим. «Студия 54» (англ. Studio 54) — культовый ночной клуб и всемирно известная дискотека, прославившаяся легендарными вечеринками, жёстким фейсконтролем, беспорядочными половыми сношениями и непомерным употреблением наркотиков), сталкивающуюся с «Джетсонами» (американский научно-фантастический мультипликационный ситком студии «Ханна-Барбера»). В мультфильме отражены многие популярные идеи из фантастики середины XX века.)

— Что я могу вам предложить?

Я оборачиваюсь, и ощущение прохлады блуждает вверх по моим ногам.

Это платье немного короткое и не тянется вниз так, как остальные мои платья.

Когда я присаживалась в доме у Нейта, то не осознавала, насколько откровенно обнажалось мое бедро, но теперь я чувствую себя немного не уютно. Я наклоняюсь, чтобы снова потянуть вниз за подол своего платья, и, когда своими прозрачными рукавами достаю до гладкой ткани, мой кулон звякает о барную стойку.

Глазами бармен проходит прямо по моему глубокому декольте, и, между делом, вспыхивает его взгляд, когда в поле его зрения попадает мой телесный кружевной лифчик.

Не к добру это.

— Я буду клюквенный сок.

— С водкой?

— Нет, просто сок.

Он сжимает свои губы в ухмылке.

— Работаешь сегодня?

— Нет, — задыхаюсь я.

Он смеется.

— Я не это имею в виду. Просто большинство из тех людей, что приезжают сюда и не пьют, как правило, вынуждены вернуться к своей работе. И это всё.

По сравнению с женщинами, которые находятся здесь, я одета более скудно с одной стороны, но слишком вырядилась с другой. Мое платье короткое, но с рукавами. Когда я оглядываюсь, то вижу, что на большинстве женщин надеты какие-то костюмы, а их верхняя одежда отсутствует и выставляет напоказ их сексуальные, похожие на женское белье, топы. Юбки-карандаш и кофточки на бретельках, короткие свободного покроя юбки с узкими белыми блузками и брюки с прозрачными топами.

Скромно и сексуально, словно распутные библиотекариши.

Вообще-то, мне нравится то, как они одеты.

В следующий раз, когда пойду по магазинам, я учту это.

Вдруг мне становится интересно, помощница Нейта выглядит так же, как эти женщины?

В ушах громко барабанит сердце, мой разум воспламеняется от одной мысли и образа, который нельзя стереть: глаза Нейта закрыты, голова откинута назад, и его ассистентка или его секретарь, или как там её называют, стоит на коленях перед ним с плотно засаженным его членом у себя во рту, а на его лице то же самое выражение удовольствия, какое я наблюдала прошлой ночью.

— Держи. Только одна клюква. Не пей слишком быстро.

Я стряхиваю прочь изображение и, скреживая ноги, расслабляюсь.

Что со мной не так?

— Спасибо.

— Что-нибудь еще? Может быть, стакан воды к твоему соку?

Я посмеиваюсь и снова наклоняюсь вперед.

— Не подскажешь мне, где найти Фотографа?

Темные волосы бармена спадают на его лицо, и голубые глаза прищуриваются.

— Ты показалась мне знакомой. Ты была здесь раньше.

Я делаю глоток и смотрю на него.

— Не-а. Я здесь впервые, но у меня назначена встреча с Лео. Можешь показать мне его?

Его голубоглазый взгляд блуждает по мне, а затем застывает на моих глазах.

— Он сидит в кабинке возле танцпола. Светлые волосы, очки в роговой оправе. На нем клетчатый шарф.

— Благодарю. — Я отворачиваюсь и тянусь за своей сумочкой, чтобы заплатить за свой напиток.

Он делает взмах рукой.

— Не беспокойся. Это за счет заведения. Я буду здесь всю ночь, если ты передумаешь насчет него.

Я хочу сказать «это не то, что ты думаешь», но, не всё ли равно?

Я отхожу, а затем оборачиваюсь и вижу, что бармен пялится мне вслед, поэтому я быстренько машу ему рукой. Он подмигивает в ответ, и я просто вынуждена рассмеяться. Меня никогда не заботили клубы, у меня никогда не было на них времени, и в действительности, я никогда ими не интересовалась. Но в какой-то мере здесь можно свободно подойти к бару и привлечь к себе внимание. Неважно, платят ли привлекательному молодому бармену за то, как он ведет себя, но мне было приятно, что кто-то заигрывал со мной, хотя бы несколько минут.

Найти Фотографа оказывается легко.

Он находится там, куда направил меня милый бармен, и он один.

Я подхожу к кабинке, и на этот раз мои нервы в порядке.

— Привет, — я перекрикиваю музыку.

Он отрывает свой взгляд от телефона и поднимается на ноги.

— Привет, я Лео. Ты, наверное, сестра Зи?

— Зои, — я пожимаю его руку. — Приятно с тобой познакомиться.

— Присаживайся, — он кивает в сторону угловой скамейки.

Я ставлю на стол свой напиток и присаживаюсь.

Он заторможено улыбается, но как только улыбка расползается по его лицу, показывает на мой стакан.

— Могу я заказать тебе ещё?

— Нет, всё в порядке. Я еще не опустошила этот.

Он наклоняется ближе.

— Зои, чем я могу тебе помочь? Ты хочешь сфотографироваться?

Я отрицательно качаю головой.

— Жаль, я уже начал создавать образы у себя в голове.

— Прости, — я пожимаю плечами.

— Тогда, чем могу помочь?

— Я надеялась, что ты мог бы мне немного рассказать о бизнесе здесь. Как он работает?

— Значит... — он замолкает в раздумьях и затем придвигается ко мне ближе. — К

сожалению, здесь очень шумно. Ты заинтересована принять участие в бизнесе твоего брата? Ты об этом?

— Нет.

Он замолкает вновь, ожидая, что я отвечу больше, но я молчу. Складывается такое ощущение, что он не собирается рассказывать мне то, что я хочу услышать, значит, мы поиграем с ним в «кошки-мышки».

Я сверкаю своим взглядом, когда он делает глоток пива. На этикетке написано «Пивная Компания Винвуда». Бутылка черного цвета с фиолетово-белой этикеткой бросается в глаза. Он издает какой-то шум, пока ставит свою бутылку на место.

— Тебе придется сказать мне больше, крошка. Я не могу так просто взять и рассказать тебе всё о своем бизнесе, не понимая, зачем тебе это. Черт, я даже не могу быть уверен в том, что ты — это ты. Кто знает, ты можешь быть федералом, который собирается прижать меня.

Я встречаю его взглядом и стараюсь сидеть прямо, чтобы мое платье оставалось на месте.

— Я работаю в колледже и до недавнего времени никогда не слышала об этом месте. Так что, я могу обещать тебе, что я здесь не для того, чтобы прижать тебя.

Он смеется и пробегает пальцами вверх по моему бедру.

— Школьная учительница. Ох, я бы мог сделать такие обалденные фотографии.

Я смахиваю его руку прочь.

— Могу я быть честной?

— Есть какие-то другие варианты?

Я немного ерзаю на своем сиденье.

— Лео, я здесь для того, чтобы выяснить, чем занимался мой брат в «Особняк», а не по какой-либо другой причине, — говорю строго. Флирт этого мужчины меньше всего привлекает меня. Безобидный флирт милого бармена — это одно, но в мыслях у этого мужчины имеется конечная цель, в которой я не заинтересована.

Он откидывается назад и сверкает серьгой в ухе.

— Если ты до сих пор не выяснила о нем, крошка, я не уверен, что ты захочешь знать больше.

Я копошусь в своей сумочке и вытягиваю из нее карту моего брата. Ядвигаю ею по столу.

— Что представляет собой этот бизнес? Вот, что я хочу знать. Ты сможешь мне или нет?

Никто не может нас слышать, никто не в курсе, что мы обсуждаем, и все же, он медленно наклоняется и, опираясь локтем о стол, говорит:

— Мне нравился твой брат, поэтому я помогу тебе. Но на будущее, ты не появляешься в рабочее время в чьем-либо офисе, если не собираешься заниматься реальным бизнесом.

Рабочее время?

— Отлично, я буду признательна за всю информацию, которой ты сможешь поделиться. Его губы расплзаются шире, и мне кажется, что его лицо сейчас треснет от улыбки.

— Как насчет того, что я расскажу тебе немного о своем бизнесе? Ты можешь сделать любые, какие захочешь, выводы. Мне неудобно вести разговор о чужом бизнесе.

— Могу я вам принести другой напиток? — спрашивает нас девушка в топе и коротеньких шортах.

— Всё нормально, — улыбаюсь я ей.

— Принеси нам ещё по такому, — он поднимает свою бутылку.

— Я принесу прямо сейчас. — Она уходит, и Лео провожает взглядом её задницу.

По моей коже бегут мурашки.

— Я сделал это из-за тебя. Ты ведь так обо мне думаешь, верно? Что я какой-то озабоченный мудака, который никак не может оторваться от вида задницы.

— Нет. Ты ведешь себя как мудака, но я не совсем уверена почему. Я не являюсь для тебя угрозой.

Его взгляд светится.

— Бум! Ты определенно сестра Зи. Я просто хотел убедиться.

Я моргаю, и до меня начинает доходить, что он проверял меня, и я прошла этот тест.

— Вот, держите, два Винвудских пива. Наслаждайтесь, — официантка двигает бутылки по столу и отворачивается.

Он подвигается ко мне ближе.

Я одариваю его улыбкой.

— Я видел, как ты обратила внимание на мою бутылку пива. Ты казалась заинтересованной попробовать ее.

Я приподнимаю пиво.

— Благодарю, — и делаю глоток. — Ммм, неплохо.

— Самое лучшее, — чокается он с моей бутылкой. — Твоему брату оно нравилось. Сожалею о том, что произошло с ним.

— Так ты знал его?

— Да. Я помогал ему в открытии его бизнеса. Он был крайне встревожен. Твердил, что, возможно, у него не так много времени. Это было менее года назад, но это не значит, что мы поддерживали связь.

Немного времени — значит, он действительно верил.

Возможно, я скорчила гримасу, поскольку Лео говорит:

— Это не то, что ты думаешь.

Чувствуя свою вину и поражение, я сутулюсь на своем сидении.

— Честно, я даже не знаю, что думать.

Он кладет поверх моей руки свою.

— Слушай, дорогая, позволь мне тебя успокоить. Мы не выполняем подобную работу ради секса. Только ради искусства. Видишь, — он машет рукой в сторону «Танцевального зала», — вот это ради секса. — Затем указывает на вход в «Особняк». — Внутри этого места речь идет не только о сексе. Речь идет о ремесле. Это способ воспользоваться тем, что мы обожаем, но не в состоянии преуспеть в этом в нашей стабильной работе. Ночью мы короли, тогда как в течение дня обычные придворные. Имеет смысл?

— Имеет. — Он пролил новый свет на кое-что, и я теперь по-другому воспринимаю работу моего брата. Я думала, что Зак пошел иным путем, но, возможно, и не было никакого иного пути. Он был тем, кем был. Он нарисовал для меня картину, и я увидела то, что он хотел. Скорее всего, тот настоящий Зак, который зарабатывал таким образом на жизнь, был доволен своей работой, своим творчеством и своей жизнью, как нарисованной картиной для меня.

Они просто были разными.

После того, как я узнала, что это не его дом, я думала, он лгал мне. Но теперь, после

разговора с Лео, я полагаю, он знал меня, догадывался, что я бы не смогла взять его деньги, если бы он был честен со мной.

И поскольку он хорошо знал меня, соврал для того, чтобы я приняла его деньги.

Лео обдирает этикетку от своей бутылки, а затем поднимает глаза.

— Я фотографирую. Фотографирую обнаженных женщин, иногда одних, иногда с их мужьями, иногда с другими женщинами — это фотографии, которые женщины хотят подарить своим мужьям. Я фотографирую пары, которые соблазнительно позируют друг для друга, занимаются сексом, едят клубнику, делают всё, что пожелают. Для них это то, чем они хотят всегда любоваться и запомнить на всю жизнь. А иногда паре необходимо больше. Бывает, они хотят, чтобы я присоединился к ним, а иногда понаблюдал, а бывает так, что муж желает, чтобы я оттрахал его жену так, чтобы он смог кончить от этого зрелища. Но я делаю все по просьбе пары. Я не осуждаю и понимаю, что любым отношениям необходимо новшество, чтобы сохранить их живыми, и если моё ремесло, мои фотографии помогут этому — тем лучше. Все в выигрыше. Я занимаюсь любимым делом, немного развлекаюсь и получаю от этого неплохие деньги. При этом никто не страдает.

— Значит, мой брат занимался тем же самым, только вместо фотографирования он рисовал?

Лео качает головой.

— Я не уверен, чем именно он занимался. Твой брат был более скрытным, чем я. В действительности, здесь никто не знал его. Но он был близок с одной девушкой. Можешь её расспросить о нем.

— Тебе известно её имя?

— Прости, я плохо запоминаю имена.

Зак никогда не упоминал о какой-то особенной девушке или о возлюбленной, а он тот, кто всегда рассказывал мне, когда влюблялся в девчонку.

В тот самый момент, когда мою спину начинает покалывать, у Лео вспыхивает взгляд. Он вскакивает на ноги.

— Мистер Хэнсон, чем могу помочь?

Моё сердце буквально останавливается. Я поворачиваю голову и вижу Нейта. Его хмурое выражение лица и руки на бедрах говорят о том, что это что угодно, но только не замешательство.

— Зои, — отрезает он сквозь стиснутые зубы.

Я вскакиваю на ноги и смотрю на Лео.

— Спасибо за встречу и за потраченное время.

Лео кивает в ответ, но его взгляд все еще прикован к Нейту.

Однако Нейт не смотрит в его сторону. Я знаю, где сейчас находится его взгляд — я чувствую, как он прожигает меня насквозь. Мой гнев нарастает, и нарочно, не смотря на Нейта, я говорю:

— Не буду отрывать вас от дел.

Он хватает меня рукой за предплечье и притягивает к себе.

— Я здесь не для того, чтобы увидеться с Лео, и ты знаешь об этом.

— Неужели? — перегибаю я палку. Быть саркастичной — это совсем на меня не похоже.

— Послушай, я облажался, но это не дает тебе право осуществлять то, что я настрою запретил тебе делать.

— Запретил? — шепчу я сердито.

— Ты знаешь, о чем я, — он насмехается надо мной.

— Нет, скажи мне.

— Не хочу говорить об это здесь. Поехали домой.

Домой.

Внутри меня сменяются эмоции.

Гнев рассеивается так же быстро, как и одолевает, — к нему и моему брату.

Наступает облегчение.

Мне уже легче. Я не против той жизни, которую вел мой брат. Я должна верить ему, он делал то, что хотел и деньги были для него дополнительным преимуществом.

Но вместе с облегчением нарастает страх.

Смерти плевать на счастье. Она поражает тогда, когда сама готова.

Воздух в клубе удушливый, и мне необходимо выбраться оттуда. Я вырываюсь из хватки Нейта и направляюсь к выходу. Мой пульс скачет, и мое зрение немного размыто, но я понимаю, что вспышки света тому виной.

С каждым шагом, давно забытое волнение начинает вырастать из-под земли.

Что я вообще здесь делаю?

Судьба находится где-то рядом, и она настигает меня. Счастье не сможет ее остановить.

— Зои! — кричит Нейт.

Я не останавливаюсь.

Не могу.

Я просто продолжаю идти.

Наконец, вдыхаю свежий воздух, в котором так отчаянно нуждаюсь.

Не тебе решать, вступить в Клуб 27 или нет.

Пытаясь бороться с надвигающейся темнотой, я начинаю бежать.

Я должна убежать от своих мыслей.

Эхом разносится стук моих каблуков по бетону.

Я бегу быстрее мимо прохожих по улице.

Бип-бип! Бип-бип!

Пока мое тело чувствует тревогу, я резко поворачиваю голову направо.

Бип-бип! Бип-бип!

Сигнал исходит от автомобиля, который движется через перекресток. Он ослепляет меня своими фарами. Я слышу крики людей. Смотрю вокруг и понимаю, что нахожусь посередине улицы.

Бип-бип! Бип-бип!

Мое дыхание превращается в хриплое удушье. Всё, что я вижу, — это движущаяся на меня гладкая черная поверхность.

Вот оно. Мое время пришло.

Я даже не представляла себе, что, умирая, буду сбита автомобилем, но в этом есть смысл — всё это трагедия.

Я не готова.

Машину заносит передо мной.

Вдруг чья-то рука обхватывает меня. В один момент меня отрывают от земли, а в следующий я оказываюсь на тротуаре.

Автомобиль, скрепя тормозами, уже остановился.

— Эй, с ней всё хорошо?

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на человека за рулем, выходящего из своей машины.

— Да, я поймал ее, всё под контролем. Извини за это, мужик.

— Она возникла из ниоткуда. Она в порядке? — Водитель расстроен.

— С ней всё хорошо. Она ничего не повредила.

Мужчина кивает и возвращается к своей машине.

Нейт прищуривается.

— Ты совсем рехнулась?

Меня трясет.

— Думаю, да.

Я почти что умерла.

Прямо сейчас я могла быть мертвой.

— Да что с тобой происходит? — голос Нейта звучит сурово и в то же время обеспокоенно.

Я смотрю на него.

— Я только что поняла: не важно, счастлив ты или нет — это к делу не относится, когда приходит время умирать.

— О чем ты говоришь? — удивляется он.

— Нейт, ты разве не понимаешь? Я полагала, что, возможно, судьба моего брата была дарована ему из-за того, что он был несчастлив. Но теперь я так не думаю. И где-то в глубине своего подсознания считала, что если бы я смогла впервые в своей жизни быть счастливой, то не умерла бы. Но я ошибалась.

Нейт встряхивает меня.

— Зои, я хочу, чтобы ты прекратила всё это, твой брат не хотел бы, чтобы ты заикливалась на этом дерьме, которое ты не в состоянии контролировать. Чёрт, пользуйся каждым днем и проживай его. Довольно этой ерунды о смерти.

Меня шатает, и я облокачиваюсь о здание. Прежде чем мне удастся дотронуться своими пальцами до одного или двух кирпичей, Нейт хватается меня за руки своими огромными руками, и эти зеленые глаза пристально смотрят в мои. Я застываю на месте. В его взгляде читается боль.

— Ты прав. Я не могу контролировать свою судьбу.

Его хватка становится сильнее, погружаясь в мою плоть.

— Мне не нужно, чтобы ты успокаивала меня. Я хочу, чтобы ты перестала мыслить таким образом.

Я верчу своей головой из стороны в сторону.

— Я не могу.

Он снова трясет меня.

— Можешь. Ты можешь делать то, что мы с тобой обсуждали, и жить настоящим моментом. Перестань заикливаться на смерти брата и перестань думать о своей. Это не нормально.

Я киваю в знак согласия, в этом нет ничего нормального.

Но я не в состоянии помешать этому произойти.

Молчание.

Длительное молчание.

Затем Нейт берет меня за руку.

— Давай прогуляемся.

Мы долго гуляем по оживленной улице, мимо магазинов, ресторанов и баров. Я почти забыла спросить его о девушке, которую упоминал Лео. Но затем поворачиваюсь к нему, отмечая его великолепный, как и всё остальное в нем, профиль.

— Нейт, ты знал о том, что у моего брата была девушка?

Он оборачивается, чтобы взглянуть на меня.

— Он встречался со многими девушками. Но, насколько мне известно, кого-то особенного у него не было. Почему ты спрашиваешь?

— Лео упомянул о девушке, которую видел с Заком.

— Твой брат постоянно был в компании девушек.

— Да, думаю, ты прав.

Он останавливается перед серым бетонным зданием с красно-коричневой надписью: «СЕГАФРЕДО ЭСПРЕССО».

— Это не кафе «Лас Олас», но почти то же самое.

Я поднимаю свой взгляд на него.

— Принимается.

Я присаживаюсь на один из диванов, разбросанных по всей площади кафе. Чувствую, как беспокойство ослабевает, когда я сливаюсь с подушкой.

— Латте? — спрашивает Нейт.

— Удиви меня.

Он подходит к прилавку и моя передышка от реальности кажется далеким воспоминанием. Он прав. Я знаю, что это так. Мне нужно перестать заикливаться. Я не в состоянии контролировать, когда это случается. Тогда возникает вопрос: должна ли я остаться на лето или уехать домой? Разве это справедливо по отношению к Нейту: сначала впустить его в свою жизнь, а затем вырвать себя из его, когда наступит мое время? Я колеблюсь, оценивая два этих варианта. В конце концов, я не думаю, что смогу покинуть Нейта до конца лета. Ведь он так же, как и я знает, чего ожидать в конце этой интрижки — уже согласованное расставание.

Передо мной на красной салфетке располагается черная чашка. В верхней части пенки изображен арт латте в форме самого прекрасного сердечка. И возле чашки лежит шоколад.

Возможно, это просьба, чтобы остаться.

Нейт нагибается.

— Эспresso макиато только для вас, мисс.

— Ты — лучший, — широко улыбаясь, говорю я ему.

Он садится напротив меня. Постепенно с его лица исчезает напряжение.

— Слушай, Зои. Мне жаль, что я разговаривал так с тобой, но тебе необходимо прекратить это, — говорит он, держа эспresso в руке.

— Я знаю.

Он прищуривается.

— Я знаю. Понятия не имею, что это было со мной. Думаю, я слишком сосредоточена на смерти брата. Ты прав. Мне просто нужно прекратить это. И я не готова осуждать.

— Что это значит? — Он ставит свою чашку на стол.

— То, чем мы занимаемся, делает меня счастливой. Может быть, именно это он и делал, преследовал то, что делало счастливым его.

— Давай поговорим о том, чем мы занимаемся.

— О чем здесь говорить?

— Как насчет того, что я начну извиняться за то, что опоздал. Мы заключили сделку, над которой я работал весь вечер, и некоторые заключительные детали задержали меня.

Я делаю взмах рукой.

— Тебе не нужно оправдываться. Я не твоя девушка.

Он поджимает губы.

— Что, если я хочу, что бы ты ею стала?

— Я думала, мы обсуждали это. — Я смотрю вниз и дую на горячий эспрессо.

— Нет, я говорил тебе, что у меня никогда не было девушки.

— Я предположила, что это означало твою незаинтересованность в этом.

— И тебя это устраивает?

Я отпиваю свой напиток и позволяю теплой жидкости стекать по внутренней стенке моего горла.

— Да, Нейт. Мы решили, что я останусь на всё лето. Не нужно вешать ярлык на наши отношения.

— Ты не разозлилась, когда я не появился сегодня вечером?

— Немного расстроилась, — я изучаю его.

— Значит, ты всё бросила и поехала туда, куда я просил тебя не ездить?

— Не потому, что я была зла на тебя.

— Я хочу, чтобы ты была больше, чем немного расстроенной. Я хочу, чтобы ты чертовски сильно злилась на меня, — говорит он низким, но жестким голосом.

— Не понимаю тебя.

Он ставит чашку и встает, чтобы сесть рядом со мной.

— Ты хочешь заняться со мной тем, что никогда раньше не пробовала. Я больше тебя желаю этого, знаешь ли. Однако я менял женщин, вступая с ними в согласованную договоренность без каких-либо отношений, столько, сколько я себя помню. Я не могу вести себя так с тобой.

— Почему нет? Мы же говорили — никаких обязательств.

— Послушай, я не могу объяснить этого. Всё это неправильно. Я не верю в любовь, и это никогда не изменится, но и не означает, что я не могу состоять месяцами в отношениях с женщиной и делать для неё что-то большее, чем просто трахать.

Не зная, что сказать, я просто плююсь на него.

— Ты считаешь, что вскоре умрешь, верно?

Я сглатываю, мои глаза жжет от сдерживаемых слез.

— Позволь мне сделать из этих ближайших пару месяцев все то, что ты когда-либо желала. Что ты теряешь?

Нейт прав, мне нечего терять.

Я наклоняюсь и целую его.

— Да.

— Что «да»?

— Да, я буду твоей девушкой, но ты же понимаешь, что в таком случае, ты — мой бойфренд.

Он, я уверена, неосознанно дергается, и, не обращая на это внимания, я целую его снова.

— Нам нужно идти, — шепчет он. — И чтобы ты знала, я всё ещё чертовски злюсь на

тебя за то, что ты ездила в клуб сегодня.

Я пытаюсь извиниться, но до того, как хочу сказать хоть что-то Нейту, он направляется уже в сторону двери.

Мы молча возвращаемся в клуб. Ветер поднялся вновь, и когда мое платье приподнимается вверх, Нейт придерживает его быстрым движением своей руки.

Своими ладонями я прижимаю платье на бедрах.

— Я справлюсь.

Когда мы заходим за угол, я обнаруживаю «Рендж Ровер», находящийся напротив стоянки.

Я указываю в его сторону.

— Почему твоя машина всё ещё припаркована здесь, и почему каждому в клубе известно твое имя?

Он застывает на месте, но отвечает быстро.

— Потому, что я его владелец.

Мой рот широко раскрывается. Затем закрывается без звука. Открывается снова, и единственное слово «Что?» слетает с моих губ.

— Я владелец клуба.

— О, боже мой! Как ты мог мне не сказать об этом?

Его лицо непроницаемо, и безысходность просматривается в его выражении.

— Когда конкретно я должен был упомянуть об этом: до или после того, как ты потребовала трахнуть тебя в одной из этих комнат, чтобы доказать, что я заинтересован в тебе?

Моя рука взлетает ко рту, и вместе с ней приподнимается мое платье.

— Ты говорил, что никогда не будешь лгать... — замолкаю, чувствуя себя идиоткой, что верила ему.

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, но ты ошибаешься.

Я качаю головой, желая, чтобы не появилась ни одна слезинка. Мне не нужно плакать снова.

— Я не врал. Я никогда ни с кем не был ни в одной из этих комнат. Я никогда не надевал повязки на глаза, никогда не связывал, не использовал флогер или устраивал порку внутри этого клуба.

В любом другом контексте эти слова выглядели бы смешно, но не здесь и не сейчас.

— Тогда, зачем ты владеешь секс-клубом, если не заинтересован в использовании этих предметов?

— Разве ты знаешь, чем я занимаюсь, Зои? В чем сущность моего бизнеса?

— Имеешь дело с недвижимостью.

Он покачивает головой; черты его лица остаются напряженными.

— Не просто недвижимостью. Я покупаю неустойчивые предприятия в Майами и исправляю, а затем продаю их для получения прибыли. Я купил этот клуб в прошлом году, когда хозяин хотел по-быстрому свалить.

— Ты как Робин Гуд?

Кажется, будто он немного съеживается от этого сравнения.

— Нет, не совсем. Я не отбираю у богатых и не отдаю бедным. Я просто вижу потенциал в каждом бизнесе и назначаю специалистов на должность с целью управления, исправления и продажи его с прибылью.

— Ох, как Ричард Гир в «Красотке»?

Он хмурится.

— Чёрт, о чем ты говоришь?

Очевидно, он не смотрел этот фильм, поэтому я не развиваю эту тему.

Изучая его выражение лица, я не вижу никаких признаков обмана. Но любопытство всплывает во мне.

— Если ты не посещаешь клуб, тогда откуда ты знаешь Фотографа?

— Если ты имеешь в виду Лео, то он владеет фотостудией рядом с галереей, вот откуда я его знаю. Я понятия не имел, что у него был контракт с клубом.

Я скрещиваю руки на груди, пытаюсь переварить всё это.

— И ты не знал о том, чем занимался здесь мой брат?

Теперь уже раздраженный Нейт смотрит на меня.

— Нет. Я уже сказал тебе, что не знал. Я не имею никакого отношения к этой работе.

Смотрю ему в глаза.

— Хотелось бы верить тебе.

Нейт снимает с себя пиджак и накидывает на меня.

— У тебя нет причин не верить мне.

— Я знаю.

— Теперь давай уберемся отсюда и закончим наш разговор наедине.

Я осматриваю его обеспокоенное выражение лица.

— Есть ещё что-то?

Не отвечая, он берет меня за руку, но затем опускает на меня свой взгляд.

— Позже.

Остаток пути мы идем к его машине, держась за руки. Мы быстро преодолеваем это короткое расстояние.

Оказавшись внутри, я снимаю его пиджак, так как в машине становится душно.

Нейт обходит машину и направляется к своей стороне. Когда он садится, заводит её, нажимает педаль газа и выезжает на полосу встречного движения. С молниеносной скоростью Нейт разворачивает машину.

Я оглядываюсь.

— А что насчет машины твоего отца?

Выражение его лица нейтральное.

— Я попрошу кого-нибудь подбросить ее к дому.

— Ты уверен? Я могу быть за рулем. Я сделала всего лишь глоток пива.

Нейт издает звук, который похож на рычание.

— Если ты приехала сюда сегодня не из-за того, что злилась на меня, тогда почему? Ведь я просил тебя не делать этого? Почему ты не дождалась меня?

— Ты говорил мне не ездить в «Особняк» без тебя. Я же поехала в клуб.

Нейт стискивает челюсти и крепко сжимает руль.

— Ой, да ладно тебе, Зои, я знаю, что ты умнее этого. Скажи мне, что на самом деле ты просто хочешь быть с другими мужчинами. Это является твоим новым пробуждением, и ты нуждаешься в большем, чем просто во мне? Потому что я скажу тебе прямо сейчас: я не делюсь.

Я замираю на месте.

Мои мускулы напрягаются, пока я в изумлении таращусь на него.

— Нет! Я просто хотела выяснить о своем брате и, ладно, может, если бы ты не появился там, возможно, я бы догадалась, что ты будешь взбешен, что я поехала туда. Извини.

Нейт проводит рукой по своим волосам, и это делает его ещё более привлекательным.

— Я просил тебя не говорить «извини».

Я опускаю взгляд.

— Ты просил не говорить этого, когда мы в постели.

— Нет, ты не должна извиняться за что-то, кроме как за поломку моей кофемашины.

Я посмеиваюсь и поднимаю свой взгляд.

— И мне будет, очень жаль, если я это сделаю.

— Или, «прости, я въехала в твою машину, когда отъезжала от дома».

Я вздрагиваю при этом.

— Я поняла, поняла.

Его серьезный взгляд прикован к моему.

Он так чертовски сексуален.

Я ненавижу, как сильно хочу его прямо сейчас.

— Тогда, как я должна попросить прощения?

— Я научу тебя, — одно только выражение его лица посылает искры, которые спускаются вниз по моему позвоночнику. С интенсивным блеском в глазах, он тянется ко мне и накрывает мои губы своими.

Вся моя нижняя часть пульсирует в желании.

Поцелуй недолгий, но становится, очевидно: я хочу быть с Нейтом, и он хочет быть со мной. Мы оба запутались, и это нормально. У нас впереди еще два месяца, и я хочу провести их, пробуя своими губами на вкус его губы, чувствовать его дыхание на мне и ощущать себя в его объятиях. Не спорить, не бороться и не беспокоиться о том, что, возможно, скоро меня не станет.

Он удивляет меня тем, что тянется на заднее сиденье и бросает мне на колени пакет.

— Я опоздал, потому что хотел остановиться и купить тебе кое-что.

Я пялюсь на превосходно упакованный подарок.

— Ты не собираешься открывать его? — спрашивает он.

Яркий оранжевый пакет на моих коленях с надписью спереди Hermes Paris заставляет меня немного нервничать.

У меня никогда не было никаких вещей из этого магазина.

Дрожащими пальцами я тянусь внутрь и вытаскиваю две, обернутые тканью, упаковки. Открываю первую, и мое сердце пропускает удар.

Это большой бирюзовый шарф с изображением птицы. Я раскрываю его, чтобы лицезреть весь живописный вид. Один большой квадратный кусок материи с двумя голубями на ветках, повторяющимися в различных местах.

— Это восхитительно, — говорю я вслух, сдерживая слезы в горле, пока сжимаю прекрасную шелковую ткань.

Я не смею взглянуть на Нейта из-за страха, что не смогу переключиться на другую упаковку на коленях. Она меньше, и я открываю её быстрее. Это сплошной бирюзовый шелковый шарф, но он длинный и узкий.

Я не в состоянии управлять своим волнением, когда понимаю, для чего предназначены эти подарки.

Мои щеки покрываются румянцем, и я поворачиваюсь к нему.

— О боже мой, да ты проказник.

18 Глава

Проказник

Нейт молчит всю дорогу, пока везет нас в местный ресторан с китайской едой. Когда он паркует свою машину, то поворачивается ко мне и говорит:

— Я сейчас вернусь.

Я вся на нервах сижу в машине и такое ощущение, что жду целую вечность.

С тех пор как я распаковала шарфы или «повязки», он даже не соизволил взглянуть на меня. Думаю, что он всё ещё размышлял над тем, зачем я поехала в клуб.

Открывается дверь, и на полу заднего сидения он размещает пакет. Следующие десять минут меня везут в такой же полной тишине. Мы въезжаем в гараж и выходим из машины, затем входим в дом, и он ставит пакет на кухонный стол.

— Ты голодна? — Нейт смотрит на меня и затем достает из пакета маленькие белые контейнеры.

— Не очень.

Он пожимает плечами и бросает на стойку несколько наборов палочек.

— Ты собираешься разговаривать со мной?

Его взгляд опускается на стойку, пока он выкладывает роллы рядом с едой навынос. В следующее мгновение, он дергает меня на себя, шелестя оранжевым пакетом между нами. Одна рука лежит на моей спине, в то время как второй рукой быстро устремляется вниз к короткому подолу моего платья, пробираясь прямо в мои трусики. Его глаза бросают мне вызов самым завораживающим образом.

— По правде говоря, я бы предпочел трахнуть тебя прямо сейчас.

Я шокирована и задыхаюсь, когда мое возбуждение покрывает его пальцы, и одним из них он скользит в меня. Это похоже на вспыхивающие по всему моему лону искры, в то время как, скользя внутрь и наружу всего лишь одним единственным и раздражающим меня пальцем, он потирает своей ладонью мою киску.

Затем, так же быстро, слишком быстро, он убирает руку.

Его взгляд всё ещё прожигает меня насквозь. Он кладет себе в рот тот самый палец, который был только что во мне, и всасывает его.

Святые угодники.

Палящий жар поглощает меня без остатка.

Нейт удерживает мой взгляд на мгновение, выжидая вечность, пока я не произношу:

— Я... не против.

Он отступает, не улыбаясь при этом, но взгляд его всё ещё пылает.

Страстно желающий.

Ещё более свирепый.

Он берет меня за руку, переплетая наши пальцы, и ведет по лестнице вверх.

Я крепко сжимаю пальцами пакет в своей руке, когда ощущаю, как ускоряется мой пульс.

Когда мы поднимаемся, Нейт останавливается рядом с кроватью и притягивает меня к

себе — одной рукой за голову, а другая рука располагается чуть ниже моей груди.

Я ощущаю от его ладоней обжигающий меня жар.

Прежде чем осознаю, что происходит, он хватается руками за V-образный вырез моего платья и разрывает его прямо посередине, стаскивая остаток ткани с моих плеч.

Вслед за платьем на пол падает оранжевый пакет.

— Мне нравилось это платье, — резко выпаливаю.

Я понимаю, что мой взгляд выглядит обезумевшим, а тело еще более неконтролируемым.

— Я куплю тебе другое. Мне не нравилось, что любому было видно то, что ты носила под ним, — рычит он, а затем его губы так страстно целуют меня, что мои колени начинают подгибаться. Нейт покусывает мои губы и отстраняется от меня, сверкая своим взглядом и доводя до точки кипения всё моё нутро.

— Тебе ведь больше никто не нужен? Это касается только нас с тобой, верно?

У меня перехватывает дыхание.

— Я хочу только тебя.

— Уверена? — спрашивает он резко.

Я киваю и сглатываю от пронзительности его взгляда.

Он снимает свои ботинки, потом носки, кладет руки на пояс, стягивает свои штаны и трусы, а затем избавляется от рубашки. Голый, полностью восхитительно обнаженный, он предстает передо мной.

Я облизываю свои губы и слеую его примеру: снимаю лифчик, трусики и присоединяюсь к его наготу.

Между нами протекает мощный электрический ток.

Мне хочется прикоснуться к нему, и я достаточно к этому близка, но я жду действий от него.

Слава Богу, мне не приходится долго ждать.

— Становись коленями на кровать. Лицом у изголовья. Держись своими руками за железные перекладины и не отпускай.

Я почти спотыкаюсь из-за его командного тона. Почти.

Но подскакивающий внутри меня адреналин придает мне уверенности двигаться вперед, и я быстро выполняю то, что он мне велит.

Когда оказываюсь на месте, смотрю в его сторону.

Нейт встречает меня взглядом, и его длинные ресницы подрагивают, слегка касаясь его щек. Он наклоняется для того, чтобы подобрать оранжевый пакет и извлекает из него шарфы, затем швыряет пакет на пол.

Я задыхаюсь от его взгляда.

Я чувствую, как прогибается матрас, и как он становится на свои колени позади меня.

— Готова? — его слова отдаются эхом в моих ушах.

Нет времени на раздумья.

Я просто действую.

Закрываю глаза и сжимаю железные перекладины. По моему лицу ползет румянец, а мои легкие сжимаются, в то время как я сгораю от нетерпения.

Что он делает?

Пока я жду, звучание его голоса в моих ушах проигрывается снова и снова. Он практически подверг меня пыткам, когда спрашивал меня, хочу ли я его.

Почему он думал, что не захочу?

Мысли покидают мой разум, когда его теплое дыхание опалает мою шею, и знакомая бирюзового цвета шелковистая ткань накрывает и наматывается несколько раз вокруг моих глаз. От того как плотно Нейт завязывает ткань, моё сердце грохочет в груди, кровь мчится по венам, и в мгновение ока я перестаю что-либо видеть, кроме темноты.

Внезапно чувствую шлепок на своей заднице, вызывающий покалывающие ощущения. От этого ощущения по всему моему существу распространяется удовольствие.

До того, как я успеваю отдышаться, Нейт стребает меня в объятия, его губы возле моего уха, и тело находится так близко, что я ощущаю его тепло.

— Зои, ты хоть представляешь, насколько свела меня с ума, когда отправилась в этот клуб одна?

— Теперь, да. — Хрипит мой голос от возбуждения.

Нейт отодвигается, и покров его тепла исчезает.

Несмотря на то, что я стою на коленях, повязка на глазах всё ещё дезориентирует и делает меня уязвимой и, возможно, от этого мне становится немного страшно, потому что я предвкушаю, что же будет дальше.

Ещё один укол боли поражает мою кожу с другой стороны.

Когда следующие мысли проносятся в моей голове, я призываю себя оставаться спокойной, в то время как Нейт начинает оставлять своим приоткрытым и влажным ртом поцелуи на моей, наверняка, покрасневшей от ударов, плоти. И это ощущение чистой близости покрывает любой негатив.

Сексуальное влечение стремительно возрастает.

— Предполагается больше трех, — шепчет он.

Я возбуждена как никогда, поэтому киваю ему в ответ.

Но он останавливается. Вместо этого, его губы скользят вверх по моей спине, а руки движутся от живота к груди.

И это мне нравится.

— Я хочу подарить тебе те ощущения, которыми ни один мужчина никогда не вознаграждал тебя. Я хочу доставить тебе наивысшее наслаждение, чем когда-либо ты испытывала, — признается он.

Когда он едва касается ладонями моих сосков, они словно затвердевшие горошинки.

— И я этого хочу, — мои слова звучат как охрипший вопль, пока всё мое тело начинает оживать. Я чувствую себя полностью наэлектризованной.

Его руки и губы на моей шее. Нейт держит меня крепко, но при этом не душит.

— Отлично, потому что я не могу дождаться, чтобы трахнуть тебя. И верь мне, когда я говорю, что не могу дождаться.

Обещание того, что ожидает меня, поражает мое тело максимально острым ощущением, и неожиданно в моем сознании открывается дверь. Это иное потрясающее чувство, это просто то, в чем я нуждалась всю свою жизнь. Этот мужчина появился в моей жизни, когда в ней не было ничего, кроме обыденности. Я думаю, что он чувствует то же самое.

Если говорить о нас, как о паре, то мы как бензин и спичка — один взмах, и мы горим.

Нейт проводит своими руками вниз по моей спине, а за его движениями следуют губы.

В этот раз следующий шлепок приземляется ещё ниже. Ощущение боли, как ощущение беспомощного повиновения, сильно меня заводит, а я раньше считала, что не желала подчиняться.

Мне хочется закричать «Возьми меня!»

Всю меня.

Отшлепай меня.

Трахни меня жестко.

Я хочу всего этого.

Особенности характера Нейта заключаются в том, что он, возможно, слегка самоуверен и любит всем управлять, поэтому создается впечатление, что это его качество продолжает проявляться и в постели, но, боже мой, это так заводит.

Для того чтобы оставить поцелуй на моей шее, двумя руками он нежно убирает волосы с моего плеча, и мне очень нравится, как я чувствую себя благодаря ему. Я чувствую себя такой сексуальной, такой желанной.

Для вспышки пламени достаточно всего лишь свежего и чистого аромата, исходящего от его тела, но ощущение его губ распалает мою кожу. Каждый поцелуй всё более жаркий, и пока я нахожусь в ожидании следующего действия, боль начинает пульсировать между моих ног.

Заклучив сегодня другое соглашение о разрушении наших границ, Нейт, похоже, возвращается к делу, вытаскивая меня из нашего похотливого транса. Его руки вновь накрывают мои.

— Ты что-нибудь видишь?

Я верчу головой направо и налево.

Ничего.

— Нет. — Нейт делает следующий шаг: оборачивает вокруг моего запястья шелковую ткань и рывком дергает. Затем оборачивает шелком второе мое запястье и дергает еще раз. Я нервно сглатываю. У меня не так много возможностей, чтобы двигаться, и от этой мысли у меня начинается приступ паники. Из-за неё я чувствую, как сжимаются мои легкие.

Нет.

Успокойся.

Сохраняй спокойствие.

— Слишком туго? — насыщенный сексуальностью, хриплый голос, успокаивает мои нервы.

— Нет.

Меня приветствует свежий порыв воздуха и мне становится легче.

Это не воздух, это изголодавшиеся губы Нейта опускаются на мой рот. Этот его поцелуй все время заставляет напрягаться каждую мышцу моего тела.

— Тебе хорошо?

Его шепот обжигает мои губы.

Я киваю в ответ, втягивая в себя бодрящий вдох. Я вижу только темноту, но смена зрения на ощущение его тела на своем является более привлекательным ощущением.

— И еще один, — я получаю сзади щедрый шлепок, который практически приходится на мой центр, только лишь распространяя удовольствие дальше, и ускоряя освободить мое желание.

Меж моих бедер чувствуется влажность.

Сердце бешено стучит, пока кровь приливает к моей киске и заднице.

Его пальцы проходятся вверх по моей спине, настоятельно призывая меня наклониться вперед.

Я наклоняюсь, надеюсь, что его рука проскользнет между моих ног и потрет мой нуждающийся клитор.

Но вместо этого его рука нежно поглаживает мою попку, и, наконец-то он, легчайшими прикосновениями, опускает свой палец прямо к моей киске.

Как я и ожидаю, удовольствие и предвкушение начинают растягиваться в один миг.

— Расслабься, Зои, — говорит Нейт нежно, и это расслабляет меня.

По крайней мере, пока он не убирает свою руку, и я неожиданно ощущаю себя обессиленной со связанными руками. Я хочу, чтобы он прикасался к моему клитору и продолжал свою игру.

Моя потребность возрастает всё выше и выше, но я не уверена, что в состоянии выдержать всё это. Стремящееся к высвобождению удовольствие приближается слишком быстро.

Я чувствую прикосновение последнего шлепка и на этот раз, сразу же после незначительного удара, его руки сжимают мои бедра и тело накрывает мое. Ощущение его эрекции посылает мурашки по моей спине и совершенно новая волна ощущений овладевает мной.

Я делаю рваный выдох.

— Пожалуйста, заставь меня кончить.

— Не сейчас.

— А когда? — кричу я, пока мой оргазм витает где-то за пределами комнаты, ожидая своего освобождения.

Нейт дерзко посмеивается.

— Когда я почувствую, что мне удалось достичь твоего искупления.

— И когда же ты почувствуешь это? — я практически издаю визг.

— Ты поймешь. Но я обещаю тебе, чем дольше я буду ждать, тем больше удовольствия ты получишь.

Но что, если я не смогу продержаться?

Своими ладонями он скользит вниз, минуя колени, по задней части моих бедер и устремляется к пальцам моих ног. Ощущение возносит меня на новый уровень. Его пальцы обхватывают мои лодыжки так, что они, словно наручники, фиксируют меня на месте. Его дыхание проносится шепотом по моей коже и мягкие, словно бархат, губы следуют вверх по пути, где только что бродили его руки. Нейт останавливается и покусывает своими зубами чувствительное место под коленкой, сначала с одной стороны, потом с другой.

О, боже мой. Внутри меня вспыхивает огонь, когда от прикосновения его губ к моей коже мерцают маленькие искры удовольствия.

Лаская мою грудь и даря восхитительные ощущения, его язык продолжает прокладывать свой путь. От его прикосновения мои соски торчат как шипы, а большими пальцами Нейт кружит по моим вершинкам.

Его руки и губы везде, пока удовольствие просачивается из глубины моего существа. Так соблазнительно чувствовать его кожу и тело, что моментальная доза возбуждения идет напрямик в самое сердце.

Внезапно мое тело окутывает жар и влажность, когда я вскрикиваю, чувствуя, как он где-то между бедрами посасывает меня. В то же время его пальцы зажимают мои соски, и жесткое давление провоцирует мое желание.

Одновременно боль и удовольствие проносятся по мне, как торпеда.

Его рот исчезает с моей киски.

— Тебе это нравится?

— Да! — кричу я. Мир уже исчез, я плаваю где-то в космосе и ощущаю возвышенную гравитацию.

Я уже почти... так близко.

— Какая ты влажная, — стонет он.

Напряжение в моем животе скручивается в спираль, и меня окутывает звук его дыхания. Я чувствую, как по всем моим внутренностям стремительно движется тепло. Внезапно рот Нейта отпускает меня.

А затем — исчезает.

Вслед за этим я чувствую, как он отводит мои волосы в сторону и прикасается губами за ушком к той самой точке, которая сводит меня с ума.

Задыхаясь, он шепчет:

— Не кончай.

Я крепче сжимаю своими руками перекладины, пока немногочисленные покусывания моего плеча посылают дрожь удовольствия. Руками он разводит мои ноги шире. Его эрекция упирается мне между ягодицами, а руки обнимают меня, пока пальцами он проникают внутрь моей киски.

Моё тело начинает трястись из-за необходимости и желания.

— Почему? — отзываюсь я.

— А ты как думаешь?

— Пожалуйста, — умоляю.

Он отстраняется.

— Еще не время. Если в следующий раз ты сделаешь то, о чем я тебя не попрошу, я отшлепаю тебя.

— Нейт, пожалуйста, я больше не сделаю ничего подобного.

Я не в состоянии больше терпеть эти ощущения; не выдержу больше ни минуты без освобождения.

Его грудь ложится на мою спину. Плоть к плоти — такое приятное ощущение.

Но вскоре его пальцы полностью покидают мое лоно, и я чувствую себя потерянной.

Все эмоции усиливаются — мне необходимо больше прикосновений, звуков, потребности и желания.

— Ты хочешь, чтобы я оказался внутри тебя?

— Да!

Я слышу характерный звук рвущейся фольги и понимаю, что мы уже близко. Одна рука опускается на мое бедро, а втора... Где его вторая рука? Вот она. Он направляет головку члена туда, где я нуждаюсь в нем больше всего, и ощущения просто сногшибательные, когда он толкается в меня.

Я так сильно прикусываю свою нижнюю губу, что жгучая боль совпадает с назревающим внутри меня удовольствием. Меня охватывает предвкушение, пока Нейт медленно погружается в меня.

— Пожалуйста, быстрее, — говорю я вновь, желая, чтобы он просто безумно оттрахал меня.

Сантиметр за сантиметром, он погружается внутрь и выходит наружу. Как только он полностью погружается в меня, и когда я начинаю раскачиваться, он сразу же выходит из

моего тела.

— Нейт! — кричу я. — Что ты делаешь со мной?

— Ты хочешь кончить?

— Да, да! — ору я.

— Ты будешь вести себя так же, как сегодня? Когда я требую от тебя не делать чего-то, будешь ли ты соглашаться со мной, или ты сделаешь это в любом случае?

О, боже мой, он держит мой оргазм в заложниках, чтобы доказать свою точку зрения.

Проблема в том, что мне нечего предьявить.

Я не выдержу больше ни минуты этого сумасшествия.

— Нет, я же сказала тебе «нет», — кричу, задыхаясь.

Он полностью скользит в меня своим членом. Его пальцы поддразнивают мой клитор, но затем он вновь выходит из меня.

— Нейт, пожалуйста, я обещаю тебе, что сперва поговорю с тобой.

Его губы захватывают мои в свой плен.

— Это всё, о чем я прошу, Зои. Всё, чего я хочу.

И затем я обладаю им целиком.

Он толкается в меня быстро и жестко, внутрь и наружу.

Его стоны отдаются звоном в моих ушах, и моё тело покалывает вплоть до самой киски.

Так хорошо, так приятно.

Мы как дикие животные: он леопард, а я его самка для спаривания.

Нейт держит меня крепко, низко постанывая, и с каждым таким стоном я возношусь всё выше и выше, подводя себя к краю удовольствия и боли, столь близкого к оргазму, ощущая вкус его сладости. Непрерывающиеся толчки служат самым большим источником наслаждения.

Это грубый секс. Секс, которого у меня никогда не было. Секс, о котором я умоляла, и он дарит его мне.

— Хочу, чтобы ты кончила, сейчас же.

Его голос настолько низкий, хриплый и такой сексуальный, что я не могу отказать ему в этом желании. И вот так, всё просто исчезает.

Нет ничего, кроме падающих звезд, шума бьющихся о берег волн и вспышек ярких красок.

Должно быть, Нейт тоже кончил, потому что я ощущаю внутри себя его пульсирующий член и тепло его тела, когда он сверху обрушивается на меня.

— Что такого необычного в тебе, что мне хочется совершать с тобой безумные вещи?

Легко сказанные слова в темноте. Эти слова, как бумеранг, точно отражающие мои чувства.

— Я понятия не имею, но прошу, не останавливайся.

В этой темноте мои чувства гораздо острее. Слышится тяжелое дыхание и повсюду витает запах секса.

Я чувствую, как одним движением Нейт срывает повязку с моих глаз. Легко развязывает своими пальцами узлы на каждом моем запястье и одним махом тянет меня вниз за собой на кровать, привлекая меня в свои объятия.

Мне требуется пару минут, чтобы сосредоточиться.

Затем я смотрю на Нейта.

Его взгляд направлен на меня, и на его лице мелькает неизведанная мне эмоция.

— Ничего себе, — говорю я, находясь рядом с его губами, и продолжаю терять контроль над собой от последствий собственного оргазма.

Он проводит своим большим пальцем по моим губам и повторяет за мной.

— Ничего себе.

Я хохочу и толкаю его в грудь.

— Эй, я первая это сказала.

Он притягивает к себе обратно.

— Это просто подходящее слово.

Одним рывком он накрывает нас одеялом и собственнически заявляет свои права на мой рот — это то, чего я жажду и в чем нуждаюсь, но вместе с тем, это пугает меня.

Во мне пробуждаются чувства, которых вовсе не должно быть, и я не могу их больше сдерживать.

19 Глава

Крошечные бикини

— Мне пора идти, — сперва я слышу его теплый и нежный голос, затем ощущаю не менее нежный и жаркий, порхающий над моими губами, поцелуй.

Я приоткрываю глаза яркому солнечному свету раннего утра и концентрируюсь на склонившемся надо мной высоком, темноволосом и привлекательном образе.

Нейт одет в другой костюм серого цвета, который подчеркивает его стройное тело, тонкую белую рубашку, которая позволяет представить, что же находится под ней, и ухмылка, заставляющая этим утром вернуть к жизни мое сердце.

Я обнимаю его за шею и притягиваю к себе, не заботясь о том, что у меня не почищены зубы или как могут выглядеть мои волосы.

Его тепло, аромат и прикосновение — это всё, в чем я сейчас нуждаюсь.

Нейт без брезгливости открывает свой рот. На самом деле, он даже ненадолго углубляет свой поцелуй, но, возможно, для этого не будет хватать и вечности. Я так хочу, чтобы Нейт проскользнул ко мне под смятое постельное белье. Он пощипывает мои губы, но его рот чуть дольше задерживается на моем.

На удивление, он не отстраняется, а скорее целует меня снова, и я чувствую бархатистое прикосновение его языка и еще один поцелуй.

Но затем слышится еле слышный прощальный вздох.

Нежные ласки его умелых рук блуждают по моему телу, заставляя меня жаждать его еще больше. И его мягкие, дразнящие поцелуи служат только для того, чтобы оставить меня в безрассудстве, в то время как он поднимается в полный рост.

Я улыбаюсь ему.

— Хочу, чтобы ты остался.

Нейт прикрывает на минуту свои глаза, и, открывая их вновь, наклоняется.

— Знаю, что обещал взять сегодня выходной, но мне нужно довести до ума сделку, которую я подписал вчера. На выходные приходится четвертое июля, и я с пятницы до понедельника буду свободен. После того как съездим навестить моего отца, мы отправимся в Кис на длительные выходные.

Выходные вдвоем с Нейтом — это может быть лишь ожившая фантазия полного секса.

Мою кожу начинает покалывать от удовольствия.

А тело вспыхивает, когда тепло поглощает меня.

— Я оставил свою кредитку на тумбочке. Сходи по магазинам сегодня и купи всё, что тебе необходимо.

Я стараюсь смахнуть прочь эту мысль.

— Нейт, я не могу воспользоваться твоей... — я начинаю протестовать.

Он стоит практически уже возле двери, но быстро оборачивается и поднимает руку вверх, чтобы остановить меня.

— Ты должна знать: мы поплывем на катере, поэтому купи что-нибудь соответствующее. — Затем подмигивает мне. И он на самом деле подмигивает мне, и любой мой протест стремительно вылетает в окно, пульсируя бабочками из моего живота.

Он уходит, и, улыбаясь, я оглядываю комнату.

Нейт неряха.

Должно быть, раз в две недели приезжает Роза, чтобы содержать дом в чистоте, потому что Нейт уж точно не занимается этим.

Осматривая комнату, обращаю внимание на кучу его и моей одежды, лежащую со вчерашнего и, конечно же, с позавчерашнего дня. На тумбочке стоят контейнеры с китайской едой, которую мы ели прошлой ночью. Но мой любознательный взгляд останавливается на обыкновенном конверте, который Оливер вручил Нейту. Я никогда не открывала его, потому что мне уже был открыт доступ к счетам моего брата, но, вероятно, я должна сделать это.

Вскакиваю с кровати и подхватываю его с комода.

Заползая обратно в кровать, я вскрываю конверт и вытаскиваю стопку бумаг: свидетельство о смерти, письмо, подтверждающее мое ближайшее родство, копия документа на дом Мими, упоминающая только мое имя, распечатки выплаты долгов, выписки о состоянии счета с формами электронного перевода с приложением для заполнения граф в моем счете, а также полные сводные данные о его состоянии.

Мой желудок ухает вниз от всей печали и слов, напечатанных сверху: как только будет выплачен долг в имуществе моего брата останется немного меньше пяти тысяч долларов. Он заплатил больше, чем двести тысяч долларов долга, чтобы облегчить мою жизнь, но он, похоже, ничего не приберет для себя. Слезы текут из моих глаз, пока я прижимаю бумаги к себе. Был ли он счастлив?

Зак, скажи, что был.

Я не вижу ни единого слова о несчастном случае, поэтому опять начинаю просматривать бумаги, но ничего. Тянусь за визиткой Оливера, которая лежит на кровати рядом с конвертом. Мой телефон оживает, когда я нажимаю центральную кнопку и ввожу десятизначный номер.

— Офис Оливера Мартинеса. Чем могу вам помочь?

— Здравствуйте, это Зои Флауэрс. Оливер сейчас свободен?

— Минуточку, пожалуйста. — Играет приятная фоновая мелодия, пока я пролистываю документы и беру ручку из своей сумочки, чтобы подписать, требующие подписи документы.

— Зои, доброе утро. Как у тебя дела?

— Привет, Оливер. Неплохо. У меня для тебя готовы документы, которые нуждались в моей подписи.

— Превосходно. Я пошлю курьера за ними. Ты всё ещё у Нейта?

Я тяну на себя простынь и плотнее прижимаю ее к груди.

— Да, и надеюсь, что ты сделаешь мне одолжение.

— Попробую. Что случилось?

— Ты мог бы сделать мне копию отчета об аварии Зака?

— Да, но я смогу сделать это только после праздничных выходных. Но, Зои, мне необходимо сказать тебе, я читал отчет о вскрытии. В нем утверждается, что твой брат ехал слишком быстро, не надев шлем, и они ссылаются на травмы головы в качестве причины смерти.

Мне становится грустно. Он никогда не надевал шлем. Он был непокорным в этом плане.

— Я бы всё равно хотела взглянуть на него, если ты не против.

— Без проблем, примерно через час я пришлю курьера, чтобы он забрал твои документы, и позвоню тебе на следующей неделе, когда получу их.

— Спасибо, Оливер.

— Никаких проблем. Хорошего дня.

— Оливер, подожди! Ты всё ещё здесь?

— Да. Тебе нужно что-то ещё?

— Твое вознаграждение. Я не увидела детализированной оплаты твоих услуг в отчете о моем брате или каком-либо другом документе.

— Не беспокойся об этом, Зои. Бизнес Нейта покрывает оплату моей фирмы.

— Нет, я хочу сама оплатить. Это никак не связано с бизнесом Нейта.

Он посмеивается.

— Не получится. Всё слишком запутано.

— Оливер, не так уж трудно выставить для меня отдельный счет.

— Послушай, Зои. Мы с Нейтом дружим очень давно, действительно очень давно, и в глубине души, под всей этой его задумчивостью и плевать-мне-на-всё бравадой скрывается доброе сердце. Не разрушай этого, отказываясь от его помощи в деле твоего брата. Зи многое для него значил. Позволь ему сделать это если не для тебя, то хотя бы ради памяти о брате.

У меня перехватывает горло. Столько эмоций в его словах. Я делаю вдох перед тем, как ответить.

— Знаешь, что Оливер? Я смогу сделать это. Спасибо тебе... за всё. Удачного дня.

— Тебе того же, — отвечает он и кладет трубку.

Я нажимаю на «Отбой» и смотрю вниз на бумаги в течение долгого времени, прежде чем заполнить остальную информацию. Как только заканчиваю, я запикиваю все обратно в конверт. Так бывает, что впопыхах я не в силах остановить возникающие перед собой образы из жизни, которую мы провели с братом. Моя мать родила Зака в семнадцать лет, а меня на шесть недель раньше положенного срока, спустя девять месяцев после рождения Зака. Поскольку между нами не было и года разницы в возрасте, мы учились в школе в одном классе. Все думали, что мы были близнецами. Мы никогда не знали, был ли у нас один и тот же отец, однако это ничего бы не изменило.

Мы жили с матерью, которая вела сумасшедшую и испорченную жизнь. К счастью, у нас была Мими. И, несмотря на всю пренебрежительность матери по отношению к нам, Мими принимала нас с любовью.

Когда нам исполнилось по пять лет, мы стали жить с ней, а мать навещала нас. Это

случилось в первый день нашего пребывания в детском саду. Мы остались на остановке одни, и нас некому было забрать, поэтому Зак вынужден был найти обратный путь домой. От меня не было никакой помощи. Я плакала и была напугана, а он сказал, что всегда сможет найти дорогу домой. И всегда находил. В тот день он отыскал наш дом и, когда мы не смогли попасть внутрь, он обратился к соседям и попросил их позвонить Мими.

Слезы скатываются по моим щекам, словно проливной дождь.

Моя судьба — я не в состоянии изменить её.

Мать умерла от передозировки наркотиками спустя пару лет. На тот момент ей было двадцать семь лет. Я не поверила своей двоюродной бабушке, когда однажды она поведала мне о клубе двадцать семь, но верю теперь.

Я наплакалась на две жизни вперед, думая об этом, и я больше не хочу проливать из-за этого слезы. Прямо сейчас я проживаю свою жизнь и хочу воспользоваться отведенным для меня временем.

Возможно, я не смогу изменить свою судьбу.

Может быть, я смогу как можно дольше избегать её.

Я откладываю телефон и решаю, что время убрать остатки китайской еды и привести себя в порядок. Быстренько прибираюсь в спальне, вынося мусор вниз и набивая корзину для грязного белья, мысленно делаю себе пометку: узнать, где находится химчистка. Затем прыгаю в душ. На улице душно и солнечно, поэтому я выбираю белое платье на бретельках с принтом красочных пальмовых листьев. Я надеваю свои шлепанцы, когда звонят в дверь. Спешу вниз по лестнице, бросаю конверт на столик и несусь по коридору. Когда открываю дверь, то обнаруживаю стоящего передо мной Скейтбордиста.

Он улыбается во весь рот.

— Сестра Зи, ты всё ещё здесь.

Я открываю широко дверь и приглашаю его войти.

— Так и есть, Гонщик.

Он оглядывается.

— Моё настоящее имя — Андрес.

— Андрес, мне нравится. Пожалуйста, входи, я отдам тебе конверт с документами.

Смущаясь, он опускает свой взгляд.

— «Гонщик» звучит более круто.

Я иду по коридору в сторону кухни, и он следует за мной.

— Круто, ага? — смеюсь я.

— Да, слишком плохо, что Оливер не разрешает мне использовать прозвище, когда я на работе.

Мы проходим гостиную и направляемся к кухне, и я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на Скейтбордиста.

— Лично, я думаю, что Андрес — крутое имя.

Я почти уверена, что Скейтбордист покраснел под своей кепкой.

— Чем ты занимаешься у Оливера?

Он садится на один из барных стульев.

— Он дает мне самые разные задания.

Я удивленно смотрю на него, пока кружу возле кухонной стойки.

— Ничего плохого, — он посмеивается. — Я делаю копии, доставляю документы, файлы, заказываю обеды, в общем, скучная всякая всячина. Но я подрабатываю только

летом, так что, это не так плохо, и эта работа приносит мне достаточно денег, чтобы потратить их пока я в школе. Оливер и Нейт не позволяют мне работать во время школы, кроме Рождественских каникул.

Ключи от машины отца Нейта лежат рядом с кофемашиной. Должно быть, он возвращался, пока я была в душе. Мечтательно вздыхая, я включаю кофемашину и жду, когда она нагреется.

— Оливер с Нейтом не позволяют тебе?

Он складывает свои пальцы домиком, слегка постукивая ими.

— Да, они платят за меня, чтобы я смог поступить в Университет Майами и поэтому обеспокоены моими оценками. Это реально раздражает. И Сантьяго всегда очень рад сообщить им о моих оплошностях. И это тоже раздражает.

Я смеюсь, и мое сердце увеличивается в груди от проявления доброты.

— Ты живешь вместе с Сантьяго?

— Да, он мой брат. Наша мать умерла во время урагана Эндрю в год, когда я родился, а отец всё время работал в дороге. Так что, были только мы вдвоем.

— О, Господи. Мне так жаль. Кто-нибудь еще пострадал?

— Нет, только она. Она была одна, работала на побережье и предпринимала попытку вернуться через мост назад в Винвуд, когда потеряла контроль над управлением автомобилем и врезалась во встречный грузовик.

Я накрываю свой рот рукой.

— Это ужасно.

Он пожимает плечами.

— Да я даже не помню её. Жить без нее всегда было привычно для меня.

На панели кофемашины со звуком загорается зеленая кнопка. Я киваю Скейтеру, соглашаясь с ним: нельзя потерять то, чего у тебя никогда не было. Мне было почти десять лет, когда моя мать умерла от передозировки, и не иметь ее большую часть времени в своей жизни, также стало образом жизни для меня.

У нас полностью различные ситуации, но всё же обе печальны.

— В общем, с тех пор как Нейт, Оливер и Сантьяго стали вести себя, как мамочки, иногда это как заноза в заднице. Но если пообещаешь ничего не рассказывать, я открою тебе маленький секрет — я не представляю без них своей жизни.

— Это на самом деле мило, и мой рот на замке.

— Мы все были в доме Оливера во время шторма, когда мама погибла, и с тех пор, они чувствовали, что у них есть некоторая пожизненная связь со мной.

— Я понимаю это.

Он проверяет время.

— Могу я предложить тебе латте, капучино или эспрессо?

— Не-а, я не пью кофе. Как говорит Сантьяго, я достаточно активен и без добавления дозы кофеина.

В ответ, качаю головой. Он прелесть.

— Может, что-нибудь другое?

Он спрыгивает со стула.

— Я сам.

— Хорошо. — Я открываю холодильник, чтобы достать молоко, и ставлю коробку на стол. Чашки находятся в небольшом ящике под кофеваркой, и когда я открываю его, моё

сердце учащенно бьется в груди. Внутри лежит записка. Я беру её вместе с кружкой и ставлю на стол. В записке написано:

«С нетерпением жду сегодняшнего вечера. Машина должна стоять на подъездной дорожке. Я попросил Сантьяго подбросить на ней Розы и оставить ключи на столе, на случай, если ты еще спишь. Я позвоню тебе сегодня днем узнать, что бы ты хотела приготовить на ужин.

Твой бойфренд, Нейт».

Мои мысли возвращаются к прошлой ночи, не только к шлепкам по моей заднице, но и к абсолютно каждой мелочи, от которой я улыбаюсь. Интересно, должна ли я снова неправильно повести себя. Мне понравилось то, что произошло позже — ну, больше, чем просто понравилось. Но нет, лучше мне этого не делать.

Скрип кроссовок Андреса по кухонной плитке заставляет меня обернуться. Когда я сталкиваюсь с ним лицом к лицу, я обязана начисто стереть грязные мысли в своей голове.

Он кидает на меня свой взгляд, и я быстрым движением переворачиваю записку.

Он не обращает внимания на записку и открывает холодильник.

— Клево, Розы приготовила еду. Ты не возражаешь?

Я качаю головой.

— Нет, нисколько.

Он вытаскивает контейнер, подписанный как «блинчики с мясом» и открывает его.

— Ты это пробовала?

— Нет, как они, хороши?

Он откусывает и протягивает мне пластиковый контейнер, кивая.

— Лучшие, — бормочет, прикрывая рот рукой

— Нет, спасибо. Я ещё не выпила кофе, — у меня кружится голова, и желудок слишком выворачивает от волнения, чтобы поесть.

Выражение лица Скейтбордиста полно удовольствия, когда он заканчивает жевать.

— Ты и не догадываешься, что теряешь.

— Обещаю, что попробую позже. — Молоко выливается легко без каких-либо сгустков, и я подставляю маленькую чашечку с серебряной ручкой под носик подачи кофе и затем вставляю свою кофе-чашку под распределитель.

Андрес хватается за бутылку с водой, определенно чувствуя себя здесь, как дома.

— Знаешь, хорошо, что ты находишься здесь.

— Почему ты так думаешь?

Он пожимает плечами.

— С тех пор, как отец Нейта уехал в дом престарелых, Нейт, вроде как, ушел в подполье. Он говорил Розы не приезжать в дом каждый день. Он платил ей так же, как и раньше, но она считает неправильным принимать от него оплату. Он не просил её готовить или ещё о чем-то, до прошлой субботы. Полагаю, как только ты приехала. Приятно видеть, что он стал куда-то выбираться и выполнять другие действия, вот что я пытаюсь сказать.

— Ты знаком с Розы?

— Да, я живу с ней, — смеется он. — Она — жена моего брата.

— Я и понятия не имела.

— Ну, Нейт — не совсем открытая книга. Но есть я, — улыбается он, указывая на

себя. — Можешь меня спрашивать о чем угодно.

На мгновение я думаю спросить его о маме Нейта, но передумываю. Если Нейт захочет, чтобы я знала о ней всё, он сам расскажет мне об этом.

— Я должен бежать, пока Оливер не лишил меня зарплаты.

Скейтбордист озорно улыбается.

— Что ж, спасибо... за всё. — Улыбаюсь я ему.

Когда я провожаю его до двери, и он уезжает, я сажусь с моим латте и телефоном в руке и отправляю сообщение Нейту.

«Я тоже жду с нетерпением сегодняшнего вечера. Я собираюсь сделать кое-какие покупки и остановлюсь в супермаркете. Я хочу купить нам ужин, так что не волнуйся о планах. И, только не смейся, я никогда не проводила время на катере... для этого мне нужно что-то конкретное?»

Он отвечает без промедления.

«Ужин — звучит отлично. Если ты готовишь так же, как твой брат, то я с нетерпением жду его. Что касается одежды: пара кроссовок, бикини и рубашка с длинным рукавом в случае, если будет слишком много солнца. Курорт частный. Увидимся вечером».

Частный. Мне нравится, как это звучит.

Я: Ха! Бикини? Может, достаточно будет купального костюма?

Нейт: Нет. На борту, ты должна быть в ОЧЕНЬ крошечном бикини. «Изабелла» находится между Коллинз-авеню и Оушен-Драйв на восьмой улице. Также, есть ряд других магазинов. В них есть все, что тебе нужно. И пользуйся моей кредитной картой. Я серьезно.

Здесь я должна рассмеяться. В крошечном? Я ни разу не надевала бикини. Моего верного цельного черного купальника всегда было достаточно. Но для Нейта я хочу выглядеть сексуально.

Взглядом я блуждаю по океану. Весь уик-энд без ничего, кроме ветра, воды, солнца и Нейта — лучше и быть не может. Это словно рай: раскачивающиеся пальмы в нежных ветрах Атлантического океана, изящно очерченные захватывающим закатом, мягкий белый песок и яркое солнце, и мы, обнаженные с Нейтом — просто блаженство.

Я споласкиваю кружку и хватаю ключи, отправляясь на поиски крошечного бикини.

Нахожу парковочное место и держу путь на Эйт-стрит. Бутик «Изабелла» красиво украшен белой плиткой. Внутри магазин декорирован розовыми орхидеями, в различных местах расположены стойки со всеми видами одежды и аксессуаров.

— Я чем-то могу вам помочь? — спрашивает привлекательная девушка, одетая в платье оранжевого цвета и туфли на высоких каблуках.

— Да, Изабелла здесь?

— Нет, но я ее дочь, Габриэлла, и буду рада помочь вам.

— Конечно. Мне нужно подобрать отдельный купальник.

Она улыбается.

— Вы попали в нужное место. В каком стиле вы бы хотели подобрать?

Сейчас я могла бы сказать «крохотный», но молчу.

— Я не совсем уверена.

— Ладно, давайте начнем с верха. Вас привлекает лиф без бретелек, с оборками, в виде треугольников, спортивный лиф?

Я глубоко вдыхаю. Мне нравится ходить по магазинам, но я из тех девушек, которые обычно быстренько отправляются в Macy's, покупают всё необходимое и возвращаются обратно.

— Это будет прогулка на катере и мне бы хотелось слегка откровенного наряда.

Вот я и сказала это.

Она оглядывает меня с головы до ног.

— Только что поступил один такой, думаю, для вас будет идеальным. Идемте со мной.

Я покорно слеую за ней, и она вручает мне нечто, чего я раньше никогда не носила.

— Это бюстгальтер с регулируемыми и практичными для прогулки на катере бретельками, но вырез «капля» и необычные завязочки на спине наряду с модным низом придают ему подлинную сексуальность.

— Прекрасно. — Я изумляюсь бледно-лиловым завязочкам, с цветным узором, и мятно-зеленым полоскам вокруг пояса, что совпадает с завязками на спине сверху.

— У меня есть несколько вариантов пляжных накидок, а также соответствующие ювелирные изделия. Изысканное ожерелье в виде переливающихся ракушек замечательно подойдет к вашему образу.

Я в восторге пялюсь на неё.

— Выберите то, что считаете наилучшим. Мне нравится этот образ.

Она хлопает в ладоши.

— Обожаю таких клиентов, как вы. Дайте мне пару минут.

Купальник идеально подходит, и продавец добавляет белую тунику, обнажающую спину, ожерелье, белую пляжную сумку и пару белых кед на платформе.

— Куда вы собираетесь поехать?

— В Кис, — отвечаю я с улыбкой

— Со своим бойфрендом?

Я слегка медлю с ответом.

— Ну, и, да и нет. Он не совсем мой бойфренд.

— Ох, — говорит она в возмутительной манере.

— Ну, мы только что познакомились и... — я замолкаю. Что мне дальше говорить, мы только что познакомились и занимаемся самым лучшим сексом в моей жизни, и больше я ни в чем не нуждаюсь, потому что существует вероятность того, что я могу умереть в следующем году?

Тем не менее, когда эти слова доходят до меня, мысль о Нейте, как о моем бойфренде, творит с моим сердцем странные вещи.

Я отбрасываю это чувство, несмотря на то, что он имел в виду, что мы были парой. Я не могу думать подобным образом

— Для нас это всего лишь веселое лето.

— Ки-Уэст прекрасен. Вы были там раньше?

Я мотаю головой в отрицании.

— Вам понравится. Может, вам ещё нужен какой-нибудь вариант одежды? У нас есть удобные футболки и повседневные платья макси, которые будут идеальны для Кис.

Чувствуя себя немного выбитой из колеи по нескольким причинам, я решаю дать ей возможность покончить с моими покупками.

— Да, эти вещи могут пригодиться. Ох, да, мне нужна еще рубашка с длинным рукавом. Она посмеивается.

— Зачем? В Кис будет около сотни градусов жары.

— Как сказал Нейт, на тот случай, если на лодке будет слишком солнечно.

Она прижимается к прилавку и кладет кончик карандаша в рот.

— Нейт? Не Нейт Хэнсон, случайно?

— Да, вы знакомы с ним?

— Мы виделись... пару раз.

— О. — Это все, что я могу ответить, потому что, очевидно, кое-что произошло в эти пару раз.

На её лице всё написано.

— В любом случае, это здорово, что он берет вас прокатиться с собой на катере до самого Кис. Я никогда не видела, чтобы он брал куда-нибудь с собой девушку. Полагаю, что рубашка с длинным рукавом означает, что он беспокоится о вас. Но вы сказали, он вам не бойфренд?

Беспокоится?

Я не обращаю внимания на то, что она думает, будто он ведет себя как мой старший брат.

— Это сложно, — в ответ выпаливаю я.

— Разве так всегда бывает? — улыбается она.

Я пропускаю это. Я не могу сказать ей о нашей договоренности в виде секса. Это соответствует как его, так и моим потребностям. На данный момент нас это устраивает.

— Дайте мне пару минут, и я упакую всё для вас. И ещё возьмите вот это. — Она вручает мне несколько пробников. — Это самый известный парфюм и спрей для тела. Оба пахнут просто чудесно.

Я беру их и засовываю в свою сумочку.

Она останавливается и поворачивается лицом ко мне.

— Я не хотела показаться любопытной. Это действительно не мое дело.

Я выхожу из павильона, загруженная множественными вопросами о ней и о Нейте, и со всем тем, что она изначально упаковала вместе с несколькими платьями макси, шлепанцами и белой солнцезащитной тенниской с длинными рукавами. Если быть точной, то одежды здесь на одну тысячу пятьсот восемьдесят пять долларов.

Я никогда не тратила столько денег на одежду.

Сайт Yelp подсказывает мне, что Victoria's Secret находится поблизости, а мне необходимо нижнее белье. Но это я куплю себе сама. Я иду быстро и ощущаю исключительную жару и жажду.

На углу находится Starbucks, и я решаю поторопиться, перед тем как направиться домой. Пока потягиваю свой латте со льдом, получаю сообщение от Нейта.

Нейт: Я погуглил астму и «онлайн-доктора», люди с астмой могут работать или

совершать пробежки. Это так?

Я прыскаю со смеху и отвечаю:

Я: Нет! Это не так. Я совершенно не могу бегать. Но это никак не связано с астмой.;)

Нейт: Пока ты там, бери с собой кроссовки и шорты для пробежки. Будешь бегать со мной по утрам.

Я: Нейт, я не ранняя пташка, и бегать — это не мое.

Нейт: Я думал, мы обсуждали послушание и последствия его невыполнения, не так ли?

Я: Да, обсуждали. Я с радостью куплю их, но если забуду, то это может быть преднамеренно.

Нейт: Не дразни меня.

Я: Даже и не думала.

Нейт: Как проходит твой день?

Я: Неплохо, довольно интересно.

Нейт: Рад, что у тебя всё хорошо. Увидимся вечером.

Я не потрудилась упомянуть дочь Изабеллы — не вижу в этом смысла.

Влюбленные парочки прогуливаются, держась за руки, и мне становится интересно, какие у них отношения: обычные или связанные обязательствами.

Нейт и я могли бы быть такой парочкой. Интересно, что бы подумали люди о нас, когда увидели бы вместе.

Я делаю последний глоток своего напитка и крепко зажмуриваюсь.

Становится ли все слишком личным между нами?

Или всё становится слишком сложным?

Я уже привязываюсь к нему.

«Привязанность не для тебя», — шепчет мне на ухо внутренний голос, считавшийся глубоко похороненным.

Я прикрываю глаза и по некоторым причинам, мне становится интересно, как ощущается смерть. Узнаю ли я, как это происходит?

Внутри меня нарастает гнев.

Меня начинает поглощать тьма.

Я не могу этого допустить.

Я сильнее этого всего.

Да.

Я становлюсь сильнее и сильнее каждый день. Сосредотачиваюсь на Нейте. Он помогает мне. Возможно, я помогаю ему.

Его защитная оболочка постепенно смягчается. Это может пойти ему на пользу. Вероятно, когда меня не станет, он будет открыт для такой девушки, как дочь Изабеллы.

Я не обращаю внимания на жжение у себя в горле и нажимаю несколько кнопок на экране телефона. Как только заканчиваю, то гоню прочь мысли об Изабелле и переключаюсь на свои сообщения.

Я: Вот еще что. Кроссовки «Найк» подойдут? Магазин находится в нескольких кварталах от меня.

Нейт: Да.

Коротко и ясно — замечательно. Пожалуй, так, как я люблю. Я убираю свой телефон и выдвигаюсь, чтобы закончить дела. К тому времени, как покупаю все, в чем нуждаюсь, наступает уже три часа дня. Ненадолго делаю остановку в продуктовом магазине и наконец-то оказываюсь дома, в доме Нейта, я имею в виду.

Я потрясена, когда открываю гараж и вижу припаркованный внутри «Рендж Ровер». Я паркуюсь позади него, потому что слишком страшно маневрировать рядом с автомобилем Нейта. Параллельная парковка пугает меня до чертиков, но мысль о том, чтобы втиснуться между машиной Нейта и бетонной стеной на самом деле приводит меня в ужас.

Если что, я перепаркуюсь, когда ему нужно будет выезжать.

Собираю все продуктовые товары и направляюсь на кухню.

— Нейт! — зову.

Нет ответа.

— Нейт?

Я кладу на кухонный стол пластиковый пакет, и когда поднимаю свой взгляд, то вижу движение в лодочном домике. Двери отсека открыты, а вишнево-красная и старая расшатанная рыбацкая лодки поменялись местами. Нейт возится на корме лодки. В низко посаженных выцветших джинсах и черной футболке, его худощавое мускулистое телосложение перемещается с легкостью, когда он со знанием дела крепко дергает канаты.

Я упираюсь локтями о стол и просто глазею — я могла бы наблюдать за ним весь день.

Секунды превращаются в минуты.

Вздыхая, возвращаюсь к ужину, ведь я же обещала Нейту, что приготовлю его.

В окне ярко горит свет, и когда я возвращаюсь в гараж за другими сумками, позолоченные рамы в кабинете Нейта блестят, словно омывающееся на пляже морское стекло.

Они чем-то меня притягивают к себе.

Я вхожу в кабинет и изучаю пейзажи, нарисованные с помощью великолепных акварелей, которые выглядят неуместными с остальной частью дома.

На них подпись: Майло Хэнсон. Их нарисовал отец Нейта.

Его работы невероятно детализированы и очень привлекательны. Интересно, почему Нейт никогда не упоминал о том, что его отец был художником.

Полагаю, что до этого еще не дошло.

Я добавляю этот пункт к своему растущему списку вопросов, которые мне хочется ему задать.

После того как размещаю свои покупки на лестнице, я бросаю еще один взгляд на улицу. Нейт, упираясь руками в бедра, стоит на бетонной площадке, просто уставившись на лодку. Даже со спины его поза невероятно великолепная.

Я быстренько отворачиваюсь. Каждый раз при виде него, мое сердце начинает грохотать, но я должна сфокусироваться на приготовлении ужина.

Я решила приготовить фетучини со сливочным соусом и добавлением красного перца. Спагетти — это единственное, чему меня научила Мими, и я бы сказала, что научилась

готовить их неплохо. Когда с деньгами напряженка, эксперимент с пастой придает свою изюминку другому простому блюду, и Мими проделывала потрясающую работу по приготовлению вкусной еды.

Как только я подготавливаю ингредиенты и преступаю к соусу, включаю плиту на режим «медленный огонь» и вытираю руки полотенцем. Наполняю чайник водой, режу на ломтики свежий хлеб, накрыв его полотенцем сверху, готовлю салат, спрятав его в холодильник, затем наливаю два стакана лимонада и отправляюсь на поиски Нейта.

Нейта в помещении больше нет, но я замечаю его, как только пересекаю открытый порог. Он сидит на верхней ступени с опущенной головой, упираясь локтями в колени, и придерживая руками свою голову. На нем всё та же одежда, но волосы слегка влажные, а ноги босые. От него исходит аромат мыла под названием «Ирландская осень», который был в душевой Зака.

— Нейт? — Спешу к нему, расплескав по дороге лимонад.

Он поднимает взгляд.

— Зои, привет, Я не слышал, как ты вошла. Ты купила все, что тебе сегодня требуется? Лимонад прилипает к моим рукам, но я все равно передаю ему.

— Да, я купила, а также парочку лишних вещей.

Он улыбается в ответ и берет стакан.

— Спасибо, выглядит неплохо.

— Подвинься. Что ты здесь делаешь?

— Просто подготавливаю катер для путешествия.

Я кладу свою свободную руку на его колено.

— Ты рано вернулся домой.

Он смотрит на меня.

— Да, я давно здесь не был. Мне нужно было собрать всё необходимое, пока ещё было светло.

Даже несмотря на то, что его волосы по-прежнему мокрые и спадают ему на глаза, я вижу его лицо полное уязвимости. Меня одолевает желание убежать — быстро и далеко — потому что, если я не сделаю этого, почувствую, как откроется еще одна дверь, и чем шире эти двери откроются, тем труднее их будет закрыть.

Но я не могу никуда уйти.

Он выглядит так, будто нуждается во мне.

Я убираю волосы с его глаз и ставлю свой стакан, чтобы обхватить его лицо своими ладонями.

— Нейт, скажи мне, о чем ты думал, когда я вошла?

Он мотает головой.

— Ни о чем. Пустяки.

— Это не правда. — Смотрю на стену из коробок, а я видела, как он пялился на нее раньше. — Расскажи мне, почему ты опустошил свой дом. Почему не был здесь со времени смерти моего брата. Каждый по-своему справляется с горем. Но иногда очень полезно поговорить с кем-нибудь об этом.

Он ставит свой стакан и встает, хватая меня за руку.

— Пошли, давай зайдём внутрь. Я уже всё сделал.

Спокойно пожимая плечами, я не двигаюсь с места.

— Нейт, — говорю низким успокаивающим голосом. — Ты можешь рассказать мне.

Рукой он проводит по волосам, затем спускает ее ниже, обхватывая сзади шею. Он стоит передо мной — такой весь худощавый, крепкий, его футболка не заправлена в штаны, но я смотрю не на его тело, я смотрю на его лицо, полное отчаяния.

— Пойдем.

Я присаживаюсь обратно на ступеньки.

— Ещё только пять часов. У нас полно времени. Почему ты полностью опустошил ту спальню, после того, как твой отец уехал в Саншайн-Виллидж?

Он прожигает меня взглядом, но я не прячусь. Ему нужно с кем-нибудь поговорить, это видно по его глазам.

— Нейт, поговори со мной. Почему ты не поднимался туда до сегодняшнего дня?

Нейт подходит к стене из коробок. Стоя спиной ко мне он отвечает:

— Видишь всё это?

— Да.

Надеюсь, что я правильно поступаю, подталкивая его к этому разговору.

Он оборачивается ко мне так, что мне становится виден назревающий шторм в его глазах.

— Это жизнь моего отца! В этих коробках! Всё, что осталось от его жизни находится прямо здесь, кроме этой его дерьмовой вафельницы, которая стоит на кухне. — Он указывает на самый верх лестницы. — И то, чем ты занимаешься там — это то же самое. Всё, что осталось от Зи будет лежать в коробках, пока ты не поймешь, что с этими вещами тебе делать. И вероятнее всего, содержимое коробок окажется в каком-нибудь подержанном магазине для кого-то другого, кто будет пользоваться этими вещами. Понимаешь, Зои, я не опустошал комнату. Я вместил жизнь своего отца в эти коробки.

— Нет, он прожил свою жизнь и до сих пор живет своей жизнью. Ты просто убрал некоторые его вещи.

Он оборачивается.

— Разве это называется убрал? Потому что это большего похоже на ощущение, которое разрывает мое сердце.

— Нейт, взгляни на меня.

Он не реагирует.

И всё же, я не отступаю. Вместо этого становлюсь перед ним и соединяю его руки со своими.

Он отталкивает меня и возвращает свой взгляд на лодку.

Тон моего голоса решительный.

— Нейт, послушай меня. Жизнь твоего отца находится не в этих коробках. — Я прислоняюсь своей грудью к его спине, кладу подбородок ему на плечо и обнимаю его. Затем, прикладываю ладонь к его сердцу. — Его жизнь находится здесь, в твоём сердце. Без сомнений, ты не можешь хранить все чужие вещи, но ты в состоянии хранить те вещи, которые имеют значение, вещи, которые напоминают тебе о человеке, вещи, которые заставляют тебя улыбаться, когда ты смотришь на них. Поэтому я приехала сюда, чтобы привезти домой хоть какую-то небольшую частичку своего брата, от которой я буду улыбаться. Чтобы взять с собой домой свою версию вафельницы твоего отца.

Нейт накрывает мою руку своей, и когда он сжимает ее, на моих глазах наворачиваются слезы.

— Я просто не смог запретить жизнь Зи в коробк, как жизнь своего отца. Только не ещё

одну жизнь, и я даже попросил Розы, оставить всё как было. И сегодня я кое-что понял. Я оставил это для тебя, и из-за этого почувствовал себя придурком. Итак, для чего я туда поднялся? У меня нет никакой гребаной подсказки, потому что, как только я увидел коробки, не мог сдвинуться с места. Я даже принял душ, чтобы попытаться прийти в себя. Я не хотел, чтобы ты увидела меня таким.

Мои руки сжимают его крепче.

— Каким? Увидела в тебе человечность? Что ты в состоянии о ком-то позаботиться?

Мне нравится в тебе эта сторона.

Нейт оборачивается и притягивает меня к своему телу, обнимая меня на протяжении долгого времени. Мы пребываем в объятиях словно статуи. После того, как приходим в себя, он обхватывает мое лицо руками.

— Следи за своими словами, а не то я могу подумать, что ты хочешь от меня большего, чем просто мое тело, и это не просто твоя врожденная необходимость прощупывания.

Сердце выпрыгивает из моей груди. Я стараюсь оттолкнуть свои чувства, но они растут с каждым ударом моего сердца. Мне нужно получить контроль над ними, и лишь тело Нейта может мне в этом помочь.

Проводя рукой по его груди, я шепчу:

— Я не в состоянии помочь себе. Прощупывание — это моя работа.

Затем, скользя вниз к передней части его джинсов, я улыбаюсь ему и бросаю взгляд на вишнево-красную лодку.

— Знаешь, я никогда ещё не занималась сексом в лодке.

20 Глава

Ненасытные

Так всё и началось. Мы занимались сексом в лодке, на кровати, на пляже, в бассейне — везде, в любом месте Ки-Уэст, где только возможно было заниматься сексом. В эти выходные роман безо всяких обязательств превратился в крепкую связь.

Он надевал повязку мне на глаза.

Связывал руки.

Брал меня сзади.

Лицом к лицу.

В позе шестьдесят девять.

Нейт обладал мною всеми возможными способами и как только мог.

Я открывалась ему, и он брал от меня столько, сколько я могла ему отдавать. Каждый раз, когда он толкался в меня всё жестче и жестче, то заставлял меня чувствовать себя всё более живой. Я ощущала, что действительно живу своей жизнью, которой хватит на двоих, и это было именно то, чего мне так хотелось.

В номере над кроватью располагалось зеркало, и это был самый любимый фрагмент нашей поездки.

— Взгляни на зеркало, — говорил он мне.

Я сидела спиной к нему у него на коленях, и когда я посмотрела вверх, представленный передо мною вид дал мне понять, что именно Фотограф и мой брат создавали для пар в клубе «Особняк». Мне хотелось запечатлеть то, как мы смотрелись вместе. Мои волосы были растрепаны, лицо покраснелось, и тело принадлежало Нейту: его руки располагались

на моих бедрах, член болезненно медленно двигался во мне, а его лицо покоилось на моей шее.

Клянусь, что от нашего соединения я могла увидеть дымящееся наслаждение — всё кругом выглядело мучительно красивым.

Это было изображение, которое я хотела запомнить навсегда.

Наполненный сексом отдых был просто волшебным, но каким-то образом открылось кое-что еще.

Фотографируясь, мы создавали воспоминания и с каждым шагом доверяли друг другу все больше и больше. Я понимала, что нам не стоило этого делать, но почему-то детские шажки превратились в гигантские прыжки. Я не хотела отказываться от всего этого.

Я могла прочувствовать, как с каждой минутой Нейт теряет немного своей прочности. И это идет ему на пользу. Находясь рядом с ним, я как никогда воспринимаю себя по-другому.

Я ощущаю себя молодой, раскрепощенной и свободной. Впервые за всё время я отдаюсь жизни на все сто, и это потрясающе.

Но вместе с тем, меня одолевает страх. И я чувствую себя еще более потерянной, чем раньше.

Мы вернулись домой вчера поздно вечером, и как только заперли лодку в сарае, Нейт открыл несколько коробок и показал мне некоторые вещи. Мы даже принесли несколько фотографий с изображением его отца и поставили их на каминной полке.

Сегодня я провела день с Розы, пакуя вещи Зака, которые оставила на прошлой неделе. Розы рассказала мне о приюте неподалеку от Винвуда, который предоставляет помощь пострадавшим от урагана, и я решила отдать его вещи людям, которые потеряли кусочек своей жизни.

Когда я подъезжаю к дому, с удивлением замечаю машину Нейта в гараже. Еще только шесть вечера, и тот факт, что он рано находится дома, заставляет меня улыбаться. Он ушел этим утром до восхода солнца, быстро поцеловав меня в лоб. Я даже не уверена, бегал ли он с утра. Спустя несколько часов, когда я услышала внизу Розы, то встала, быстро собралась и вышла из комнаты, не обращая внимания на груды нашей одежды на полу.

Как только я заглушаю машину, дверь открывается, и дверной проем наполняется самым прекрасным видом. Нейт снял свой костюм и сейчас одет в чертовски сексуальные фирменные джинсы и обычную белую майку.

Мне хочется наброситься на него прямо сейчас, не могу удержаться от этих мыслей.

Он прислоняется к дверному косяку и скрещивает свои руки на груди, выглядя при этом довольно забавно.

Прикрывая дверь, я одариваю его стальным взглядом.

— Что?

Кивком головы он указывает на пустое место рядом с его машиной в гараже.

— Я собираюсь научить тебя парковаться там, знаешь об этом?

Чувствуя себя воодушевленной и озорной, я направляюсь к нему, покачивая своими бедрами.

— Уроки вождения. Я готова, если и ты готов.

Он двигается не для того, чтобы пропустить меня, а для того, чтобы прижимать к косяку. Его руки сжимают мои бедра, а губы находятся в поисках моих губ.

— Не сейчас.

— Ты уверен? — Я упираюсь в него коленом между ног и слегка надавливаю. —

Потому что, мне кажется, что именно сейчас ты готов.

Дерзкий смешок возле моего уха говорит о том, что ему нравится мое нахальное поведение.

— Для начала, нам нужно выбраться отсюда.

Я прижимаюсь плотнее к его промежности.

— Ты уверен?

Нейт практически дышит мне в ухо, когда давит на меня своим телом.

Вдруг он выхватывает у меня ключи.

— Я поведу проклятую машину. Полезай в мою.

Затаив дыхание, я смотрю на него.

— Ты — отстой.

Он оборачивается на меня, выходя из гаража такой походкой, от которой невозможно оторвать взгляд.

— Я сделаю все, что ты захочешь, но позже.

Я накручиваю на палец прядку своих волос.

— Ловлю тебя на слове. Сегодня командую я. Выдержишь?

Пока я говорю ему это, он открывает дверцу «Камри». Нейт слышит мои слова, потому как облизывает свои губы, а его рот растягивается в хитрую улыбку.

— Ты будешь удивлена, когда узнаешь о моей выдержке.

Я мотаю головой, понимая, что могу остаться без секса в машине, но компромисс стоит того.

Сегодня он полностью принадлежит мне.

Перед моими глазами вспыхивают картинки обнаженного, в состоянии эрекции и привязанного к кровати Нейта, пока я поливаю его шоколадным сиропом, а затем облизываю, подводя его к краю снова и снова.

Мне интересно, позволит ли он.

Будем ли мы использовать шоколадный сироп.

— Эй, ты где? — Он обдаёт мое ухо горячим дыханием своего рта.

Я моргаю, и мои щеки покрываются румянцем.

— Я должна переодеться?

— Не-а. О чем ты думала только что?

— Ни о чем, — выпаливаю. — Куда мы едем?

Он приближается, придавливая меня к двери.

— О чем ты только что думала?

— О еде. Я думала о еде.

И это правда.

Посмеиваясь, он хватается меня за руку.

— Мы недолго будем отсутствовать, и Роза оставила для нас куриное филе с каким-то новым соусом. Она очень хотела, чтобы мы его попробовали.

— Ммм, звучит неплохо.

Я сажусь в машину с влажными трусиками и возбужденными сосками, в надежде, что ни то ни другое незаметно, и пока мы доберемся до места, моё возбуждение уже спадет.

Предполагаю, что мы направляемся в Саншайн-Виллидж.

Судя по приподнятому настроению Нейта, возможно, он уже заезжал туда, чтобы

навестить своего отца, прежде чем вернуться домой.

Когда Нейт привез меня утром в прошлый четверг, его отец не смог узнать его. Думаю, он думал, что Нейт был кем-то другим и продолжал спрашивать, где же Мариса. Нейт выпроводил меня и попросил подождать в коридоре, а сам ушел к нему в одиночестве. Майло выглядел вполне узнаваемым, как тот человек на фотографиях на лестнице лодочного сарая, но здоровье его было далеко от того, что запечатлено на снимках.

Кажется, его болезнь Альцгеймера быстро прогрессирует.

Как только мы покинули дом престарелых и очутились в машине, я повернулась к Нейту:

— С тобой всё хорошо?

Он кивнул в ответ.

— Нейт, кто такая Мариса? — спросила я.

Он оглядел меня холодным взглядом.

— Моя мать.

Потом, он долгое время молчал. Я отношусь с пониманием к потере, когда ее как таковой еще не произошло. И являлось ли для него горем его умирающий отец или мать, которая не принимала участия в жизни Нейта, я не могла быть уверенной, но это не важно — горе присутствовало рядом с ним, и я достаточно это осознавала, чтобы предоставить ему пространство, в котором он так нуждался.

Я и горе хорошо знаем друг друга — я знакома со всеми его видами и формами. Погибло много моих родственников.

Скорблю о себе и судьбе, которая меня ожидает. Я оплакивала бабушку до того, как она умерла, когда рак отнял ее у меня, и постепенно ее здоровье начало ухудшаться. Когда для нее сон был единственным утешением. Она жила со мной, она была жива, но она не жила счастливой жизнью.

Я оставила Нейта наедине со своими мыслями, поскольку на некоторое безмолвное время, когда мы впервые сели в лодку, я была поражена своими размышлениями. Это был первый случай, когда я сомневалась в том, что судьба имела контроль надо мной. И эта мысль сделала меня еще сильнее. Я желала бороться за свою жизнь.

Нейт убирает с моего лица выбившуюся из резинки прядку волос и возвращает меня в настоящее.

Я смотрю на него.

— Эй, да что с тобой сегодня происходит?

Я хватаю свой медальон и крепко сжимаю его.

— Ничего. Просто умираю от любопытства, куда мы направляемся.

Чтобы выехать на главную дорогу, Нейту приходится развернуться, и таким образом, он, отъезжая, делает необычный разворот в три приема. Прежде чем Нейт переключает передачу, он достает из козырька свои солнцезащитные очки. Я тянусь в свою сумочку за той розовой парой, которую он мне купил.

— Это не будет для тебя сюрпризом.

Я сморю на него немного растерянно.

— Туда, куда я тебя везу, это не сюрприз.

— Ладно, — я улыбаюсь ему. — Тогда, куда мы едем?

— В галерею. Знаю, что ты хотела увидеть место, где работал твой брат.

— «Вандерласт»?

Он смотрит на меня, поджимая губы.

— В чем дело?

— Черт, — бормочет он и запрокидывает назад голову.

— Нейт?

— Ненавижу это название.

Шокированная, я поворачиваюсь к нему:

— Почему?

Для него это нечто больше, чем просто название. Я замечаю это по нему. Но пока находилась здесь, за такое короткое время я многое узнала о нем, и мне также известно, что лучше не давить на него. Если я надавлю, он еще глубже утонет в своих мыслях. Поэтому, сижу тихо и жду.

Нейт долгое время не отвечает мне. Затем, как только сворачивает на Фоунтэин-стрит и направляется на мост, ведущий на запад, он указывает впереди себя.

— Видишь это?

Я смотрю туда и наблюдаю разукрашенный закат кружочками оранжевого и желтого цвета.

— Солнце?

— Я имею в виду цвета.

— Да, я вижу.

— Они похожи на то, что мой отец когда-то рисовал.

— Да, они похожи. Я обратила внимание на картины в твоём кабинете.

Он проводит рукой по волосам.

— Да. Всё это было нарисовано до встречи с моей матерью.

Я открываю рот, чтобы ответить, но решаю подождать дальнейшего рассказа Нейта.

Он поворачивает направо на Бискайский бульвар и останавливается возле светофора.

— Раньше, когда мой отец впервые открыл галерею, она называлась «У Хэнсона». Меня тогда ещё не было на белом свете, но я слышал историю от отца и парочку других от его друзей, они не совсем одинаковы, но имеют один и тот же конец.

На светофоре загорается «зеленый», и Нейт надавливает черным ботинком на педаль газа.

— Он открыл ее, чтобы демонстрировать свои картины. Тогда здания были действительно дешевыми, и эта постройка функционировала как студия, так и витрина магазина. Чтобы заработать дополнительные деньги, он также продавал предметы искусства и давал уроки. Но все изменилось для него в тот день, когда в его мастерскую вошла моя мать. Она была двадцатиоднолетней студенткой колледжа, и хотела, чтобы отец продемонстрировал ей свои скульптуры.

Статуя в доме, должно быть, его матери. Не стоит спрашивать об этом.

Нейт сворачивает на Секонд-авеню, и я знаю, что мы находимся близко к галерее.

— И, по словам моего отца, это была любовь с первого взгляда. Спустя месяц после их встречи, он попросил ее выйти за него замуж, и вместо того, чтобы вернуться в колледж, она помогала ему управлять галереей. Но ей нужна была настоящая картинная галерея, а не магазин. Она каким-то образом убедила его перестать давать уроки, продавать материалы и сказала ему, что картины, выполненные в цвете, не являлись достаточно стильными для привлечения толпы. Черно-белый являлся подходящим для людей цветом. Позже она предложила изменить название на «Вандерласт». Знаешь, что оно означает?

Мой взгляд блуждает по его лицу, наполненном большим количеством неясных эмоций.
— Что-то связано с путешествием.

Он включает поворотник и очень легко паркует свой «Ровер». Затем останавливает машину и поворачивается ко мне.

— Ты близка. Это определение означает, как сильное, врожденное желание бродить или путешествовать.

Кивая в ответ, я понимаю этот термин, но понятия не имею, к чему он клонит.

Он сглатывает и делает глубокий вдох.

— Она забеременела мной через год после встречи с отцом. Ей было двадцать два. А ему сорок, и он никогда не был женат ранее. Он жил живописью, а потом мать ворвалась в его жизнь и стала его миром. Отец делал всё ради неё. Мать налаживала контакты только с новыми и перспективными художниками. Она лепила, а мой отец руководил, она работала в сети Интернет, отец заботился обо мне. Для него это было сбывшейся мечтой, а для неё, как мне сказали, был худший кошмар. — Он качает головой. — Я даже изменил код сигнализации на название галереи, потому что это была единственная вещь, которую отец всегда помнил.

Я протягиваю ему свою руку, но он отстраняет ее от себя и выключает зажигание.

— Это она. — Он указывает через дорогу от нас на витрину магазина: на большом окне черным цветом по контуру написано название «Вандерласт», а снизу под ним красным цветом — «Художественная галерея».

Простенько, но в то же время бросается в глаза.

Галерея находится между кафе и закрытым антикварным магазином одежды.

Я смотрю на Нейта.

— Хочешь закончить этот разговор?

Он откидывает назад голову и нажимает на ручку дверцы.

— Пошли.

— погоди минутку.

Нейт поворачивается ко мне.

— Нам необязательно идти туда.

Он вздыхает.

— Я не могу избежать этого вечно. Пойдем.

Он обходит машину и берет меня за руку, чтобы помочь мне выйти из автомобиля, и как только мои ступни касаются тротуара, он отпускает её.

Когда мы пересекаем улицу, я хватаюсь за его руку и держу её крепче.

Пешеходы бродят по тротуарам, но их не так много. Большинство магазинов закрыты, а рестораны, с открытым патио, кажутся заполненными.

Я пристально смотрю на красный цвет букв на витрине, и Нейт ловит мой взгляд.

— Это дополнение твоего брата. — Улыбается он.

Это также вызывает у меня улыбку. Мы оба грустно ухмыляемся, но, тем не менее, улыбаемся.

Нейт выглядит мрачным, пока открывает дверь.

— Эй, нам совсем необязательно открывать эту дверь. В этом нет необходимости.

Он прижимается своей головой к стеклянной двери.

— Меня здесь не было со времен смерти Зи. Теперь настало время.

Перед тем, как дарю ему нежный поцелуй, я обнимаю его и прижимаюсь к нему своей

щекой.

— Мы сделаем это вместе.

Он прислоняется ко мне всем телом, поворачивается и подставляет свою щеку для целомудренного поцелуя, и этот жест удивляет меня.

Проворачивая ключ в замке, Нейт нажимает на дверную ручку, и мы входим внутрь здания. Я и Нейт стоим плечом к плечу в комнате с черными стенами и черным полом, пока звенит колокольчик.

— Ненавижу всю эту хрень, — говорит он не совсем резким тоном, а скорее забавным.

Я поднимаю взгляд и вижу несколько связанных между собой тусклых колокольчиков на петле двери.

— Охранная сигнализация? — приподнимаю бровь.

— Полагаю, можно и так сказать. — Посмеивается он.

Я поджимаю губы.

— Что ты имеешь в виду?

Он глядит на панель сигнализации позади себя.

— Ты не захочешь знать.

— Нет, извини, я хочу. Очень хочу.

Он нажимает пару кнопок на клавиатуре.

— Обычная сигнализация не установлена, но эта отлично работает.

— Кто здесь находился в последний раз?

— Риелтор. Я выставил галерею на продажу несколько недель назад.

— Должно быть, это какая-то ошибка.

— Да, я позвоню ей, когда доберемся до машины.

Различные статуи, как та, что находится в доме Нейта, украшают помещение, но кажется, они не продаются. Они гладкие и отштукатуренные — некоторые в черном цвете, другие в белом. И все они представляют женщин с различным выражением лица, выполняющие различные задачи. Скульптура, находящаяся рядом со мной, изображает бегущую женщину, и ее лицо выглядит, словно она находится в беде. Статуя, кажется, показывает стремление и преимущества тяжелой работы, либо серьезные последствия напряженной физической активности — это можно интерпретировать по-разному.

Я нахожу это увлекательным.

Есть еще приблизительно дюжина таких скульптур, как эта, и они все настолько жизненные и великолепно вылеплены.

Нейт притягивает меня к себе, нарушая мою сосредоточенность.

— Спасибо за то, что приехала сюда со мной.

Я прикусываю его губу, и просто счастлива от того, что нахожусь здесь рядом с ним.

— Можешь поблагодарить меня, рассказав мне о колокольчиках.

Он опускает свой взгляд, и застенчивый мальчишка, которым я любовалась несколько раз, возвращается.

— Скажем так, когда я встретил твоего брата, он находился в очень компрометирующем положении.

Я поднимаю взгляд на колокольчики.

— Да ладно!

— Так и есть. — Кивает он.

— Он занимался здесь с кем-то сексом?

Нейт широко ухмыляется.

— Не совсем, но очень близко. Ты бы видела его лицо, когда я открыл дверь. Излишне рассказывать о том, что вскоре появились эти гребаные колокольчики.

Я смеюсь.

— Это похоже на Зака, — говорю, сквозь веселье. Не то чтобы все это было действительно смешно, но на тот момент это выглядело неким облегчением.

Вдруг дверь, на которую указывал Нейт, приоткрывается, и две модно одетые женщины, одна в черном, другая в голубом, входят в галерею.

— О, мистер Хэнсон. Я не ожидала вас здесь увидеть, — говорит женщина в голубом, прикасаясь рукой к груди, словно напугана нашим присутствием. — Я просто показывала галерею вашей...

— Я знаю, кто она.

Все тело Нейта натягивается как струна. Что-то пошло не так, и это видно сразу.

На мгновение наступает гробовая тишина, пока Нейт сверлит взглядом женщину в черном, стоящую рядом с другой женщиной, которая, предпологаю, является агентом по недвижимости.

— Ох, простите. Я не предполагала, что вы уже встречались. Ну, раз уж вы здесь, миссис Винчестер собирается сделать предложение, — возбужденно объявляет агент по недвижимости.

Глаза Нейта темнеют.

— Мне это не интересно.

Глаза риелтора лезут на лоб.

— Возможно, вы могли бы дать нам минутку, Мона, — говорит агенту другая леди.

— Конечно. Я буду рядом в кафе. — Она покидает нас, а взгляд Нейта пристально рассматривает женщину в черном.

Колокольчики начинают звенеть снова, и в этот раз в груди громко грохочет моё сердце.

Что происходит?

— Нейт, ты ведешь себя неразумно, — говорит женщина, подходя к нам ближе.

— Неразумно? Ты издеваешься надо мной?

— Нейт, пожалуйста, не разговаривай со мной таким тоном.

Сухой смешок вырывается из его рта.

— Я вообще не хотел разговаривать с тобой, с тех пор как ты приехала. Но ты не в состоянии вдолбить это в свою голову.

— Нейти, я хочу поговорить с тобой. Хочу, чтобы ты поговорил со мной. Что необходимо мне для этого сделать?

Нейт сжимает свои руки по бокам в кулаках.

— Не называй меня так!

Внезапно я осознаю, кто она: её зеленые глаза говорят мне все, что необходимо знать.

Это Мариса, мать Нейта.

— Нейт. — Я хватаю его за руку. — Возможно, нам стоит уйти.

— Зои, не могла бы ты подождать меня в машине? — Он смахивает мою руку и достает из кармана ключи от автомобиля.

— Ты сестра Закари? — Женщина пытается пожать мне руку, но Нейт толкает меня за свою спину.

— Зои, — шипит он.

Я смотрю на эту женщину.

— Вы знали моего брата?

— Не так долго, но он рассказывал о тебе с таким восхищением. — Она неподдельно улыбается.

— Тебе не стоило сюда приходить, и ты знаешь об этом, — говорит Нейт сквозь стиснутые зубы.

Её улыбка исчезает.

— Это было единственным способом связаться с тобой.

Нейт пихает мне ключи от машины.

— Иди.

Я беру их.

— Знаешь что, поехали. Мы оба уйдем.

— Нейт, не уходи.

— Ты та, кто научила меня этому.

— Нейт, это несправедливо. Я объясняла тебе, мне было не хорошо, я была не в себе.

— Зато тебе было довольно хорошо, когда ты начала новую жизнь.

— Это не так.

Он смотрит на меня, кивая по направлению к двери.

— Нет, — говорит она. — Всё хорошо. Я уйду. Но, пожалуйста, Нейт, подумай над моим предложением. Если ты продашь галерею мне, она все еще будет открыта. Если продашь кому-нибудь другому, вероятность этого будет ничтожна. Мое предложение будет честным.

— Мне не нужны твои деньги.

Она опускает взгляд.

— Я знаю. Знаю, что ты ничего не хочешь от меня. Но я не перестану надеяться, что однажды ты поменяешь свое отношение.

После ее комментария образуется тишина.

Она проходит мимо нас и смотрит на меня.

— Зои, мне было очень жаль услышать о твоём брате.

Я крепче сжимаю ключи в своей руке. Мать Нейта открывает дверь, и когда колокольчики звенят вновь, мне хочется закричать. Дверь закрывается, и я поворачиваю голову, в то время как Мариса проходит мимо окна. Она исчезает, как ни в чем не бывало.

Нейт тяжело дышит и, хотя я не смотрю на него, могу себе представить, что его глаза закрыты. Секунды спустя, он поворачивается ко мне и берет меня за руку.

— Поехали.

Прошлое не изменить, не имеет значения, насколько бы тебе хотелось этого. Что бы ни произошло между Нейтом и его матерью, он и его отец не в состоянии этого исправить.

Мне необходимо знать.

У меня была мать, которая забывала своих детей практически везде, где бы она ни находилась. И каждый день я не хотела жить таким образом, но от этого она никогда не менялась.

Мне всегда было интересно, если бы сейчас моя мать находилась рядом со мной, трезвая, остепенившаяся, могла бы я простить ее. Хотелось бы думать, что это так.

Тем не менее, я этого никогда не узнаю.

Звон колокольчиков дает мне возможность отогнать прочь свои мрачные мысли.

Нейт ведет себя тихо и быстрым шагом сворачивает на улицу. После того, как закрывает

мою дверцу, он движется к своей стороне машины еще быстрее, будто беспокоится о том, что его мать может последовать за ним.

Я бросаю взгляд на кафе, находящееся прямо напротив меня, и вижу мать Нейта, стоящую прямо за дверью. Она вытирает слезы со своих глаз.

Комок подкатывают к горлу, но я проглатываю его, когда Нейт ударяет своей ступней на педаль газа. Рядом нет машин, поэтому нет необходимости ускоряться. Скорее всего, это рефлекс.

Я увидела в его глазах проблески «бежать без оглядки».

Он обгоняет одну машину за другой.

Я молчу, пока мы не доезжаем до моста, но не могу больше сдерживаться.

Его лицо выражает слишком много боли, и в порыве гнева он крепко сжимает руль, отчего его плечи выглядят скованными. Прямо сейчас он похож на загнанное в клетку дикое животное. Если я ничего не скажу, то понимаю, что он просто высадит меня и уедет.

Я также понимаю, что должна подойти к этому с осторожностью.

— Нейт, — тихонько говорю ему.

Его взгляд вспыхивает.

— Я не могу сейчас разговаривать.

— Нейт, скажи мне, что произошло, когда твоя мать ушла.

Он хлопает по рулю, и я подпрыгиваю.

Я не напугана, просто удивлена.

— Нейт, ты можешь поговорить со мной об этом.

Молчание.

— Она не уезжала, она просто исчезла, — тихо говорит он.

Я едва его слышу.

— Думаешь, что женщина, которую ты только что встретила, приятная леди, заслуживающая второй шанс, не так ли? — Он вновь смотрит на меня, прежде чем переводит свой взгляд на окно.

Медленно и постепенно я начинаю задумываться над вопросом, который он только что задал.

Я начинаю соображать, когда вижу, насколько сейчас он подавлен.

И затем, словно вращающаяся карусель в моей голове, я догадываюсь, почему он никогда не состоял в отношениях с женщиной.

Это как-то связано с тем, что мать покинула его. Это, должно быть, его сломало.

Я смотрю на него.

— Нет, Нейт. Я так не думаю. Я не знаю её настолько хорошо, чтобы так думать о ней. Вопрос в другом: полагаешь, она заслуживает второго шанса?

Автомобиль дергается по дороге в сторону, и он устраивается на аварийной полосе.

Здесь полностью темно, но огни над мостом горят. Несмотря на это, в сумерках всё кажется темным. Нейт выбирается из машины.

Я следую за ним, стараясь не смотреть на океан, находящийся под нами.

— Нейт, вернись в машину.

Он сжимает руками перила и склоняет голову. Затем орет сквозь ветер:

— Нет, она ни черта от меня не заслуживает!

Обнимая его сзади, я кладу ладони на его грудь.

— Давай вернемся в машину и поговорим об этом. Но только не здесь, хорошо?

Он смотрит на меня, кажется, его взгляд потерян в прошлом.

— Никто и никогда не мог представить себе, что ураган «Эндрю» нападёт с огромной силой. Никто не был подготовлен. Из школ детей отпустили раньше, и я всё ждал, ждал и ждал, когда мама заберёт меня, но она так и не пришла за мной. Отец закрывал галерею, и миссис Мартинес должна была вернуться, чтобы забрать меня. Спустя несколько часов, пришел отец, и когда мы добрались домой, моей матери там не оказалось. Ее машина исчезла так же, как и она сама. Мой отец подал заявление о пропавшем без вести. Он думал, что она погибла. Часть его умерла в тот день. Прошло три месяца, не было никаких вестей ни о ней, ни о ее теле. Отец даже не понимал того, что она обнулила их совместный сберегательный счет. Однажды ночью в дверь постучали, и «человек в костюме» представил официальный судебный документ — заявление о разводе.

Не сдерживая слез, я ахаю, прикрывая рот рукой.

Нейт качает головой.

— Не жалею меня.

— Нейт. Я не жалею тебя. Мое сердце разбито из-за твоего отца и тебя, того маленького мальчика, но это не жалость.

Он вытирает мои слезы, пока пролетают машины, освещая нас фарами.

— Она никогда не возвращалась. Мы никогда о ней ничего не слышали до того времени, когда я вынужден был отвезти своего отца в дом престарелых. Она вернулась в город, с мужем и двумя детьми, желая, чтобы я принимал участие в её жизни.

Всё это время сдерживаю в себе вздох, но обхватываю его лицо своими руками.

— Это, должно быть, было очень тяжело.

Нейт прикрывает глаза и прислоняется своим лбом к моему.

— Она бросила нас, как ненужных собак. Мать не нуждалась в нас. Она разбила сердце моему отцу, разрушила его жизнь. Я не могу принять ее обратно, какие бы отстойные оправдания она не давала. Я просто не могу.

Находящийся во мне преподаватель психологии хочет копнуть глубже и помочь ему поработать над возможным примирением, но женщина во мне, которая заботится о нем и видит, к чему это привело, желает, чтобы она держалась подальше от него, насколько это возможно. Я нежно целую его.

— Я понимаю тебя.

Он притягивает меня к себе и сжимает в объятиях. Просто обнимает меня на мосту, который охватывает два совершенно разных мира, и я чувствую, что у нас тоже есть свой мост, и это мой брат.

— Давай. Мне не стоило здесь останавливаться. Поехали домой.

Мы садимся в машину, и остаток пути едем домой в тишине. Когда входим внутрь, Нейт оборачивается ко мне.

— Не против, если мы просто сделаем поесть и сядем посмотреть телевизор? Мне не хочется сейчас о чем-либо думать.

— На самом деле, это звучит великолепно. Я переоденусь и буду внизу.

Когда добираюсь до своей комнаты, я закрываю дверь и падаю на кровать. Я хочу расспросить его обо всем. Хочу помочь ему. Хочу копнуть глубже, чтобы обнажить его боль.

Но я не должна.

Я не могу.

Мне нужно вернуться к единственной мысли, о которой я должна думать прямо сейчас

— к летней интрижке. Я не могу участвовать во всем этом. Он втягивает меня, и чем больше я ему позволяю, тем труднее мне будет выйти из этого. Я не могу изменить Нейта, так же, как он не может изменить меня. Но проблема в том, что сейчас я понимаю его. Он больше не тот парень, с которым я хочу заниматься сексом, а парень, который защищает себя единственным проверенным способом.

Я это понимаю.

И делаю то же самое.

Мольберт, альбомы для рисования и краски, которые я принесла сегодня утром из лодочного сарая Зака, покоятся в углу — это моя версия вафельницы Нейта.

Я смотрю на эти вещи, и внутренний голос шепчет мне на ухо «Помни о своей судьбе».

Будто я могу забыть.

Я переодеваюсь в шорты для бега и футболку, которую купила на прошлых выходных, но ни разу еще не надевала. Как оказалось, Нейт также не хотел вылезать из кровати утром, несмотря на то, что не сон являлся этому главной причиной, а только секс.

Правильно, Зои, думай о сексе.

Я продолжаю повторять это себе.

Не копай слишком глубоко, иначе откроется еще одна истина.

Мой путь вниз по лестнице освещает свет, исходящий из кухни. Нейт сидит в гостиной в темноте на диване, с лимонадом и двумя тарелками еды, положив ноги на журнальный столик.

Я пытаюсь смахнуть их со стола.

— Повтор «Во все тяжкие», обожаю этот сериал.

— Бывший учитель прибегает к криминальной жизни и привлекает своего бывшего студента, и ты обожаешь этот фильм — просто классика.

Я пожимаю плечами и решаю перешагнуть через его вытянутые ноги.

— Не суди.

Он хватается за руку, притягивая к себе, и неожиданно целует меня.

— Я бы и не подумал.

Опираясь на его грудь, я приподнимаюсь и гляжу на него. Как только я смотрю в его глаза, то быстро теряю самообладание, но тут же заставляю себя сосредоточиться.

— Я смотрела несколько первых сезонов, но не до конца.

— Звучит словно ночной телемарафон.

— Мы постоянно это проделывали с Заком.

— Забавно, раньше мы занимались тем же.

— Что изменилось?

Он пожимает плечами.

— Знаешь, даже понятия не имею. Мы просто оба были чем-то заняты и даже при том, что он жил рядом со мной, я практически не видел его на протяжении последнего года. Я никогда не задумывался об этом, пока не появилась ты.

— Полагаю, всем когда-то свойственно проявлять эгоизм.

— Может быть. — Он запускает пальцы в мои волосы и, уделяя им внимание, наматывает их себе на палец. — Никогда не встречал ни у кого таких волос, как у тебя.

Я отрываюсь от него, чтобы дотянуться до тарелки и передать ему ее.

— Когда я училась в школе, все звали меня Ширли Темпл.

— Ширли Темпл, понятно.

Мы жуем и смотрим телевизор. Я поворачиваюсь к нему.

— Терпеть не могла этого. Ненавидела свое прозвище и свои волосы.

Он смеется и насаживает на вилку энчиладас.

— Ты умеешь петь и танцевать, как она? Потому что, я был бы не против взглянуть на это.

Я прожевываю кусок своей еды и глотаю. Затем ставлю тарелку на столик, и поворачиваю голову к нему, чтобы надуть губы и хлопнуть в ладоши под подбородком.

— «Вы должны улыбаться и быть счастливым».

Он ставит свою тарелку рядом с моей и одним быстрым движением сокращает расстояние между нами.

— Сделай это снова.

Надувая свои губы и хлопая в ладоши под подбородком, я пою:

— «Вы должны улыбаться и быть счастливым».

И когда я смотрю на него вновь, он больше не улыбается, а смотрит на меня с отяжелевшим взглядом.

Я опускаю глаза к его брюкам, и Нейт замечает это. Задерживаю свое дыхание и практически уверена, что и это не ускользает от него.

— Мои друзья звали меня Красавчиком в средней школе, и мне это не нравилось. Я бы никогда не принял такое прозвище или высмеял его, как сделала это ты, — говорит он хриплым и грубым голосом, который источает секс.

Я пожимаю плечами; всё это время мой пульс бешено стучит, пока я желая прикоснуться к нему. Я придвигаюсь ближе, достаточно близко, чтобы поцеловать его и для того, чтобы опустить свою руку прямо туда, где недавно блуждал мой взгляд, но не делаю ни того, ни другого.

— Не можешь бороться, тогда присоединяйся. Не терплю этого. И, между прочим, твои друзья до сих пор называют тебя Красавчиком.

Нейт высовывает язык и очерчивает им линию вокруг моего рта.

— Только если они хотят достать меня, — тихо бормочет он, облизывая мой рот. — Я научился игнорировать, и это их бесит.

— Этот метод также срабатывает. — Говорю я с придыханием.

Он смотрит на меня, затем вниз.

Я приоткрываю рот, когда своими пальцами щекочу его ногу, и пока приближаюсь к нему, он прижимает мою руку к своему члену и скользит ею вверх и вниз по джинсовой ткани своих брюк.

Сорвавшийся стон с моих губ такой неожиданно громкий, что возбуждение вспышкой проносится по всему моему телу. От внезапной спешки, я расстегиваю его брюки идвигаюсь к нему еще ближе.

— Сними свои штаны, — шепчу ему на ухо.

Нейт пялится на меня. Возможно, он в шоке или слегка заведен.

Фантазия с шоколадным сиропом меняется на другую.

— Ты говорил, сегодня моя ночь. Ловлю тебя на слове. Хочу увидеть, как ты прикасаешься к себе.

Из него вырывается вздох.

— И ты снимай свои шорты. Я хочу понаблюдать, как ты трогаешь себя.

Я быстрее двигаю своей рукой вверх и вниз по его эрекции.

— Сниму, после тебя.

— Черт, — шипит он и откидывает голову назад.

Не могу сдерживать волнение внутри себя.

Если кто-то в состоянии получить оргазм без каких-либо манипуляций, то это я.

Я первая, кто встает и снимает с себя одежду.

Нейт пронзает меня своим взглядом до тех пор, пока я не раздеваюсь полностью, и затем встает, чтобы снять свои ботинки, а вслед за ними и одежду. Я бы раздела его сама, но это займет слишком много времени. Абсолютно голый он садится обратно на диван. Позади нас стеклянные двери, которые пропускают лишь лунный свет, охватывая темноту, но вода соседствует с этой темнотой таким образом, что никто нас не увидит. Нейт с полностью эрегированным членом откидывается назад на подушку дивана и кладет руки на свои ноги, раздвинутые на ширине плеч.

Он выглядит чертовски сексуально.

Я подступаю ближе, и он берет мою руку и снова кладет ее на свой член. Мои пальцы сжимают его вниз, а он обхватывает их своими пальцами и постепенно начинает ими двигать. Другой своей рукой я обнимаю его за шею и притягиваю к своим губам.

Нейт ускоряет движения моей руки, а я слегка сжимаю его волосы на затылке. Стискивая зубы, он выпускает подавленный, скрежещущий звук, который заставляет меня двигать своей рукой еще быстрее, но потом я отпускаю его член и его волосы.

— Твой черед. Хочу понаблюдать за тобой. Увидеть, как ты кончаешь.

От того, как его руки безвольно покоятся рядом, думаю, что он ответит «нет»,

— Пожалуйста, — добавляю. — Пожалуйста, позволь мне увидеть, как ты выглядишь, достигая оргазма. Когда мы вместе этот момент такой безумный, что я просто не могу сконцентрироваться. — Это так эротично наблюдать, как вместо меня он прикасается к себе. Я видела, как Нейт кончал внутри меня, в мой рот, но я никогда еще не дарила ему свое пристальное внимание. Он мог бы прикасаться к своему члену, делая это для меня, и, на мой взгляд, это так горячо, что можно обжечься.

Одной рукой он проводит вниз по своему прессу, и когда нащупывает свой член, то сжимает его, медленно поглаживая от кончика до самого основания.

Нейт встречает меня взглядом.

Мои соски как твердые горошинки, и между ног разливается тепло.

Черт возьми!

Я никогда не смотрела порно и не видела, как мастурбирует мужчина, но это представление я никогда не забуду.

Не спеша, Нейт поглаживает член вверх и вниз, и никакой оргазм, кажется, не преследует его. Что касается меня, то я еле сдерживаюсь.

Своими руками сжимаю грудь и представляю, как его руки ощущались бы на мне.

Когда я пощипываю свои соски, его темные глаза блестят, а рот перекашивает улыбка. Он соскальзывает ниже по кожаной подушке, выгибая спину и двигая своими бедрами вверх.

Я встаю на колени рядом с ним для того, чтобы лицезреть действие, позволяя коленным чашечкам коснуться боковой части его бедра для желанного контакта плоти с плотью.

Нейт откидывает голову назад. Затем своей свободной ладонью накрывает мой рот. Инстинктивно я облизываю её. Мир вокруг нас исчезает, и я наблюдаю, как он кладет только что облизанную мной ладонь на свой член и крепко сжимает его.

Другой рукой тянется к моей руке и настоятельно побуждает ее двигаться вниз.

Я подчиняюсь.

Понимая, что уже влажная, и не теряя даром времени, я скольжу в себя пальцем и смотрю вниз на его руки. Он гладит себя быстрее, приподнимаясь на бедрах в ритме движения своей руки, и я проделываю то же самое со своей рукой.

Изображение ясное: его кулак — это моя киска, а мой палец — это его член.

Вдруг его пальцы поглаживают и скручивают мой сосок.

О боже, чувствую слабость в коленях, и как покалывание распространяется по моему телу. Пытаюсь сфокусироваться на Нейте, на том, как с каждой лаской увеличивается его член, как морщится его лицо, когда он сжимает сильнее, как, возвышаясь, напряженно работают его бедра. Но я не могу.

Его рука опускается до самого основания члена, и мне приходится сдерживать свой стон.

Прикрывая глаза, ввожу в себя свой второй палец, представляя, будто это его член. После того как я открываю глаза, чтобы взглянуть на Нейта, скрипит диван, и он стоит на коленях между моих ног.

Я поднимаю взгляд.

— Не останавливайся.

Его слова воскрешают во мне невыносимую потребность, но на этот раз, она должна заставить меня достичь оргазма и показать ему, насколько он заводит меня. Мои бедра движутся вверх по собственному желанию, чтобы вобрать в себя удовольствие.

Ладонь Нейта движется вокруг члена всё быстрее и быстрее, и я вижу, как его желание возрастает всё выше и выше. Удовольствие увеличивается, и мое дыхание вырывается рваными вдохами. Он дико и громко стонет. Наши взгляды встречаются, и связь между нами только крепнет. А затем, когда он протягивает свою руку, чтобы потереть мой клитор, а я своими пальцами прикасаюсь к нижней части его члена, и мы пропадаем.

Я выкрикиваю, пока кончаю.

Изгибаюсь дугой, когда невероятные ощущения одолевают мое тело.

Покачивают меня из стороны в сторону.

Уносят в другое измерение.

Моя голова падает, но вскоре поднимаю ее обратно.

Мне нужно смотреть на Нейта — я очень сильно этого хочу.

Сейчас в момент экстаза, я смотрю на него, а он на меня, и когда это случается на самом деле, мое тело трясет, и в порыве удовольствия я кричу еще громче:

— О, Нейт. О, Нейт.

— Бл*дь, — выкрикивает он. — Зои.

Выкрикивать имя человека во время оргазма, кажется настолько личным, и, несмотря на это, мы оба делаем это снова и снова.

Теплая влага выплескивается на мою грудь. Я наблюдаю за этим действием, и оно прекрасно. После нескольких рывков он накрывает себя рукой, и оставшееся семя вытекает из-под его ладони.

Когда все заканчивается, Нейт плюхается на меня сверху, используя подлокотник для поддержки, и наполняет своим запахом мое тело. Мои внутренности всё ещё покалывает, а от тепла его кожи бьет электрическим током. Затем Нейт целует меня мягко и нежно.

Наши губы сливаются в поцелуях до тех пор, пока Нейт не отстраняется для того, чтобы подобрать свою футболку и обтереть нас. Закончив, он перекладывает меня таким способом,

что он может прилечь на спинку дивана, а я перевернуться и заманить его в свои объятия.

Моё внимание привлекает звук работающего телевизора. Оглядываясь, я вижу, как проигрываются финальные титры.

— Ты пропустил свое кино.

Зубами он прикусывает мое ушко, просовывая внутрь язык.

— Нет, не пропустил.

21 Глава

Статуя

Солнечные лучи проникают сквозь облака, попадая в спальню. Я жмурюсь, и определенно, не готова вставать. Чувствую движение руки по своему бедру и удивляюсь тому, что тело Нейта находится рядом. У него теплая и мягкая кожа, а его пальцы оставляют после себя дразнящий след желания. Я улыбаюсь от постукивания за окном.

Это дождь?

Разве это дождь вынудил задержаться Нейта в постели этим утром?

Если это так, тогда я должна выяснить, как устроить ему танцы под дождем.

В нежном прикосновении он отводит мои волосы в сторону, и мягкие губы целуют мое плечо. Я прижимаюсь к его телу, сжимаю пальцы и подтягиваю их к своим губам. Его теплые ноги переплетены с моими, а гладкая грудь прилипает к моей спине. Руки Нейта обнимают меня, и мне не хочется сейчас никуда идти или что-либо делать, а хочется заниматься только тем, чем мы заняты прямо сейчас. Его бархатистые губы движутся вверх по моей шее, и с каждым его прикосновением мой пульс разгоняется все быстрее и быстрее, подталкивая меня туда, откуда я не хочу возвращаться.

Туда, где судьбы не существует.

— Доброе утро, — шепчет мне на ухо.

Я поворачиваюсь к нему и обнимаю его за шею.

— Доброе утро. Ты не бегаешь по утрам, когда идет дождь? Боишься, что можешь промокнуть?

Он хохочет, опускаясь ниже для того, чтобы прикусить мою губу.

— Я бегаю всегда. Мне просто не хотелось сегодня вставать.

Ни с того ни с сего, он шлепает меня по попке.

— Ауч, — выкрикиваю я.

— Я собираюсь побегать сегодня вечером, и ты бежишь со мной, всезнайка.

Я стону и думаю, к черту эти танцы под дождем.

— Не могу дождаться. — Закатываю глаза.

— Сарказм меня заводит.

Я всматриваюсь в черты его лица: щетинистый подбородок, скульптурный профиль, точеные скулы, темно-зеленого цвета глаза и взъерошенные в беспорядке, но такие безупречные волосы.

— Думала, я завожу тебя?

Он атакует меня своим голодным ртом.

— Ты. Кажется, я доказал тебе это и не раз.

Не успеваю я и глазом моргнуть, как он оказывается на мне сверху.

Наши взгляды осматривают друг друга, и его ухмылка полна обещаний.

Мне она очень нравится.

Он скользит своими пальцами по моему обнаженному телу, при этом посылая мурашки по моей спине. Желание начинает пульсировать между ногами, и как только он находит мои губы своими, я обнимаю его.

Я пробираюсь пальцами вниз по его мускулистой груди, а затем по выступающим ребрам.

Боже, я обожаю его тело.

Когда его губы следуют вниз по моей шее, звонит его телефон. Нейт тянется к нему, но я хватаю его за руку.

— Пусть звонит.

Нейт смотрит на свой телефон, затем на меня.

— Мне нужно ответить, этот звонок может быть насчет моего отца. — Он садится, и после того как смотрит на входящий вызов, отвечает:

— Алло. — Сонливость в его голосе чертовски сексуальна.

Длительная пауза заставляет меня беспокоиться, поэтому я сажусь прямо и пытаюсь определить по его лицу, отец ли это, но Нейт уже вскакивает с кровати, поворачиваясь ко мне спиной.

— Да, конечно, все в порядке. Я позабочусь об этом.

Возможно, ему звонят из офиса. Его тон отличается, когда он разговаривает со своим отцом или персоналом Саншайн-Виллидж. Пока он продолжает свое общение, я начинаю задумываться, как странно, что я в состоянии различать особую интонацию в его голосе.

Я знаю, когда он не в духе, злой, заведенный, заинтригованный, веселый, самодовольный и даже счастливый.

Связь, которую мы установили во всех смыслах, дала мне возможность понять это, и она пугает меня. С каждым днем приоткрывается всё новая дверь, вместе с которой приоткрывается и мое сердце.

Это приятно.

Это правильно.

Но всё же, это не так.

Я откидываюсь назад на кровать и смотрю на него, на его сексуальную задницу, и даже сейчас, когда поменялось настроение, и отменяется секс, мои бабочки в животе до сих пор трепещет от предвкушения следующего раза.

Это увлечение превратилось в опасную зависимость.

Сложно преодолевать привычки, и это закончится ровно через семь недель.

Но что, если я останусь в Майами, обоснуюсь и стану преподавать в здешнем университете? Закончится ли всё это?

Внезапно в моем сознании, то проклятое облако судьбы, начинает лить дождь. Я не могу распоряжаться своей жизнью. Мой внутренний голос напоминает мне, что моя судьба уже преопределена так же, как и для тех, кто жил до меня.

Может, я смогу быть другой?

Может, когда вернусь домой, я найду способ победить ее, обмануть, избежать и затем вернуться обратно.

Нет, не стоит мне думать подобным образом.

Я смотрю на Нейта, настолько самодостаточного, контролирующего, и мне становится

интересно, хотел бы он, чтобы я жила здесь. Когда он поворачивает голову и проводит рукой по своим волосам, я думаю, что нет, наверное, нет. И, кроме того, у него слишком много демонов, которых ему необходимо победить, прежде чем он сможет задуматься о каких-либо отношениях.

Но я могу помочь ему. Могу.

Я знаю, прошлой ночью, в этой самой постели, я говорила себе, что мне нужно избегать и не вмешиваться в его жизнь, но сегодня, в свете дня, мне необходимо помочь ему.

Телефонный звонок заканчивается, и он убирает телефон от уха.

— Мне нужно собираться. Друг нуждается...

— Нейт? — в моих мыслях вращается куча всего, и скорее всего я должна это прекратить, но не могу. — Та статуя, что находится у подножья лестницы, это статуя твоей матери?

Его голова поворачивается в моем направлении:

— Ты уже знаешь об этом, тогда почему спрашиваешь?

— Зачем ты привез ее сюда?

— Какая разница? И что за пятьдесят грёбаных вопросов об этой статуе, в конце концов?

— Я хочу знать, почему ты при виде ее мучаешь себя?

Он прищуривается:

— Ты не знаешь, о чем толкуешь.

Но он не прав. Я знаю. Я видела другие статуи в галерее прошлым вечером, и ни одна из них не вызывала одиночество и отчаяние, как та, что находится внизу.

— Статуя напоминает тебе о ней?

Он сжимает челюсти и направляется в ванную, хлопая дверью.

Я вскакиваю с кровати и иду за ним. Когда поворачиваю ручку двери, то понимаю, что она закрыта.

— Нейт, я не пытаюсь причинить тебе боль. Ты должен это понимать. Я просто хочу помочь.

Включается вода и тишина — это единственный для меня ответ. Я набрасываю на себя одежду и жду. Когда выключается вода, я снова стучу.

— Ты говорил с ней, позволил ей объяснить, почему она ушла? Это могло бы помочь вам добиться какого-то окончательного решения.

Дверь широко распахивается, и Нейт практически натывается на меня на пути к своей гардеробной.

Я слеую за ним.

— Нейт, поговори со мной.

Он надевает боксеры, и когда проскальзывает в них, то позволяет полотенцу упасть. Снимает с вешалки пару слаксов и также натягивает их. Затем выбирает рубашку белого цвета из ряда белых рубашек и надевает ее. Только после того, как Нейт полностью закончил с одеванием, он смотрит на меня.

— Да, на самом деле, это был первый вопрос, который я задал ей, когда она возникла у моей двери, и он также был последним. Ее причина была действительно проста — она была несчастлива, и это заставляло ее чувствовать себя психически неуравновешенной. Та же самая бредовая история, которую ты слышишь каждый день: вышла замуж слишком молодой и не хотела ответственности. Хотя ее история совсем другая, потому как она была трусихой.

Она не желала видеть боль на лице моего отца, таким образом, она просто решила уехать. Шторм только помог ей легко исчезнуть. Бл*дь, она даже сказала мне, что позволила всем думать, будто она была мертва, но она нуждалась в деньгах и в работе, поэтому не могла долго оставаться невидимкой. Что касается меня, она считала, что мне будет лучше с моим отцом. — Его гардеробная огромна, но когда Нейт пронесится мимо с обувью в руках, словно меня там нет, то помещение не ощущается таким уж большим.

Я кручусь вокруг себя, пока он достает черные носки из ящика шкафа.

Смятые простыни, кажется, его не беспокоят, пока он, сидя на кровати, надевает носки и ботинки. Перед тем как встать с кровати, Нейт наконец-то поднимает на меня свой взгляд. Его глаза полны боли.

— Что? Язык проглотила?

Я сглатываю и пытаюсь сдержать слезы.

— Нет, я просто знаю, каково это, чувствовать себя брошенным. Моя мать была наркоманкой и либо теряла, либо забывала нас с Заком практически везде, куда бы она ни брала нас. Но потом она умерла, и несколько дней мне хотелось, чтобы она все еще была здесь, вот и все. — Мои руки дрожат, и для поддержки я облокачиваюсь на дверной косяк шкафа.

— Я совсем не разделяю эти чувства! Статуя напоминает мне, какой она была на самом деле и почему она ушла. Это разрушает иллюзию о жизни из шоу «Предоставьте это Биверу» (прим. пер. семейное успокоительное шоу), которую я создал в своем воображении, потому что, позволь мне сказать тебе, она никогда не была идеальной домохозяйкой. — Его лицо мрачнеет, а тон пропитан гневом.

— Я понимаю это, Нейт, но может быть, сейчас она изменилась? Люди совершают ошибки, и она желает, чтобы ты был частью ее жизни. Возможно, тебе следует дать ей шанс, если не для нее, так для себя.

Я чувствую, как он с упреком смотрит в мою сторону.

— Сеанс психотерапии окончен. Буду поздно.

Не оглядываясь, он быстро проходит мимо меня и хлопает дверью. Пару мгновений спустя, я слышу, как что-то разбивается.

Мой желудок ухает вниз.

Похоже, что всё прошло не слишком гладко.

Слезы ручьем текут из моих глаз.

Я понятия не имею, кого оплакиваю: Нейта, его мать, себя или своего брата. Я погружаюсь обратно в теплое и комфортное постельное белье и смотрю, как постукивает дождь за окном. Закрываю глаза и еще глубже зарываюсь в подушки, вдыхая его запах и желая хотя бы ненадолго отгородиться ото всего мира.

Когда я снова просыпаюсь, то хватаюсь за свой телефон, но на нем нет никаких сообщений. Уже около десяти, поэтому вскакиваю с постели, иду в ванную, принимаю душ и одеваюсь. Все еще идет дождь, жаль, что я не упаковала парочку удобных джинсов. Поэтому я останавливаюсь на платье-майке и кроссовках на платформе, которые купила «У Изабеллы» на прошлой неделе, а затем прихватываю свой плащ. После того как отвезу еще один багаж вещей для приюта от ураганов, я собираюсь съездить в офис Нейта и извиниться перед ним. По крайней мере, там он не сможет повесить трубку, игнорировать меня или хлопнуть дверью перед моим носом. Я не должна была столь сильно давить на него, но, независимо от того, насколько он был зол на меня, думаю, что давление могло бы помочь

ему. По крайней мере, он рассказал о своих чувствах, выплеснул их наружу. Это не действие какого-либо лекарства, а, скорее, начало продвижения вперед к успокоению, в котором он так отчаянно нуждается.

Звонит мой телефон.

— Алло?

— Зои, это Оливер. Как ты?

— Неплохо, а ты?

— Не могу пожаловаться. Слушай, я собираюсь встретиться с тобой, но хочу, чтобы ты знала, что я получил отчет об аварии, который могу отправить тебе сегодня днем.

— Не возражаешь, если я сама его заберу? Я собираюсь выйти ненадолго, и тогда смогла бы заскочить.

— Конечно, без проблем. Я оставлю их у секретаря.

— Спасибо тебе, Оливер.

— Мне пора бежать, звони, если тебе нужно будет что-то еще.

Мы вешаем трубки, и я внезапно останавливаюсь наверху лестницы.

Статуя разбита, и осколки валяются по всему полу.

В моей груди разрастается чувство вины, а на сердце становится тяжело. Я не хотела так сильно давить на него. Но, может быть, его уход является первым шагом в продвижении, потому как, несмотря на то, что говорит Нейт, он все еще находится где-то между уходом и возвращением его матери.

В моей памяти мелькают фрагменты той ночи, когда мы с Нейтом вышли из затруднительного положения наших отношений, и он согласился провести это лето со мной. Он спросил меня тогда: «Ты уверена, что хочешь меня?»

Печаль пробирает меня до костей.

Он и я — мы не настолько разные. Оба окружены щитом, который оберегает то, что было повреждено очень давно, и защищает от того, чтобы никогда не чувствовать себя ненужным.

Я поступала так всю свою жизнь, придумывала оправдания тому, что у меня не было времени для отношений.

Когда спускаюсь на нижнюю ступеньку лестницы, присаживаюсь на предпоследнюю и придерживаю в руках свою голову. Несколько минут я вожусь в своей сумочке, чтобы достать телефон, пролистываю список контактов, нахожу имя, которое мне необходимо, и нажимаю на номер.

— Здравствуйте, это доктор Джулия Рэймонд.

— Доктор Рэймонд, это Зои.

— Зои, сегодня ты не по расписанию.

— Да, я знаю. У вас есть свободная минутка или вы заняты?

— Подожди, позволь я переключусь.

Я могу представить, как она перемещается из-за маленькой стойки регистрации за пределами ее офиса в безопасную для нее территорию с успокаивающими синими стенами, чтобы присесть за большим столом. Кейт, секретарши доктора Рэймонд, летом нет, поэтому она работает одна.

— Я вернулась, что случилось?

— Я надеялась на ваше профессиональное мнение. — Перехожу прямо к делу.

— Да, конечно. Это насчет тебя или того мужчины, появившегося в твоей жизни?

— Насчет нас обоих, или нет, о, боже, я не знаю. — Слезы застилают мои глаза, пока я пытаюсь сморгнуть их прочь. Но в моем горле слишком першит от того, что я сдерживаюсь. — Доктор Рэймонд, я не знаю, что творю. Чувствую, как одно противоречие идет за другим, и, думаю, на этот раз, я могу пойти слишком далеко.

Пересказывать ей без обсуждения нашей безумной сексуальной химии и всего того, что происходит между мной и Нейтом, нелегко, но в контексте данного разговора это кажется несущественным и подрывает доверие. То, что происходит между нами сейчас — это более интимное, чем впервые, когда я поведала ей о нас.

Я не уверена почему.

Она слушает: несколько вопросов, несколько вздохов и довольно много понимания с ее стороны. Наконец говорит:

— Зои, ты не ошибаешься в своем заключении. Страх быть покинутым, как правило, связан с такой потерей в детстве, как, например, потеря родителя в результате смерти или развода, но он также может являться результатом нехватки физической или эмоциональной заботы, как в случае с тобой и твоим братом. То, что ты хочешь быть с кем-то, — большой шаг. Но в обоих случаях это проблемы, которые носят сложный характер и не подлежат исправлению одним лишь разговором, а иногда они не меняются на протяжении всей жизни. В зрелом возрасте переживания раннего детства приводят к страху быть брошенными теми людьми, которые тебя окружают. В то время как определенная степень страха одиночества является нормальной частью бытия человека, травматические переживания наиболее сильно влияют на развитие здоровых отношений. Я не могу сформулировать о Нейте своего мнения, так как ни разу не встречалась с ним. Но ты, Зои, знаешь, что делаешь. А теперь важный вопрос: ты готова увидеть его таким, каким он является на самом деле?

Я представляю, как доктор Рэймонд, поворачивается к окну на своем стуле и, как обычно она делает, смотрит на деревья, когда ожидает ответа.

— Доктор Рэймонд, вы же знаете, что я не жду ничего такого, кроме как весело провести время.

Она вздыхает.

На линии жужжит громкий звук.

— Кажется, кто-то пришел, можешь подождать?

— Безусловно.

Проходит около тридцати секунд, прежде чем она возвращается на линию.

— Только что пришел мой пациент. Могу я перезвонить тебе сегодня вечером?

— Конечно. И доктор Рэймонд, спасибо за то, что выслушали меня.

— Послушай меня, Зои, прислушайся к тому, что ты чувствуешь, и откройся этим чувствам. Не запирай их навечно. Ты можешь сделать это для меня?

Мои плечи резко опускаются, пока я сижу, сложа руки.

— Вы же знаете, что я не могу. Это будет плохо как для него, так и для меня. И, кроме того, он просто сбежал.

— Насчет этого я не уверена. По крайней мере, подумай над тем, что я сказала и давай поговорим еще немного позже, хорошо?

— Да, доктор Рэймонд. До свидания.

Я нажимаю «Завершить вызов» и смотрю на прекрасный вид. Дождь все еще льет и выглядит, словно вышитый бисером занавес, пока капает в бассейн. Я смотрю на него в течение долгого времени, размышляя над тем, что только что сказала доктор Рэймонд.

Думаю о том, что чувствую, и о том, как Нейт чувствует себя сейчас. Суть в том, что я не в праве была так сильно давить на него.

Я собираю свои вещи и следую по древесным доскам, обрамляющим выложенную плиткой гостиную, в прихожую, которая ведет в гараж. Я прохожу мимо камина и бросаю взгляд на две фотографии Нейта с его отцом. Они выглядят счастливыми. У его отца волосы с проседью и карие глаза, но помимо этого, они выглядят очень похожими — оба красивые.

Наши тарелки все еще стоят на журнальном столике, и я останавливаюсь, чтобы забрать их вместе с пустыми стаканами от лимонада. Как только навожу порядок на кухне и загружаю посудомоечную машину, быстренько готовлю чашку кофе, выбирая сливки вместо молочной пенки, чтобы сэкономить время, и беру его с собой.

Вчера мы вместе с Розы отнесли все коробки в гараж, чтобы я могла легко их загрузить в автомобиль. Когда я выхожу из гаража, то не вижу коробки, которые мы вчера оставили у стены. Я быстро осматриваю свою машину и понимаю, что это Нейт загрузил их для меня.

От такой доброты в моей груди екает сердце.

Злится он на меня или нет, он все еще хочет мне помочь.

Мне нужно увидеться с ним, извиниться за то, что давила на него.

И мне нужно прекратить совать нос не в свои дела.

22 Глава

Крепыш

Юго-восточный финансовый центр находится не более чем в пятнадцати минутах от приюта, но из-за интенсивного движения мне требуется полчаса, чтобы туда добраться. Это здание достаточно высокое и заметное с пляжа, поэтому я нахожу его легко. Нейт несколько раз указывал на него и, поскольку, кажется, что я отпускала столько шуток в адрес сериала «Полиция Майами: Отдел Нравов», он поведал мне, что его офисное здание появлялось в нескольких ТВ шоу 1980-х, и также было показано в конце заглавных титров фильма.

Я посчитала, что это круто.

С другой стороны, Нейт был гораздо меньше воодушевлен статусом здания, в котором располагается его компания.

Когда я сворачиваю с 13-ой Улицы и вклиниваюсь на Бискайский бульвар, слева от меня находится подземный гараж. После того как паркуюсь, сразу направляюсь в вестибюль. Два ярко-голубых эскалатора ведут на первый этаж. На полу огромная белая кафельная плитка и повсюду растения. Есть и карта Майами на стене, которая светится розовым неоновым цветом.

Согласно списку арендаторов помещений, «Скайлайн Холдингс» находится на сорок пятом этаже. Нет никакого справочного бюро или служащего, кто мог бы оповестить о моем приходе, поэтому я еду на стеклянном лифте с видом на горизонт Майами. Этот вид простирается на мили.

Двери открывается со звоном.

Впереди длинная черная глянцева стойка регистрации, а за ней красивая белокурая женщина в наушниках. Над ее головой расположена эмблема компании Нейта — набросок линии горизонта Майами с очерченными буквами, означающими «Скайлайн Холдингс».

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Да, я здесь, чтобы встретиться с Нейтом. с Нейтом Хэнсоном.

Она заглядывает в свой компьютер.

— У вас запланирована с ним встреча?

— Нет, но скажите ему, что его ждет Зои.

Она глядит на меня с притворной улыбкой.

— Мне очень жаль, но мистер Хэнсон без записи никого не принимает.

Я склоняюсь над столом.

— Не могли бы вы, пожалуйста, сказать ему, что его ожидает Зои Флауэрс? Я уверена, он будет рад меня видеть.

Вообще-то, я не совсем в этом уверена, но знаю, он не рассчитывает на встречу со мной.

Звонит телефон, и она поднимает вверх палец.

— «Скайлайн Холдингс», с кем вас соединить?

Пауза.

— Безусловно, ожидайте.

Она нажимает пару кнопок на своем телефоне.

— Клаудия, мистер Эллиот звонит мистеру Хэнсону. Это по поводу продажи.

Еще пауза.

— Я переключу его на тебя.

Она заново ударяет по клавише на телефоне и затем обращается ко мне.

— Мне жаль, но мистер Хэнсон будет после обеда. Могу я оставить ему сообщение?

Я смотрю на нее и не уверена, лжет она или говорит правду. Но устраивать сцену я не могу.

— Нет, не нужно.

Когда спешу к металлическим дверям, мой медальон раскачивается из стороны в сторону, и пока лифт медленно скользит вниз в вестибюль, я сжимаю его в кулаке. Оказавшись там, присаживаюсь на один из черных кожаных стульев и вытаскиваю свой телефон.

Я звоню Нейту.

«Вы дозвонились Натаниэлю Хэнсону. Оставьте ваше сообщение».

«Нейт, это Зои. Сможешь мне перезвонить? Я бы очень хотела поговорить с тобой».

Завершаю вызов одним касанием. Когда убираю телефон, достаю визитку Оливера и направляюсь в его офис. Он недалеко.

Офис Оливера находится в Винвуде, рядом с галереей. Его секретарь вручает мне белый конверт, и я прихватываю его с собой в кофейню, которую наблюдала рядом с «Вандерластом».

После того как девушка за барной стойкой вручает мне мой кофе, я присаживаюсь на один из деревянных стульев и тянусь за конвертом в свою сумочку. Открываю его и читаю короткое сообщение от Оливера.

«Зои,

Здесь находится отчет из шести страниц, о котором ты просила. Я не приложил каких-либо фотографий с места происшествия. Если тебе понадобится что-нибудь еще,

знай, что ты можешь позвонить мне.

**С наилучшими пожеланиями,
Оливер».**

Я чувствую беспокойство, когда извлекаю отчет. Но в последнее время я очень нервничаю, когда рядом нет Нейта. Думаю, мне нужно запланировать видео-сеанс с доктором Рэймонд. Я знаю, что мне необходимо найти другие способы борьбы с поджидающей меня темнотой, а не искать утешения в страсти, которую я чувствую всякий раз, когда Нейт рядом.

Я кладу отчет на стол. Страницы покрыты черными чернилами. Мои глаза быстро просматривают заголовок вверху, где в верхнем левом углу написано: полная форма отчета о трафике Флориды. Первый раздел под ним гласит: ВРЕМЯ И МЕСТО: Дата аварии: 5 ма 2014 года. Время аварии: 01:31 ночи.

Поля бесконечны: Штатный сотрудник уведомил, штатный сотрудник прибыл, номер протокола. Страница заполнена большим количеством полей и чисел: тип механизма, страховка, адрес и т. д. Я просматриваю, затем перехожу на следующую страницу. Десятки полей, обозначенных флажками о состоянии дорог, расположения вида, характеристики трафика. Я перелистываю снова.

На следующей странице написано: «Диаграмма-отчета по катастрофе во время движения во Флориде».

Я втягиваю воздух.

В нем говорится: «Автотранспортное средство держало путь в северо-восточном направлении, выезжало из Макатур Козуэй и продолжало свой путь на северо-восток. Транспортное средство пересекло проезжую часть (Лимон-стрит) и въехало на разделительную полосу, где ударилось о дерево».

Я закрываю глаза, когда дохожу до последних предложений: «транспортное средство заглохло, двигаясь в южном направлении». Открываю глаза и заставляю себя закончить чтение. «К прибытию спасателей водитель автотранспорта был мертв. Пассажир получил обширные травмы и был доставлен в....»

Я склоняюсь над столом.

Пассажир?

С ним был кто-то еще?

Я быстро переворачиваю страницу в поисках большей информации. Вижу наглядное свидетельство места крушения, а внизу описание:

«Имя пассажира: Жизель Гузман, адрес: 6831 Бир-Авеню, кв. 2, Город: Майами-Бич».

О, боже мой!

Все плывет перед глазами, и я быстро моргаю.

Сердце сжимается в груди.

Может, это та же девушка, о которой мне рассказывал Лео?

Мне нужно поговорить с ней.

Хватая сумочку, я спешу к машине. С глубоким вдохом и трясущимися пальцами, я ввожу ее адрес в GPS-навигатор и жму на газ.

Я набираю скорость и лечу по дороге.

Мое сердце бешено бьется, в преддверии встречи, с этой женщиной.

Дуглас Макатур Козуэй — это шестиполосное шоссе, и у меня такое чувство, будто я

хорошо знаю все его три с половиной мили. Как только я проезжаю черезход на Палм-Айленд, а также светофор и автобусную остановку, мне остается еще две мили, и затем я оказываюсь на пляже. Я пропускаю огромные круизные лайнеры, пока они входят в океан и издают свои корабельные звуки.

Пытаюсь вспомнить телефонный звонок, который поступил ночью, когда умер Зак, но как только полицейский оповестил меня о его гибели, я практически потеряла сознание. Не могу поверить, что с ним был кто-то еще.

Пока нахожусь мыслями в совершенно другом месте, GPS приводит меня к назначенному месту, прежде чем осознаю, где я. Желтый двухэтажный жилой дом находится к северу от пляжа на углу Бир-Авенью и Индийского ручья. Мне остается припарковать автомобиль на улице, поскольку автостоянка предназначена только для жителей. Параллельная парковка дается нелегко, но после нескольких попыток, я справляюсь. Белые ворота вокруг здания не заперты, поэтому я легко прохожу по вымощенному кирпичом тротуару и нахожу квартиру. Вероятно, мне следовало сначала позвонить, но в отчете не было номера телефона, и я действительно хочу поговорить с ней.

Поднимаясь в квартиру, я вижу слегка приоткрывшуюся дверь, а внутри нее слышу людские голоса.

Я начинаю паниковать.

Что я собираюсь ей сказать?

Что-то вроде: «Итак, ты находилась вместе с моим братом на мотоцикле. Он умер. А ты нет».

Нет. Это звучит жестко.

Или «это ты та девушка из клуба, которую поджидал мой брат?»

Звучит лучше.

Но что, если она не та же самая девушка?

Не бери в голову.

Я довожу себя до безумия. Лучше посмотрим, что из этого выйдет.

С глубоким, успокаивающим вздохом я нажимаю на дверной звонок. Дверь быстро открывается, и маленький мальчик в футболке Марлинсов держит огромную упаковку M & M's и улыбается мне.

— Ты не бабушка, — говорит милый малыш, облизывая испачканные в шоколаде свои губы.

— Матео! Не вздумай больше открывать двери, не спросив, кто там.

Женский голос исходит изнутри помещения. Я оглядываюсь, но не вижу ее. Комната маленькая. Лестница находится прямо за ребенком, и есть коридор, ведущий в большую комнату.

— Я разберусь, — раздается такой знакомый мягкий и бархатистый голос, прежде чем Нейт поворачивает за угол, засучив белые рукава.

Мгновенно мое дыхание меня покидает. Я полностью ошарашена и не знаю, что сказать. Не могу даже думать, не говоря уже о том, чтобы что-то сформулировать.

Меня пробивает дрожь, я обхватываю себя руками.

— Нейт.

— Зои. — Моргает он в замешательстве. — Что ты здесь делаешь?

Что я здесь делаю? Что он делает здесь?

— Оливер предоставил мне отчет о происшествии, и я хочу поговорить с женщиной,

которая была с Заком в момент его гибели.

Я даже не слышу исходящие от меня слова — мой пульс слишком громко бьется в ушах.

Выражение лица Нейта выглядит таким же шокированным, как и мое.

— Это была она?

Похоже, для него это новость.

Маленький мальчик толкает дверь. Мне удастся шагнуть в сторону, и она открывается.

— Хочешь раскрашивать со мной? У меня есть еще пластилин. Ну и пальчиковые краски тоже.

— Матео! Иди сюда!

Это она!

В арке появляется женщина экзотической внешности, та же самая модель с художественного альбома моего брата. У нее те же черные волосы, очаровательные темного цвета глаза и смуглый цвет лица.

Я пялюсь на нее.

Сочувствие накатывает на меня волной. Ее рука в слинге, а кожа на лице и руках выглядит пигментированной — смешение собственной и обновленной кожи, возможно, ей сделали пересадку.

Должно быть, она еще не оправилась.

Жизель медленно идет по коридору.

Мое сердце пропускает удар.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спрашивает она, приближаясь, и затем накрывает свой рот рукой.

Нейт еще больше в замешательстве потому как его взгляд перемещается от Жизель ко мне.

Я стреляю в нее взглядом, и волна печали поглощает меня, но я сдерживаю свои слезы.

Очевидно, мой брат многое значил для нее.

Малыш требует моего внимания и заставляет меня сфокусироваться на себе.

— Пойдем. У меня есть много новых игрушек, и я хочу поиграть.

Я приседаю и смотрю на малыша, который дергает за подол моего платья. Он пахнет шоколадом и пластилином. У него теплые карие глаза с темными взъерошенными волосами — он похож на свою маму.

— Матео, верно? — Я протягиваю руку. — Меня зовут Зои, и я с удовольствием поиграю с тобой, но для начала, могу я поговорить немного с твоей мамочкой?

Даже под бейсбольной кепкой ветерок сдувает с лица его челку, и он улыбается мне.

— Я знаю, кто ты. Зак показывал мне твои фотографии. Ты его сестра. Я бы тоже хотел иметь сестру.

Он вкладывает свою маленькую ладошку в мою и пожимает ее.

Меня трогают его слова, а в глазах стоят слезы.

Поднимаясь с колен, я ловлю на себе взгляд Нейта.

Он настороженный, оцепеневший и нерешительный.

Внезапно, мысль оседает в моей голове, и я не могу избавиться от нее: чувствительная, разрушающая эмоция придает еще больше боли при встрече с его взглядом.

Почему он ничего не рассказывал об этой женщине? Что он здесь делает?

О, Господи, неужели, у него есть ребенок?

— Зои. — Надломленным голосом зовет Жизель, и ее слезы свободно каплют из глаз.

Пока до меня доходит вся сущность происходящего, я чувствую, как одна рука оборачивается вокруг меня, и она прижимается, отчаянно обнимая меня.

Я отстраняюсь, тронутая до слез, которые не в состоянии больше сдерживать.

— Шшш... в этом нет твоей вины.

— Это не так, — плачет она.

Я гляжу на нее и трясусь головой.

— Мамочка, в чем дело?

— Давай, крепыш, пойдем наверх и поиграем. — Нейт нежно разговаривает с маленьким мальчиком, и нет никаких сомнений, они давно знают друг друга. Он берет руку Матео и смотрит на меня. Его глаза наполняются чем-то непонятным — пониманием, осознанием, действительностью или, возможно, просто виной.

Я отстраняюсь от этой мысли и концентрируюсь на сломленной женщине перед собой.

— Мы можем присесть и поговорить?

Она смотрит на меня своими темными с длинными и пушистыми ресницами глазами, которые мгновенно наполняются слезами. Я узнаю в них что-то знакомое.

Разбитое сердце.

Соглашаясь, она кивает головой.

— Кто быстрее доберется до моей комнаты! — кричит малыш и бежит по лестнице вверх.

— Ты выиграл. — Нейт следует за ним, провожая меня взглядом.

Когда они оба исчезают, мы с Жизель проходим по коридору, минуя маленькую кухню, где на столе стоят пакеты с продуктами.

Пакеты с не распакованными игрушками разбросаны в гостиной по всему ковру, но мое внимание привлекают три эскиза на стене позади красного дивана. Это работы Зака. На одном изображен ребенок. На другом — женщина с перевязанной рукой. И на третьей — жизнерадостные мать и ребенок на детской игровой площадке. Это всего лишь эскизы, отражающие в себе сущность людей.

Их создал мой брат.

Жизель сидит на диване и теребит повязку, которая поддерживает ее руку. При свете дня, я действительно могу разглядеть ее истинную красоту. Она одета в обычную тонкую футболку и обтягивающие джинсы. С многочисленными серебряными браслетами на ее запястье и большими кольцами в ушах, она выглядит как Натали Вуд или, может даже Элизабет Тейлор.

Похоже, что женщина, привлекала Зака.

— Ты знала своего брата. — Присаживаюсь на стул возле дивана.

Она кивает головой.

— Довольно хорошо, — добавляю я, указывая на эскизы позади нее.

Её лицо приобретает мученическое выражение.

— О, Зои, я звонила сегодня Нейту из-за тебя.

— Я не понимаю.

— Мы с твоим братом любили друг друга.

Ощущение, будто меня пнули в живот.

Я опускаюсь обратно на стул.

Эта мысль одновременно наполняет меня счастьем и горечью. Мой брат — романтик, он все-таки получил девушку своей мечты? Сначала он влюбился, а затем ушел из жизни,

прежде чем у него появилась возможность испытать то, в чем, я знаю, он был бы хорош?

Чувствую, что мои эмоции начинают выходить из-под контроля.

Дыши.

Голос отдается эхом в моих ушах.

«То, что случилось с твоим братом, случится и с тобой».

Это не мой внутренний голос, а проявляющий себя мой страх. И впервые я это осознаю. Впервые я могу отличить собственный голос и тот, более темный, который скрывается внутри меня, тот голос, что привел меня к доктору Рэймонд. Именно она научила меня справляться со своими голосами.

Делай глубокие успокаивающие вдохи.

Дыши.

Я качаю головой, приказывая голосу исчезнуть, а затем сажусь прямо и смотрю на Жизель.

— Да, я в порядке. Прости. Я просто пытаюсь понять. Почему он мне ничего не сказал, и причем здесь Нейт?

Она приближается и кладет свою свободную руку на мое колено.

— Твой брат собирался рассказать тебе. Но он настаивал на том, что хочет подождать. У нас обоих была куча долгов, и чтобы расплатиться мы выбрали не совсем обычный способ.

— Я знаю всё о клубе «Особняк», и чем он там занимался.

Она смотрит с облегчением.

— Тогда, может быть, ты поймешь, почему мы оба хотели начать нашу жизнь с чистого листа, прежде чем рассказать кому-нибудь об этом.

Комната начинает кружиться, и я хватаюсь за стул.

— Как долго вы были вместе?

Она вытирает рукой свои слезы.

— В прошлом году мы встретились в «Танцевальном зале». Мы тут же поладили и стали друзьями. Зак спросил меня, чем я занимаюсь по жизни, и я ответила ему, что я работаю в «Особняке». Он искал способ заработать большую сумму денег, и, прежде чем узнать об этом, я помогала ему в создании Художника. Постепенно, мы полюбили друг друга.

У меня отвисает челюсть. Я потрясена.

Она, вообще, знает, чем Зак занимался там?

— Зои, я знаю, о чем ты думаешь. Как могли мы быть вместе и делать то, что делали? Но когда мы впервые встретились, мы действительно были просто друзьями. И это была работа. Я не была готова к отношениям, когда встретила твоего брата. У меня были свои заботы. Но чем больше времени мы проводили вместе, тем больше усиливались мои чувства к нему. Когда я, наконец, была готова к отношениям, он признался, что был влюблен в меня с первого взгляда. И мы оба прекратили включать какие-либо услуги сексуального характера.

— Ничего не понимаю. Тогда, как вы вдвоем продолжали работать?

— В «Особняке» не всё связано с сексом. Речь идет о том, чтобы дать клиентам то, что они ищут. Мы просто действовали по-другому. Твой брат был художником, поэтому он рисовал своих клиентов иногда на бумаге, иногда на холсте, иногда рисовал на их телах. Он делал их наброски, однако они хотели, чтобы он срисовывал с них в процессе. Иногда это означало наблюдать, как пары занимаются сексом, но это никогда нас не беспокоило. Мы понимали, что это часть его работы.

Больше потрясена любовью в ее голосе, чем признанием, но я все еще борюсь с гневом, который бурлит под моей кожей — не из-за неё, а из-за моего брата.

Почему он думал, что я не приму её?

Но это было не из-за Жизель и Матео, верно?

Причина была в деньгах.

Его потребность заботиться обо мне отвергла его собственное счастье.

Черт возьми, Зак!

Слезы свободно текут по щекам, и я как можно быстрее вытираю их.

— Он любил то, чем занимался, Зои, так же, как любил тебя. Заставляя женщин гордиться самими собой, изображая их внутреннюю и внешнюю красоту, он делал их счастливыми.

Ее голос кажется тихим, но я поражена ее словами, и мысленно уже извиняюсь перед Заком, когда мои глаза концентрируются на Жизель.

— Я виновата в том, что он умер, а не чертово семейное наследие, о котором он меня предупреждал.

— О чем ты говоришь?

— Это я виновата в том, что он ехал на высокой скорости.

Мы уставились друг на друга, но такое ощущение, будто мы находимся в разных комнатах.

— Жизель, Зак всегда превышал скорость.

— Это могло и не быть в ту ночь, если бы не я. Мама позвонила мне на работу и сказала, что Матео болен. Моя машина не заводилась, поэтому я позвонила Заку, и он приехал за мной. Он знал, что я беспокоюсь о Матео, поэтому ехал быстро. Он заставил меня надеть шлем, так как у него не было запасного. Мы никогда не ездили на мотоцикле вместе, из-за того, что Матео был постоянно с нами. Зак ехал в спешке, чтобы доставить меня домой, и когда он наехал на какой-то мусор, на дороге, то потерял контроль над своим мотоциклом.

«Зак» — она зовет его так же, как и я. Комната довольно большая, но постепенно кажется, что становится такой маленькой, словно стены смыкаются вокруг меня.

В спешке, я хватаю ее и грубо притягиваю к себе.

— Не думай так. Он делал то, что хотел, потому что он такой. Ты не виновата в его смерти.

Возможно, в этом виновата только судьба.

Мне нетрудно просить ее не винить себя, потому что я искренне верю, что она не должна. Ты не можешь винить кого-то в чужой смерти. Ты просто не можешь, если только сам не убил — выстрелом пули, ударом ножа или битой по голове.

Ее плач превращается во всхлипывание, и я просто придерживаю ее в своих руках. Время проходит медленно, пока нас объединяет потеря близкого человека.

Когда она отклоняется назад, то смотрит на меня и убирает с моего лица выбившуюся кудряшку.

— Знаешь, ты похожа на него.

Я приглаживаю непослушную прядку волос, которая завилась от дождя.

— Когда мы были маленькими, все думали, что мы близнецы.

— Думаешь, у этого ребенка будут такие же кудряшки?

Свет из окна озаряет ее тело, и мне сложно разглядеть ее сквозь солнечный свет.

Мой взгляд падает на ее плоский живот.

— Ты... беременна?

Она кивает, ее глаза все еще наполнены слезами.

— Вот почему я позвонила сегодня Нейту. Сантьяго сказал мне, что ты остановилась у него, и я хотела попросить его привезти тебя сюда.

— О, боже мой!

Я сжимаю свой медальон, пока неизведанное счастье парит надо мной.

— Он знал об этом?

Она хмурится.

— Нет. Я сама не знала, пока меня не привезли в больницу. Срок еще маленький, и с травмой, которую я перенесла, врачи говорят, что я подвергаюсь риску выкидыша.

Откуда-то в доме слышится топот маленьких ножек.

— Мамочка, я хочу кушать. Мы можем уже пообедать?

До нас доходит шепот:

— Хотя неважно. Нейт говорит, я могу съесть мороженное, если дождусь, когда меня позовут спуститься вниз.

— Крепыш, предполагалось, что ты должен был молчать. — Голос Нейта и его общение с Матео влияют на состояние моей души.

Жизель подносит руки к глазам, чтобы стереть слезы.

— Я еще никому не говорила, даже маме. Ты первая. Это кажется таким нереальным.

— Что кажется нереальным? Что от этой трагедии исходит что-то светлое?

— Никогда не думала об этом с такой стороны.

— Я вижу это именно так. Это единственное, что имеет значение.

— Я не была уверена, как ты поведешь себя, так как мы никогда не встречались. Мы с Заком собирались сообщить тебе раньше всех остальных, о том, что мы были вместе. Мы с Матео собирались в Нью-Йорк вместе с ним, когда он хотел приехать на день рождения в следующем месяце. Он думал, что к тому времени расскажет Нейту, и нам будет, где остановиться.

— Расскажет о чем?

— Ох, о наших планах. Зак хотел купить галерею и возродить ее такой, какой она была раньше, когда ее открыл Майло. Он несколько часов разговаривал с Заком о том, как подготовить ее к работе, предлагал уроки в вечерние часы. Они обсудили привлечение некоторых художников, которые оставили свой след на стенах Винвуда. Даже думали о том, чтобы галерею вернуть старое название «У Хэнсона».

— Нейт знал об этом что-нибудь?

— Нет. Зак ждал подходящего момента. Он сказал, что Нейт, похоже, не был готов принять тот факт, что его отец все еще не в состоянии вернуться к работе.

— Но он знал о тебе и Заке?

— Нет. Как я уже сказала, никто не знал. Он до сих пор даже не знает, почему я попросила его сегодня отвезти меня домой. Я собиралась поговорить с ним, как только уложу Матео.

— Тогда, откуда ты знаешь Нейта?

Она одаривает меня небольшой, кривой усмешкой.

— Мы выросли вместе. Он, Оливер, Сантьяго и я, все жили на одной и той же улице. Моя мама и родители Оливера живут все еще там.

— Это очень мило.

— Так и есть. Я потеряла контакт с ребятами после окончания средней школы, но в прошлом году я обратилась к Оливеру за помощью в бракоразводном процессе. Мы оставались на связи, и вскоре после этого Оливер, Сантьяго, Нейт и я встретились в нашем старом районе.

— Значит, вас познакомил Оливер?

Она мотает головой.

— Нет, нас вроде как познакомил Нейт.

Я приподнимаю бровь.

— Вроде как?

Она опускается на диван, погруженная в воспоминания.

— Я знала, что владелец клуба «Особняк» искал возможности выбраться из него, и я знала, что Нейту нравится инвестировать в небольшие прибыльные предприятия, поэтому пригласила его в клуб, чтобы встретиться с владельцем. Для меня это оказалась не самая хорошая ночь, пока я не встретила Зака. Мой бывший угрожал забрать у меня Матео, просто потому, что он мог. Я была раздавлена и много выпила, перед тем как приехал Зак. Я увидела его и представилась, и даже знала, что он друг Нейта. Это был его день рождения, и мы праздновали вместе. Он тоже чувствовал себя подавленным. И так я встретила твоего брата. Все уже помогали мне с Матео, поэтому никто не интересовался, когда он присоединился. Все просто подумали, что он тоже помогал.

— Каким образом помогал?

— Все ребята по очереди заботились о Матео по субботам, чтобы я могла вернуться в колледж и посетить последние занятия, которые мне нужны, чтобы получить свою степень в искусстве моды. Мой бывший муж заставил меня бросить колледж, когда я забеременела. Затем, как только у меня появился ребенок, он не хотел иметь с ним ничего общего, что, вероятно, было к лучшему. У него не хватало никакого терпения, даже на любого из нас. Моя мать присматривала за Матео в течение недели, поэтому я не хотела беспокоить ее по выходным. И, кроме того, она не ездит за рулем, а график выходных автобусов не очень удобен.

Тепло растекается по мне словно мед. Эта девушка, похоже, так полна жизни, и даже в глубины скорби, у нее есть надежда.

— Ты позволишь мне быть частью жизни этого ребенка?

Она быстро придвигается ко мне и удивляет своим объятием.

— Ох, Зои, ничто не сделает меня счастливее — ничто.

— Мама, мама. — Слышен ликующий маленький голосок Матео, спускающегося вниз по лестнице. — Нейт сказал, что возьмет меня на бейсбол. На настоящую игру в бейсбол. Нейт уводит его по лестнице и сгребает в сторону так, что кепка падает с его головы.

— Ты ведь должен оставаться наверху.

— Всё хорошо. — Жизель отстраняется и смотрит на меня. — Останешься на ланч?

Я киваю.

— Более того, я могу помочь приготовить его. Что у нас в меню?

Она смотрит на Нейта.

— Нейт занимался покупками, перед тем, как забрать нас от моей матери. Матео был готов вернуться домой, и я подумала, что пришло время.

Теперь я смотрю на Нейта.

Он улыбается по-настоящему.

Он потирает свои руки.

— Я купил все, что нам необходимо для приготовления жареного сыра и томатного супа.

— Мне не нравится, как ты готовишь помидоровый суп.

— Матео, «томатный» суп, и некрасиво так говорить.

Нейт опускается на колени и проводит рукой по голове Матео.

— Ты его всегда ел. Что случилось?

— Мне нравится, как суп готовит Зак.

Нейт смотрит на Жизель.

Она пожимает плечами.

Я приседаю рядом с Нейтом, и когда наши бедра соприкасаются, через меня стреляет электротоком, словно огненной вспышкой.

— Я знаю, в чем фишка.

Нейт смотрит на меня.

— Да?

Я киваю.

— Вместо воды нужно добавить молоко.

— Ах, в изысканном стиле, — говорит Нейт, и мы все смеемся.

Матео смеется и затем прикладывает свою маленькую ладошку к моему лицу.

— Ты тоже будешь моей сестрой?

Я беру его ладонь и целую ее.

— Я не могу быть твоей сестрой, но могу быть твоей подружкой.

Его небольшие ручки обнимают меня, и я таю.

— Я действительно хотел бы этого.

Во время готовки ланча, мы с Нейтом проводим больше времени, случайно натыкаясь друг на друга, чем на самом деле готовим. Он прижимается ко мне, когда я мою банки в раковине, я опираюсь на него, когда тянусь за посудой в ящике рядом с ним, мы сталкиваемся грудью, когда я направляюсь, чтобы убрать молоко, а он, чтобы достать стаканы из серванта.

Его губы приоткрываются.

Вздых покидает меня.

Хочу поцеловать его, но не целую.

Я даже не знаю, злится ли он все еще на меня. Понятия не имею, злюсь ли я на него. Я действительно ничего не понимаю.

Большинство из этих дверей продолжают открываться для нас.

Каждый день я узнаю его с новой стороны.

Но понимаю, что больше так не могу.

Просто не могу.

После обеда Нейт и Матео принимают решение о просмотре фильма, и Жизель рассказывает ему все, о чем она поведала мне.

Нейт шокирован.

И расстроен, потому что ни о чем не знал.

Но больше всего, он счастлив, что мы встретились с Жизель.

К тому времени Жизель утомляется, и как только она ложится рядом с Матео на диване,

то через несколько минут засыпает.

Нейт и я прибираемся, и как только заканчиваем собирать вещи, приезжает Кармен — мама Жизель. Она собирается остаться с ними на несколько дней.

Жизель все еще спит, поэтому я оставляю свой номер телефона на столе с запиской, чтобы она позвонила мне завтра. Затем я целую в лобик Матео и обещаю приехать, и отвезти его на игровую площадку, а Нейт обещает мороженое. Матео настолько увлечен своим фильмом, поэтому просто улыбается и прощается. Кармен провожает нас до двери и обнимает.

Когда я выхожу на улицу, дождь уже прекратился, но на меня нападает удушливая жара. Ослабевающее солнце маслянисто-желтого цвета начинает садиться.

Я чувствую себя уставшей, не только физически, но и эмоционально.

Мне столько предстоит обдумать.

И определиться.

— Где ты припарковалась? — спрашивает Нейт, когда Кармен закрывает за нами дверь.

Я указываю, и мы переходим улицу и направляемся туда.

— Прости меня. — Его слова выходят мягкими, но уверенными.

Я смотрю на него.

— За что именно?

Он чешет затылок.

— Знаешь, я немного запутался, так что ты могла бы дать мне шанс. — Его смешок прекрасен. — Но прости за то, как вел себя сегодня утром. Я не ожидал увидеть свою мать, когда мы ездили с тобой в галерею. Затем, когда ты начала копаться во мне, я просто не захотел иметь с этим дело. Я так долго ставил перед собой цель, чтобы игнорировать тот факт, что у меня вообще есть мать.

Его искренность задевает мое сердце. Я беру его за руку.

— Я, правда, это понимаю.

Он сжимает мою.

— Есть еще, за что я должен извиниться?

Ладно, это кажется еще более восхитительным.

Быстрым шагом мы пересекаем улицу и, как только доходим до тротуара, я останавливаюсь и прислоняюсь к машине.

— Почему ты не рассказывал мне о Жизель?

Он кладет руки на бедра.

— Честно говоря, я не думал, что это важно. Она была другом, который попал в аварию, и это все, что я знал. Я узнал о трагедии в прошлую субботу, когда отвез тебя в Винвуд Уоллс. Сантьяго сказал мне тогда, что Жизель была в больнице и оставалась с матерью. Я никогда не догадывался о том, что они пара с твоим братом. После смерти Зака мы разбежались кто куда, поэтому ничего не слышать от нее не казалось странным. Клянусь, никто не знал, что они вместе.

— Она говорила мне об этом.

— Значит, у нас всё хорошо?

Я смеюсь.

Он вопросительно смотрит.

— Да, всё хорошо.

Проблема в том, что у нас слишком всё хорошо.

Это становится опасным. С моей стороны. Но я знаю, что он ничего не ждет. Летнее удовольствие является мимолетным увлечением, а мимолетные увлечения не имеют эмоциональной связи.

Он прислоняется своим лбом к моему.

— С тобой все хорошо?

Я расслабляюсь в его объятиях, и от этого контакта мышцы моих бедер сводит судорогой.

— Есть еще кое-что. — Колеблется Нейт.

Мои похотливые мысли быстро рассеиваются, и я беру его лицо в свои руки.

— Выкладывай.

Он жмурит глаза.

— Ты же знаешь, что я не верю в судьбу.

Я вздыхаю.

— Да, знаю

— Жизель рассказывала тебе о том, как они познакомились с Заком?

— Она говорила, что ты, как бы, представил их друг другу.

Он сжимает мои ладони своими руками.

— Я привез его в клуб, когда собирался закрыть сделку с собственностью Джереми Макквин. Той ночью Зак познакомился с Жизель. Думаешь, если бы я его не позвал с собой туда, он все еще мог быть жив?

Своими пальцами я ласкаю его щеки.

— Нет. Разве ты не понимаешь? Всё дело в судьбе — ты не можешь изменить ее, одолжить у нее время, обмануть или обойти ее. Что предначертано тебе судьбой, то и сбудется. Он должен был умереть, когда ему исполнилось двадцать семь, и все, что ты сделал или не сделал, не изменило от этого его судьбу.

Он сомнительно качает головой.

— Нейт, неужели ты не понимаешь? Не имеет значения, чем я занимаюсь. Если я должна присоединиться к Клубу 27, то я не в силах этого изменить.

Он хватает мои руки и целует каждый палец.

— Не говори так.

Я киваю, внезапно понимая, почему мой брат редко говорил о нашей судьбе или наследии, как он называл ее. Не потому, что это было слишком трудно воспринимать для него, нет, скорее, потому что это было слишком трудно воспринимать другим.

Я понимаю это только теперь, когда смотрю в глаза Нейта и шепчу с надеждой:

— Хорошо, не буду.

23 Глава

Жарче огня.

Я просыпаюсь от звука бьющегося стекла.

Когда мы с Нейтом возвращались от Жизель прошлым вечером, мы вели себя необычно молчаливо. Когда вместе легли на его кровать, последнее, что я помню, это как успокаивающе он гладил мою спину своими пальцами.

Садясь на кровати, я понимаю, что на мне надета все еще вчерашняя одежда. И я не в

силах остановить атакующие меня эмоции.

Неопределенность.

Одиночество.

Я напугана мыслью о своем будущем.

Я хочу быть рядом и увидеть, как родится моя племянница или племянник. Хочу принять свою связь с Нейтом, даже несмотря на то, что никто из нас не признает ее. Эта связь существует, и мне интересно знать, куда она нас приведет.

Но будущее слишком неопределенное.

Еще один звук разбитого стекла заставляет меня выпрыгнуть из кровати и ринуться на вершину лестницы. Ветви пальм загораживают вид на красивое раннее утреннее небо. Но, если посмотреть вниз, то можно увидеть не менее ошеломляющее зрелище.

Нейт.

Сильный и властный.

Всё то, что окружает меня, напоминает мне о существовании чего-то большего, чем о моем мрачном будущем.

Я фокусируюсь на нем.

Нахожу в нем убежище, даже если он не подозревает об этом.

Нейт такой высокий и потерянный в собственном мире. Когда он снова нагибается с метлой и совком в руках, я понимаю, что он убирает осколки и теперь из-за него меня одолевает грусть. Огромные обломки от статуи убраны, но он все еще подметает маленькие частички в кучу и выбрасывает их в мусорный бак, который находится рядом.

Я спускаюсь по ступенькам на цыпочках и останавливаюсь на полпути, для того чтобы присесть и прийти в себя, прежде чем поговорить с ним.

Он поднимает на меня взгляд. На лице проходят тени, но при виде него мой пульс продолжает скакать. Сонный, небритый, во вчерашней одежде, он выглядит все еще чертовски сексуально.

Я убираю локон волос за ухо.

— Доброе утро.

Он кивает и опускает свой взгляд.

— Хочу сказать тебе спасибо.

— За что? Ты убрал всё здесь, не я.

Он качает головой.

— За то, что столкнула меня с тем, с чем мне никогда не приходилось. Ты права. Когда дело доходит до моей матери, я застаю где-то между днем, когда она ушла, и моментом, когда она вернулась. Я не знаю, как мне быть с этими чувствами, но знаю, что я пытался все это время. Думаю, я должен обсудить это. И тогда, будь, что будет.

Я чувствую боль в груди. Существует множество душевных страданий, исходящих из попыток понять родителей. Мне хорошо это известно. Я провела много лет в поисках ответов, которые так и не нашла.

— Я думаю, любой в состоянии сделать это. Никто из нас не знает, что предоставит нам будущее, но, если ты попытаешься двинуться вперед, это будет огромным первым шагом.

Он стреляет своим взглядом и изучает меня.

— С тобой все хорошо?

Я киваю, и мои кудряшки подпрыгивают возле лица.

— Да.

Он прищуривается.

— Ты уверена?

Вновь киваю и меняю тему.

— Я могу помочь закончить убираться. Ты же не собираешься опоздать на работу?

Он улыбается мне.

— Я не иду сегодня на работу.

Я обнимаю свои колени, улавливая странный комфорт в его голосе.

— В самом деле. Тебе можно брать больничный?

— Мне можно делать все, что я захочу, и сегодня, я желаю провести этот день с тобой.

Меня одолевает возбуждение, а мое утреннее угрюмое настроение быстро рассеивается в его присутствии.

— И что конкретно ты собираешься делать со мной?

Он убирает метлу и кладет совок, а затем взбирается по лестнице.

Хищник начинает подкрадывается.

На самом деле, я сама сдерживаю себя, чтобы не набросится на него.

Он нависает надо мной, когда добирается до меня.

— Сегодня все будет по принципу что-необходимо-знать. И прямо сейчас, единственное, что тебе нужно знать — это то, что мы собираемся принять душ.

Я сглатываю, меж моих ног зарождается желание.

Он сгребает меня в объятия и перекидывает через плечо. — Но я не несу ответственность за то, насколько холодными будут первые капли душа.

— Ты не посмеешь.

— Еще как.

Нейт крепко держит мои ноги и все что я могу сделать — это несколько раз шлепнуть его.

— Я бы не делал этого на твоём месте, — предупреждает он.

Похоть покалывает всё моё тело.

Я смеюсь, у меня кружится голова и зашкаливают эмоции. Я так счастлива с ним.

— Я тебя не боюсь.

— Действительно? Что мне необходимо сделать, чтобы заставить тебя заговорить? Отшлепать?

— Мне нравится, когда ты шлепаешь меня, — мурлычу.

Нейт поворачивает душевой рычаг до упора влево, а затем прямо в одежде входит со мной под него.

— Итак, раз мне необходимо иметь больше оснований для того, чтобы отшлепать тебя, тогда я знаю, как заставить тебя поговорить.

Я кричу, визжу, и протестую, пока он не включает горячую воду и ставит меня напротив себя.

Нейт берет мое лицо в свои руки.

— Теперь скажи мне, в чем дело, или я сделаю это снова.

Момент становится серьезным, когда я смотрю на него.

— Я напугана

— Мы обсуждали это вчера.

Провожу вверх по его груди своими руками.

— Я знаю, но не могу перестать думать об этом. Я так хочу быть частью жизни ребенка

Жизель и Зака.

— Ты будешь. Я знаю, что будешь.

Я рискую.

— Что насчет нас? Что ты думаешь о нас?

Он напрягается под моим прикосновением.

— Нейт?

Он сосредоточен на чем-то другом потому, как пристально смотрит на меня в течение долгого времени.

— Знаю одно, что еще с прошлого вечера я скучаю по тому ощущению, когда нахожусь внутри тебя. Знаю, что собираюсь трахать тебя в душе, трахать вечером и также ночью. И я также знаю, что собираюсь заставить тебя кончить множество раз, чем когда-либо.

Меня всю трясет. Я позволила ему ускользнуть от реального смысла моих слов, потому что на самом деле, чего я ожидала? Мы договорились, и я планирую следовать соглашению.

— Теперь вернемся к тем шлепкам, которыми ты награждала меня по пути сюда. Думаю, пора оплатить возмещение.

Его голос отвлекает меня от мыслей, и сердце содрогается от того, что он имел в виду. Обе мои руки спускаются к ширинке его мокрых джинсов.

— Не уверена, что согласна с этим.

Он принимает правила моей игры и выключает воду.

— Тогда, к счастью для тебя, это не совсем то, что я задумал.

Все еще прикасаясь к нему, мои пальцы возятся с застёжкой его молнии.

— Но это то, чего хочу я. В чем нуждаюсь я. Нет, беру свои слова обратно. Что я действительно сейчас хочу — это попробовать тебя на вкус.

Нейт качает головой.

— Отойди назад и разденься.

Я моргаю, одновременно ошеломленная и возбужденная из-за его команды.

— Контроль — это то, от чего я не отказываюсь так легко.

Он самодовольно ухмыляется, вообще-то, можно подумать, что это граничит с большим самомнением.

Но меня это заводит.

Впрочем, как все остальное в этом мужчине.

— Я думала, мы собирались принять душ? — спрашиваю.

— Мы примем, в свое время.

Его голос словно плавный карамель, и в моем животе отдается боль, как будто собираются взлететь бабочки.

Я нервничаю.

Отхожу назад и принимаюсь снимать свое платье. Горит свет и спрятаться негде. От нервозности у меня трясутся ноги.

Сейчас ощущается всё по-другому.

Столько всего произошло. Мы эмоционально сблизилась, даже если никто из нас этого не признает.

Нейт проходит по комнате и прислоняется к тумбе, скрещивая руки на своей груди. Теперь бабочки определенно находятся на стадии взлета.

— Повернись ко мне, — приказывает.

Он хочет, чтобы я перед ним разделась?

Озноб покалывает мое тело, а ноги становятся деревянными. Я тяну платье через голову.

Он приподнимает свой подбородок, призывая мне продолжать.

Я снимаю лифчик, освобождая свою небольшую грудь. Стягиваю вниз трусики, пока полностью не обнажена.

Нейт приоткрывает губы. Сжимает столешницу. С полуприкрытыми веками окидывает меня горящим, оценивающим каждый сантиметр моего обнаженного тела взглядом.

— Ты очень красивая, — шепчет.

И легкая застенчивость отдается в его голосе.

Это так мило.

Я опускаю свой взгляд под его пристальным вниманием.

Но затем он делает долгий и медленный выдох, и всю комнату наполняет этот мурлыкающий звук.

— Ты идеальна.

Поднимаю глаза, чтобы встретиться с его взглядом, потому как не совсем уверена, что его слова звучат искренне.

— Ты. Идеальна, — повторяет он приглушенным голосом, который разрушает гортанная хрипотца, что, безусловно, свойственно только ему, Нейту.

В его взгляде мелькает не поддающаяся определению эмоция, и пока я пристально смотрю в эти глаза, она длится недолго, и его взгляд тускнеет.

Он стоит там, весь такой мужественный, высокий и худощавый, и смотрит на меня через всю комнату. Спустя мгновение, подзывает к себе пальцем, и я скользя по прохладному кафельному полу — все мои заботы исчезают и заставляют меня чувствовать себя легче перышка.

Я становлюсь перед ним на кафельном полу, чувствую себя уверенно и одновременно нервной.

Мы и раньше занимались этим, но сейчас всё ощущается по-другому.

Фантастическое сочетание, когда необходимость и желание сплетены вместе.

— На колени, — командует Нейт.

Вдруг моя нервозность исчезает, и я чувствую только восторг.

Перед тем, как положить свои руки на мою голову, он проводит ими по моим волосам. В порыве я наклоняюсь к нему и дрожащими пальцами расстегиваю штаны. Его бедра продвигаются вперед, и я пользуюсь моментом, чтобы погладить покрытую тканью эрекцию, до которой так сильно хочу дотронуться.

Пока продолжаю расстегивать джинсы, от него исходят подобные мурлыканью звуки, заставляя мое тело дрожать.

— Скажи мне, что именно этого ты хочешь, — выдыхает он.

Я поднимаю свой взгляд и самым обнадеживающим голосом отвечаю:

— Я действительно этого хочу — с тобой.

Нейт всегда сомневается, когда во время секса раздает указания, однако, как только я заверяю его, что мне это нравится, на этом его колебания быстро рассеиваются.

Могу сказать, что ему тоже это нравится.

— Тогда, скажи мне, чего ты хочешь прямо сейчас.

— Я хочу почувствовать у себя во рту твой член, хочу попробовать и полностью испить всего тебя. — Грязные и похотливые словечки вылетают из моего рта, и всплеск

удовольствия направляется прямо к низу моего живота.

Он отпускает мои волосы и сжимает столешницу.

— Давай. Возьми мой член в свой рот.

Я закусываю нижнюю губу, чтобы не сорваться и вытащить член из его штанов и облизать прямо сейчас. Вместо этого поглаживаю его пару раз через ткань джинсов, чтобы подарить Нейту такое же наслаждение, каким он частенько награждает меня. Тем не менее, когда он выгибает навстречу моим движениям спину, моя сдержанность растворяется, и я начинаю двигать рукой быстрее.

Нейт распадается на части в моих руках, у моих ног, и мне это нравится.

Я стягиваю его джинсы без особых усилий.

Нейт быстро справляется с обувью и носками. Очевидно, что он не был настолько глуп, чтобы убирать разбитое стекло без них.

Какой умный мальчик.

Пользуюсь временем, я пристально разглядываю Нейта в восхитительных черных трусах, сидящих низко на его бедрах, любуюсь выступом его тазовой кости, едва заметной дорожкой волос на остальной части его голого тела, смотрю на его линии и очертания, что исчезают за поясом боксеров, но в основном я пялюсь на впечатляющую выпуклость, которая бросается мне в глаза.

Я больше не в силах ждать.

Пока он расстегивает свою рубашку, я скольжу пальцами под резинку трусов и стягиваю их вниз, по бедрам, позволяя им упасть на пол, не заботясь о них. Кончик его члена в свете комнаты такой поблескивающий и влажный. Я наклоняюсь и слизываю предэякулят.

Вкус его семени меня возбуждает.

Поглядывая в зеркало, стараюсь хоть мельком увидеть лицо Нейта. Его выражение выражает полное удовольствие. Для меня достаточно этого изображения, чтобы запомнить момент навсегда.

Оральный секс никогда не был моим коньком. Я и раньше ублажала мужчин с помощью минета, но всегда это делала без особого энтузиазма, не пыталась доставить им удовольствия, пошатнуть их мир. Но с Нейтом все по-другому. И прямо сейчас, я хочу перевернуть мир Нейта вверх ногами и в то же время вывернуть наизнанку. Сама мысль посылает мурашки по моему позвоночнику. Не сдерживаясь, я обхватываю рукой его член и накрываю своими губами.

Тело Нейта напрягается, когда я кружу своим языком по головке его члена и одновременно двигаю своей рукой вверх и вниз по его стволу. Он стонет, и через мгновение его пальцы возвращаются в мои локоны и начинают расчесывать их в ритмическом движении. Не поднимая глаз, я вбираю его глубже в свой рот, наслаждаясь звуками, которые он издает, и ощущением его рук в моих волосах.

Так здорово и так правильно ощущать у себя во рту его член.

Облизываю каждую его часть, наслаждаясь его ощущением на своих губах. Еще один стон заставляет меня изогнуться, чтобы взглянуть на него, и, когда я ловлю на себе его взгляд, то понимаю, что хочу его как можно больше. Сжимая его член в кулаке, я крепко хватаю его у основания и толкаю в свой рот до конца.

У Нейта взволнованный взгляд.

Я управляю им в том же ритмичном движении, что и его руки, сжимающие мои волосы. После нескольких таких движений громкий стон выходит из его рта.

Бросив взгляд на зеркало, я вижу его тяжелые глаза и приоткрытый рот — такой эротический образ заставляет меня извиваться. Желая проглотить его член слишком глубоко, я полностью скользну губами по его длине. Когда головка касается стенки моего горла, Нейт издает содрогающийся вздох.

— Зои...

Мое имя срывается с его губ в порыве страсти и приводит меня в восторг.

Отстраняясь, я вновь полностью вбираю его, а его руки, сжимающие мои волосы, направляют меня, пока он снова и снова толкается в мой рот. Мой рот сосет, пальцы поглаживают, а губы двигаются любимым для него способом. Вскоре его мышцы начинают дрожать. И когда мой язык вновь находит его кончик, и слизывает каплю семени, Нейт вздрагивает и снова шепчет мое имя.

— Зои.

Могу сказать, что он приближается к оргазму. И прилив эйфории, который течет по моим венам, — наивысшее наслаждение, которое я когда-либо испытывала в своей жизни.

— Зои, остановись.

Я не останавливаюсь.

Не могу.

— Прекрати, Зои. Я собираюсь кончить.

Я отрицательно трясую головой, и, хотя моя киска ноет от боли и от желания почувствовать его внутри себя, я прямо сейчас желаю этого и слегка отклоняюсь. — Хочу, чтобы ты кончил мне в рот.

— Бл*дь. — Я никогда еще не слышала такого затрудненного от наслаждения дыхания, как у него.

Вдохновленная тем, что в состоянии перевернуть его мир, я провожу языком вниз по его стволу и, клянусь, что чувствую, как под ним пульсирует его член.

Звуки, которые Нейт издает, говорят о том, что ему хорошо.

Он сильнее и быстрее толкается в мой рот, а затем кончает, и его жидкость стекает прямо по стенкам моего горла. Не могу сказать, что я раньше глотала мужскую сперму, а Нейт никогда не позволял себе кончать мне в рот, но в этом я нахожу особое удовольствие — удовольствие от того что происходит, от стонов его удовлетворения, и от того, как я ублажаю его.

Без предупреждения Нейт поднимает меня на ноги, и в следующий момент, моя задница оказывается на мраморной столешнице, а Нейт становится между моих бедер.

Его рот мгновенно находит мои губы, и я понимаю, что скорее всего он чувствует свой вкус на моих губах. Мы целуемся, как будто не можем насытиться друг другом.

Когда делаю глоток воздуха, я сбрасываю рубашку с его плеч.

— Я хочу тебя, — говорю ему.

— Вот он я, — говорит он, спускаясь вниз своим ртом по моей шее. — Но сначала, мне нужно попробовать тебя.

Своими губами он проводит по моему телу, и я начинаю дрожать. Когда его влажный рот движется вниз к моему лону, я чувствую его горячее дыхание и начинаю дрожать еще сильнее. Его руки сжимают мои ноги и стаскивают ближе к краю стойки. В мгновение ока он опускается на колени и раздвигает мои ноги. Когда Нейт кружит языком по моему клитору, тот начинает пульсировать.

Его касание такое горячее.

Дыхание теплое.

Губы влажные.

И все мое тело покалывает.

Его пальцы вырисовывают узоры на моей плоти, и когда он проделывает то же самое языком, я почти теряю рассудок. Откидываю голову назад и стараюсь приглушить исходящие из моего рта звуки.

— Наблюдай за мной, — говорит он требовательно.

И я чувствую, что, следуя его указаниям, становлюсь еще более влажной. Я потрясена, когда мелкая дрожь сотрясает все мое тело. Не в состоянии оторвать от него своего взгляда, откидываюсь назад и крепче сжимаю столешницу, внимательно наблюдая, как Нейт толкается в меня своим языком.

О, боже, так хорошо.

Так совершенно.

Я изгибаюсь дугой и выкрикиваю:

— Не останавливайся! Не останавливайся. Пожалуйста, не прекращай.

Слышу смешок и понимаю его собственное удовлетворение от того, что он доставляет мне наслаждение. Мое тело трепещет, а другие части, обделенные его вниманием, сгорают от зависти.

Хочу ощущать его везде.

Хочу, чтобы он чувствовал меня везде.

Внезапно меня одолевает то же беспокойство, что и в последнее время. Одного этого лета не хватит на то, что я хочу сотворить с этим мужчиной. Но затем его язык проникает в меня глубоко, и мой оргазм оживает и ревет, словно заведенный двигатель нового автомобиля. Я начинаю дрожать, мое лицо напрягается в экстазе, и все в комнате приобретает оттенки серого.

— Кончи, Зои. — На мгновение Нейт отрывается от меня и у меня возникает желание вернуть его голову обратно вниз, но он не заставляет себя долго ждать.

Сейчас, когда он касается моего лона губами, я позволяю себе кончить.

Позволяю ему избавить меня от всего, о чем не хочу вспоминать, о чем не хочу думать, всё, о чем только он в состоянии помочь мне забыть.

Моя голова падает, а тело выгибается дугой, когда он облизывает, сосет и целует всю меня до тех пор, пока я не чувствую себя обессиленной. Пальцы на моих ногах подгибаются, когда самые захватывающие ощущения сковывают и раскачивают меня, потому как ничего подобного я не ощущала в своей жизни. И я кричу громче, чем когда бы то ни было.

Нейт встает с блестящими от влаги губами. Задыхаясь, обнаженный и ох-до-чего-же-прекрасный, он хватает мою талию и подтягивает к себе. Хотя я и чувствую себя обессиленной, я уверена, что и он тоже, я требую большего.

Я ненасытна.

Я хочу в себе его член.

Я скучала по этому прошлой ночью.

Хочу чувствовать, как он двигается во мне.

Хочу заставить его кончить еще раз, но на этот раз внутри себя.

Его губы приближаются к моим, и я могу пробовать свой вкус. Когда ощущаю, как его рот оказывается поблизости, то понимаю, что он, возможно, думает о том же.

— Я видел, как ты наблюдала за нами... в зеркале, — говорит Нейт охрипшим голосом.

— Мне нравится на тебя смотреть.

Его глаза исследуют меня.

— А мне нравится смотреть на тебя.

Я вся горю и постанываю при одной только мысли о нем внутри меня.

Одной ладонью он властно накрывает мою киску, а другой — обхватывает грудь.

Я зарываюсь своими пальцами в его мягкие шелковистые волосы и тяну их, образно подчиняя его себе.

— Бл*дь, — шипит он.

Я спрашиваю, задыхаясь от желания:

— Что случилось?

Он откидывает голову назад.

— Я хочу войти и ощущать тебя без презерватива.

Я изучаю Нейта, в то время как несколько прядей моих волос спадает мне на лицо.

Он тянется, чтобы убрать их, щекоча мою щеку.

Его прикосновение обжигает, уносит меня в мир страсти, где я всегда нахожусь рядом с Нейтом.

Тепло растекается между ног и я не в силах отказать ему.

— Ты чист? — спрашиваю охрипшим голосом, зная, что это так. Он бы никогда не попросил, если бы не был.

— Да. У меня никогда не было незащищенного секса, и я регулярно проверяюсь.

— Я тоже. С тех пор, как порвала со своим бывшим бойфрендом, не занималась незащищенным сексом. И это было так давно. А еще я регулярно принимаю таблетки.

Ладно, звучит как какая-то проверка.

В мгновение ока я прижата к стенке душевой кабины.

Нейт вновь твердый, а я намного больше, чем просто готова. Он скользит в меня и берет быстро прямо у стены.

Это так здорово.

Мне с ним очень хорошо.

Мне не требуется много времени.

И ему тоже.

Задыхаясь, я сильно кончаю с криком, который похож на его собственный.

— Это было... — он останавливается, будто подбирая слова.

Я заканчиваю за него.

— Потрясающе.

В то же самое время он говорит:

— Охренительно.

— И это тоже. — не могу не улыбнуться. Никто не говорил мне этого прежде.

— Я имею в виду, с тобой просто потрясающе.

По моему лицу расползается широкая ухмылка, и мы продолжаем стоять под душем в комфортной окружающей нас тишине. После того, как мы оба помылись, Нейт протягивает руку, и меня сотрясает иной вид радости.

— Давай, нам нужно быть готовыми. У нас впереди насыщенный день, и я умираю с голоду.

Когда входит в спальню, он оборачивается, чтобы взглянуть на меня.

— Надень сегодня платье, а трусики оставь в сумочке.

У меня отвисает челюсть.

— Почему?

Он одаривает меня коварной ухмылкой, выглядывая из-за двери шкафа.

— Просто скажем так, у меня есть особый способ передать о том, что я сожалею. И к концу сегодняшнего дня ты будешь чувствовать себя намного лучше.

Я улыбаюсь, задумываясь, что именно он имеет в виду. Это может быть весело. Затем ловлю свой взгляд в зеркале: опухшие губы, розовые щеки и блеск в глазах, который я никогда не замечала ранее — что-то происходит между нами, что-то большее, чем, как сказал Нейт, охренительный секс. Наша связь возрастает, и это должно меня настораживать.

Поскольку будущее настолько неопределенное, я не могу допустить каких-либо связей.

Нейт безжалостен. Перед выходом он проверил мои трусики и заставил меня кончить прямо около гаражной двери. В кафе Лас Олас он последовал за мной в ванную комнату, где пообещал взять меня больше недели назад, и так быстро довел меня до оргазма, что никто даже не постучал в дверь. Его руки блуждали по моим формам, когда появилась возможность, пока мы останавливались у Жизель, чтобы забрать Матео на пляж и купить для него мороженое. И совсем недавно в «Рендж Ровере» Нейт проскользнул своими пальцами под подол моего платья. Он погружался ими внутрь и наружу, подводя меня к краю и останавливаясь не менее двух раз, прежде чем позволить мне получить полное удовольствие.

Я откидываю голову назад.

— Боже мой, неужели для женщины возможно получать так много оргазмов за день?

Он останавливается на светофоре и наклоняется ко мне для поцелуя.

— Я слышал, что женщина может иметь больше ста оргазмов в течение одного дня.

— Ты лжешь.

Он улыбается.

— Нет, я говорю правду.

Я приподнимаю бровь.

— Где это ты такое слышал?

— Твой брат настаивал на том, чтобы слушать Говарда Стерна всякий раз, когда мы находились в машине в течение длительного времени. Я многому научился у него.

Я смеюсь.

— Зак поклонялся этому человеку.

Нейт ускоряется, и мы поворачиваем к дамбе.

— Этот человек полон знаний.

— Пожалуйста, просвети меня насчет женщин, — посмеиваюсь я.

— Это сарказм?

— Ну, возможно, но, честно говоря, мое любопытство задето.

Он постукивает по рулю и смотрит в окно.

— Я сказала «пожалуйста», — добавляю.

Я получаю от него бесценный взгляд.

— Ладно, но это правда, так что, тебе не стоит в этом сомневаться. Он сказал, что у женщин есть не только точка-G, но имеется также эрогенная зона. И если мужчина в

состоянии обнаружить в ней эту зону, то удовольствие, которое она получит, просто безгранично.

Я глазею на него.

— Тебе удавалось обнаружить это прежде?

Нейт прищуривается.

— Ты ревнуешь?

Я пожимаю плечами.

Он ухмыляется.

— Это не так-то просто. Я провел с тобой достаточно времени, и был совершенно уверен, что нашел это местечко. После сегодняшнего дня, я понял это. Так что, отвечая на твой вопрос — ты первая женщина, которую я попытался довести до множественного оргазма за один день. Неужели ты жалуешься?

— Нет, — я вздыхаю с улыбкой. — Но за что ты извиняешься? — Я так и не спросила его об этом раньше.

Он проезжает поворот с моста по направлению к его дому.

— За вчерашнее.

— Ты уже извинился за это.

— Я знаю. Но ты выглядела такой грустной этим утром, и так как я являюсь в твоём списке номер один и все такое, я хотел сделать для тебя что-нибудь приятное.

В конце он немного посмеивается.

И немного краснеет.

Он не говорил о списке ранее, пока я не упомянула ему о нём. То, как он сказал это, выглядело...

Мило.

Искренне.

Особенно душещипательно.

И безумно.

Знаю, что хотела только сексуальную взаимосвязь, но оказывается я молю о большем. Мне нужно умерить свой аппетит ради нас обоих.

Я оттягиваю низ платья.

— Куда мы едем?

Нейт поворачивает в конце моста направо.

— На встречу с моим отцом, — как ни в чем не бывало отвечает он.

Я хватаю его за ногу.

— О, боже мой, я не могу встретиться с твоим отцом вот так.

Он смотрит на меня.

— Как так?

— Так, словно я только что кончила.

— Так и есть, — усмехается он.

— Да я знаю. И уверена, что от меня пахнет сексом.

Нейт подъезжает к стоянку. Он наклоняется ко мне и собирает мои волосы в руке.

— От тебя не пахнет сексом и, по крайней мере, я говорил тебе взять с собой трусики.

Я роюсь в сумочке и вытаскиваю маленький треугольник черного кружева.

— Это все, что я взяла с собой. Я не знала, зачем тебе это, поэтому прихватила сексуальные трусики.

Он сосредотачивается на мне и смотрит на меня спокойным и невозмутимым взглядом.

— Надень эти трусики. Покажешься мне без них позже.

Я таращусь на него в ответ.

— Я уже оповестил его, что мы прибудем к ужину, так что, поторапливайся.

— Ты — зло, чистейшее зло.

Его ухмылка выходит за рамки очарования.

Я выполняю его просьбу. Затем выбрасываю содержимое своей сумочки на пол его машины и в спешке ищу небольшой образец духов, который приобрела, когда была на прошлой неделе у Изабеллы. И, о, чудо, я нахожу его и обрызгиваю всё кругом.

Когда мы останавливаемся на стоянке комплекса, в котором живет отец Нейта, я замечаю, как он вытирает ладони о свои шорты.

— Готова сделать это снова?

— Ты нервничаешь?

— Нет, я просто надеюсь, что эта встреча пройдет лучше предыдущей.

— Пожалуйста, зайди в мужскую комнату и вымой руки, прежде чем мы навестим твоего отца.

Лукавая, коварная ухмылка выдает его.

— Если ты говоришь, «я пахну сексом», то меня это совсем не волнует. Потому как, это жарче траха.

Я хлопаю его по плечу.

— Нейт!

Он наклоняется, чтобы поцеловать меня.

— Хорошо, если от этого тебе станет легче. Но прежде чем мы войдем, нам нужно сделать кое-что еще.

Он поглаживает мое бедро своим пальцем.

Я убираю его руку.

— Нет, не здесь.

Он пожимает плечами.

— Я догадался. Просто подумал, что это стоит того.

Он открывает дверцу со своей стороны и спешит помочь мне выбраться из машины.

— Что, если я не понравлюсь ему?

Когда я касаюсь ступнями земли, он притягивает меня к себе.

— Ты нравишься любому. Не переживай. Мой отец любил твоего брата, а значит, полюбит и тебя.

Я перестаю нервничать и нацепляю улыбку на лицо. Я переживала, думая о том, как Нейт представляет свою подругу отцу, но теперь, когда он знакомит с сестрой своего лучшего друга, успокаиваюсь. Я отбрасываю неприятное чувство в сторону и концентрируюсь на положительном. Майло Хэнсон очень хорошо знал моего брата, достаточно, чтобы заботиться о нем, как о своем сыне. Не могу дождаться встречи с ним.

Никогда не видела такого роскошного дома престарелых. Мими была в разных подобных учреждениях, но ни один из них не был похожа на Саншайн-Виллидж. Когда Нейт и я были здесь на прошлой неделе, он показывал мне лужайки для гольфа, компьютерные классы и лекционную комнату.

Мы с Нейтом добираемся до главного входа. Пешеходные дорожки, пруды и сады окружают здание. Огромный фонтан в вестибюле заставляет меня думать об этом заведении,

как о курорте, нежели чем о доме престарелых. Та же мысль посещала меня, когда я была здесь в прошлый раз.

Мы проходим по коридору, и Нейт, как и обещал, останавливается в туалете, чтобы умыться.

Я делаю то же самое.

Позже, мы встречаемся в холле, и Нейт потирает руки.

— Пойдем, найдем его.

Он не берет меня за руку, когда мы подходим к комнате его отца.

Дверь открыта и включен телевизор. Я слышу спортивного диктора, поэтому предполагаю, что это показывает канал ESPN или что-то в этом роде.

Нейт стучит в дверь и заглядывает.

— Папа, ты проснулся?

— Нейт, мой мальчик, заходи. Я просто нагоняю упущенное в футбольных сборах. Вы слышали, что Майка Уоррена продали?

Нейт сияет улыбкой.

— Нет, пап, я этого не слышал. Но ты можешь рассказать мне об этом после того, как я познакомлю тебя кое с кем.

Я вхожу в прекрасную меблированную комнату, покрытую паркетными полами, а не линолеумом, как в традиционных домах престарелых, в которых я успела побывать. Эта комната выглядит как дом, и мое сердце переполняет от того, что Нейт хотел этого для своего отца.

Там даже есть камин. Майло Хэнсон сидит в удобном кресле с пультом дистанционного управления от большого телевизора. Он приглушает его и встает, указывая на меня.

Нервозность вернулась ко мне, и я медленно приближаюсь к нему и протягиваю руку.

— Мистер. Хэнсон, приятно с вами познакомиться.

— Глупости, — говорит он, отмахивая рукой.

Я начинаю волноваться, что, может быть, он не так сознателен, как думал Нейт.

Но прежде чем я бросаю взгляд на Нейта, мистер Хэнсон притягивает меня к себе и целует меня в щеку.

— Зои, девочка моя, я так счастлив наконец-то встретить тебя. Я так много о тебе слышал. Присаживайся, пожалуйста.

Он указывает на стул позади него, и я сажусь.

Нейт ерошит свои волосы и закидывает руки в карманы, явно предпочитая стоять, а не сидеть на диване.

Он нервничает.

Но даже в этом случае он по-прежнему выглядит чертовски сексуально в своих поношенных шортах с потертой каймой, черной рубашке-поло и кроссовках.

Мммм.

Мистер Хэнсон берет меня за руку, и я фокусируюсь на нем. Я замечаю, что в его глазах мерцают слезы.

— Я заботился о Закари больше как о сыне, чем о сотруднике. Он был так молод, когда я впервые встретил его, но за эти годы он добился значительных успехов.

— Мистер Хэнсон, мой брат действительно ценил все, что вы делали для него. Он сказал, если бы не вы, он бы вернулся назад домой к бабушке просиживать штаны.

Он накрывает другой рукой свою ладонь, которая уже сжимает мою руку.

— Зови меня Майло. И Зои, ты должна знать, Закари был редкой находкой. Ему просто нужен был кто-то, чтобы помочь поверить в себя.

Я киваю, сдерживая слезы, которые вот-вот прольются.

— Хватит печалиться. Расскажи мне о себе и о моем мальчике. Вы двое провели много времени вместе.

— Пап, — предупреждает Нейт.

Он стреляет более резким взглядом в Нейта.

— Сядь и перестань так нервничать. Я не собираюсь смущать тебя, показывая твои фотографии, когда тебе было двенадцать лет. Я просто хочу знать, чем вы двое занимаетесь на протяжении всего лета.

Нейт, должно быть, сказал отцу обо мне.

Я краснею.

Что он сказал ему, и почему не предупредил меня?

Майло переключает взгляд на меня, и моя собственная нервозность заставляет меня говорить, не задумываясь.

— Я видела галерею. Она чудесная.

Краем глаза я вижу, что Нейт садится на место, снова потирая руки о свои потрепанные шорты цвета хаки.

— Да, твой брат помог мне держать ее открытой, пока это было возможным.

— Знаю, что он любил там работать.

— Да, любил. Мы планировали, что он возьмет ее на себя. Я действительно хотел держать ее открытой. Район нуждается в культуре.

Жизель уже рассказала Нейту о планах Зака, так что, это не было новостью для него.

Майло отпускает мою руку и неожиданно поднимается для того, чтобы сесть на диван рядом с Нейтом.

— Твоя мать была здесь вчера. Она рассказала мне, что произошло.

Глаза Нейта сверкают яростью.

— Зачем она до сих пор приходит сюда? Я просил ее не делать этого.

Майло берет своего сына за руку.

— Я хочу, чтобы ты продал ей эту галерею.

— Отец, нет. Я не могу этого сделать.

Я встаю и откашливаюсь.

— Оставлю вас поговорить с глазу на глаз.

Тон голоса Майло звучит уверенно.

— Оставайся, Зои, пожалуйста. Ты единственный человек, с которым Нейт так долго проводил времени в последние месяцы. Я думаю, для тебя это тоже важно услышать.

— Пап, — предупреждает Нейт снова.

— Нейт, я не знаю, сколько времени мне осталось, буду ли я в следующий раз помнить, кто ты такой. Поэтому, пожалуйста, позволь мне высказаться.

Нейт кивает.

— Твоя мать любила тебя. Она также любила меня. Я знаю, что вы слышали всевозможные истории, но единственное, что имеет значение, это правда, а правда в том, что, даже если бы я не был слишком стар для нее, мы не были идеальной парой. Ей нужен был кто-то более свободный, как она. Она была художницей, а художники живут по своим правилам. Я всегда был бизнесменом, а не художником. Она не хотела причинять тебе боль;

она только хотела защитить тебя. Она знала, что она не слишком хороша для нас и должна уйти. Я понимаю это сейчас, и я давно ее простил. Я надеюсь, что ты тоже когда-нибудь простишь.

— Никогда, — выплевывает Нейт.

Майло поглаживает руку Нейта.

— Никогда — это очень долгий срок, сынок. Я не просил тебя об этом раньше, но собираюсь просить об этом сейчас. Попробайся. Ради меня. И ради себя.

— Я не могу тебе этого обещать.

— Нейт, — его имя срывается с моих губ.

Его взгляд встречаются с моим.

Смотрю на него, и мне интересно скажет ли он своему отцу о том, что поведал мне сегодня утром.

Нейт стоит и почесывает подбородок.

— Пап, Я собираюсь поговорить с кем-нибудь о Марисе. Но сейчас это все, что я могу тебе обещать.

Майло поднимается и обнимает своего сына, и о чем-то шепчет ему. Затем спустя мгновение он оборачивается.

— Что скажешь, если я покажу вам две новые игровые комнаты, которые только что открылись. Лото проходит каждый день в полдень и шесть вечера. И я хочу услышать от вас, чем же вы все-таки занимались.

Мои щеки вспыхивают при мысли о том, чем мы занимались.

Еще около часа мы проводим время с Майло в столовой, пьем кофе и беседуем о моем брате. Он рассказал мне о первой встрече с ним и о том, что Зак поведал Майло о своих мечтах. Его будущее выглядело ярким. Теперь я знаю, что, несмотря на то, что были моменты, когда он поддавался идее, что не проживет долго, Зак упорно старался и жил своей жизнью.

Нейт держит меня крепко за руку, пока мы возвращаемся обратно к его машине, и когда я оглядываюсь на него, решаю что пришло время сделать то же самое.

24 Глава

Втянутый, не вплетенный

Три недели спустя...

Несмотря на жаркий летний вечер, я сижу на балконе спальни Нейта, любуюсь прекрасным видом. Странно, как сейчас все в моей жизни кажется более живым, смелым, наполненным ярким цветом. Трава зеленее, цветы красивее, а небо выглядит более голубым. Закаты и рассветы приобрели для меня значение.

Я решила извлечь максимум из своей жизни.

На несколько дней я забываю о том, что пообещала себе.

Но в большинстве случаев этого не делаю.

Мои еженедельные звонки с доктором Рэймонд помогают в этом.

По утрам Нейт и я бегаем под восход солнца и ужинаем вечером под его закат. Кажется, мое сердце бьется спокойнее между восходом и закатом этого гигантского шара в небе, что

также означает уход и возвращение Нейта домой. Однако в выходные дни оно бьется быстрее. Большую часть времени мы вместе либо на лодке, либо просто болтаемся по улочкам Майами и всегда заканчиваем наши прогулки сексом. Мы доставляем друг другу до двадцати оргазмов в день и даже более.

Его тело, прикосновение и удовольствие, которое он доставляет, мешает мне погрузиться во тьму, находящуюся рядом.

Жизнь здесь становится настолько привычной.

Я стараюсь не заикливаться на том, что же преподнесет моя судьба. Я даже начала верить, что не умру, но в одиночестве, меня настигает реальность, напоминание о всех тех моих родственниках, которые до моего рождения поддались своей судьбе, и я знаю, что не должна задумывать наперед.

Правда того, что Зак ушел из моей жизни по воле судьбы, является движущей силой моей сдержанности. Только это напоминает мне, что я могу быть следующей. Тем не менее, по мере приближения даты отъезда домой, я все меньше и меньше хочу прислушиваться к судьбе. Однако, как бы я не желала и не молила, в глубине души понимаю, что мое будущее неопределенно.

Именно это все усложняет.

Появились люди, которые стали полагаться на меня, и я знаю, что не должна был этого допустить. Но это был единственный способ убедить Жизель вернуться в колледж на полный день и закончить учебу. Сначала Жизель колебалась, потому что с момента аварии она не обучалась в колледже и с деньгами была напряженка.

Кроме того, ходить постоянно на учебу означало, что ей придется уйти из «Особняка». Я поговорила с Нейтом и спросила его, может ли он устроить для Жизель оплачиваемый отпуск. Оказалось, Нейт продал этот клуб, так что он не был в состоянии что-либо сделать. Но это его бизнес, покупать и продавать более малый. И кроме того, я действительно не хотела, чтобы Жизель вернулась туда работать. Вместо этого я дала ей страховой чек, который получила от общей стоимости мотоцикла Зака. Этого должно быть достаточно, чтобы помочь ей до тех пор, пока она не закончит учебу и не найдет работу.

Она не хотела его брать, так же как отказалась от любой финансовой помощи Нейта. Но я убедила ее, что это было для нее и ребенка моего брата, и именно этого хотел бы Зак.

Это подействовало на нее.

Она рассказала всем о ребенке, и они были в восторге. Но не так, как я, потому что, несмотря на то, что Зака больше нет, в этом ребенке будет жить небольшая его частичка.

Я продолжала нагружать себя. Пока Нейт ходит на работу, я смотрю за Матео как в доме Нейта, так и Жизель. Когда я нахожусь у Нейта, Роза приводит свою дочь, чтобы поиграть с Матео. Я даже временно превратила пустую спальню Нейта в игровую комнату.

Каждый день я молю о рождении ребенка Жизель и Зака, хотя никогда никому не говорю об этом.

К концу лета, я перестала думать о нас с Нейтом, как о паре. Это больше, чем просто страх перед тем, что уготовила мне судьба. Это отказ Нейта обсуждать наши отношения.

Звонок телефона возвращает меня в действительность.

— Алло?

— Здравствуйте, это Зои Флауэрс?

Смотрю на входящий вызов, но не могу понять, откуда звонят.

— Да, это я.

— Привет. Я Джулиан Сандерс, директор «Вотермарк Хаус». Не уверена, что вы слышали о нас, но мы владеем галереей на Южном побережье и занимаемся налаживанием отношений между художниками и покупателями.

— Ох, думаю, это какая-то ошибка, я не художница.

— Но художником был ваш брат.

Был — значит, ей известно о его смерти.

— Да, был.

— Перейду сразу к делу. Несколько недель назад я наткнулась на эскизы вашего брата в бархолке и повесила их в вестибюле своей галереи. С тех пор у меня было много запросов на них. Я смогла найти вас через Андреса, друга моего сына, и мне было интересно, не думаете ли вы о продаже его коллекции.

Мои руки дрожат вместе с голосом.

— Какие эскизы вы имеете в виду?

— Они мультяшные, но подтекст выражает реализм. Моя клиентура нашла их чрезвычайно привлекательными.

Вот в чем заключалась мечта моего брата — продавать свои работы.

— С удовольствием обсудила бы это с вами. — Стараюсь быть не слишком возбужденной, но мысленно прыгаю от радости.

— Отлично. Завтра в моем офисе?

— Да, в котором часу?

— Для вас будет удобно в десять? Я нахожусь на Оушен-драйв прямо рядом с «Фламинго». Вам будет легко меня найти.

— Увидимся.

— Ох, и если вам не будет сложно составить список его работ, это может очень облегчить установление продажной цены.

— Конечно.

— Тогда, увидимся. — Она вешает трубку.

Боже мой. Продать его коллекцию. Если бы Зак был жив, он был бы в восторге.

Я набираю Нейта. Возможно, он работает допоздна, но я умираю, как хочу поделиться с кем-то. И я не должна рассказывать Жизель, пока не узнаю, что продажа состоится. Меня переключают на его голосовую почту, и я решаю не оставлять ему сообщение — хочу сказать ему об этом лично.

Я удивлю его, если принесу ему обед.

Застреваю на машине в пятичасовой пробке, в процессе обдумывая, что означает этот звонок. Всю свою жизнь, мой брат мечтал стать художником, продавать свои работы, и в конце концов он продавал себя и портреты, чтобы мне легче жилось.

Я не осуждаю его действий.

Когда я поворачиваю за угол, в небе возвышается Юго-восточный финансовый центр. Гараж заполнен машинами, и меня удивляет, что он еще не опустошен, потому что уже почти около шести вечера. Я нахожу альтернативный гараж и иду дальше пешком с сумочкой и китайской едой в руке. Внутри лобби все выглядит так же, как и в прошлый раз. Меня не было здесь с того дня, как я приезжала извиниться.

Возле лифта никого нет и жутко тихо, несмотря на заполненный гараж. Я поднимаюсь на стеклянном лифте с видом на горизонт Майами до сорок пятого этажа, восхищаясь видом, который простирается на мили.

Двери открываются со звоном.

Та же красивая блондинка в наушниках, сидит за глянцево́й стойкой регистрации. Когда я приближаюсь, то понимаю, что она мне ни разу не представилась.

— Чем могу вам помочь? — спрашивает она, очевидно, не помня меня.

— Да, я здесь, чтобы увидеть Натаниэля Хэнсона.

— У вас запланирована встреча?

Похоже на дежавю.

— Нет, но не могли бы вы сказать ему, что Зои здесь?

Она смотрит на экран компьютера и нажимает несколько клавиш, а затем изучает меня насмешливо. — Извините, но мистер Хэнсон уже ушел.

Я опираюсь на стол.

— Вы уверены?

Она смотрит на меня.

— Да, я уверена.

Пока я размышляю над тем, как узнать, где же он находится, лифт оповещает о прибытии и из него выходит человек, держащий большой цветочный букет. Девушка за стойкой приподнимает в его направлении палец, интересуясь.

— Они для благотворительного вечера?

Мужчина копошится с распиской о поставке.

— Да, для ежегодного благотворительного вечера.

— Они должны были быть доставлены на пятнадцатый этаж в здание по соседству.

— Я доставлю их прямо сейчас, — говорит посыльный и возвращается в лифт.

— Что представляет собой ежегодный благотворительный вечер? — спрашиваю у блондинки.

Она прищуривается.

Я пожимаю плечами.

— Просто интересно.

— Ну, если вы хотите знать, это мероприятие организовано Изабеллой и Габриэ́ллой Марко, чтобы собрать деньги для проектов по улучшению положения сообщества «Винвуд».

— Там сейчас находится Нейт?

— Я не могу сказать, где мистер Хаэнсон, но могу оставить ему сообщение.

Я одариваю ее фальшивой улыбкой.

— Нет, все в порядке. Я встречусь с ним позже. Спасибо.

Почему он не сказал мне?

Я спускаюсь по лифту, выбрасываю еду в ближайшую мусорную корзину и возвращаюсь в гараж за машиной.

Дело в том, что, насколько бы я ни была близка с Нейтом, не думаю, что он испытывает желание ввести меня в свою общественную жизнь. От этой мысли мне становится горько, пока я держу путь домой.

На протяжении скольких ночей он говорил, что работал допоздна, когда на самом деле вращался в обществе.

Мы с Нейтом делаем все сообща, либо с Жизель и Матео. Но вовлечение Жизель и Матео в нашу жизнь произошло не из-за того, что Нейт познакомил нас, а из-за моего собственного любопытства.

По возвращению домой, я иду к лодочному сараю и начинаю фотографировать все то,

что связано с Заком. Его вещи упакованы в коробки, так что это будет легко сделать. Утром распечатаю фотографии на глянцевой бумаге. Я отправлю девушке, которая звонила, каталог предметов в ближайшие несколько дней, но сейчас я слишком устала.

Когда возвращаюсь к дому, мой телефон подает звуковой сигнал. Нейт оставил мне сообщение.

«Ты голодна? Я могу остановиться и купить что-нибудь по дороге домой».

Я быстро отвечаю.

«Нет. Устала. Иду спать».

Ближе к девяти, когда я ложусь в кровать, слышу внизу шаги Нейта. Через несколько минут он уже в спальне. Я знаю, что не должна злиться на него, но, когда он укладывается в постель и обнимает меня, я притворяюсь спящей. Даже когда он целует мое плечо, я делаю вид, что не шевелюсь.

Я не злюсь на него.

Не должна злиться.

Так почему же я это делаю?

В конце концов, он сейчас со мной. И делает то, что происходит между нами только ради меня.

Дарит лето, о котором я попросила.

То лето, у которого нет обязательств.

Прошлой ночью, когда Нейт вернулся домой, я притворялась спящей, но также, когда он разбудил меня утром на пробежку, я сказал ему, что плохо себя чувствую.

Знаю, что не могу все время его избегать.

Но мне нужно было все обдумать. И я решила, что ничего не скажу. Нет причин, по которым я должна быть расстроена из-за того, что он не пригласил меня на благотворительный вечер.

Я уговаривала себя не расстраиваться.

В конце концов, отсутствие обязательств — значит без обязательств.

Доктор Монтгомери скользит по животу Жизель ультразвуковым зондом и изображение на экране выводит меня из моих мыслей, и одновременно на глаза набегают слезы.

Пип-пип-пип.

Это звук сердцебиения ребенка.

— Все хорошо с ребенком? — нервно спрашивает Жизель.

— Позвольте мне сделать еще несколько измерений, и тогда я отвечу на ваш вопрос.

— Она красавица. — Я практически задыхаюсь. Видны ноги, руки и голова ребенка, но крошечные кулачки заставляют прослезиться.

— Она? — говорит Жизель.

Я пожимаю плечами.

Врач щелкает кнопками снова и снова, называя показатели, которые записывают

медсестры: окружность головы, длина ноги, количество камер сердца и размер мозга ребенка.

Доктор нажимает на кнопку и вручает Жизель фотографию перед тем, как отключить аппарат УЗИ.

— Ребенок развивается независимо от своего пола. По моим расчетам, срок вашей беременности больше, чем указывают показания. Я увижу вас здесь через шесть недель, и, если хотите, мы сможем определить пол будущего ребенка.

— Я хочу его увидеть, мамочка, — говорит Матео, сидящий на стуле со своей раскраской.

Жизель кивает ему и смотрит на доктора.

— Могу я прийти пораньше? — Она хватается меня за руку. — Я хочу, — смотрит на меня, — чтобы моя золовка была со мной рядом до того, как улетит обратно в Нью-Йорк.

Шок от ее слов — как гром среди ясного неба. Но Жизель подмигивает мне, и я смеюсь.

— Не вижу в этом проблемы, но я должен предупредить вас, что определению пола ребенка на раннем сроке не дает сто процентной гарантии, — отвечает врач.

— Но все-таки вероятность есть?

Он кивает.

— Тогда, ладно, — говорит она, а затем улыбается мне.

Жизель хочет, чтобы я осталась в Майами, но я сказала ей, что моя жизнь в Нью-Йорке. Хотя это может быть и не совсем так. По крайней мере, там мой дом и моя работа. Та часть жизни, которую я все еще пытаюсь понять.

Я беру у нее фотографию, чтобы показать Матео и отвезти его в приемную, пока Жизель переодевается.

Ее занятия заканчиваются через четыре недели, поэтому, перед отъездом, я попаду на вручение ее диплома. С сентября месяца Матео будет посещать детский сад, поэтому он будет под присмотром в течение дня, пока Жизель не найдет работу.

Прежде чем я уеду — все труднее становится проговаривать эти слова.

Но я знаю, что мой отъезд к лучшему.

Настоящая причина отъезда не в том, что мне пора на работу.

Мне просто тяжело поделиться с ними кое-чем. В этом и есть настоящая причина.

Поэтому я решила не позволять себе думать об этом.

Жизель не стоит беспокоиться в финансовом отношении, потому что я получу деньги от продажи коллекции произведений Зака. Но деньги — это не единственное, о чем нужно беспокоиться. Я хочу, чтобы у ребенка, неважно кем он будет — мальчиком или девочкой, был в жизни человек, играющий роль отца. Я собираюсь поговорить об этом с Нейтом, готов ли он стать этим человеком.

У нас с братом никогда не было кого-то такого, и я не хочу, чтобы ребенок моего брата вырос таким же образом.

Для меня важно, чтобы он или она имели большую поддержку и опору в жизни.

Звонит мой телефон. Это Нейт.

— Привет, — отвечаю.

— Привет, ты чувствуешь себя лучше?

Я глубоко вздыхаю.

— Да.

— Хорошо, потому что сегодня вечером я хочу тебя взять кое-куда.

— Серьезно, куда?

— Знаешь, что тот новый ресторан, который открывается сегодня вечером, нанял Джека Брейкера в качестве своего шеф-повара?

— Да, я знаю о «Шеф-поваре» Джеке. Вопрос в том, откуда ты знаешь о нем и как тебе удалось зарезервировать столик?

— Притворюсь, что ты не оскорбила меня этим.

— Я не это имела в виду.

— Зои, я знаю, что тебе нравится, и у меня есть свои методы.

Я пытаюсь сдержать свое ликование.

— Нейт, не могу дождаться.

— Я тоже. Будь готова в семь.

— Буду.

— О, и ты знаешь, чего не стоит надевать.

— Нейт! — Я оглядываюсь, будто кто-то может его услышать.

— Да, Зои.

Краснея, я решаю, что не стоит ему отвечать, так как Матео находится рядом со мной.

— Я почти забыла. У меня есть для тебя интересные новости.

— Ты уже влажная?

Я накрываю рукой телефон.

— Ты проказник, и Матео сидит рядом со мной. Давай поговорим позже.

— Нет. Скажи сейчас. Мне любопытно.

Я смотрю на Матео, который занят рисованием, и немного отворачиваюсь.

— Думаю, что я продала коллекцию произведений Зака.

— Ты шутишь. Это круто. Кому? Я даже не знал, что ты пыталась их продать.

— Нет, не пыталась. Это какое-то безумие.

Я рассказываю ему всю историю, кроме вчерашнего приезда в его офис. Он взволнован так же, как и я.

Когда я поднимаю взгляд, вижу, как Жизель, сидя за столом, выполняет очередное задание.

— Послушай, мне нужно идти, но не могу дождаться встречи с тобой, Нейт.

— И я. Прошлой ночью я скучал по тебе.

— Я тоже, — шепчу ему.

И это искренняя правда.

Глава 25

Словно ураган

Три недели спустя...

Дженис Джоплин. Курт Кобейн. Эми Уайнхаус. Закари Флауэрс. Я всегда знала, что мой гениальный брат однажды будет включен в список великих художественных умов своего времени. Его произведение украшает обложку местного журнала "Оушен Драйв", и я горжусь этим.

Он был диким и сумасшедшим, по-своему проживал жизнь. Что касается меня, то я

всегда была спокойнее, являлась прекрасным контрастом к его раскованному образу жизни. Даже проживая рядом с Нейтом, я не изменилась.

И мне хорошо удается скрывать это.

Хотя Нейт отличается от того человека, которого я впервые встретила. Тем не менее, он по-прежнему отказывается заводить беседу о моем отъезде или о моей судьбе. Возможно, потому что считает это неизбежным. Или потому, что он понимает, что пришло время разорвать этот круг, который мы сформировали вокруг себя.

Я не уверена, какой именно.

Кроме того, реальная жизнь не может являться той фантазией, в которой мы живем, — где обретаешь кого-то, кому слишком доверяешь, чтобы поговорить обо всем, при это, занимаясь самым потрясающим сексом.

— Зои, могу я посмотреть еще один, пожалуйста? Пожалуйста. — Матео садится, подпирая самым милейшим образом руки под подбородком.

Я перемещаю взгляд на маленького ребенка, который проснулся сегодня утром с небольшой температурой. Боюсь, он заразился от меня. Я прокашляла всю неделю.

Треплю волосы на его голове.

— Конечно, еще один, а затем тебе нужно закрыть глаза и вздремнуть.

— Но я не устал! — визжит он.

— Еще один и все. — Я смотрю ему в глаза.

— Ладно, — хрипит он и откидывает голову на мои колени.

Я трогаю его горячий лоб.

Он садится.

— Могу я снять обувь?

— Конечно, мы никуда не собираемся идти. Вообще-то, я прихватчу твою пижамку с Человеком-пауком, и мы наденем ее, чтобы тебе было уютно.

— Ты серьезно? Пижамы в середине дня?

Я киваю.

— Клево.

Не могу не улыбнуться.

Я заставляю его переодеться и включить еще одну серию «Даши — путешественницы», затем оборачиваюсь к маленькой раздвижной стеклянной двери, которая открывает вид на крошечный внутренний дворик.

Я слишком хорошо различаю сильные ливни. Дожди идут почти ежедневно. Иногда они выглядят как простой солнечный душ, а порой, как сильные ливни. Мой плащ стал для меня лучшим другом в дневные часы, тогда, как тело Нейта стало моим лучшим другом в поздние часы ночи.

Оба согревают меня и защищают от штормов.

Сегодняшний день — один из тех, когда невозможно что-либо увидеть сквозь окно, потому что льет как из ведра.

Мой телефон звонит, и я добираюсь до журнального столика, чтобы ответить на него. Улыбаюсь, когда вижу, что это Нейт.

— Привет. — Одновременно с ответом кашляю.

— Эй, тебе не лучше?

— Думала, что стало легче.

— Хорошо, если завтра будет продолжаться кашель, тебе нужно будет обратиться к

доктору.

— Сейчас лето. Все будет хорошо.

— Зои.

— Ладно, Нейт, посмотрим, что принесет завтра.

— Спасибо. Ты посмотрела информацию о погоде?

Я хохочу.

— Нет, за окном просто идет дождь. Матео плохо себя чувствует, поэтому я разрешила ему все утро смотреть телевизор.

— «Люсинда» превратилась в мощный ураган. Ветры в семьдесят пять миль в час одолевают Кубу.

— Вчера, когда ураган прошелся по Ямайке, синоптики сообщили, что он направился в пограничную зону, поэтому я не думала, что нам стоит беспокоиться об этом.

В его голосе появляется разочарование.

— Те же самые синоптики сейчас волнуются из-за того, что в этом сезоне такое явление происходит раньше обычного и неизвестно, куда направится «Люсинда».

— Нейт, мы вместе многое пережили, когда ты твердил то же самое. Всё будет хорошо.

— Зои, мне было бы лучше, если бы ты сейчас же собралась с Матео и приехала ко мне домой.

Я смотрю на часы.

— Жизель скоро должна быть дома. Позволь мне дождаться ее, и я приеду домой. Нет распоряжений об эвакуации, и мосты открыты. Скорее всего, погода прояснится прежде, чем я вернусь.

Он вздыхает от разочарования.

— Если погода ухудшится, я приеду за вами. Сейчас я собираюсь запасти некоторые необходимыми вещами и продуктами.

— Нейт, не переусердствуй.

— Я не переусердствую, Зои. Скоро позвоню тебе.

Мы вешаем трубку, и я продолжаю наблюдать, что творится за окном. Когда я смотрю на Матео, то вижу, что он уснул. Чувствуя себя тоже уставшей, я ставлю телефон в режим вибрации и закрываю глаза, слушая успокаивающий стук дождя за окном.

— Зои, нам нужно ехать. Я звонила тебе.

Мои глаза открываются в одно мгновение, чтобы увидеть, как Жизель бросает свои вещи в сумку.

— Ты о чем?

— Предполагается эвакуация пляжа. Распоряжений еще не было, но, вероятно, будет безопаснее, если мы уйдем раньше остальных.

Я пытаюсь сесть, но Матео словно мертвый груз на моих коленях. Прикасаюсь к его лбу.

— Он горит. Прошло шесть часов с тех пор, как я давала ему лекарство.

Я беспокоюсь намного больше, нежели Жизель, из-за лихорадки Матео. Он еще спал, когда Жизель ушла, поэтому мне пришлось позвонить ей и спросить, где находятся лекарства.

Она достает из шкафчика бутылку «Мотрина», крекеры и сок.

— С ним все будет хорошо. Это не впервые. Я дам ему лекарство в машине. Можешь надеть ему его носки и обувь, пока я захвачу нам во что переодеться? Мы переночуем у моей мамы.

Жизель торопится вверх по лестнице, пока я хватаю носки и ботинки Матео, которые стоят рядом с диваном, и надеваю их на него.

Он все еще не проснулся.

Я снова прикасаюсь к его лбу, и он просыпается.

Маленькими глазами он смотрит на меня и потирает живот.

— Чувствую себя плохо.

— Тебе кажется, что ты болен?

Он кивает и, прежде чем я собираюсь отнести его в ванную, его начинает обильно рвать.

Мой крик пугает его, заставляя плакать.

Жизель быстро спускается вниз по лестнице.

— О, нет! — восклицает она, бросая все на пол и хватая кухонное полотенце. Она мгновенно избавляет Матео от рвоты, и вытирает слезы именно так, как делает только она.

Мне необходима практика, чтобы не паниковать.

После того, как она заканчивает, поднимает его на руки.

— Я скоро закончу собирать вещи. Почему бы тебе не поехать первой?

Я качаю головой.

— Позволь мне отвезти вас к твоей матери.

— Нет, нет. Ты едешь домой.

— Что, если его снова вырвет, пока ты будешь за рулем?

Она смотрит на меня, обдумывая мои слова.

— Это всего лишь дождь.

Жизель смотрит в окно.

— Ладно, но давайте поторопимся. Возьми сумки из кухни, пока я сменю ему футболку.

Она возится с одной из его маек и разговаривает с ним успокаивающим тоном, пока меняет ему одежду.

Я беру сумки, в которых предположительно находится все необходимо на случай рвоты Матео, и, как можно чище, вытираю собственный испачканный топ. Затем, хватая свою сумочку со стола, я поворачиваюсь к ней.

— Я отнесу все в машину.

Жизель идет позади меня. Как только мы усаживаемся в машину, я выезжаю под сильный падающий ливень и плыву по маленьким переулкам. Подъезжая к светофору перед мостом, я тянусь за сумочкой, чтобы нащупать в ней свой телефон.

Мне нужно позвонить Нейту.

Дерьмо!

Я оставил его на столике Жизель.

— Жизель, я могу позвонить Нейту с твоего телефона?

— Конечно.

Я заглядываю в зеркало заднего вида и вижу, как она ищет его среди сумок, которые мы бросили на заднее сиденье.

Свет становится зеленым, и я начинаю двигаться по мосту.

— Зои, должно быть, я оставила телефон в своей машине. Я постоянно звонила тебе, и когда вернулась домой, то думала, что обратно уеду с Матео.

Задние фары впереди движущейся машины подсказывают мне направление, когда я крепко сжимаю руль.

— Все в порядке, я позвоню Нейту, когда мы доберемся до твоей матери.

Я сжимаю свои зубы из-за порывистого ветра, который тянет автомобиль. Езда длиной в три с половиной мили занимает более тридцати минут. И когда я достигаю материка, движение становится гораздо быстрее.

Дождь не такой сильный.

И шторм не настолько свирепый.

Как только добираюсь до Кармен, я быстренько помогаю Жизель с Матео расположиться внутри. Он спал на протяжении всего пути и, к счастью, его больше не рвало.

Пока Кармен и Жизель помогают Матео расположиться на диване, я поднимаю трубку на столе в гостиной.

— Связь оборвана.

Кармен поднимает глаза, когда накрывает Матео одеялом.

— Ужасное обслуживание. Такое происходит во время каждого шторма.

— Мама, дай свой телефон Зои.

Кармен роется в своей сумочке и вручает мне свой телефон.

Я смотрю на экран и нажимаю несколько кнопок.

— Разряжен.

— Ох, мама, ты должна держать его в заряженном состоянии.

— Жизель, дорогая, ты же знаешь, что я никогда не пользуюсь им.

— Позволь мне найти ее зарядное устройство. Это займет немного времени.

Я смотрю на ее старый телефон-раскладушку и сомневаюсь, что он в состоянии заряжаться.

— Я собираюсь отправиться в дорогу, хочу добраться до Нейта, пока не стемнеет. Сможешь позвонить ему вместо меня?

— Ты должна остаться здесь, вдруг ситуация на дорогах ухудшится, — говорит Кармен.

— Нет, я должна вернуться. Предполагается, что ураган не достигнет нас до позднего вечера, а у Нейта есть все на случай шторма. Со мной все будет хорошо.

Жизель пристально смотрит на меня.

— Будь осторожна и поезжай медленно.

— Хорошо.

Мы быстро обнимаемся и обещаю позвонить на сотовый Кармен, когда доберусь до Нейта, затем я выхожу за дверь.

Погода снова ухудшается. Небо темнеет, и дождь льет еще сильнее. Опять ловлю себя на том, что сжимаю руль. Я даже выключаю радио, чтобы полностью сконцентрироваться. Для возвращения домой мне требуется намного больше времени из-за того, что слишком много машин съехало на обочину дороги, и это в свою очередь привело к замедлению движения.

Когда я тянусь к подъездной дорожке, дверь гаража открыта, и я вижу, как возле него находится Нейт, опустив голову и положив руки на бедра. Он одет в свою рабочую одежду и стоит босой, промокая под дождем.

Кажется, что-то не так.

Я вылетаю из машины и мчусь к нему.

Он поднимает голову, и на его лице отображается мука.

— Что случилось? Жизель и Матео в порядке?

— Они в порядке. — Его голос лишен эмоций.

— Тогда что случилось?

— Пойдем внутрь. — Он берет меня за руку, и я чувствую влажную кожу его ладони.

Когда мы добираемся до погруженной в темноту кухни, я озираюсь.

Кухонный стол заставлен приготовленной на случай урагана водой, свечами и фонариками. Мой телефон лежит на барной стойке.

Скорее всего, он отправился к Жизель, чтобы забрать нас, как и планировал.

У меня сжимается желудок. Мне не хорошо от того, что он был обеспокоен.

— Эй. — Хватаю его за руку. — Я в порядке.

Нейт тяжело вздыхает.

Подталкивая его к себе ближе, я делаю вдох, расслабляясь от мысли, что я уже дома.

Дома.

Нет, не дома, а у Нейта.

Мои пальцы ползут вверх по его слегка влажной рубашке, играя с пуговицами.

— Поговори со мной.

Он отталкивает мои руки.

Я тянусь к нему, но на этот раз он хватает меня за плечи, удерживая нас на расстоянии вытянутой руки.

— Не сейчас.

Я останавливаюсь.

— Нейт, не расстраивайся.

— Я сказал, не сейчас. — Меня встречают его темные, холодные глаза.

— Прости, если я заставила тебя волноваться. Это было так спонтанно; я забыла у Жизель свой телефон. Матео заболел, а Жизель...

— Я знаю, — прерывает он. — Жизель позвонила мне сразу после того, как я отъехал от ее дома.

— Тогда, в чем дело? — Я пытаюсь смахнуть с глаз его влажные волосы, но он твердо держит мои.

— Я сказал, не сейчас.

— Нейт, пожалуйста.

— Ты не могла уехать из ее дома тогда, когда я попросил тебя об этом? Неужели так трудно послушать меня и последовать моим указаниям?

Вздрагиваю и стараюсь успокоиться, но не могу.

— Следовать твоим указаниям? Я не твой сотрудник. Я не та блонди за рабочим столом. Я сделала так, как посчитала лучшим для Жизель и Матео.

Он притягивает меня настолько близко, что я запрокидываю свою голову, чтобы взглянуть на него.

— А что насчет тебя? Что лучше для тебя — умереть, чтобы твоя гребаная судьба воплотилась в жизнь быстрее?

Мы дышим тяжело. Он от гнева, я от шока.

Беру его лицо в свои руки.

— Нет. Нет. Я не хочу убивать себя и вовсе не хочу умирать.

Он отмахивается от меня и подходит к раздвижным стеклянным дверям.

— Я не уверен в этом. Я уже больше ни в чем не уверен.

Я терпеливо жду, чтобы он объяснил.

Он прислоняется своим лбом и ладонями к стеклу.

— Ты говоришь, что ты не мой сотрудник, но, видишь ли, так оно есть. У нас

соглашение, верно? Друзья по траху, этакая взаимопомощь или называй это как угодно, черт возьми. Ты словно мой летний стажер. Но вместо того, чтобы выполнять свою работу — подготавливать копии документов, ты просто трахаешь меня.

— Это не правда.

— Серьезно? — бормочет он.

— Между нами происходит совсем иное, и ты понимаешь это.

Он ударяет по стеклу кулаками, а затем поворачивается ко мне.

Я стою на том же месте, где раньше находилась статуя, и вижу, как его глаза пылают огнем.

— Ты хочешь знать, что понимаю я?

Я открываю рот, чтобы сказать хоть слово, но он не ждет моего ответа.

— Я знаю то, что ты приехала в Майами, обнаружив меня пригодным в какой-то извращенной форме, желая добавить немного удовольствия в свою скучную жизнь, поэтому ты влезла в мою кровать и хорошенько трахнула меня. Причем так хорошо, что заставила полюбить тебя, при этом понимая, что, уезжая из Майами, бросишь меня. Это именно то, что я знаю.

Я замираю прямо на месте, сейчас мой любой гнев отступает.

Его слова оглушают меня.

Он любит меня?

Я начинаю кашлять.

Дрожащей рукой, прикрываю свой рот.

— Все это не предполагало какой-либо любви.

— Нет, это не так. Но ты добилаесь большего, чем предполагалось. Ты заставила меня влюбиться в тебя из-за твоего «я такая хрупкая и одинокая, мы с тобой во многом похожи, я понимаю тебя, и ты можешь довериться мне» дерьма.

— Нейт, это несправедливо. Ты не можешь просто изменить правила, а затем злиться на меня из-за этого. Ты даже не посвящаешь меня в свою жизнь, только в постель.

Он обхватывает свою голову руками.

— Правила! Ты издеваешься надо мной? Я похож на человека, который следует правилам?

— Нет, но это было безопасным для тебя.

— Безопасным! Как? Ты думаешь, что я не способен влюбиться? Это то, чему ты обучаешь в университете? Что те, кто разрушен, не в состоянии что-либо чувствовать? Потому что мне бы действительно хотелось, черт возьми, чтобы это оказалось правдой прямо сейчас.

— Нет! — кричу я. — Это то, что ты мне говорил.

Я даже не уверена, слушает он меня или нет, потому как продолжает:

— И что ты, черт возьми, подразумеваешь под тем, что ты не посвящена в мою жизнь? Ты стала моей жизнью.

Мой голос тихий.

— На благотворительном вечере ты был без меня и даже не сказал мне о нем.

— Ты, бл*дь, серьезно? После работы, я посетил комитет, а затем ушел. Я никогда не появляюсь на подобных событиях — они для показухи, а я нет.

Меня переполняют эмоции. Нейт любит меня, и я без сомнения знаю, что чувствую к нему то же самое. Я знаю об этом давно. Маленькие частички соединились в одно целое, и

это было трудно игнорировать.

Но я не могу так поступить.

Я не могу остаться здесь и волноваться о том, чтобы быть оторванной от этой жизни.

Я просто не могу так поступить с ним.

Может быть, позже, если... Если это самое большое препятствие.

Мне хочется пойти и броситься на него, сказать ему, что я принадлежу ему до тех пор, пока он желает меня. Надеюсь, это навсегда.

Но я не могу, потому что, в конце концов, если я не доживу до двадцати восьми, это только будет тяжелее для него.

Слезы, падая, словно дождь, стекают по моим щекам, подбородку, вниз по топу.

Я не пытаюсь сдержаться.

Я не могу, даже если бы захотела.

Со слезами на глазах, я стою уверенно и встречаю его взгляд.

— Ты не можешь такое говорить мне и злиться на меня. Мы обсуждали это, и речь шла не о любви. Ты согласился.

Это самое трудное, что мне когда-либо приходилось говорить.

Он просто прищуривается.

Мое дыхание превращается в небольшой писк.

— Ты согласился.

Огонь в его глазах исчезает, и гаснет пламя. Ненависть наполняет Нейта, когда он смотрит на меня и тут же говорит:

— Пошла ты, Зои, и к черту твою судьбу!

От его слов перехватывает дыхание, я хочу грубо выругаться, но из моего рта не выходит ни единого слова.

Просто слезы.

Это все, что у меня есть.

Обычные слезы и внезапное чувство пустоты.

Хватая что-то со стойки, он уходит. Я наблюдаю, как под мокрой рубашкой двигаются его мышцы, когда он идет по коридору.

Он не оборачивается.

Я жду. Затем слышу звон ключей и хлопок дверью.

Тяжелое ощущение нарастает в моей груди, и кашель не прекращается. Разрываясь между желанием бежать за Нейтом и осознавая, что не должна так поступать, я решаю упаковать свои вещи, вызвать такси и уехать, прежде чем он вернется.

Так будет лучше.

Но сначала мне нужен стакан воды.

Мне удастся сделать глоток.

Внезапно, я не в состоянии сделать вдох.

Ощущение, словно меня похоронили заживо, и грязь преграждает путь к моему дыханию.

Мои легкие, словно тяжелые гири, от которых не продохнуть. Мелкие вдохи — это все, с чем я могу справиться. Но постепенно и это становится делать все сложнее и труднее.

Мое сердце скачет в груди.

Моя сумочка. Где моя сумочка?

Я начинаю паниковать, но прежде чем паника полностью поглотит меня, напоминаю

себе, что сумочка находится на переднем сиденье моей машины.

Теперь, когда я практически не в состоянии сделать вдох и выдох, я начинаю задыхаться, пока ищу свои ключи, точнее ключи отца Нейта, но их нигде нет.

Нейт, должно быть, взял их, когда ушел.

Держа телефон в руке, я набираю 911 и, спотыкаясь, направляюсь к двери в надежде, что Нейт еще не ушел.

— 9-1-1. Что у вас случилось?

— Я... не могу... дышать.

— Где вы находитесь, мэм?

Мне удастся выйти на улицу и в гараж. Воздух пахнет как при урагане. Удушающая влажность похожа на запах газа, который не пригоден для моих легких. Я пытаюсь глубоко вдохнуть, но ничего не получается.

Обхватываю горло своими руками.

Небольшие вздохи вибрируют у меня в ушах. Нет, не маленький вздох, чей-то голос.

— Где вы находитесь, мэм?

Я не могу ответить, как бы я ни старалась.

Вот она.

Моя судьба.

Настало мое время присоединиться к Клубу 27.

Кто-то плачет? Да. И этот кто-то — я

Небо темнеет, и поднимается ветер. Ощущение, будто летаю. Дождь со всей силы льет на меня. Я пытаюсь увернуться, но внезапно падаю, и ничего не вижу, кроме сгущающейся и близко приближающейся темноты.

Моргаю, и небо превращается в блестящий оттенок синего цвета, а не черного. После дождя прояснилось, и солнце сияет ярким светом. Воздух прохладный, не горячий, и дует легкий ветерок.

— Давай, Зои, поспеши.

Я сажусь и смотрю на свои ладони. К ним и моей одежде прилипли листья.

— Зак, это ты?

Вскакивая на ноги, вижу позади себя двух ангелов, вырезанных из кучи листьев. Я оборачиваюсь и прикрываю глаза. Впереди себя я замечаю, как Зак на быстрой скорости бежит к детской площадке возле дома Мими.

Он поворачивается и кричит:

— Зои! Почему ты такая медлительная?

Я протягиваю руку.

— Подожди, подожди меня.

Зак запрыгивает на качели и начинает быстро раскачиваться.

— Почему ты не дождался меня? — плачу я, когда подхожу к нему.

— Я зол на тебя!

Я упираюсь руками в бедра.

— За что? Что я сделала? Это ты оставил меня.

Цепь качели закручивается, и он взлетает высоко-высоко.

— Ответь мне! — Я топаю ногой.

Зак соскакивает с качели и поворачивается ко мне.

— Не могу поверить, что ты ничего не понимаешь.

— Что ты имеешь в виду?

Он качает головой.

— Наши пути всегда были разными, и ты знаешь об этом. Сколько раз я должен говорить тебе, перестать следовать за мной? Ты и я — мы никогда не закончим одинаково, так не бывает.

— Я не понимаю.

— Тебе и не обязательно понимать. Зои, путь, который ты выберешь, определит твою судьбу. Разве ты не видишь этого?

— Я все еще ничего не понимаю.

— Как я уже сказал, тебе и не нужно. Просто уходи, пока не стало слишком поздно.

Я оборачиваюсь и скрещиваю руки на груди.

— Я пожалуюсь Мими, что ты не разрешаешь мне играть с собой.

— Зои, посмотри на меня.

Я оборачиваюсь.

— Тебя здесь не должно быть. Здесь тебе не место.

Я обнимаю себя.

— Но я скучаю по тебе.

Он протягивает руку.

— Пошли, только разок, а потом тебе нужно идти. Ты должна поспешить. И позаботиться кое о чем для меня. Ты же знаешь.

— О чем мне нужно позаботиться?

Он тянет меня к качелям.

— Ты понимаешь о чем, и я знаю, что ты будешь хороша в этом.

Мы оба запрыгиваем на качели и быстро двигаем ногами, взлетая в небо, словно птицы.

— Эй, Зои, сделай мне одолжение! — он перекрикивает ветер, который дует нам в лицо.

— Все, что пожелаешь.

— Скажи Нейту, что я был не прав.

— Нейту?

— Да, ты поймешь о ком я, когда вернешься домой.

— Я уже дома.

— Нет. Нет, нет. Прекрати говорить это.

— Ты пугаешь меня. Перестань кричать на меня.

— Прости. Ты знаешь, что я люблю тебя. Возьми меня за руку.

Я тянусь за ней.

— Закрой глаза. Прямо сейчас. Готова?

— Да! — кричу.

— Один, два, три прыгай! — выкрикивает он.

И я прыгаю.

Мои ноги касаются земли, и ресницы подрагивают. Небо снова темное, и я чувствую себя немного хмельной и неустойчивой.

Я не могу открыть глаза.

По мере того, пока прихожу в сознание, я ощущаю чей-то рот на своих губах. Он вдыхают воздух в мой рот и одновременно сжимают мой нос.

Эти губы, я узнаю эти губы.

Погодите, они исчезают.

Эти руки, эти пальцы — так знакомы.

— Не оставляй меня. — Слышу отдаленный голос. — Пожалуйста, не оставляй меня.

Мне так жаль.

Это Нейт?

«Нейт, я здесь», — пытаюсь сказать, но у меня не получается открыть рот.

Вдали я слышу звон колоколов.

Нет, это вой сирены.

Такие знакомые губы и руки исчезают, и на их место приходит незнакомое прикосновение.

Поступает тяжелый порыв воздуха, и из моих легких пропадает тяжесть.

Меня перемещают.

Я лежу на чем-то твердом — определенно, не на траве, скорее, на резиновом покрытии. Холодный металл касается моей кожи, и кто-то слушает стук моего сердца, прослушивает грудь. Я слышу шумные звуки, мужские голоса.

— Еще чуть-чуть ограниченного дыхания, и ее сердце могло бы остановиться, — говорит незнакомый голос.

Это он обо мне?

Я пытаюсь сказать, но мне мешает надетая на мое лицо маска.

— Что это за аппарат?

Это голос Нейта.

Это Нейт.

Это точно был он.

— Ингалятор. Я прикрепляю его к ее маске. Препарат должен быстро расслабить спазм мышц в ее дыхании и таким образом облегчить его. Похоже, у нее инфекция верхних дыхательных путей.

— Она много кашляла.

Меня двигают.

Поднимают.

Заворачивают во что-то темное.

Кажется, я могу снова дышать. Чувствую, как делаю обычный вдох и выдох.

В моих ушах отдаются эхом непонятные для меня слова — «путь, который ты выберешь, определит твою судьбу».

Когда мне, наконец, удастся открыть глаза, мой взгляд вперивается в самые красивые зеленые глаза Нейта.

Он весь мокрый.

Я протягиваю руку, и он берет ее.

Сжимаю его ладонь и притягиваю к себе, надеясь, что он последует за мной.

— Я могу поехать с ней? — спрашивает он мрачным низким голосом.

— Обычно мы не разрешаем пассажирам, но в такую погоду, вам, вероятно, будет безопаснее поехать с нами, чем в своей машине, поэтому я сделаю для вас исключение.

Меня снова везут. Я оглядываюсь, когда слышу хлопок дверьми.

Нейт сидит на встроенной скамейке, и, когда машина скорой помощи начинает движение, он хватается за металлический поручень. Парамедики приступают к своей работе, подключая меня к мониторам.

Проходит время. Я вновь открываю глаза, вижу, как Нейт наклоняется вперед, и передо мной появляется его красивое лицо.

— Эй, ты напугала меня.

У него такая нежная улыбка.

Я нащупываю маску, чтобы приподнять ее, но он останавливает меня.

— Подойди поближе, — у меня получается сказать, прежде чем маска снова оказывается на моем лице.

Нейт наклоняется.

— Мы поговорим позже.

Я качаю головой и снова поднимаю маску.

— Я люблю тебя.

Он берет меня за руку и целует каждый мой пальчик, а затем середину ладони.

— Я люблю тебя, — шепчет он. Затем снова наклоняется, и я ощущаю его теплое, горячее дыхание возле своего уха. — И именно так я должен был признаться тебе в первый раз.

Кружится голова, и вокруг меня вращаются маленькие сердечки.

В груди разрастается сладкая боль — ощущение впадающего в нее полного блаженства.

Никого, кроме нас больше не существует. И впервые за долгое время, в своем будущем я вижу вечное счастье.

— Поцелуй меня, — бормочу я из-под маски.

Он не смеется и не игнорирует меня. Вместо этого тянется губами вниз к моему носу над пластиковым барьером, как я и просила. Там может не быть реального физического контакта, но мой пульс все еще скачет, и один из мониторов начинает издавать звуковой сигнал.

— Вы должны сидеть, сложа руки, приятель, — обращается фельдшер к Нейту.

Нейт делает, как ему говорят, но продолжает крепко держать меня за руку.

Фельдшер нажимает несколько кнопок на аппарате, и я закрываю глаза, вызывая видения совместной жизни с Нейтом. Раньше я не допустила бы этого, из-за проживающего в моем подсознании страха, но по каким-то причинам теперь этот страх исчез.

Вижу, как Нейт и я едем по шоссе в кабриолете, мои волосы обдувает ветер со всех сторон. Я вижу нас дома, и это не просто дом — это наш дом. Я также вижу детей. Это наши дети, они плавают, прыгают и веселятся в бассейне с другими такими же детьми.

Я вижу будущее, наполненное счастьем и Нейтом.

Чувствую, как, спустя несколько мгновений, вихревой ветер проникает внутрь машины скорой помощи, а затем меня качают, опускают, поднимают и снова везут. Я открываю глаза и вижу над собой надпись: «Больница Джексон Мемориал».

Все происходящее далее — словно в тумане.

Меня все еще везут.

Я в комнате с занавеской. Недалеко слышу голос Нейта, как он с кем-то беседует. По словам доктора, меня подключили к капельнице с магнием, а затем назначили лечение ингалятором.

Не имея представления о том, сколько времени прошло, я лежу в больничной палате с подключенной к моей руке капельницей, наполненной антибиотическим препаратом.

Больничный халат исчезает.

Гаснет свет.

Двери закрываются.

— Нейт! — зову я, испугавшись, что осталась совсем одна.

Одной рукой он берет мою ладонь, а другой прижимает подушку к моей голове, нависая надо мной своим длинным и худым телом.

— Я здесь.

— Прости меня.

Нейт опускается губами к моему уху.

— Тише, перестань это говорить. Просто закрой глаза и отдыхай.

Мои глаза встречают его нежный взгляд.

— Нет, я должна сказать это. Мне жаль, что я так поступила. Я не должна была отвезить Жизель домой, не сообщив для начала тебе. Мне следовало подумать о том, что ты можешь волноваться за меня.

— Зои, на все есть свои причины. Если бы ты так не поступила и не напугала меня до смерти, возможно, я бы позволил тебе вернуться в Нью-Йорк. И тогда это было бы действительно трагедией.

Мое сердце отбивает бешеный ритм в груди, и я удивлена, что монитор еще не сошел с ума.

— Знаешь, не думаю, что когда пришло бы время, я бы смогла уехать, несмотря на то, что ты вытолкнул меня за дверь.

Большим пальцем он прикасается к моей щеке.

— Мне жаль, что это оказалось настолько сложным — ты и я.

— Мне нет.

Нейт только качает головой и смеется надо мной.

— Почему это?

— Потому что это означает, что мы должны были быть вместе.

Он откидывается назад, и его охватывает абсолютная серьезность.

— Пожалуйста, больше никакой философии о судьбе. Обещай мне.

— Обещаю.

Нейт выпрямляется, как будто собирается уйти.

— Ты останешься со мной?

— Я никуда не собираюсь уходить.

26 Глава

Как Золушка

Я была без сознания семь минут — целых семь минут.

Я умерла?

Невозможно ответить.

Но тот сон, который я не могу забыть. Он был таким реальным.

Нейт сидел в машине своего отца и увидел, как я упала в обморок. Он попытался привести меня в чувства ингалятором, и когда все было безрезультатно, и не нащупывался пульс, он начал делать искусственное дыхание. Машина скорой помощи прибыла и быстро взяла управление в свои руки. Они привели меня в чувства и обеспечили доступ кислорода. Последние три дня я провела в больнице с пероральными и ингаляционными стероидами,

добавленными к моему каждодневному применению антибиотического коктейля. Нейт, как и обещал, все это время находился рядом со мной, покидая только для того, чтобы съездить домой и принять душ, привезти нам еду и проверить Жизель с Матео.

Прошло всего три дня, но многое изменилось за это время. Нейт уговорил Жизель переехать из ее дома на пляже в дом своего отца, который находится в Винвуде. Он не хотел, чтобы я беспокоилась о них при эвакуации каждый раз, когда поражал шторм. Кроме того, врачи поменяли прием лекарств, и теперь я буду контролировать свою астму не одним, а двумя ингаляторами. Один я буду использовать каждое утро, чтобы предотвратить атаки, а второй останется наготове, чтобы облегчить атаку, которая может произойти.

Но что больше всего изменилось, так это я сама.

Я чувствую свободу.

Я свободна проживать свою жизнь.

Мне приснился сон о том, как мы с братом раскачивались на.

Может быть, это из-за фотографии, которую Мими держала на каминной полке, где изображены мы с Заком на качелях на детской площадке.

Может быть, из-за того, что это было самым любимым нашим занятием, когда мы были детьми.

Возможно, это потому, что я нуждалась в его указаниях.

Я не знаю.

Но на этот раз сон казался гораздо большим, чем обычным сном — он казался таким реальным.

Лежа в больнице, я много времени думала о судьбе, и если моя судьба заключалась в том, чтобы умереть, значит, я перехитрила ее?

Не думала, что это возможно.

Я открываю один из альбомов моего брата, который попросила Нейта привезти мне, когда он ездил домой за другими вещами прошлым вечером. После того, как мы уедем отсюда сегодня, мне нужно кое-где остановиться.

Я переворачиваю страницу за страницей, пытаюсь обнаружить хоть одну пустую.

И останавливаюсь на рисунке родословной.

Это мое родословное дерево.

Каждое поколение имеет жирное и красное обозначение X, находящееся под именем предка, который умер в возрасте двадцати семи лет.

Я задыхаюсь, когда дохожу до конца. В нашем поколении осталось всего два человека, которым уже исполнилось двадцать семь. Их имена: Закари и Зои Флауэрс. На этих местах нет красных X-образных отметин, а рядом с ними стоит вопросительный знак.

Мои глаза останавливаются на надписи, которая гласит: всего лишь один.

Я прищуриваюсь, чтобы рассмотреть, что стерто ниже надписи: «пусть это буду я».

У меня начинает болеть сердце, а слезы текут, когда все пазлы собираются вместе.

Мой сон — вот о чем Зак пытался мне сказать. Семейное наследие занимает всего одно поколение.

Он выяснил это.

Я поднимаю глаза к небесам.

«Я люблю тебя, Зак».

Вытираю слезы.

Я пролила слишком много слез.

Вдыхаю побольше воздуха в легкие.

Все меняется. Тьма внутри меня исчезла.

Конечно, жизнь несправедлива и от нас ничего не зависит, и это был не наш выбор. Я рада, что не догадывалась об этом. Хотелось бы представить, что если бы брат лежал на моем месте прямо сейчас, он бы чувствовал то же самое. И решил бы, что пришло время жить. Рискнул, чтобы жить. И это то, что я собираюсь сделать — проживать каждый свой день, как будто последний.

— Эй, ты проснулась и одета. — Голос Нейта мягкий и нежный, и его улыбка заставляет меня чувствовать себя непобедимой.

Я не перестаю удивляться ему.

Может быть, моя судьба заключалась в том, чтобы обрести Нейта, а не умереть.

Я должна поверить в то, что нас притягивает друг к другу не только сексуальная химия. Быть может, я была пуста, и он должен был наполнить меня, и он был пуст, а я должна была наполнить его. Слегка претенциозно, но лучше выразиться так, чем говорить о том, что он мой сказочный принц, или что я ношу хрустальные туфельки, или, что мы живем в сказке. Правда кроется в нас самих.

Я прыгаю с кровати и бегу к нему, обнимая, целуя его так, как всегда хотела, когда видела его, но всегда сдерживалась из-за страха.

Он хитро ухмыляется.

— За что?

Я прижимаюсь к нему бедром.

— Ни за что, просто так.

— Ты сумасшедшая. И ты знаешь об этом, верно?

Я прикусываю его губу и шлепаю по заднице.

— Следи за собой. Просто потому, что ты была в больнице, не означает, что я не отшлепаю тебя в ответ, когда мы вернемся домой.

— Возможно, это как раз то, чего я хочу. — Отстраняюсь и подмигиваю.

Он качает головой и бормочет:

— Безумно сумасшедшая.

— Говоря о сумасшедшей, где-то между тем, как я потеряла сознание, и когда прибыли парамедики...

Он съезживается.

— Просто послушай, хорошо?

Нейт кивает.

— Где-то между тем, как я потеряла сознание, и когда парамедики привели меня в чувства, у меня было видение о моем брате, и он просил передать тебе, что он был не прав.

Нейт морщится и тянет меня к себе.

— Это совсем не сумасшествие.

Я пытаюсь отстраниться от него, чтобы взглянуть ему в глаза, но он не дает мне.

— Ты не думаешь, что я сумасшедшая?

Он качает головой.

— Знаешь, что это может означать?

— Да, да, я знаю, — шепчет он на ухо, держа меня. — Кажется, я знаю.

Я тоже уверена, что знаю, но это именно то, что не поддается обсуждению.

— Готова ехать домой? — спрашивает он.

— Да, но сначала мне нужно кое-где остановиться.

Он смотрит на меня устало.

— Это не займет много времени, я обещаю.

Больница находится недалеко от Винвуд-стрит, и несмотря на то, что Нейт считает, что мне нужно поехать домой и отдохнуть, я чувствую, что мне просто необходимо кое-что сделать.

Он паркует машину под красочной росписью с изображением человека в галстуке и ковбойской шляпе, с восторженно приподнятыми руками.

— Помнишь, где была стенная роспись, на которой изображены я и Зак?

— Да. — Он вопросительно смотрит.

— Можешь прихватить для нас по чашечке латте и встретиться со мной через двадцать минут?

— Зои.

— Нейт, пожалуйста. Это очень важно для меня.

Я надуваю губки.

Он усмехается и качает головой.

— Ладно, но я буду там менее чем через двадцать минут.

Я жду, когда он откроет для меня дверь.

Как только он это делает, я оставляю поцелуй на его губах, хватаю то, что я просила Нейта привезти из дома, и быстро прохожу металлический знак синего цвета, на котором написано «Винвуд Уоллс».

Повсюду разрисованные стены, и я улыбаюсь каждому рисунку, пока направляюсь к картине, где изображены мы с братом с мороженым в руках.

Я сажусь на землю прямо в джинсах и приступаю к работе, опираясь на пустое место на стене. Когда я заканчиваю, встаю и смотрю на наши образы, рядом друг с другом.

Следующее, что я чувствую, это то, как руки Нейта обнимают меня, и я прижимаюсь к нему плотнее.

— Ты и твой брат раскачиваетесь на качелях. Этот рисунок идеально подходит к его картине.

Я оборачиваюсь, чтобы поцеловать его.

— Я ожидала, что так и будет. Есть еще кое-что.

Я беру тонкую кисть и красным цветом делаю выше надпись:

«Мое любимое воспоминание».

Долгое время смотрю на рисунок и на слова, позволяя катиться по щекам своим слезам.

Горе не всегда нужно подавлять; иногда его необходимо выпустить, чтобы исцелиться.

Как только чувствую себя готовой, я подбираю свои принадлежности и беру Нейта за руку.

— Отвези меня домой.

И на этот раз, когда я говорю слово «дом», я имею в виду именно это.

Мы идем к машине, оба потерянные в собственных мыслях.

Как только мы садимся, и Нейт отъезжает, я поворачиваюсь к нему и говорю:

— Итак, я подумала, может быть, ты сможешь поехать со мной в Нью-Йорк на следующей неделе и помочь мне упаковать вещи.

Он резко поворачивает ко мне свою голову.

— Упаковать вещи?

— Да, я подумала о том, чтобы разместить объявление о продаже дома и подать заявку на докторскую программу в Университете Майами. Конечно, мне нужно будет, где-то остановиться.

Он тянет машину на ближайшую стоянку.

В нем просыпается хищник, когда он наклоняется ко мне.

— Я бы с удовольствием помог тебе справиться с этим, но, видишь ли, та горячая сексуальная штучка, которая проспала со мной в моей постели все лето, вряд ли одобрит это долгосрочное обязательство.

Я наблюдаю за тем, как высоко вздымается его любимая мной мускулистая грудь.

— О, она одобрит. Я гарантирую это.

Он прикасается большим пальцем к моей щеке.

— Ты знаешь, тебе не стоит продавать дом своей бабушки.

— Я знаю. На самом деле я думала, что использую эти деньги, чтобы создать трастовый фонд для ребенка, а остальные — пожертвовать в общественный центр. Кто знает, возможно, этого будет достаточно, чтобы помочь его открытию вновь.

Нейт откидывается на свое место и снова заводит машину. Затем смотрит на меня.

— Знаешь, давай удостоверимся, что денег хватит. Я свяжусь с комитетом общины и посмотрю, что можно сделать.

Здесь столько культуры, столько вложенной души. В окрестностях, где вырос Нейт, в местности, где скоро будут проживать Матео и Жизель.

Я поворачиваюсь к Нейту.

— Можно вопрос?

— Конечно

— Задумывался ли ты над тем, чтобы вернуться сюда?

— В Винвуд?

Я киваю.

— Иногда. Почему интересуешься? Хотела бы здесь жить?

— Не знаю. Это место кажется таким, словно любой может назвать его домом.

— Да, так и есть.

— На следующей неделе день рождения Зака. Как ты думаешь, могли бы мы слетать в Нью-Йорк вместе Жизель и Матео? Я хочу им показать место, где мы выросли с Заком.

— Да, думаю, это было бы здорово.

Нейт, похоже, отдаляется на какое-то время в воспоминания, и на этот раз я больше не задаю ему вопросов.

Остальная часть поездки проходит в комфортной тишине. Когда Нейт подъезжает к дому, все выглядит как прежде, но и что-то изменилось.

Нейт заезжает на своем «Рендж Ровере» в гараж и паркуется рядом с «Камри». Я утопаю в кожаном сиденье и просто улыбаюсь, когда он открывает мою дверь.

— Что?

— Ничего.

— Что ничего?

— Машина. Ты поместил ее в гараж.

Он качает головой.

— Пойдем со мной. Мне нужно сказать тебе кое-что.

Мое сердце останавливается.

Он собирается сказать мне, чтобы я возвращалась домой без него?

Что он не может строить со мной отношения после всего, что произошло?

На самом деле мы больше не обсуждали нас с тех пор, как признались друг другу в любви в машине скорой помощи. Больница — не место для таких обсуждений.

Я следую за ним по коридору, мимо кухни и в гостиную. Все это время мой разум обеспокоен мыслью, каким способом он собирается отпустить меня.

Может быть, «прости меня, Зои, но думаю, ты меня неправильно поняла».

Или, может быть, такое суровое, как «у тебя был шанс, и ты упустила его».

— Садись, — говорит он, вытаскивая меня из моей мысли.

Теперь я действительно начинаю волноваться, но поступаю так, как он велит.

Нейт сидит рядом со мной и убирает в сторону мои волосы, а затем оставляет самый восхитительный поцелуй на моей обнаженной коже.

На мне обтягивающее длинное макси-платье без бюстгалтера, и я чувствую, как напрягаются мои соски при его прикосновении.

Ладно. Никогда бы не подумала, что он может таким способом попрощаться со мной.

Нейт начинает прокладывать от моего горла к уху дорожку.

— Я хочу тебя, Зои Флауэрс.

Я задыхаюсь, пока желание затмевает мой страх.

Он прижимается к мягкой точке за моим ушком.

— Всякий раз, когда тыходишь в комнату, все, что я вижу, — это ты.

Я закрываю глаза и слушаю ритмичные звуки его дыхания.

— Ты нужна мне, Зои Флауэрс. Я нуждаюсь в тебе, когда просыпаюсь по утрам и когда засыпаю ночью. Ты необходима мне, как воздух.

Мои внутренности сжимаются от искренней интонации в его голосе.

Его губы ищут мои.

— Я хочу тебя, Зои Флауэрс. Каждый раз, когда вижу тебя, я хочу именно тебя. Я не искал любви, никогда не ожидал, что однажды смогу почувствовать ее, но потом ты вошла в мою жизнь, и я полюбил тебя.

Когда я смотрю на него широко раскрытыми глазами, то хочу улыбнуться и разреваться одновременно.

Облегчение.

Любовь.

Похоть.

Желание.

Потребность.

Все это вместе со слезами в спешке выливается из меня.

Он прав, это произошло.

Не было ни единого момента, на который можно указать и сказать, что я влюбилась в него именно тогда.

Я просто влюбилась.

Мы просто полюбили друг друга.

Испытали притяжение одной частички к другой.

До того, как превратиться в единое целое.

Я нежно глажу его щеку.

— Знаешь, ты спас мою жизнь.

Он пытается улыбнуться.

— Не я, это парамедики.

Обвиваю его шею руками.

— Я не это имею в виду. Я уже была готова сдаться. Но потом встретила тебя. Ты наделил меня силой сражаться. Причиной, по которой мне хотелось жить дальше.

Он покусывает свою губу.

— Это не так.

— Именно так.

— Давай не будем спорить. Но хочу, чтобы ты знала, ты была полна жизни, когда я встретил тебя. Даже не сомневайся в этом.

Ухмыляясь, я тяну его за собой на диван.

— Я люблю тебя.

Я тянусь к его рту своими губами, и он подчиняется, приоткрывая с легкостью рот, чтобы поцеловать меня. Мой язык пробирается к нему, встречаясь с его языком. Но когда я в него толкаюсь своими бедрами, Нейт отодвигается.

Он смотрит на меня зелеными глазами.

— Зои, что ты делаешь?

Я беру его лицо в свои руки.

— Ты спрашивал меня об этом в ту первую ночь, что мы провели вместе.

— Я помню. — Он широко ухмыляется.

— Ты помнишь, что я сказала?

Он отстраняется еще немного. Улыбка на его лице говорит о том, что все хорошо.

— Все было так: «О, Нейт, ты нужен мне. Я не хочу ни о чем думать. Я просто хочу чувствовать. Помоги мне, пожалуйста».

Он почти с издевкой коверкает мой тон, но мне все равно.

Я поднимаюсь на локтях и провожу языком по его губам, чтобы немного ощутить вкус.

Нейт стонет чертовски сексуальным звуком.

Его губы все еще соединены с моими, и я чувствую, как эрекция растет с каждой секундой.

— Ну, так что? — спрашиваю я. — Сможешь забыть о том, что я только что из больницы и сосредоточиться на мне прямо сейчас?

— Зои, я не уверен, что мы должны... так скоро после твоей выписки из больницы. — Его губы касаются моего лба и останавливаются для того, чтобы запечатлеть длинный, затяжной поцелуй.

— Да... мы... должны.

Я четко произношу каждое слово, чтобы убедиться, что Нейт понял, но он продолжает смотреть на меня завораживающими зелеными глазами.

Разве Нейт не знает, когда он смотрит на меня таким взглядом, что возбуждает меня?

— Нейт, на мне нет трусиков. Я хочу, чтобы ты прямо сейчас занялся со мной любовью.

Он стонет, когда сминает мое платье и освобождает мою грудь.

— Боже, еще и без бюстгалтера. Я чертовски люблю тебя, всю тебя.

Наши тела просто созданы друг для друга. Он берет мой сосок в рот, и я откидываю голову назад, пока его язык выписывает на мне круги. Когда он оттягивает сосок своими губами, я стону:

— Боже, я тоже тебя люблю.

Любовь проявляется во всех формах и величинах. Иногда она снисходительная, иногда добра, но бывает так, что она возникает из глубин чего-то темного. Мы с Нейтом нашли друг друга в объятиях горя именно тогда, когда нам обоим был кто-то необходим. И после смерти человека, которому так и будет всегда двадцать семь лет, родилась любовь, которой суждено продлиться всю жизнь.

Эпилог

С 28-летием, Зои

Нейт Хэнсон. Девять месяцев спустя...

Бывают в жизни моменты, когда без ванили просто не обойтись, и этот день один из них.

Я обыскал весь Интернет в поисках правильного рецепта торта — и ни хрена не смог найти. Затем сказал Розе, что сделаю торт сам, и она тут же ответила мне, что видела, как Марта Стюарт делает шоколадно-кофейный двухслойный торт в тот же день, когда Зи болтался у нас и смотрел телик.

Гениально! Просто охренеть как гениально.

Шоколад и кофе — две вещи, которые Зои обожает.

Гугл, я чертовски люблю тебя!

Как только я собираю все ингредиенты, выкладываю их на стол.

Со стеклянной чашей в руке и кулинарной книгой перед собой, я смешиваю все, как указано поэтапно. Вообще-то, Марта Стюарт могла бы сделать свои рецепты и попроще, не то чтобы я не в состоянии с ними справиться.

На самом деле это довольно легко.

Всего две минуты работы на средней скорости миксера, я смешиваю кофе и растопленный шоколад, и тесто готово.

Две круглые сковородки расположены рядышком на столешнице цвета красной вишни на нашей новой кухне, которая, так уж случилось, находится в нашем новом доме.

Да, мы переехали в Винвуд.

У нас есть огромный задний двор, который Зои захлामीла игрушками, столами и стульями. Бассейн находится в безопасном месте по периметру железных ворот и оснащен горкой и вышкой для прыжков.

Это ее миссия разрисовать каждую комнату в доме всплеском красок. До такой степени, что она окрасила одну стену в гостиной в лимонно-желтый цвет с пальмовыми листьями, а столовую — в шокирующий розовый с каким-то цветком на ней.

Как и ее брат, Зои имеет склонность к искусству.

На этой неделе она изрисовала нашу спальню. Это единственная комната, где я должен был установить порядок и запретить что-нибудь слишком девчачье, как розовый или желтый цвет. В действительности она выбрала темно-фиолетовый. Я совсем не против него. Фактически, я помог ей, когда вернулся домой в первую же ночь, когда она начинала красить, но Зои выглядела такой сумасшедшей, возбужденной, и я думаю, она могла бы быть более продуктивной, если не окажись я рядом.

Игровая комната, не то чтобы мы ожидаем ребенка или планируем его в скором

времени, окрашена в красно-белую полоску в комбинации с цирковыми животными, нарисованными повсюду, и даже с куполом цирка на потолке.

Зои хочет, чтобы дети, которые играют определенную роль в нашей жизни, имели желание приезжать сюда и веселиться. Я думаю, что это недостающая часть ее детства, которую она хочет пережить с Матео и Оливией. Жизель родила девочку и назвала ее в честь бабушки Зои и Закари.

Я никогда не думал, что меня будет заботить все это бытовое дерьмо. Но Зои превратила этот дом в наш дом — да, именно наш. На стенах и каминных полках расположены фотографии всех, кого мы знаем и любим, они напоминают нам о том, что мы должны быть благодарны всем окружающим. Но самое главное то, что у меня есть Зои, к которой каждый день хочется возвращаться домой.

Оказывается, когда-то давно Зои увлекалась фотографией и забросила это хобби. Но теперь, когда она взяла семестр с небольшой нагрузкой, чтобы помочь Жизель с ребенком, она вернулась в это дело.

Должен сказать, что это принесло нам пользу.

Поначалу, когда она заявила мне, что хочет сфотографировать меня, я воспринял это как «да, конечно — чиииз». Но затем она стала настолько влиятельной, используя слова, как «расслабься, сядь ровно, сними это, подвинься поближе, возьми это, обнажи для меня свои чувства», что я поймал себя на мысли, что завелся.

Огромная ладонь сжимает мне плечо, выдергивая меня из моих фантазий.

— Эй, сынок, я не хочу расстраивать тебя, но уверен, что ты должен был для начала смазать формы для выпечки, прежде чем залить в них тесто.

— Черт, — бормочу я и выливаю коричневую жидкость обратно в миску.

Мой папа отнимает у меня формы и несет их к раковине, чтобы помыть.

— Не думаю, что когда-либо видел, как ты готовишь что-то еще, кроме сэндвича. Я впечатлен.

У моего отца есть хорошие дни и плохие дни, и я решил воспользоваться хорошими.

Он вручает мне посуду, и я ее вытираю.

— Я подумал, разве трудно испечь торт?

Мой отец смеется.

— Не переживай, Нейт. Она скажет «да».

— Я не переживаю.

— Действительно, тогда почему ты просто налил тесто в посуду, не смазывая ее?

— Черт!

— Позволь мне закончить вместо тебя. Почему бы тебе не прихватить для нас пиво и не присесть?

— Тебе нельзя выпивать, отец, ты знаешь об этом.

— Я могу наблюдать за тобой и притворяться.

На его ответ я качаю головой.

— Ты — лучший.

И это правда.

Я начал посещать психолога. Теперь я признаю тот факт, что моя мать сделала правильный выбор, оставив меня с ним — я никогда в этом не сомневался. Он вырастил меня. Надеюсь, он гордится мной, потому что я горжусь им.

Мой отец положил начало общественному центру в тот год, когда моя мать бросила нас. Я вырос там, занимаясь джиу-джитсу у человека, который потерял свой дом, и был просто благодарен, что его семья в порядке. Этот центр и люди вместе с ним стали нашей семьей, и теперь мы с Зоей делаем все возможное, чтобы держать его открытым. Пока все идет неплохо, но нам предстоит пройти долгий путь по сбору средств, необходимых для его долголетия, которого он заслуживает.

Я беру пиво, предложенное отцом, и наблюдаю за ним.

Похоже, что он сегодня в себе. В такие хорошие дни, я знаю, что должен быть все время начеку, потому что вскоре их могут заменить достаточно плохие.

Спустя сорок пять минут, я, наполненный двумя бутылками, чтобы успокоить свои нервы, с миской глазури в руке, перехожу к более сложной части приготовления торта — загустению. Я оставляю своего отца перед телевизором с игрой в бейсбол и просто пялюсь на два шоколадных блина, читая вновь указания: выпекать в духовке в течение тридцати пяти минут. Остужать в течение десяти минут. Затем вынуть на решетку, чтобы полностью охладить.

Какого хрена, Марта?

Разве ты не могла мне подсказать, как вытащить их из формы для выпечки и что это за решетка, черт возьми?

К черту.

Я переворачиваю их, и когда приподнимаю форму одного, он прекрасно ложиться на поверхность столешницы. У второго же есть небольшая проблема. Половина коржа застревает в посудине. Решаю пока оставить его и помещаю цельную часть на тарелку, затем беру вторую ее половину и кладу поверх первого слоя. С помощью ножа я выскабливаю разрушенную половину коржа и размещаю его рядом со своим товарищем. Далее я беру глазурь, которая, как мне кажется, получилась неплохо, и разливаю ее на поверхность торта.

Хочу попридержать часть глазури на потом — если вы понимаете, о чем я.

Начинаю распределять глазурь ножом для масла.

— Привет я здесь. Энчилада просто необходимо положить в духовку.

Я поворачиваюсь и вижу, как Роза держит огромный поднос в руке.

Спасибо, бл*дь.

— Вот, позволь я тебе помогу.

— В машине есть еще. — Она смотрит стол, затем обратно на меня.

— Эй, не смотри на меня так.

— Как?

Я помещаю кастрюлю в духовку.

— Как будто ты боишься, что потеряешь свою работу.

— О, это вообще не то, о чем я подумала.

Она включает микроволновку фирмы Miele.

Именно эта техника подкупила Зою, когда мы впервые осматривали этот дом. Хотя ее также покорила просторная подъездная дорожка, длиной в дом, с двойными гаражами с каждой стороны. Она называет их «он» и «она», поэтому ей больше не нужно беспокоиться о том, что она может врезаться, когда заезжает и выезжает из своего гаража. Я предложил использовать один гараж для лодки, но она отклонила эту идею.

Теперь лодка покоится на пристани.

— Как насчет того, чтобы я помог тебе принести все из машины, а ты закончишь

поливать глазурью торт?

— Вот как это называется?

Я смотрю на печальную кучку шоколада, лежащую на тарелке.

— Может быть, мне стоит сбегать в магазин?

Рози неожиданно обнимает меня.

— Нет, он выглядит великолепно. Я помогу тебе, не беспокойся. Где другой подарок, который ты подготовил? Я хочу его завернуть.

— Я спрятал его в кабинете, но он уже завернут.

Она машет рукой.

— Глупости. В магазинах всегда все обертывают черным. Зои любит все цветное. Я купила идеальную упаковочную бумагу.

— Ты лучшая.

— Я знаю, теперь иди.

Если кто-либо может сделать то, что я называю «тортом», я знаю, что это будет Роза. И если кто-нибудь может красиво завернуть подарок, то это тоже будет она. Я встретился с Сантана, ювелиром, который работает около галереи, чтобы смастерить для Зои платиновое ожерелье с драгоценным камнем Ловца снов, который будет ей все время напоминать о мечтах.

Боже, я рассуждаю как гребаная мямля.

Расправив плечи и чувствуя себя более мужественным, я заглядываю в гостиную комнату и обнаруживаю отца, уснувшего на диване в сидячем положении. Он храпит. Я останавливаюсь на минутку, чтобы посмотреть на него, и мне так хочется, чтобы он все время был таким. Но затем мой взгляд смещается на стоящий в углу комнаты мольберт с изображением двоих детей, лакомящихся мороженым, которых Зои перенесла на холст. Я благодарен за то время, которое провел со своим отцом.

Автомобиль с открытым багажником припаркован рядом с входной дверью, и я хватаю все, что смогу унести.

— У тебя здесь достаточно еды, чтобы прокормить армию, — говорю я Роза, сбрасывая первую партию на кухонный стол.

— Слишком много еды никогда не бывает, и кроме того, вы, мальчики, сами кушаете, как армия. — Она смеется и начинает вытаскивать все из сумок.

После моего третьего захода, я бросаю взгляд на кухонный островок и расположенный прямо посреди вишнево-красного цвета столешницы торт — торт ко дню рождения Зои. Настоящее кондитерское шоколадное изделие, которое она так обожает.

— Отлично сработано.

— Я нашла в холодильнике дополнительную глазурь, так что это было легко.

Черт!

— Оливер уже на пути с цветами.

Я тереблю пуговицу своим ногтем.

— Все идет так, как планировалось. Кто бы мог подумать, что вечеринка-сюрприз может быть такой пустяковой?

— Ну, не совсем, — подает звук Роза.

Я прищуриваюсь.

— Что случилось?

— Жизель только что сказала мне, что Зои с детьми забрали ее рано.

— Как? Магазин открыт до пяти.

— Наверное, твоя мать заскочила и сказала ей, что она закроет его сама.

Твою мать!

Полагаю, что могу только покачать головой.

Я не только приобрел закрытый магазин рядом с галереей, и не только окончательно убедил Изабеллу открыть там еще один магазин одежды, я также порекомендовал идеального менеджера для ее места — Жизель.

«Виндвуд Изабеллы» находится рядом с галереей — той самой галереей, которую я продал своей матери.

Что касается наших с ней отношений, скажу просто, мы работаем над этим.

Я смотрю на Розу, потирая ладони.

— Ладно, пора начинать шоу.

Пока Роза смотрит на меня, дрожащими пальцами я вытаскиваю из кармана розово-желтое кольцо в два карата с бриллиантами и пристально смотрю на него. Свет на кухне воспроизводит разрез камня и отражает гамму цветов на белой мебели. То, как призмы сверкают, двигаются, пританцовывая вокруг меня, напоминает мне о том, когда я впервые увидел Зою.

Лунный свет струился в мою комнату, и я подумал, что это хаос разыгрывает мой разум. Свет и тень изображали картину, которая заставила меня застыть в мгновении ока.

— Зи, это ты? — спросил я во тьме. Черты лица на моей подушке были настолько знакомы, но я знал, что это не мог быть он. Он был мертв.

Когда я приблизился, фигура начала приобретать форму — это была женщина.

Сначала я думал, что у меня галлюцинация, но я ничего не употреблял той ночью. Тогда я подумал, что лишение сна являлось причиной видения.

Она пошевелилась, но не проснулась, тогда я подошел поближе, убеждая себя, что это не мое воображение — кто-то спал в моей постели.

Двигаясь осторожно, я остановился прямо над ней. Отрегулировав свет на прикроватной лампе, я мог видеть ее более четко. Я видел ее фотографию, разговаривал с ней по телефону и общался по электронной почте, но даже если бы этого не делал, я все равно бы знал ее.

Ее профиль был более мягким, чем у Зи, но они были очень похожими между собой. Ее волосы были беспорядочными кудрями, ничего схожего с прической Зи, но ее цвет — темно-красный с коричневым тоном, был точно таким же, как у ее брата.

Мои глаза скользнули вниз, и я быстро повернул голову, чтобы не рассматривать ее пристально. На ней не было одежды, и было неправильным смотреть на нее так, как это делал я, но уже слишком поздно, я взглянул на нее мельком и, о, черт, она была невероятно изящной. Ее телесного цвета бюстгальтер открывал незначительные изгибы, и деликатность ее грудной клетки заставила меня подумать, что ее кости сделаны из фарфора. На ней были маленькие трусики, но они достаточно прикрывали то, на что я не имел права лицезреть. Черт, спасибо, по крайней мере, я перестал пялиться прежде, чем зашел так далеко.

Сестра Зи, Зою Флауэрс, несомненно, была самым красивым созданием, которое я когда-либо видел.

— Оно прекрасно, — голос Розы возвращает меня в настоящее.

— Да, оно похоже на нее.

— Ей понравится.

— Надеюсь. — Медленная улыбка скользит по моему лицу, потому что я знаю, что это так.

Я выбрал желтый камень, потому что Зои любит такой цвет. И это два карата, не больше, потому что, как и моему отцу, Зои не нравится что-то слишком кричащее.

Разузнать об этом мне было нелегко.

Когда я продавал «Камри» — машину отца, я привез ей домой «Мерседес». Она предложила вернуть его и использовать деньги на что-то полезное, как накормить страны третьего мира. На обратном пути в автосалон она сказала мне, что однажды мечтала о вожделении кабриолета.

Это было легко — один «Мерседес» на кабриолет Фольксваген.

Сделано!

Звонок в дверь.

— Я открою! — Розы светится от волнения.

Я киваю и, взглянув на кольцо, делаю глубокий вдох.

Боже, я люблю Зою.

Она изменила мою жизнь.

Я никогда не думал, что отношения и бытовуха — для меня. Никогда не хотел иметь с этим ничего общего. И никогда меня это не волновало.

Жизнь моего отца была разорвана в клочья, когда моя мать покинула нас во время того урагана. В тот день часть него ушла вместе с тем темным и туманным пятном, штормом, который нападал на город и отступал от него. Но когда Зою выбежала в тот чертовый дождь в нашу первую встречу, когда она находилась здесь, я понял, что глубоко внутри меня что-то изменилось.

Конечно, мне всегда нужен был контроль в своей жизни — именно так я живу. Но до этого момента я никогда не чувствовал необходимости быть связанным с какой-либо женщиной. Зою была другая.

Когда я взглянул на нее, я захотел владеть каждой ее частью. Хотел узнать ее так, как никогда никого не знал.

Но она была сестрой моего лучшего друга, и я знал, что не должен что-либо чувствовать к ней — это было чертовски понятным. Зи не желал этого, предупредил меня держаться от нее подальше.

Бороться с собой было сложнее, чем я мог себе представить, потому как все было неопределенным. Конечно, я был садистским ублюдком, который только что разбил ей сердце, но я также был человеком с комплексом бога, который хотел найти способ, чтобы вернуть все на свои места.

Я знал, что должен уйти, но, когда увидел, как она осматривалась в поисках вещей своего брата, которых нигде не было, я не мог оставить ее. Ее глаза сканировали, искали, желали, блуждали — я должен был прекратить это, положить конец ее боли. Так я и поступил. И после, как бы я ни старался, не смог держаться от нее подальше.

Однажды она сказала, что остается, и я должен был позволить себе позаботиться о ее «преодолении своей вины» — это был единственный способ для меня выжить. Я смирился с Зи, твердя, что все, что я делаю, — это только ради нее, и я действительно думал, что это так.

Я намеревался отпустить ее после лета. Я думал о том, чтобы поддерживать связь, но ничего не вышло. У меня никогда не было настоящей подруги, и мне нравилось, что она всегда была со мной рядом. Но то, что я никогда не был в отношениях, не означает, что я не понимал происходящего между нами. Все казалось слишком хорошим, чтобы быть правдой. Я считал, что все что у нас было, — это всего лишь временный результат.

И кроме того, любовь было не тем, чего я всегда хотел.

Но в тот день, когда я испугался, что, возможно, потерял ее, именно в тот день, когда она отсутствовала во время урагана, и я не мог ее найти — все изменилось. Я не понимал, что это было за ощущение, пока она не заехала на подъездную дорожку, и я увидел, что с ней все было в порядке. Я был так зол. И одновременно так счастлив, и так рад. И тогда я понял, что, несмотря на то, что я никогда не хотел воспринимать это чувство, я любил ее.

Я действительно любил ее.

Рози хватает полотенце и вытирает руки.

Я думал, она уже ушла.

Снова звонок в дверь.

— Иду! — кричит она, а потом оглядывается. — Лучше поторопись, если хочешь съесть пирог перед ужином.

Я смеюсь.

Конечно.

Одним из главных пунктов Зои — это съесть десерт перед ужином, поэтому время от времени я потакаю ей. И, конечно, сегодняшний вечер должен быть именно таким.

Напоследок бросив взгляд на кольцо, я глубоко вздыхаю и погружаю его в торт, разглаживая испорченную глазурь и отмечаю дырку одной высокой свечой.

Это ее кусок.

Можно заволноваться, что она на самом деле укусит и сломает себе зуб, или, что еще хуже, подавиться кольцом, но я не позволю этому зайти так далеко.

Если она не поймет сразу, я намекну.

Тем не менее, если кто-нибудь знает ее так, как знаю ее я, они поймут, что сегодняшний день знаменует собой первый день всей ее жизни. В двадцать восемь лет она больше не беспокоится о смерти. Ей уже не двадцать семь, в своих глазах она уже вышла победительницей перед Клубом 27, в отличие от ее предков.

Звук голоса, бормочущий из другой комнаты, вытаскивает меня из моих мыслей. Прибывают гости.

Пора готовиться.

Минуты тянутся очень медленно, но довольно скоро она въезжает на подъездную дорожку. Мы все прячемся, и когда открывается дверь, кричим:

— Сюрприз!

Зои стоит в дверном проеме с изумленным взглядом и полуоткрытым ртом. Она бросает свою сумочку на пол, приглаживает волосы и поправляет одежду.

Господи, я так люблю ее.

Все, что я делаю, — это просто пялюсь на нее.

Я невольно ощущаю себя счастливым ублюдком.

— Чего же ты ждешь, сынок? — мой отец подталкивает меня.

Она ищет меня среди толпы. Я чувствую себя словно победителем и приближаюсь к ней достаточно близко, чтобы заметить, как при дыхании колышется ее грудь. Когда она ловит

мой взгляд, и я протягиваю ей руку.

— Идем со мной.

Она оглядывает весь дом, наполненный людьми, а затем возвращает взгляд на Жизель.

— Ты будешь в порядке?

Рози бросается вперед.

— Я позабочусь о ней, теперь иди.

Она подходит ко мне, и я изучаю каждую линию, каждый изгиб ее тела. Когда она оказывается достаточно близко, вкладывает свою ладонь в мою протянутую руку.

— Не имею ни малейшего понятия.

Я наклоняюсь к ней и шепчу на ухо:

— Уверена?

Не дыша, она кивает головой.

— Это все твоя работа?

Я весь свечусь от гордости.

— Моя.

Мы направляемся на кухню. Маленькие свечи зажигаются вокруг нас, и в фоновом режиме играет мягкая музыка. Я останавливаюсь перед столом и зажигаю свечу, прежде чем взглянуть на нее.

— С днем рождения, Зои.

Она оглядывается, ее руки дрожат.

— Мы делаем это в одиночку?

— Ага. — Я улыбаюсь. — Давай.

Она напрягается, когда смотрит на меня.

И я не могу не поцеловать ее.

Когда поцелуй углубляется и начинает заводить мое тело в тех местах, где не следовало бы сейчас при свидетелях, я прикусываю ее губу и отступаю, затем указываю на торт.

Она задувает свечку.

Нож находится рядом с подставкой. Я отрезаю кусочек торта, и, как только вручаю его ей, кольцо звенит на тарелке.

Это и есть мой намек.

Она зажимает его пальцами и смотрит.

— Нейт?

Я прижимаю палец к ее губам.

— Тише.

Я и не думал, что буду так сильно нервничать.

Она восхищенно смотрит на меня, и я таю на месте. Моя нервозность ушла, а чувства изливаются в спешке в словах.

— Ты изменила мою жизнь. Я никогда не думал, что отношения для меня. Никогда их не хотел. Но в минуту, когда ты выбежала в тот гребаный дождь, в ту первую ночь, я понял, что глубоко внутри меня что-то изменилось.

— Я тоже это почувствовала, — шепчет она.

Я убираю в сторону волосы с ее лица.

— Как бы ни старался, я просто не смог оставить тебя в покое.

— Я рада, что ты этого не сделал.

— Как я мог? Тогда я не осознавал, но мы были созданы друг для друга.

Слезы текут по ее лицу.

Я беру из ее руки кольцо, покрытое шоколадом, и на дрожащих ногах опускаюсь на одно колено. Затем беру ее руку и надеваю кольцо на кончик ее пальца.

— Зои Флауэрс, ты все, что я хочу в своей жизни. Позволь мне быть тем, кто будет обнимать тебя, любить тебя, кто отвезет тебя в Париж, да хоть на край света, куда бы ты ни захотела. Просто скажи, что ты выйдешь за меня замуж.

Она прижимает ладонью рот и падает на колени.

Проходят мгновения.

Пролетают секунды, когда она в шоке смотрит на меня, не говоря ни слова.

Наконец, она обхватывает мое лицо своими руками.

— Нейт, ты заставляешь мое сердце биться быстрее, а мой разум наполняешь светлыми мыслями. Да, да, да, я выйду за тебя замуж.

Облегчение.

Еще больше облегчения.

Вот, как я ощущаю себя в данный момент.

Любовь.

Похоть.

Потребность.

Вожделение.

И жизнь, наполненная счастьем.

Это то, что отражает ее взгляд, когда я смотрю в ее глаза.

В этот момент мое сердце еще больше наполняется счастьем и любовью.

Мне нравится, когда она дарит мне свою улыбку. Я широко и ярко улыбаюсь ей в ответ.

И затем надеваю кольцо ей на палец.

— Оно всё в глазури, — всхлипывает Зои.

— Это поправимо. — Я опускаю голову, чтобы слизать глазурь с пальца, когда Зои присоединяется ко мне, и наши рты соединяются наилучшим образом, что может означать только счастье и радость.

И когда я смотрю в ее глаза, должен сказать, даже если я никогда не верил в ее «судьбу-не-обманешь-только-звездам-известно-что-ожидает-меня-в-будущем» разговоры, сегодня вечером, когда в небе поднимется луна, я выкрикну свой новый девиз так громко, как только смогу: К ЧЕРТУ СУДЬБУ!

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net